

63.3(2P53)

П.30

“МЫ

Известные,
малоизвестные
и неизвестные
события из истории
тюменского края

НЕ ЗНАЕМ

ПОЩАДЫ...”

по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ

**Они возглавляли
органы государственной
безопасности
Тюменского края**

1919–1920

СТЕПНОЙ
Фёдор Семёнович

1920–1922

СТУДИТОВ
Пётр Иванович

1933–1934

ЗДОРОВЦЕВ
Сергей Васильевич

1935–1938

ПЕТРОВ

Николай Николаевич

1939–1942

КОЗОВ

Степан Михайлович

1944–1950

ШАТЕРКИН

Иван Васильевич

*Восьмидесятилетию
создания
Тюменской
губернской
чрезвычайной
комиссии
по борьбе
с контрреволюцией
(губчека)
и пятидесятипятилетию
образования
Управления
народного
комиссариата
государственной
безопасности
СССР
по Тюменской
области
(УНКГБ)*
**ПОСВЯЩАЕТСЯ
ЭТА КНИГА**

63.3(2P53)

П30

**“МЫ НЕ ЗНАЕМ
ПОЩАДЬ...”**
Известные,
малоизвестные
и неизвестные
события из истории
тюменского края
по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ

55 948/21

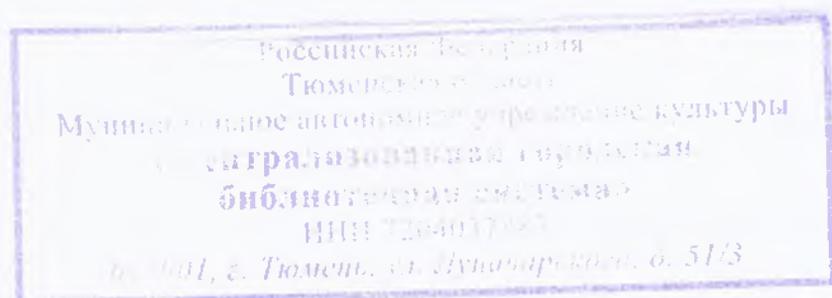
**Издательство Ю. Мандрики
Тюмень, 1999**

П 30 ПЕТРУШИН Александр Антонович

«Мы не знаем пощады...»: Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории тюменского края по материалам ВЧК—ГПУ—НКВД—КГБ. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1999. — 304 с. + 16 с. илл.

В книге, изданной Региональным управлением ФСБ России по Тюменской области, помещены документальные очерки о событиях из истории края, к которым в разной степени имели отношение местные органы безопасности. Автор очерков полковник Александр Петрушин не навязывает своего мнения в оценке исторических фактов. Он лишь констатирует — так было.

Адресована массовому читателю.

© Петрушин А.А., 1999.

© Региональное управление федеральной службы безопасности России по Тюменской области (издание), 1999.

© Издательство Ю. Мандрики (оформление), 1999.

ISBN 5-93020-029-7

Знать и помнить

История органов безопасности всегда интересовала не только самих сотрудников спецслужб, но и широкую общественность. И сейчас трудно найти печатное издание, которое не касалось бы этой темы. Однако источниками таких публикаций часто являются слухи, предположения и догадки.

Предлагаемый читателям сборник очерков о неизвестных и малоизвестных событиях истории нашего края отличается от подобных изданий объективной документальной основой.

Это не юбилейный ведомственный исторический обзор, хотя в этом году исполняется 80 лет создания Тюменской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией (губчека) и 55 лет образования Управления народного комиссариата государственной безопасности СССР по Тюменской области (УНКГБ).

Это не попытка переписать историю края. Она уже свершилась. Плохая или хорошая, выгодная для кого-то или не очень. Автор очерков и составитель сборника не навязывает своего мнения в оценке исторических событий. Он лишь приводит факты — так было. Свое прошлое никому не дано отлакировать. Надо его просто знать и помнить. И еще: взять из истории лучшее и постараться не повторять скоропалительные, несправедливые, а иногда и жестокие по отношению к другим решения и поступки.

Такой подход необходим в любой сфере деятельности человека. Спецслужбы — не исключение. Здесь особенно много зависит от исторического опыта, от традиций, от живой связи поколений. Прервалась она — и системный кризис спецслужбе обеспечен. Достаточно вспомнить период Временного правительства. Тогда в азарте борьбы с «сатрапами царского режима» уничтожили охранные отделения и военную контрразведку, разогнали штатный состав органов безопасности и их агентуру. И что в результате? Бессильное государство, не спо-

собное защитить ни себя, ни своих граждан. Поэтому и век его был недолог.

После Октябрьской революции большевики вновь начали «с чистого листа». Им пришлось принимать чрезвычайные меры, чтобы отстоять страну от внешней агрессии и навести внутренний порядок. Для того и была создана знаменитая ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия. Не вина ее сотрудников, что со временем из защитного органа она превратилась в орган карательный. Миллионы россиян, среди которых было немало и самих чекистов, стали жертвами политических репрессий.

Но с развитием государства совершенствовалась разведывательная и контрразведывательная деятельность спецслужб, росло число преданных Родине и своему делу оперативных работников, чьи профессиональные способности особенно ярко раскрылись накануне и в период Великой Отечественной войны.

14 августа 1944 года была образована Тюменская область, а через пять дней создано областное Управление НКГБ СССР. Оно состояло из 4 отделов и вспомогательных подразделений, включая собственный следственный изолятор, Ханты-Мансийского окротдела со своей внутренней тюрьмой и 6 райотделениями (Березовское, Кондинское, Ларьякское, Микояновское, Самаровское, Сургутское), Ямало-Ненецкого окротдела с 6 райотделениями (Надымское, Приуральское, Пуровское, Тазовское, Шурышкарское, Ямальское), Тобольского оперсектора с 5 райотделениями (Байкаловское, Вагайское, Дубровное, Уватское, Ярково), Ишимского горотдела, а также Абатского, Армизонского, Аромашевского, Бердюжского, Велижанского, Викуловского, Голышмановского, Исетского, Казанского, Маслянского, Нижнетавдинского, Ново-Заимского, Омутинского, Сорокинское, Тюменского, Упоровского, Юргинского, Ялуторовского райотделений. Всего по штату УНКГБ — 363 человека.

Начальником управления был назначен полковник Иван Васильевич Шатеркин, ранее занимавший должность заместителя начальника УНКГБ по Красноярскому краю.

Руководящий и оперативный состав комплектовался за счет сотрудников горрайорганов, ранее входивших в структуру Управления НКГБ по Омской области, и курсантов Свердловской межкраевой школы НКГБ СССР.

После мая 1945 года личный состав нового областного Управления НКГБ пополнился офицерами-фронтовиками.

Основным направлением контрразведывательной деятельности Управления НКГБ по Тюменской области в условиях войны

и в первые послевоенные годы являлся розыск агентов иностранных разведок и государственных преступников — предателей Родины, карателей и гитлеровских пособников. Используя природные условия региона и относительно слабый паспортный режим, преступники пытались любыми способами, изменив внешность и документы, скрыться от справедливого возмездия.

После превращения Тюменской области из традиционного места политической ссылки в центр обеспечения страны нефтью и газом главной задачей для местных подразделений безопасности стал не надзор за ссылкой, а контрразведывательное обеспечение Тюменского топливно-энергетического комплекса и социальная защита объектов добычи, переработки и транспортировки нефти и газа, жизнеобеспечения новых городов и поселков. Выполнение этой задачи выражается прежде всего в оперативном, негласном добывании информации по всем политическим, экономическим и социальным проблемам региона, обработке фактических данных и обеспечение этой информацией центральных и местных органов власти и хозяйственных руководителей для принятия адекватных управленческих решений.

С начала 90-х годов бесконечные реорганизации, сокращения и переименования ослабили отлаженную систему государственной безопасности.

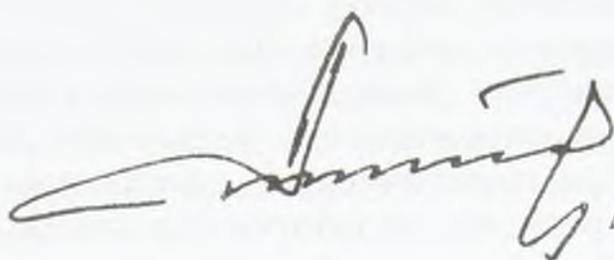
«Мы не знаем пощады...» — эти слова создателя ВЧК Дзержинского, вынесенные в название книги, отражали не только характер Чрезвычайной комиссии, но и всей эпохи вооруженного противостояния и непримиримости различных политических сил. Но разве после августа 1991 года и сноса памятника «железному Феликсу» на Лубянской площади в Москве люди стали добрее и терпимее друг к другу? Значит, причины насилия, жестокости и подозрительности кроются не только в названиях и символах.

Поэтому и нынешние сотрудники органов безопасности, в том числе Тюменского управления, не раз доказывали свое мужество и высокий профессионализм в противоборстве с иностранными спецслужбами, организованной преступностью и в «горячих точках». В августе 1996 года в Грозном в бою с бандитами погиб старший оперуполномоченный нашего управления майор В.Б. Минеев, награжденный посмертно орденом Мужества.

«Эти люди, — заявил Президент России Б.Н. Ельцин в радиообращении по случаю Дня работников органов безопасности (20 декабря), — работают не за славу и награды, а — не побоюсь этого слова — за идею. За безопасность государства. За мир и покой наших граждан».

Вместе с тем в обществе не стихают споры о характере деятельности органов безопасности в современных условиях. Обвинение в «возрождении в ФСБ политического сыска и слежки за оппозицией» соседствуют с заявлениями о ФСБ, как о «тайной силе социального реванша, о засилье в ней сторонников жесткой руки».

Оппонентов рассудит, как всегда, история. Она в очередной раз подтвердит — без нормально работающих служб внутренней безопасности, без эффективной разведки и контрразведки нет великой державы.

А.Д. АНТИПИН,
начальник
Регионального управления
ФСБ России
по Тюменской области,
генерал-майор

«Военно-революционный комитет доводит до сведения жителей Тюменского уезда об образовании с 15 сентября 1919 года Тюменской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступностью по должности».

Газета «Известия Тюменского (Тобольского) военно-революционного комитета»

Губчека

Своеобразная архитектура дома на углу улиц Орджоникидзе и Осипенко привлекает внимание тюменцев и гостей города.

В первые годы Советской власти в этом доме, принадлежавшем до революции местному миллионщику-хлеботорговцу Жернакову, располагалась губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Весна восемнадцатого

Советская власть в Тюменской (Тобольской) губернии была установлена позднее, чем в соседних рабочих центрах Урала и Сибири. Самостоятельная большевистская организация в Тюмени, самом крупном промышленном городе губернии, оформилась лишь в декабре 1917 года. Через месяц в Тюмени был избран большевистский исполнительный комитет Совета, однако специальных органов и реальной силы для защиты новой власти он не имел. Меншевистская городская Дума и эсеровская земская управа не считались с Советом. Служащие бастовали. На окраинах города — разгул бандитизма.

Сейчас не вызывает сомнения, что реально Советскую власть в Тюмени «установил» морской карательный отряд под командованием «военного комиссара Северного района и Западной Сибири» Запкуса. Сведения об этом «революционере» противоречивы: в некоторых архивных документах он именуется как Зайпкус, а писатель Всеволод Иванов в повести «Голубые пески» называет его Василием Антоновичем Запусом.

Действуя вдоль железной дороги между Екатеринбургом и Омском, а позднее в Прииртышье, отряд под предлогом «пополнения казны революции» грабил граждан: только в Тюмени реквизировали золота и драгоценностей на сумму свыше двух миллионов рублей.

Объявления и приказы комиссара Запкуса нагоняли страх на тюменских купцов и мещан.

— Всем! Всем! Всем! Предписываю красноармейцам отряда лиц, уличенных в чем-либо преступном, расстреливать на месте!

12 марта при облове на станции Тюмень матросы задержали Николая Заболотского, поручика 6-го гусарского полка. На допросе он сообщил, что приехал в Тюмень по торговым делам к князю Георгию Евгеньевичу Львову, бывшему главе Временного правительства; Николаю Сергеевичу Лопухину, известному деятелю земского и городского союза (сокращенно — «Земгор»), и князю Александру Владимировичу Голицыну, популярному московскому врачу.

Не мудрствуя, Запкус устроил засаду в доме Кривоногова на Спасской улице (ныне улица Ленина) и вскоре задержал «старика, одетого в черный пиджак, пимы и шапку с ушами», — это был князь Львов. Таким же образом схватили Лопухина и Голицына и доставили в штаб отряда на вокзал.

Зачем приезжал в Тюмень князь Львов

Если у А.И. Солженицына в «Марте семнадцатого» сцедить словесный бульон, то останется гуща фактов из жизни князя Львова.

Он родился в год отмены в России крепостного рабства. Досталось ему бедное имение в Тульской губернии и на княжеском столе черный хлеб да квашеная капуста. После гимназии выбрал юридический факультет: там считалось учиться легче, чем где-либо. И вытаскивали вместе с братом хозяйство на клеверных семенах да на яблоках. Москва в те годы знала не самого Львова, но «яблочную пастилу князя Львова». Себя он считал «незаменимым дельцом и делягой», но отличался благонаправностью, скромностью, честностью и неподкупностью (много ли таких политиков отыщется в России), поэтому общественность, более всего московская, восхищенная деятельностью земского и городского Союза в войне с Германией, называла князя Львова «гигантом политической оппозиции».

Князь Львов, будучи земским начальником или депутатом первой Государственной Думы, ни на одном из заседаний не произнес ни единой публичной речи, даже предвыборной, но при этом обладал даром — добывать деньги у государства или у частных лиц. Во время бесед он обвораживал любого собеседника и получал от него пожертвования и уступки. Не для себя старался — все добытые средства распределял для организации новых предприятий.

В «Земгоре» работали десятки тысяч людей, а князь Львов только ездил в петербургские канцелярии добывать необходи-

мые миллиарды, чтобы пустить их в дело: снабжать действующую армию, лечить ее, мыть в банях, стричь у парикмахеров, поить в чайных, просвещать в читальнях. Даже союзники России поставляли военные материалы ультимативно — только для использования «Земгором». Все видели в князе Львове спасителя Отечества. И когда самодержавие рухнуло, председатели губернских, земских управ выбрали главу «Земгора» премьер-министром Временного правительства.

Сначала князь Львов говорил так, как любят говорить в наши дни: «Я верю в великое сердце русского народа, преисполненного любовью к ближнему, верю в этот первоисточник правды, истины и свободы...».

Не было на земле таких людей, кого бы кроткий князь Георгий Евгеньевич не мог бы расположить к себе в неспешном разговоре с глазу на глаз. Но перед взбуровленными бешеными улицами, переполненными несдержанными людьми, неуправляемыми солдатскими толпами без офицеров, пьяными, гудящими, перевозбужденными, машущими винтовками, они были так непохожи на трудолюбивый народ, получивший долгожданную свободу, он растерялся.

Через полгода, в июне 1917-го, глава Временного правительства «казался совершенно изношенным» и говорил уже совсем по-другому: «Для того, чтобы спасти положение в стране, надо было разогнать Советы и стрелять в народ. Я не мог этого сделать. А Керенский может...».

Керенский, сменив князя Львова на посту премьер-министра, действительно приказал расстрелять демонстрацию, прошедшую под лозунгом «Вся власть Советам!», закрыть большевистские газеты и арестовать Ленина. Но это его не спасло, у руля гибнущего государства Керенский продержался меньше своего предшественника.

А Георгий Евгеньевич как-то незаметно пропал из Петрограда, а затем и из Москвы и обнаружился только в марте 1918 года в Тюмени. При весьма странных обстоятельствах.

Случайный арест

Об аресте «титulóванной компании» Запкус сообщил в Москву. В ответ 18 марта в Тюменский уездный исполком Совета поступил запрос заместителя наркома юстиции Ширвиндта. Он просил обосновать причины заключения под стражу князя Львова, а также Голицына и Лопухина. В случае невиновности задержанных предлагалось их освободить. Далее шла многозначительная фраза: «Перевоз арестованных в Москву излишен зпт избежания эксцессов пути тчк». Пони-

мать это можно было и как разрешение распорядиться судьбой арестованных на месте по собственному усмотрению. Но скорее, содержание телеграммы предполагало иные действия. Руководство Советской республики было не столь кровожадно, как это подается в некоторых публикациях (наркомюст во время описанных событий возглавляли не большевики, а эсеры). Они не доверяли авантюристу Запкису. Появление же в столице князя Львова, авторитетного противника секретных переговоров с немцами в дни заключения постыдного Брестского соглашения, было нежелательно.

Поэтому лучшим выходом из создавшейся ситуации, по их мнению, — оставить князя Львова в Тюмени. Но «военный комиссар Северного района и Западной Сибири», не подчинявшийся ни Тюменскому Совдепу, ни московскому правительству, не захотел расставаться с «добычей» и через семь дней привез князя в Екатеринбург. По сообщению газеты «Земля и воля» от 28 марта, «Уралоблсовет решил оставить арестованных у себя, так как под надзором Запкиса их жизнь негарантирована». В тот же день следственная комиссия при Екатеринбургском ревтрибунале вынесла постановление: «Граждан Г.Е. Львова, А.В. Голицына, Н.С. Лопухина и Н.В. Заболотского подвергнуть (...) содержанию под стражей и заключить в местную тюрьму». Это постановление подписали председатель Екатеринбургского Совета Чуцкаев и областной комиссар юстиции Поляков.

На следствии Георгий Евгеньевич объяснил причину своего переезда из Москвы в Тюмень. Колоссальные сырьевые ресурсы, подкрепленные иностранным капиталом, прежде всего американским, могли позволить поднять экономику края. «Вы не можете себе представить, — обращался он к следователям, — какие богатства таятся в Сибири. Этот край взывает к культурным силам страны, чтобы они стали на стражу местных сибирских интересов, а значит, интересов всей России».

Еще по поручению премьера Столыпина, будучи депутатом первой Государственной Думы, князь Львов возглавил экспедицию в Сибирь и на Дальний Восток. Сделанный по материалам экспедиции экономический анализ привлек внимание не только правительства, но и... Ленина. На основании этого доклада Владимир Ильич построил свою статью «Переселенческий вопрос».

«Сибирь, — заявил на допросе арестованный в Тюмени князь, — и сибирская жизнь мне хорошо знакома, я давно интересуюсь ею и люблю ее».

Для изучения и использования природных запасов этого края князь Львов после ухода в отставку с поста премьер-

министра Временного правительства создал акционерное общество. Его центральное представительство находилось в столице по улице Тверской, 61, а «Сибирское бюро» — в Тюмени на Базарной площади в помещении «Конского запаса» «Земгора» (сокращенно «Земконт»).

В декабре 1917 года князь Львов вместе со своей теткой Евгенией Павловной Писаревой, в семье которой жил последние 12 лет, переселился в Тюмень. Тогда же сюда переехали Голицын и Лопухин с родственниками.

Учредители «Общества содействия торгово-промышленному развитию России» выбрали наш город конечно, неслучайно. Здесь жил самый близкий и верный друг князя Львова Степан Иванович Колокольников, бывший член Государственной Думы от Тобольской губернии. Дружбе лидера партии кадетов не помешала принадлежность купца к фракции социал-демократов. И когда князь Львов возглавил Временное правительство России, Колокольников стал его общественным секретарем.

Первые дни в Тюмени Львов и Писарева жили у С.И. Колокольникова, а потом поселились в квартире Девлет-Кильдеева в доме Михалева на Базарной площади рядом с канцелярией «Земконт» и «Сибирского бюро». С братьями Колокольниковыми (Виктор Иванович был директором Тюменского коммерческого училища) у князя Львова и его спутников сложились деловые и приятельские отношения. В одном из писем Лопухин отмечал: «...среди новых друзей у меня и всех нас самые близкие — братья Колокольниковы. Это крупнейшие лесники и чайники (торговцы чаем — ред.), миллионеры и очень влиятельные люди, любезные свыше меры».

Князь Львов, Голицын и Лопухин не ошиблись в новых друзьях...

Заступничество, как форма существования

Столетия тяжелой жизни, борьба за самовыживание, непрерывные войны выработали у россиян такую национальную особенность, как заступничество. Защита слабых, униженных, оскорбленных и угнетенных, а не «имперские амбиции», стало главным содержанием государственной политики России и ментальностью россиян. В этом нетрудно убедиться на примерах тысячелетней истории. Не случайно эту духовную данность всяческими способами пытались вытравить из русского народа: даже само это слово — заступничество — не найдешь в словарях. Но заступничество в России неистребимо, хотя и сегодня многие и с разных сторон ос-

корбляют его политическими ярлыками типа «вмешательство», «наемничество», «синдром старшего брата». Но ведь такого брата уважают и слушаются совсем не из-за возраста, а за то, что он — заступник. Эту истину скоро многие поймут, потому что без нее не выжить. Тому подтверждение — судьба князя Львова.

На следующий день после его ареста братья Колокольниковы, не убоившись самодура и кокаиниста Запкуса, «засвидетельствовали о личном знакомстве с князем Г.Е. Львовым и Н.С. Лопухиным и выразили готовность взять их на поруки».

Служащие тюменского конского запаса Всероссийского земского союза («Земконь») считали «...своим нравственным долгом засвидетельствовать, что Г.Е. Львов никакими политическими делами в Тюмени заниматься не мог». Тюменский отдел Всероссийского профсоюза врачей «удостоверял свое согласие заступиться за арестованного доктора А.В. Голицына».

Председатель правления «Общества содействия торгово-промышленному развитию Сибири» П.В. Глебов представил наркому юстиции Уралобласти Полякову все документы, подтверждающие реальность «общества» и должностное положение в нем арестованных.

Их защиту доверили московскому присяжному поверенному Гаврилу Ивановичу Хундадзе, некоторое время работавшему в «Земгоре» и знавшему подзащитных.

В своем заявлении в Наркомюст от 25 апреля 1918 года Хундадзе писал: «Мои политические убеждения хорошо известны многим представителям Совета народных комиссаров, не исключая тов. Ленина, и мой правительственный долг не покрывать, а разоблачать контрреволюционеров». И далее: «...объективное исследование организованного Львовым «общества» показало, что оно не преследует никаких политических целей и вся его деятельность не выходит за пределы чисто коммерческих задач...». Поэтому адвокат просил «освободить арестованных до суда из тюрьмы».

Москва дважды запрашивала Екатеринбург о ходе следствия, а Поляков 20 апреля во время съезда комиссаров юстиции лично докладывал о материалах дела председателю ВЦИК Свердлову и наркому юстиции Стучке.

Следователи не могли не зацепиться за карандашную дневниковую запись Е.П. Писаревой от 12 января: «Сегодня приезжал в Тюмень Ладыженский — очень способный инженер, работавший на фронте... взялся объездить города Сибири, чтобы выяснить, можно ли рассчитывать собрать там добровольческую армию для борьбы с большевиками... Георгий с сомнением относится к этому и не представляет воз-

возможным создать армию. Но вместе с тем это последняя надежда сокрушить большевиков и не попасть в окончательное рабство к немцам».

На первый взгляд — серьезно. Но проверкой было установлено: Львов с Ладыженским лично не встречался. Инженера в тюменской гостинице «Россия» посетили Лопухин и Голицын. Они хотели привлечь его, талантливого специалиста, к работе в «обществе». Сведения о попытках создания добровольческой армии они восприняли как малоинтересные и к делу не относящиеся. Естественно, позже они вместе со Львовым обсуждали беседу с Ладыженским, и присутствовавшая при этом Писарева записала «новость» в свой дневник.

Так что у следственной комиссии не было каких-либо доказательств виновности князя Львова. А показания старого большевика Терешковича, в прошлом одного из руководителей «Земгора», вообще повергли комиссаров от юстиции в уныние. «На своей политической карьере, — считал свидетель, — князь Львов определенно поставил крест. За несколько дней до отъезда в Тюмень он сказал мне, что едет туда заниматься коммерческой деятельностью».

Тем не менее 4 июля 1918 года всем арестованным предъявили обвинение «в пособничестве лицам, принимавшим участие в подготовке вооруженных выступлений против Советской власти, выразившейся в обсуждении сообщений непосредственных участников подготовки добровольческих дружин, в оказании этим лицам содействия по выполнению их планов и в командировании людей по городам Сибири для информации и разведки». Такие неопределенные и расплывчатые формулировки (даже в условиях начавшегося мятежа чехословацкого корпуса военнопленных) не удовлетворили бы ни судопроизводство, ни трибунал. Почему же следственная комиссия так цепко держалась за «тюменских коммерсантов»? Очевидно, причина упорства в том, что руководство Уралоблсовета сразу же после ареста князя Львова и его спутников решило использовать их как козырную карту в спорах о судьбе находившегося в тобольской ссылке экс-императора Николая II и его семьи.

«Не царское это дело»

Ничтожные люди, возомнившие себя «хозяевами Урала и Сибири», при попустительстве московских вождей захотели казнить бывшего российского императора. Для вынесения ему приговора нужен был только повод. Например, «заговор по освобождению Николая II». А «главный заговорщик» —

арестованный в Тюмени князь Львов. Однако военный комиссар Уралоблсовета Шая Голощекин, считавший себя «знатоком» русской души, предложил следственной комиссии такую легенду: «будучи премьер-министром Временного правительства, причем назначенным Николаем II, Львов был вынужден утвердить постановление об аресте Романовых. Сейчас из-за своей благочестивости он, наверняка, сожалеет о причастности к их изоляции и старается любыми способами ее облегчить. Поэтому князь и приехал в Тюмень, ближе к Тобольску. И не один».

Такое объяснение, подкрепленное сфальсифицированными записками, которые позже обнаружат в доме горного инженера Ипатьева в Екатеринбурге, куда доставили из Тобольска Николая II и его семью, вполне годилось для неискушенного в политике обывателя. Да и что говорить о простодушных сибиряках и уральцах, если долгое время свердловские чекисты в торжественных случаях вспоминали о том, как «разоблачили контрреволюционную группу, намеревавшуюся освободить царскую семью». А группой той руководил «сам бывший глава Временного правительства князь Львов». Этот «факт» примелькался и в исторической литературе. И никто в нем не сомневался, потому что в музее «чекистов Среднего Урала» при Свердловском управлении КГБ на почетном месте под стеклом красовался долгое время муляж «следственного дела № 00 по обвинению князя Львова и других...». Потом этот экспонат куда-то исчез.

Доклад Полякова Свердлову о ходе следствия над «тюменскими коммерсантами» свидетельствует: председатель ВЦИК скорее всего знал о фабрикации «заговора» как повода для расправы с Романовыми. Известно, что это случилось в подвале ипатьевского дома в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. А князь Львов, Лопухин и Голицын остались живы. В их деле есть отметка: «В настоящее время мера пресечения к выше-названным лицам изменена, они освобождены до суда». Когда они оказались на свободе — до 25 июля или после, — когда в Екатеринбург вошли чехи и казаки атамана Анненкова, — неизвестно. Можно считать, председателю первого в России демократического правительства повезло — палачам было уже не до него, самим бы ноги унести.

Князь Львов вернулся в Тюмень, откуда вместе с С.И. Колокольниковым и его женой Марией Николаевной переехал в Омск, где обосновалось Временное Сибирское правительство. В сентябре 1918 года они отправились в США. В опросных листах значилась цель поездки за границу: «по поручению Сибирского правительства для снабжения Сибирс-

кой армии». И была указана продолжительность пребывания в Штатах — три месяца.

Омский переворот 18 ноября 1918 года и установление диктатуры адмирала Колчака князь Львов не принял, а, уехав из России навсегда, занялся оказанием помощи беженцам от большевистского произвола. 17 марта 1921 года в Праге был возрожден «Земгор», объединивший десятки благотворительных организаций в разных странах. Г.Е. Львов и С.И. Колокольников возглавили комитет «Земгора» в Париже. Они открыли для эмигрантов столовые, общежития, больницы, профессиональные курсы... Общая сумма расходов парижского «Земгора» достигла в 1925 году, когда скончался князь Львов, 5600 тысяч франков, из них 4600 тысяч франков были израсходованы на школьное дело, на организацию обучения русских детей. Русская гимназия в Париже, начавшая работать осенью 1920 года, просуществовала 40 лет — небывалый случай. Историки еще напишут объективный портрет этого патриота, гуманиста и бессребреника, который весной 1918 года в тюрьме Тюмени написал: «Каждый человек находит в общем движении место, соответствующее его прошлому, его миропониманию и убеждению. Не все находятся на одних и тех же ступенях революционной лестницы... Я лично сошел с нее в тот момент, который определялся моим прошлым и моей ответственностью перед моей совестью... И я спрашиваю себя: в чем же моя вина перед родиной и народом, которому я служил всю мою жизнь?.. Я глубоко верю и никогда ни на минуту не утрачивал веры в совесть и правду русского народа, и уверен, что ни в том, ни в другом он меня не обвинит».

«Альбатросы революции»

Николая II и его семью из Tobольска в Екатеринбург доставила группа уральских чекистов во главе с 24-летним заместителем председателя Екатеринбургской ЧК балтийским матросом Павлом Хохряковым. В марте 1918 года его направили для разведки в Tobольск под видом «жениха» профсоюзной активистки Татьяны Наумовой, родители которой жили в городе на Иртыше.

Позднее Татьяна Ильинична вспоминала: «Из Екатеринбурга 16 чекистов отправились несколькими мелкими группами тайно: мы с Хохряковым на «свадьбу», другие — на заработки, третьи — за рыбой.

В Tobольске, в центре города, в самом лучшем — губернаторском — доме, в восемнадцати хорошо обставленных

комнатах разместились Николай II, его жена, четыре дочери, сын и слуги. Дом стоял в огромном парке. Хохряков недолго играл роль «молодожена»: «альбатрос революции», так называли его друзья-анархисты, жаждал решительных действий. При перевыборах Тобольского Совета 9 апреля он фактически узурпировал власть и начал наводить в «стольном граде» революционный порядок. Проклятия тобольского архиепископа Гермогена, приятеля покойного царского фаворита Распутина, не помешали Хохрякову выполнить решение исполкома Уралоблсовета: перевести Романовых в другое место. Стали собираться в дорогу, однако в 20-х числах апреля в Тобольске появился особо уполномоченный ВЦИК Яковлев (Мячин). Хохрякова настораживали приветливое обращение Яковлева с Романовым и постоянные ссылки на «сверхсекретность» его миссии. Эти манеры особо уполномоченного ВЦИК болезненно задевали самолюбие балтийского матроса и анархиста, выходца из самых низов народа, уже считавшего себя «хозяином» огромнейшей губернии. Вокруг организации вывоза Романовых из Тобольска возникла довольно нервная обстановка.

В ночь с 25 на 26 апреля отряд Яковлева, забрав бывшего царя, царицу и их дочь Марию, покинул Тобольск.

В воспоминаниях Наумовой отмечено: «...В 4 часа утра подали 11 троек и пять пар лошадей. Помимо красногвардейской пехоты с тремя пулеметами впереди, экипажи охраняла кавалерия. Имелась и разведка из 6 всадников.

Дорогой пришлось менять сани на телеги и наоборот: в ложбинах еще лежал снег, а местами — голая земля. В самую распутицу мы, оставив за собой 260 верст, прибыли в Тюмень. По пути население знало, кого везут, хотя мы старались это скрыть. В деревнях и селах крыши домов и заборов были усеяны людьми. Народ выражал любопытство, но больше злорадствовал: «Доцарствовали! Навоевались!».

По дороге из Тюмени Яковлев неожиданно для всех повернул поезд на восток по направлению к Омску. Из обнаруженных в последнее время архивных документов следует, что свой «маневр», который долгое время считался предательским или, в лучшем случае, самовольным, Яковлев совершил с санкции Председателя ВЦИК Свердлова. Но все еще неизвестны конечные цели этого маршрута.

Исполком Уралоблсовета направил в Омск телеграмму, объявляющую Яковлева «вне рядов революции» и требующую принять самые решительные меры, «включительно применение вооруженной силы для остановки поезда бывшего царя». На станции Куломзино состав был задержан летучим

отрядом Омской ЧК. 30 апреля Романовых доставили наконец в Екатеринбург и заключили в особняке Ипатьева, получившем название «дом особого назначения». В тот же день Хохряков на заседании Тобольского Совета сообщил об отправке на Урал Николая II и об аресте Гермогена.

Учитывая ведущую экономическую и политическую роль Тюмени в Тобольской губернии, с 5 апреля 1918 года губернский центр переместился из Тобольска в Тюмень. 21 апреля Тюменский Совет через свою газету «Известия» объявил: «Отдел по борьбе с контрреволюцией при Тюменском Совдепе просит всех членов штаба Красной Армии возвратить имеющиеся мандаты на обыски, реквизиции и конфискации, выданные временно чрезвычайным военно-революционным штабом, каковые считаются недействительными и впредь... Удостоверения на право ареста, обыска, реквизиции и конфискации будут выдаваться лишь коллегией отдела». Вслед за губернским центром специальные органы борьбы с контрреволюцией стали создаваться в уездах. К концу мая 1918 года в иногороднем отделе ЧК были зарегистрированы Тобольская, Ишимская, Березовская, Сургутская, Ялуторовская, Тюменская и Туринская уездные чрезвычайные комиссии.

Однако тогда же в Сибири возникло два центра единого фронта контрреволюции — эсеро-меньшевистский и кадетско-монархический. Антисоветское подполье ждало сигнала. Таким сигналом явился мятеж чехословацкого корпуса военнопленных, вспыхнувший в Поволжье и Сибири. Многие Советы оказались не в состоянии противостоять хорошо организованному и вооруженному противнику. 26 мая чехи захватили Николаевск, 31 мая — Томск, 2 июля — Курган, 7 июня — Омск. В Ишиме эсеровские заговорщики перерезали железнодорожное сообщение Тюмени с Омском. Вместе с отступившими воинскими частями из Омска через Тобольск 13 июня прибыла на пароходах в Тюмень группа партийных работников омской и томской большевистских организаций, руководители Западно-Сибирского областного Совета и чекисты во главе с первым председателем Омской ЧК В.И. Шебалдиным. В обстановке боевых действий на улицах Омска чекисты обеспечили эвакуацию оружия, документов, продовольствия и 270 миллионов рублей в золоте, серебре и валюте.

Владимир Иванович Шебалдин родился в 1893 году в Омске, в семье рабочего-металлиста. С юношеских лет участвовал в революционном движении. В составе 20-го Сибирского стрелкового полка воевал на германском фронте. За большевистскую агитацию был судим военно-полевым судом. От казни его спасла февральская буржуазно-демократическая

революция. Солдаты Омского гарнизона избрали его после Октября 1917 года в местный Совдеп. По постановлению Омского Совета от 9 марта 1918 года он был назначен «комендантом отдела по охране революции» — первого чекистского органа Сибири.

14 июня 1918 года в Тюмени был создан военно-революционный штаб Западной Сибири. Его председателем стал Г.А. Усиевич. В штаб вошли также представители тюменской большевистской организации и советских учреждений Н.М. Немцов, Г.П. Пермяков, В.М. Черкасов. Командование обоими направлениями Тюменского фронта было объединено в одних руках — А.И. Окулова. Ишимским направлением (по железной дороге на Омск) командовал Р.П. Эйдеман, а тобольским (по рекам Туре, Тоболу и Тавде) — В.А. Кангелари. Одновременно была организована Тюменская речная флотилия, ее возглавил П.Д. Хохряков. В.И. Шебалдин был назначен «комендантом города по охране революции».

На подступах к Тюмени шли упорные бои. В тылу — жесткая борьба с контрреволюционными элементами. В те летние дни и ночи Владимир Иванович не знал ни отдыха, ни покоя. 2 июля он через газету «Известия», переименованную в газету «К оружию», объявил: «Всем контрреволюционерам и саботажникам, меньшевикам, предателям революции. Если будет замечена какая-нибудь контрреволюционная шайка, заявляем впредь, что будем вырывать в корне и уничтожать в два счета. Заявляем всем офицерам: кто идет против трудового народа и Советской власти — будет расстреливаться. Довольно мы с вами церемонились. Призываем всех граждан Тюмени и пригородов: если кто узнает, где скрываются офицеры, то должны ради гражданского долга сообщать в отдел по борьбе с контрреволюцией. Призываем всех рабочих и красноармейцев не поддаваться провокаторским и предательским пропагандам. Неужели вы не поняли, кто с вами и кто против вас? Уже в Омске рабочие просят вернуть Советскую власть».

Приказом № 9 комендант Тюмени определил основу борьбы с контрреволюцией: «По законам военного времени караются смертью:

1. Измена Советской республике.
2. Ведущие агитацию против Советской республики.
3. Распространители печатно или устно провокационных слухов с целью вредить обороне республики.
4. Все шпионы и дающие сведения чехословакам и другим войскам о наших войсках, их силах и расположении.
5. Всякое неисполнение приказов и распоряжений военных властей.

6. Самовольное оставление позиций».

Право внесудебного преследования и применения высшей меры наказания — расстрела — было вызвано жестокой гражданской войной.

9 июля чекисты ликвидировали заговор, который возглавлял бывший прапорщик Чувиков, занимавший должность начальника штаба Красной Армии в Тюмени. Способный и храбрый офицер с весьма крутым нравом, не имел стойких политических убеждений, был честолюбив, склонен к авантюризму. Пользуясь авторитетом среди красноармейцев и играя на чувствах «местного патриотизма», Чувиков пытался поссорить тюменских партийных руководителей с представителями военно-революционного штаба Западной Сибири, обвиняя их в «трусливом и предательском оставлении Омска». Большевистская газета «Рабочая жизнь» так описывала одно из тайных сборищ заговорщиков: «...На улице Республики кирпичный неуклюжий дом Воробейчиковых. Здесь штаб Красной Армии. В закоулке в полутемной комнате собралось девять человек. Бывший офицер Чувиков руководит собранием. Высказывается коротко, сухо:

— Время не ждет. Чехи выступили. Омск захвачен. Омские власти: Усиевич, Эйдеман, Окулов и другие — отступили в Тюмень и берут в свои руки власть и руководство борьбы с чехословаками.

Вечером Чувиков на заседании штаба до того взволновался, что выхватил револьвер и хотел стрелять, но его обезоружили. Теперь его, наверное, уберут из штаба. Надо действовать быстро, пока большевики лишь собираются что-либо предпринять».

Созданный Чуиковым «Комитет девяти» планировал воспользоваться разногласиями среди руководителей обороны Тюмени и осуществить контрреволюционный переворот, арестовать всех членов военно-революционного штаба и открыть фронт чехам.

Ликвидацию заговора Чуикова газета «Рабочая жизнь» изложила так: «...В ограде старого деревянного дома вооруженные люди. Гроза Тюмени Шебалдин в ярости: «Товарищи! Пермяков арестован. Мятежниками руководит Чуиков. Сообщить сейчас же пулеметной команде и машаровской роте, чтобы немедленно приготовились. Пулеметы на водонапорную башню. Неужели рабочие пойдут на помощь Чуикову в «защиту тюменцев и тюменского авторитета». Вот к чему приводит местничество. Недаром Чуиков так горячо выступал против омичей, называя трусами, оставившими Омск. Цель его выступления ясна — хотел восстановить нас

друг против друга, чтобы воспользоваться заварухой и устроить переворот. Здесь одна контрреволюционная нить, ведущая к чехам».

За несколько часов до вооруженного выступления 36 активных заговорщиков были арестованы и по законам осадного положения расстреляны. Чувикову удалось скрыться.

Фронт временно стабилизировался у станции Вагай и у села Голышманово, однако тяжелое положение под Екатеринбургом, на который наступали с трех сторон две дивизии чехов и оренбургские казаки, побудило части Красной Армии начать отступление.

Стало ясно, что Тюмень не отстоять. Благодаря усилиям чекистов, эвакуация прошла организованно. Почти все, что было намечено, из города вывезли. Даже успели выдать рабочим и служащим эвакуационные деньги. В.И. Шебалдину, как наиболее искусственному в конспирации, была поручена организация разведывательной и иной подпольной работы в тылу противника. С этой целью в Тюмени остался чекист, большевик с 1904 года, участник трех революций Антон Якубович Валек. 20 июля в город вступили белогвардейцы. Начались кровавые дни белого террора. Комиссар Жакт по указке местных богачей стал арестовывать участников рабочего движения. Революционное подполье было разгромлено. Несмотря на это, А.Я. Валек сумел пробраться в Омск, затем в Томск, Красноярск, Иркутск, связался с уцелевшими большевистскими группами. Собранную информацию о военно-политическом и экономическом положении Сибири он доставил в октябре 1918 года в ВЧК. Через месяц его направили для фронтальной работы в распоряжение Омского отдела 3-й армии Восточного фронта. В момент отступления советских войск на пермском направлении он был оставлен в тылу у белых. Пробравшись в Екатеринбург, А.Я. Валек создал широкую сеть подпольных «пятерок», внедрил своих людей в чешские военные части и даже в личную охрану генерала Гайды. Но в екатеринбургском подполье в марте 1919 года начались аресты. А.Я. Валеку не удалось на этот раз выскользнуть. 8 апреля белочехи казнили его в лесу близ Верхне-Исетского завода.

Военно-революционный штаб Западной Сибири, сотрудники отдела по борьбе с контрреволюцией и с ними большинство коммунистов Тюмени отошли на Камышлов. Оттуда отряды предполагали направиться к Екатеринбургу, но было уже поздно. 25 июля белочехи при поддержке пробравшихся в областной штаб Красной Армии шпионов и изменников, среди которых оказался и комендант Екатеринбурга, бывший офицер Зотов, захватили город. Отряды Красной Ар-

мии, отступившие от Екатеринбурга на восток, к югу от Шадринска и на запад от Камышлова, стали двигаться через станцию Богданович к северу на Ирбит и Егоршино. В их рядах находились чекисты.

... Судьба коменданта Тюмени В.И. Шебалдина такова: он был одним из организаторов создания в августе-сентябре 1918 года в районе Егоршино, Покровского и Режа первого крестьянского коммунистического полка, впоследствии переименованного в 253-й стрелковый красных орлов полк. За исключительный героизм в боях на тагильском направлении, в которых Шебалдин получил тяжелое ранение, полк первым в истории Страны Советов был награжден Боевым Знаменем. В связи с этим событием 22 октября 1918 года был издан специальный приказ по третьей армии. Вот строки из этого документа:

«В боях на тагильском направлении, когда яростные атаки противника, значительно превосходящего нас в силах, были направлены к прорыву нашего фронта, положение 29-й дивизии, защищающей этот участок, становилось критическим. В то время начальником дивизии был брошен его последний резерв — первый крестьянский коммунистический стрелковый полк. От стойкости и мужества этого полка зависела участь дивизии, а с ней и фронта. Получив боевую задачу, полк принял на свои плечи всю тяжесть боевой обстановки того участка. Стремительными ударами он бросился на врага и, соединив свое разумное командование с храбростью истинных сынов революции, рядовых своих бойцов, разбил наголову противника и, не дав ему оправиться, энергично преследовал его».

После выхода из госпиталя В.И. Шебалдин участвовал в разгроме армий Деникина и Юденича, белополяков, ликвидации политического бандитизма на Подолии, работал в партийных комитетах на Украине, в 1927—1928 годах был секретарем Тобольского окружного ВКП(б), затем — инструктором и завотделом Московского городского комитета ВКП(б), позднее был переведен на хозяйственную работу в наркомат местной промышленности РСФСР. С первых дней Великой Отечественной войны он добровольцем ушел на фронт, в боях был дважды ранен, награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны. Победный май 1945 года политработник подполковник Шебалдин встретил в Восточной Пруссии. После окончания войны он находился на пенсии. Умер в 1963 году в Москве. В 1987 году одна из новых улиц в Тюмени названа его именем...

Огромная выдержка, мужество рабочих и крестьянских красногвардейцев, воинов молодой Красной Армии сорвали

летом 1918 года планы интервентов и белогвардейцев, которые надеялись быстро покончить с Советской Россией. Тюмень явилась одним из заградительных пунктов, мешавших белочехам и внутренней контрреволюции объединить их разрозненные военные силы. Оперативные действия чекистов, руководимых В.И. Шебалдиным, парализовали деятельность антисоветского подполья. Тюмень была одним из немногих городов Сибири, где белогвардейцы в союзе с местными меньшевиками и эсерами не смогли поддержать интервентов.

С мандатом ВЧК

8 августа 1919 года части Красной Армии вытеснили колчаковцев из Тюмени. В.И. Ленин в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» писал: «Надо всеми силами выслеживать и вылавливать этих разбойников, прячущихся помещиков и капиталистов во всех их прикрытиях, разоблачать их и карать беспощадно, ибо это злейшие враги трудящихся, искусные, знающие, опытные, терпеливо выжидающие удобного момента для заговора; это саботажники, не останавливающиеся ни перед каким преступлением, чтобы повредить Советской власти. С этими врагами трудящихся, с помещиками, капиталистами, саботажниками, белыми надо быть беспощадным».

Учитывая эти указания, Тюменский военно-революционный комитет 15 сентября 1919 года принял решение об образовании «Губернской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности». Тюменская губчека стала первым чекистским органом, восстановленным в Сибири с начала изгнания Колчака.

Из Перми и Казани в Тюмень была направлена группа чекистов во главе с С.А. Комольцевым, членом РКП(б) с 1912 года. После революции он руководил Ялutorовской партийной организацией, в мае 1918 года являлся членом Ялutorовского военно-оперативного революционного штаба, участвовал в обороне Тюмени, был председателем уездной ЧК на Урале.

Архивные документы свидетельствуют, что Тюменская губчека испытывала большие трудности из-за острого недостатка надежных и подготовленных кадров. Борьба с врагами Советской власти проводилась лишь путем их арестов и конфискацией принадлежащего им имущества. В губчека поступали значительные денежные и материальные ценности. Это обстоятельство использовали в корыстных целях проникшие

в аппарат губчека неустойчивые работники, которые тормозили борьбу с контрреволюцией, подрывали авторитет чрезвычайной комиссии, компрометировали ее перед трудящимися. В октябре 1919 года Тюменский военно-революционный комитет информировал Сибревком о необходимости очищения губчека от политически сомнительных элементов, направления ее работы «по прямому назначению — борьбе с доподлинной белогвардейщиной и контрреволюцией».

По заключению особой следственной комиссии ВЧК «председатель губчека С.А. Комольцев, заведующий секретно-оперативным отделом П.Ф. Зернин, председатель Тобольской уездной ЧК Б.В. Падерня, уполномоченный по Ялуторовскому уезду Ф.В. Залевин, комиссары губчека К.И. Сирмайс, И.И. Добилас, А.И. Ратнек, Д.И. Синцев, комендант здания губчека Г.С. Иноземцев, кладовщики Г.А. Ваксберг и К.Ф. Зернин расхищали разные вещи, изъятые при обысках...».

Присваивались преимущественно золото и драгоценные камни. Тогда Тюмень, Тобольск и Ялуторовск были наводнены бежавшей с Урала и Поволжья буржуазией, помещиками, колчаковскими офицерами, спекулянтами и обывателями. У многих имелись ценности, и немалые. Не случайно при сносе или ремонте старинных особняков все еще находят клады, владельцы которых сгинули во время гражданской войны.

«Комольцеву досталось двое золотых часов, золотые браслет, цепочка, кольца... Падерне — золотые кольца с камнями и без оных, шейная цепь с жемчугами, часы, брошка с эмалью...». От начальства не отставали и подчиненные: «Ратнек проявил себя настоящим хищником, присваивая драгоценности, причем его нахальство дошло до того, что он сделал себе красноармейский знак из награбленного серебра и золота».

19 февраля 1920 года президиум ВЧК признал факты преступлений доказанными. От расстрела обвиняемых спасла временная отмена смертной казни в стране. Бывшие чекисты были направлены в лагеря на принудительные работы.

Еще до вынесения этого приговора в Тюмень прибыл новый председатель губчека Федор Семенович Степной.

Он родился в 1893 году в Тверской губернии, в семье крестьянина-бедняка. Местный помещик, заметив способности мальчика к технике, отдал его учиться в Ермаковское техническое училище в Москве. После его окончания Степной работал на одном из предприятий Кронштадта. С началом империалистической войны его призвали на Балтийский флот. В 1916 году Степной вступил в партию левых эсеров, активно участвовал в пропагандистской и разъяснитель-

ной работе среди матросов, за что был арестован и заключен в Кронштадтскую тюрьму, откуда его освободила февральская революция 1917 года. Товарищи избрали вчерашнего узника в Кронштадтский Совет матросских депутатов. В автобиографии Д. Степного значится, что в октябре он принимал участие в штурме Зимнего дворца, был ранен.

В июле 1918 года во время мятежа левых эсеров в Москве председатель фабрично-заводского комитета Голутвенской мануфактуры Степной порвал с этой партией и вступил в РКП(б).

В сентябре 1918 года он был направлен в органы ВЧК и назначен заведующим отделом Замоскворецкой ЧК, затем возглавлял отделы в Московской и Челябинской ЧК.

Специфика чекистской работы требовала от личного состава губчека предельной честности и неподкупности. Всякое нарушение революционной законности со стороны работников ЧК Степной рассматривал как чрезвычайное происшествие. Виновники нарушений привлекались к строгой дисциплинарной и судебной ответственности.

Вот один из пунктов инструкции по работе губчека, разработанной Степным 23 января 1920 года: «Еще раз напоминается комиссарам ЧК, чтобы они были действительно защитниками прав трудящихся и стоящими на защите интересов Советской республики, а поэтому за малейшие нарушения этих прав и интересов им грозит ответ перед судом военного трибунала».

Комиссар губчека Юрцев был арестован и отстранен от исполнения обязанностей за грубость, которую позволял себе при допросах арестованных. Заведующий общим отделом Успенский подвергнут аресту в дисциплинарном порядке за не тактичное обращение с посетителями. Взятничество, лихоимство, присвоение общественного и личного имущества граждан рассматривались как тягчайшие преступления.

Коллегия губчека, обсудив на заседании от 2 декабря 1919 года дело на сотрудников ЧК братьев Фрейманов и Швех по обвинению в преступлениях по должности, выразившихся в систематических присвоениях изъятых при обыске вещей, постановила: «Применить высшую меру наказания Жану Фрейману, Ивану Фрейману и Анне Швех».

В приказе от 28 июня 1920 года Степной объявил строгий выговор комиссару губчека Власкину «за подачу заявления о выдаче ему опойковых шкурок на костюм». Дисциплинарное взыскание председатель губчека мотивировал тем, что «Власкин нужды в означенном не имеет и знает, что кожи у нас не столько много, чтобы можно было шить кожаные костюмы».

Очищение ЧК от случайных и сомнительных лиц способствовало укреплению дисциплины и порядка в чекистской среде, улучшению деловой и нравственной атмосферы в коллективе, преодолению трудностей в работе.

Руководитель чекистского аппарата в Тюмени постоянно требовал от подчиненных всемерного повышения революционной бдительности, строжайшего соблюдения конспирации, надежного сохранения служебной тайны.

В приказе от 26 апреля 1920 года он писал: «Среди некоторых сотрудников ЧК разглашаются секреты корреспонденций и другие тайны, что со стороны тех сотрудников является проявлениями самого позорного характера. Предупреждаю, что все сотрудники, замеченные в разглашении и выдачи тайны, будут беспощадно привлекаться к самому суровому наказанию».

Специальная чекистская подготовка работников первое время велась в процессе службы: к молодым сотрудникам прикрепляли опытных чекистов. Но уже с мая 1920 года при губчека были созданы краткосрочные курсы. В приказе о чекистской учебе Степной указал, что от занятий освобождаются только дежурные по канцелярии. Неявка сотрудника, несмотря на его служебное положение, наказывалась, вплоть до ареста.

При всей важности общеобразовательной и профессиональной подготовки центральное место в обучении и воспитании чекистских кадров Степной отводил их политическому просвещению.

Вот какие вопросы обсуждались на политзанятиях коммунистов и беспартийных сотрудников в апреле 1920 года: «О событиях в Германии. Решения IX съезда РКП(б). О мирных предложениях, сделанных Советской Россией. О перспективах республики в связи с победами Красной Армии».

Наличие практического опыта в сочетании с волевыми качествами и организаторскими способностями позволило Ф.С. Степному в сложных условиях создать в Тюмени сплоченный чекистский коллектив.

30 июня 1920 года по постановлению ВЧК Ф.С. Степной был назначен председателем Астраханской губчека, а в сентябре 1921 года по решению ЦК РКП(б) был направлен на руководящую хозяйственную работу в ВСНХ. В его служебной характеристике отмечалось: «На постах в ВЧК Ф.С. Степной отдавал все свои силы и опыт беспощадной борьбе с врагами Советской власти, чем заслужил признательность и уважение как в ВЧК, так и в губернских партийных организациях».

Первые операции

Волна грабежей, убийств, других уголовных преступлений, прокатившаяся по Тюмени после освобождения города от колчаковцев, заставили губчека включиться в работу по наведению общественного порядка.

«Задача органов ВЧК на местах, — указывал Ф.Э. Дзержинский, — борьба с врагами Советской власти и нового строя жизни. Такими врагами являются как политические наши противники, так и все бандиты, жулики, спекулянты и другие преступники, подрывающие основы социалистической власти. По отношению к ним мы не знаем пощады».

Показательна в этом отношении одна из первых операций губчека по ликвидации бандитской шайки Кольки Цыгана, терроризировавшей население Тюмени. Для выявления бандитских притонов чекисты организовали «знакомство» главаря шайки с «богатым коммерсантом из Москвы», под видом которого выступил сотрудник губчека Н.С. Кузнецов. Николай Семенович позднее вспоминал: «Выбор пал на меня потому, что я работал в Пермской ЧК, и в Тюмени меня никто не знал. По замыслу операции, разработанной председателем губчека Степным и начальником секретно-оперативного отдела Бойко, я с двумя «телохранителями» приехал в Тюмень московским поездом. В голодном девятнадцатом году среди нищеты и разрухи, рваных шинелей, тулупов и лаптей мы казались выходцами из другого мира — дорогие шубы, блестящие ботинки, в руках огромные желтые кожаные чемоданы. Ни на кого не обращая внимания, направились к стоянке извозчиков и, не торгуясь, сели. В дороге специально расспрашивали возницу о частной торговле в городе, интересовались возможностью скупки по спекулятивным ценам кож и мануфактуры. Этими разговорами да и внешним «богатством» мы привлекли внимание бандитов, которые вечером этого же дня предложили «торговую сделку». Рассчитывая ограбить «московских гостей», Кольца Цыган назначил место встречи в пригороде Тюмени. На следующее утро на пятой версте Ялutorовского тракта поравнялись две подводы. На одной из них, пустой, кроме возницы, сидели «коммерсанты». На другой, поверх покрытых рогожами тюков, расположился Колька Цыган и его подручные. В последовавшей за этим скоротечной схватке главарь преступной шайки, одно имя которого приводило обывателей Тюмени в ужас, был убит. Его сообщники, захваченные врасплох, побросали оружие и подняли руки вверх.

...Н.С. Кузнецов прослужил в органах госбезопасности двенадцать лет, в 1930 году был уволен на пенсию по болезни с

должности заместителя начальника Ирбитского окротдела полномочного представительства ОГПУ по Уралу. С началом Великой Отечественной войны Николай Семенович добровольцем ушел на фронт, воевал в артиллерии, дошел до Кенигсберга. Награжден орденом Красной Звезды и медалями...

Подавляя открытые антисоветские выступления и бандитские шайки, чекисты выявляли и обезвреживали тайные белогвардейско-эсеровские организации.

В августе 1920 года Тюменской губчека стало известно о существовании в Тюмени, Ялуторовске и Ишиме ячеек разветвленной организации, состоявшей из бывших колчаковских офицеров, сибирского кулачества, верхушки прославленного духовенства и готовившей контрреволюционный переворот в Сибири. Подпольный центр этой организации во главе с бывшим подполковником колчаковской армии карателем Дручуком находился в Омске и имел связь с претендентом на роль «правителя Сибири» Д.Л. Хорватом, управляющим Китайско-Восточной железной дорогой, и атаманом Забайкальского казачьего войска Г.М. Семеновым. Лидеры контрреволюции понимали выгодное положение Тюмени на Транссибирской железнодорожной магистрали. Не случайно по указанию Хорвата и Семенова в Тюмени обосновались агенты белоэмигрантского «Дальневосточного комитета активной защиты родины и Учредительного собрания» Косарева и Питухин, которым удалось проникнуть даже в губчека и милицию. Местом для собраний участников тюменской контрреволюционной группы с представителями омского подпольного центра являлся сад возле бывшего городского Текутьевского театра (до наших дней не сохранился).

Совместными действиями чекистских органов Сибири активные участники белогвардейских организаций были арестованы.

Ветеран-чекист Григорий Захарович Гвоздев вспоминал об этих днях: «Председатель губчека товарищ Студинов поручил мне арестовать Косареву и произвести в ее квартире обыск. В сопровождении пяти красноармейцев из батальона войск ВЧК я направился к большому дому на Томской улице, в котором жила Косарева. Тщательно, по страницам перебрали принадлежащие ей книги, осмотрели сундуки и шкафы, не спеша простучали стены. В коридоре под обоями обнаружили бланки удостоверений участников контрреволюционной организации, зашифрованные письма, подтверждавшие связь «секретарши» губчека Косаревой и бывшего начальника Тобольского сыскного отделения, занимавшего должность заместителя начальника губмилиции, Питухина с небезызвестными Хорватом и

Семеновым, окопавшимися в Маньчжурии. Раз документы были спрятаны не в квартире, а в общем коридоре, мы решили, что и в других квартирах живут лица, связанные с контрреволюционной организацией. Обыск во всем доме продолжался более суток. «Улов» был богатый: архив местных меньшевиков и эсеров, свидетельствующий о том, что во время колчаковщины они активно действовали против Советской власти, приказы и директивы омского подпольного центра. Было обнаружено и изъято немало оружия».

Так происходило становление Тюменской чрезвычайной комиссии.

Восстание

Гражданская война и интервенция во многом зависели от Сибири. Когда международный империализм сделал ставку на буржуазно-помещичью Польшу и белогвардейские части Врангеля, Совет Народных Комиссаров пошел на жесткие меры и 20 июля 1920 года принял Декрет «Об изъятии хлебных излишков в Сибири».

Тюменская губерния должна была дать 6,5 миллиона пудов хлеба. Но экономический кризис, переживаемый страной, усугубляли политические трудности, недовольство крестьянства prodразверсткой.

В.И. Ленин говорил: «...В 1921 году после того, как мы преодолели важнейший этап гражданской войны, и преодолели победоносно, мы наткнулись на большой, я полагаю, на самый большой, внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство значительной части крестьянства. Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства не сознательно, а инициативно, по настроению были против нас».

В Западной Сибири удельный вес кулацкой прослойки был самый высокий в стране: кулацкие хозяйства составляли в 1920 году 13,8% всех крестьянских хозяйств и засевали 36,8% общей посевной площади. Середняки также находились в более выгодном положении, чем в Центральной России: в 1920 году они засевали 44,8% всех посевных площадей и производили более 2/3 товарного хлеба. В деревнях и городах Тюменской губернии еще и в 1921 году сказывалось влияние купцов и промышленников. Здесь нашли приют белогвардейские офицеры, оставшиеся после разгрома колчаковской армии. Положение в крае к тому же осложнялось крупными ошибками местных руководителей.

31 января 1921 года в северных волостях Ишимского уезда стихийно вспыхнуло крестьянское восстание. К середине февраля его зловещее пламя охватило все уезды Тюменской губернии, часть прилегающей территории Омской, Челябинской и Екатеринбургской губерний. Повстанцы объявили поголовную мобилизацию. Им удалось сформировать стотысячную «народную армию», перерезать железнодорожный путь, связывающий Сибирь с Центральной Россией, прервать доставку хлеба в голодные районы, захватить Тобольск, Ишим, Петропавловск, Барабинск, Сургут, Березово, Обдорск и окружить Тюмень. Стихийный протест против продразверстки быстро перерос в «русский бунт — бессмысленный и беспощадный».

В Тюменском областном центре документации новейшей истории сохранилась записка председателя губчека П.И. Студитова: «Командующему вооруженными силами Тюменской губернии. Коменданту города Тюмени. Начальнику отряда особого назначения РКП. Предлагается Вам сегоднешний день усилить охрану города в продолжении до особого извещения. Причины к этому следующие: из произведенной нами операции в ночь с 10 на 11 сего февраля документально установлено, что восстание в городе Тюмени назначено на одиннадцатое февраля 1921 года 9 вечера. Обратите внимание на необходимость прекратить хождение по городу с определенно-го времени. О последующем сообщим».

Историкам еще предстоит разобраться с делом «корнета Лобанова», которого советская историография представляла руководителем «тюменского контрреволюционного центра». Пока фактом остается то, что повстанцы, стоявшие от Тюмени на рубежах сел Червишево и Комарово, узнав от своих разведчиков о чрезвычайной активности чекистов, отказались от вооруженного захвата города.

Роль губчека в подавлении восстания отметила 21 марта 1921 года тюменская газета «Известия»: «Заговорщики планировали прервать телеграфную и телефонную связь и, воспользовавшись известным им паролем, захватить склады с оружием. К этому времени в Тюмень должны были прибыть повстанческие отряды из волостей. Предполагалось захватить и губчека, но заговорщики сами попали в руки чекистов, не успев привести в исполнение свой замысел».

Реввоенсовет Советской республики для борьбы с повстанцами направил воинские соединения. Район восстания был разбит на три участка: Северный (Тобольско-Ишимский), Южный (Петропавловский), Западный (Камышлово-Шадринский).

16 февраля 1921 года части Красной Армии отбили Петропавловск, 18 февраля разгромили голышмановскую по-

встанческую группировку и восстановили железнодорожное сообщение Сибири с Центральной Россией. В марте началось наступление на Тобольск, 8 апреля повстанцы оставили город и отступили на север — в Самарово и Березово.

Главным усмирителем крестьянского восстания в Сибири был Сергей Витальевич Мрачковский.

Он родился в Сургуте, куда сослали его отца, одного из руководителей «Южно-Российского рабочего союза». Сын рано включился в революционную борьбу: создавал на Урале боевые дружины, входил в число руководителей Уралоблсовета, утвердивших расстрел Николая II и его семьи. В гражданской войне Мрачковский командовал Особым северным экспедиционным отрядом (ОСЭК), который в августе 1918 года после отхода колчаковцев из Тюмени вошел в состав 51-й стрелковой дивизии Блюхера. В 1921 году Мрачковский стал по приказу Председателя Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкого командующим Приуральским военным округом, а за взятие мятежного Тобольска получил второй орден Красного Знамени.

Перехитрить и уничтожить

75 лет ничего не было известно о судьбе командующего Тобольской «народной армией» В.М. Желтовского. Известный писатель и исследователь Западно-Сибирского восстания К.Я. Лагунов в своей книге «Двадцать первый» предположил, что бывший фельдфебель и полный Георгиевский кавалер, ставший «крестьянским генералом», скрылся под чужими документами в приобской тайге. Однако чекистские документы, датированные 1936—1939 годами, свидетельствуют — чуда не случилось. Желтовский, Силин, начальник штаба «народной армии», и другие активные повстанцы были захвачены и расстреляны в будке телефонной станции в районе впадения речки Максимовки в Иртыш у села Самарово.

Для разгрома восстаний, бушевавших в России в 1921 году, большевики широко применяли так называемые оперативно-боевые легендированные группы. Войсковые и чекистские подразделения, выдавая себя за мятежников силы, встречались с настоящими повстанцами часто за общим столом, а потом по условному сигналу открывали внезапный огонь на поражение.

Классический пример: внедрение кавалерийской бригады Котовского, выступавшего под видом донского атамана Фролова, в «партизанскую армию» Матюхина, действовавшего на мятежной Тамбовщине. В художественном фильме

«Котовский» есть эффектный эпизод: бритоголовый лжеатаман выхватил наган и с криком: «Комедия окончена! Я — Котовский!» — всадил несколько пуль в сидящего напротив главаря повстанцев.

Но в «комарином царстве» Приобья пехоту и кавалерию не используешь. И тогда карательный отряд посадили на пароходы «Мария», «Волна» и «Сергий», «мятежная флотилия» имела на вооружении три пушки и шесть пулеметов.

Секретную экспедицию возглавил командир 232-го полка 26-й Злотоустовской дивизии А.Н. Баткунов.

Как только вскрылись Иртыш и Обь, лжемятежники отошли от тобольской пристани. Связь между повстанческими отрядами поддерживалась по телеграфу. В Самарово передали: ждите неожиданную подмогу. Желтовский и Силин этому сообщению поверили. А почему нет: они знали, в Кронштадте ведь восстали моряки. Команды судов на сибирских реках также часто меняли убеждения и переходили на сторону вчерашних врагов. Так, бунт на пароходе «Иртыш» решил в пользу красных сражение с колчаковской флотилией в августе 1919 года на Тоболе и Тавде. В общем, десант в Самарово ждали и верили: может, и им повезет. «Волна» причалила к берегу, и начались переговоры со штабом отступившей на Север тобольской «народной армии». А дальше по сценарию: неожиданная стрельба в упор — и трупы в воду. Остальных обезоруженных повстанцев расстреляли уже на пароходах по пути к Кондинской пристани.

С помощью такой тактики захватили Березово. Только в Обдорске не вышло: тамошние мятежники уже знали о существовании экспедиции А. Баткунова. Но что они могли сделать против пушек и пулеметов?

2 июня красные пароходы показались у Ангальского мыса. Впервые на Обском Севере раздались артиллерийская стрельба и разрывы снарядов. Сопrotивление было сломлено. В эфир ушла радиотелеграмма: «Тобольск. Мрачковскому. Я — Баткунов. На Ямале восстановлена Советская власть. Банды разгромлены. Нами пройдено полторы тысячи верст...».

Тогда Баткунов, конечно, не думал, что через 18 лет его экспедицию на Север представят как реальное «участие в антисоветском белогвардейском мятеже».

На допросах в НКВД лишенный всех званий и наград начальник дивизии внутренних войск Баткунов объяснял, что выполнял «специальное и секретное задание командующего ПриуралВО Мрачковского и полномочного представителя ВЧК в Сибири Павлуновского». Никого эти объяснения не интересовали, хотя их старательно внесли в уголовное дело

(из него и стало известно о судьбе сибирских повстанческих командиров). Заступиться за Баткунова уже не могли ни Мрачковский, ни Павлуновский — обоих расстреляли в 1937—1938 годах по вымышленному обвинению «за участие в правотроцкистском антисоветском заговоре».

Рассмотрение дела Баткунова в Особом совещании НКВД заняло 20 минут. Он просил сохранить ему жизнь. Но в тот же день приговор был приведен в исполнение. Вспоминал ли бывший красный командир сибирских мужиков, которых расстреливали по его приказу на высоком берегу Иртыша?

«Республика ожидать так долго не может»

После ликвидации основных сил мятежников в уездах еще действовали и отдельные повстанческие группы, переродившиеся в уголовные банды. В июне 1921 года 3-й губернский съезд Советов объявил «двухнедельник добровольной явки». Рискуя жизнью, чекисты проникали в глухие таежные углы и разъясняли крестьянам это решение. Первыми откликнулись крестьяне Покровской и Ярквской волостей: «до 300 человек их явилось в губчека». Они сдали оружие и были помилованы. В октябре 1921 года председатель Тюменского губбисполкома Макаров сказал на собрании коммунистов города: «Проведенные декады добровольной явки бандитов дали удовлетворительные результаты, и сейчас остаются в лесах небольшие шайки бандитов, делающих налеты на склады и населенные пункты. Есть случаи убийства ответственных работников на местах».

Борьба с бандитскими шайками продолжалась до конца 1921 года, когда наконец политический бандитизм в Тюменской губернии, как и в других местностях России, благодаря наступившему в настроениях среднего крестьянства перелому окончательно ликвидировали.

14 апреля 1921 года Ф.Э. Дзержинский, оставаясь председателем ВЧК, был назначен народным комиссаром путей сообщения.

В начале января 1922 года он выехал в Сибирь во главе экспедиции из сорока человек для принятия чрезвычайных мер по вывозу продовольствия в Москву, Петроград и голодающее Поволжье.

Чекисты докладывали Дзержинскому: «...Топлива на ст. Тюмень на 3 часа. В Вагае угля нет, дров на 50 часов, в Ишиме — на 60 часов, Называевской — на 12 часов. Движение на Южной Сибирской прекратилось за неимением угля. Водокачки встали. Рабочие бросают работу. На ст. Кулунда более

полумиллиона пудов хлеба лежит на открытом месте, ввиду снежных заносов ему угрожает опасность».

На сибирских железных дорогах было введено военное положение.

«Здесь работы очень много, — писал Дзержинский в Москву из Новониколаевска. — Она идет с большим трудом и не дает тех результатов, к которым я стремлюсь... Работа здесь так запущена, что для того, чтобы наладить все, нужно более продолжительное время, а Республика ожидать так долго не может».

В письме из Омска от 7 февраля 1922 года: «Я должен с отчаянной энергией работать здесь, чтобы наладить дело, за которое я был и остаюсь ответственным. Адский, сизифов труд. Не раз я доходил здесь до такого состояния, что почти не мог спать — бессильный гнев наводил меня на мысль о мести по отношению к этим негодьям и дуракам, которые здесь сидят. Они нас обманывали — здесь было совершенно пустое место. А среди масс, даже партийных, было равнодушие и непонимание того, какой грозный период мы переживаем. Необходимо наблюдать за каждым распоряжением, чтобы оно не осталось на бумаге, чтобы приняли участие в выполнении поставленной перед нами боевой задачи. К тому же и в политическом отношении здесь неблагополучно. Дает себя знать рука эсеров и агентов Японии». Нашел время Дзержинский и для того, чтобы вникнуть в работу чрезвычайных комиссий Сибири. Из его телеграммы в ВЧК: «Состав сотрудников местных ЧК чрезвычайно слабый — полупартизанский, большой процент больных тифом... Срочность работы по вывозу продуктов, массовое хищение грузов и топлива, отдельные контрреволюционные попытки разрушить транспорт поставили вопрос о необходимости в срочном порядке усилить деятельность сибирских ЧК».

Чекисты Тюмени также были нацелены на оказание всемерного содействия в продвижении по железной дороге продовольственных грузов. И губчека с этой работой справилась. Задержек эшелонов с хлебом на станции Тюмень не было. Этот факт был особо отмечен в отчете экспедиции.

7 марта 1922 года, возвращаясь из Омска в Москву, Ф.Э. Дзержинский сделал остановку в Тюмени. Председатель Тюменского отдела ГПУ — так с 1 марта стала называться губчека — П.И. Студинов позднее вспоминал: «Когда поезд экспедиции прибыл на станцию Тюмень, я вошел в вагон руководителей экспедиции и там впервые увидел Ф.Э. Дзержинского. Я представился, и он по-товарищески поздоровался со мной. Прослушав мой доклад о политическом положении в

губернии и о последствиях кулацко-эсеровского восстания в 1921 году, председатель ГПУ просил обратить внимание на те населенные пункты, в которых осели бывшие колчаковцы, следить за тем, чтобы контрреволюционные элементы не проникали в советские учреждения с целью дискредитации политики партии по восстановлению промышленности и сельского хозяйства, рекомендовал своевременно вскрывать и ликвидировать нелегальные кулацко-белогвардейские группы и организации. Советовал также всю работу губчека проводить в тесной связи с партийными и советскими организациями, опираться на рабочих и беднейшее крестьянство».

Эти указания и рекомендации Дзержинского пригодились тюменским чекистам, разоблачившим вскоре контрреволюционную организацию, имевшую ячейки в ряде районов Западной Сибири и на Урале. Она была создана ревизором Тюменского отдела железнодорожной инспекции Акимом Базаровым.

Старший урядник Оренбургского казачьего войска

Иван Жвалов — таково настоящее имя Базарова — родился в 1878 году в станице Звериноголовской Челябинского уезда Оренбургской области в семье простого казака. Имея низшее образование, сдал экстерном экзамены на звание учителя. После смерти жены он с двумя малолетними детьми перебрался в Курган и занялся газетной и книжной торговлей. На военную службу его призвали в 1918 году, так Жвалов оказался в Петрограде, где вступил в партию народных социалистов (народников). После февральской революции он вернулся на родину и был избран председателем Совета казачьих депутатов в Троицке — втором после Оренбурга городе области.

В декабре 1917 года Советскую власть в Оренбуржье сверг «Комитет спасения родины и революции», в который вошли представители всех партий, за исключением большевиков и анархистов. Командующим войсками этого «комитета» стал 38-летний выборный оренбургский атаман Дутов. Первоначально он располагал ничтожными силами, поэтому через месяц красные отряды вытеснили Дутова из города в Тургайские степи. Началась длительная полупартизанская, полурегулярная война.

В июле 1918 года Дутов вновь занял Оренбург и объявил край автономной «областью войска оренбургского». После признания в ноябре 1918 года власти «верховного правите-

ля» адмирала Колчака атаман получил чин генерал-лейтенанта и звание походного атамана всех казачьих войск — командующего оренбургской армией. Тогда же старшего урядника Жвалова избрали делегатом окружного съезда и депутатом войскового круга. Оставаясь на позициях народничества, он выступал на собраниях круга против репрессий и гражданской войны. Это вызывало гнев Дутова. Спасаясь от его преследований, Жвалов перешел под покровительство другого колчаковского генерала — Ханжина. По его указанию старший урядник сформировал партизанский отряд — полусотню — для ведения разведки на южном участке Восточного фронта.

Убедившись в идейном крахе колчаковщины, Жвалов отстал в Сибири от деморализованной белой армии, изготовил документы на имя Акима Базарова, устроился хроникером в газету «Красноярский рабочий» и вступил в коммунистическую партию.

Но диктатура пролетариата мало чем отличалась от колчаковского режима: тот же произвол, мерзость продрозверстки, жестокое подавление крестьянских восстаний.

Порвав и с РКП(б), Базаров решил создать организацию, которая возглавила бы движение за созыв Учредительного собрания и образование Сибирской автономной крестьянской республики. Центром организации он выбрал Тюмень.

О чем не знал Базаров

Идея сибирского «автономизма» возникла у демократически настроенной части интеллигенции еще при царизме, а практическое организационное выражение впервые получила в декабре 1917 года. Тогда после октябрьского переворота повсюду начались восстания, низвергавшие власть Временного правительства и устанавливающие власть большевиков. Их политические противники (кадеты, меньшевики, эсеры, народники) использовали «автономизм» для борьбы окраин с советским центром и для свержения большевистского режима путем провозглашения местной власти на демократических началах.

6 декабря 1917 года в Томске Чрезвычайный общесибирский съезд вынес постановление о создании Сибирской областной Думы. 26 января 1918 года она была распущена Томским губисполкомом Совета. Большевики арестовали некоторых видных членов Думы — Патушинского, Шатилова, Якушева.

Однако через день избежавшие ареста «автономисты» на подпольном собрании выбрали Временное сибирское правительство во главе с эсером Дербером. Спасаясь от репрессий большевиков, часть министров этого правительства выехала из Томска на восток, намереваясь оттуда вести борьбу против Советской власти.

В конце мая 1918 года мятежные чехословацкие войска и белогвардейские отряды захватили Томск. Вместо отсутствующего Дербера председателем Временного сибирского правительства был избран адвокат Вологодский. 21 октября он передал «верховную власть» на территории Сибири Временному всероссийскому правительству (Директории) под председательством эсера Авксентьева, которое находилось сначала в Уфе, а затем в Омске.

Но 18 ноября 1918 года адмирал Колчак, опираясь на белогвардейско-монархическую военщину, произвел переворот, арестовал членов Директории и установил диктатуру, объявив себя «верховным правителем».

Понятно, что за такой короткий и драматический отрезок времени сибирские «автономисты» не смогли провести экономические реформы и демократические преобразования, поэтому на фоне колчаковщины и «военного коммунизма» идея Сибирской автономной республики сохранила свою привлекательность.

Нереализованные идеи всегда притягательны, и неудивительно, что Базаров стал их сторонником. За год с небольшим он создал ячейки в городах, расположенных по Транссибирской железной дороге, объединив их организационно в «гражданский» и «военный» комитеты.

Отвергая любое насилие, Базаров стремился к «...созданию такой организации, которая путем мирной демонстрации и подачи петиционных заявлений выявила бы правительству нужды и запросы трудящихся масс». Он верил, что «...правительство прислушается к голосу народа и пойдет на ряд политических и экономических реформ, что принесет успокоение и надежду на лучшую жизнь». Переброску в Сибирь правительственных карательных отрядов Базаров собирался блокировать всеобщей забастовкой железнодорожников и агитацией в воинских частях, «...дабы предупредить возможное кровопролитие».

«Всеобщий мирный протест» под лозунгом созыва Учредительного собрания и образования Сибирской автономной крестьянской республики был намечен на осень 1922 года, однако суровая действительность внесла в эти планы свои коррективы.

О чем не знали тюменские чекисты

О существовании в Тюмени центра бело-зеленого движения местные чекисты узнали случайно. В мае 1922 года в отдел ГПУ обратился бывший колчаковский офицер Избышев и сообщил, что друг его детства и сослуживец по 26-му Тюменскому пехотному полку Колпаков предложил ему вступить в подпольную антисоветскую организацию. Опасаясь провокации (такие «проверки» благонадежности состоящих на спецучете ГПУ бывших колчаковцев практиковались), Избышев решил ее упредить и невольно выдал своего приятеля. Установив наблюдение за Колпаковым, чекисты «вышли» на Базарова.

Начальник секретно-оперативной части ГПУ Дерибас, получив из Тюмени докладную записку о деятельности местных «автономистов», приказал «...нащупать определенные нити, ведущие в Иркутск, Читу и к генералу Болдыреву, находящемуся во Владивостоке». Кроме того, больших чекистских начальников интересовали «...отношения Базарова с остатками повстанческих крестьянских отрядов».

Москва опасалась нового массового антибольшевистского движения под бело-зеленым знаменем Сибири. И не без основания. В то время, когда Западная Сибирь зализывала раны, нанесенные войной и мятежами, в Восточной Сибири и Приморье еще всюду полыхало пламя русской Вандеи.

После поражения колчаковщины эсеры и меньшевики пытались образовать в Иркутске руководящий орган в форме коалиционного «Политического центра», но этому мешал большевистский ревком, имевший за спиной 5-ю армию Тухачевского. Ее дальнейшее продвижение к Чите, где находились японские войска, могло привести к столкновению Советской России с Японией. Чтобы избежать этого, 6 апреля 1920 года в Верхнеудинске (Улан-Удэ) была провозглашена Дальневосточная республика. В состав ДВР вошли Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская области и Северный Сахалин, однако власть Временного правительства республики, находившегося под влиянием специально созданного Дальбюро РКП(б), фактически распространялась лишь на территорию Прибайкалья.

14 мая РСФСР официально признала ДВР и оказала ей финансовую, дипломатическую, хозяйственную и военную помощь. На базе партизанских соединений была создана Народно-революционная армия. 22 октября она освободила от белогвардейцев (при невмешательстве японцев) Читу, куда перенесли столицу республики. Правительство ДВР возглавили коммунисты.

Однако 26 мая 1921 года отступившие в Приморье белогвардейцы подняли мятеж против Дальневосточной республики и образовали во Владивостоке буржуазное Временное правительство во главе с братьями Спиридоном и Николаем Меркуловыми — видными сибирскими предпринимателями. Они хотели превратить край в свободную экономическую зону, с привлечением иностранного капитала, который был необходим для развития горных промыслов, лесного хозяйства, морского и речного флота.

23 декабря войска приамурского правительства заняли Хабаровск, казалось, началось очередное очищение Сибири от большевиков. Но военное счастье переменчиво — руководимая новым командармом Блюхером НРА в феврале 1922 года у станции Волочаевка победила белогвардейцев и отбила у них Хабаровск.

Кризисом либерального прозападного правительства братьев Меркуловых воспользовались монархисты. 22 июня они созвали так называемый земский собор, который избрал правителем Приамурского земского края и воеводной земской рати — так называли армию — бывшего колчаковского военного министра генерала Дитерихса.

Однако попытка возродить монархию успеха не имела. Народно-революционная армия и отряды партизан разгромили в октябре 1922 года под Спасском «земских ратников» и вступили во Владивосток.

Колчаковское офицерство никогда не являлось однородным. Здесь были бывшие эсеры, недоброжелательно относившиеся ко всякого рода узурпаторам власти, крайние монархисты, запутавшиеся в противоречиях интеллигенты, откровенные уголовники и «идейные борцы за великую и неделимую Россию», садисты, черносотенцы и те, кто безуспешно пытался сохранить человеческое подобие и убедить себя, что он, сражаясь против большевиков, отстаивает цивилизацию.

Вот почему в те дни часть офицерства увидела свое спасение в движении за автономию Сибири, которое мог возглавить генерал Болдырев. Сын сельского кузнеца, профессор академии генерального штаба и командующий армией в первую мировую войну, он не признал в октябре 1917 года Советскую власть, возгласил вооруженные силы Директории, отказался подчиниться Колчаку, за что был выслан в Японию. Своей независимостью и непримиримостью к диктаторским режимам Болдырев приобрел большой авторитет у прогрессивной общественности России.

За пять дней до ухода японцев из Владивостока там возникло новое Сибирское правительство — Совет уполномо-

ченных Сибири. В его заявлении отмечалось, что этот орган «...является по своему составу одной из наименее скомпрометированной и наиболее жизнеспособной силой Сибири. Совет состоит из представителей различных организаций, стоящих на платформе автономии Сибири. Цель — свержение большевистской власти, созыв Всесибирского учредительного собрания и формирование правительства по типу существовавшего в июне-августе 1918 года, причем в его программе намечаются крупные изменения в левом направлении, особенно в вопросах аграрного характера. Персонально Совет состоит из лиц, своей честностью, опытом, знаниями и известностью способных привлечь симпатии демократического населения, особенно крестьян...».

На Лубянке, читая этот документ, не могли не обратить внимания на утверждение Совета о «...наличии непосредственной связи с Сибирью и сторонниками в рядах советских работников...». Вот почему копии разведдонесений об обстановке в Приморье высылались в Тюмень и ложились в дело Базарова.

В случае массовых выступлений крестьян и железнодорожников положение противоборствующих сил в Сибири могло бы резко измениться. Кроме того, к броску на родину готовились казачьи полки, укrywшиеся осенью 1920 года в Китае. «Там, на чужой земле, — вспоминал позднее очевидец, — жил надеждой вернуться скоро обратно с оружием в руках. Ждали, когда замерзнет Аргунь. Но выступить не решились, услышав о падении в Приморье последнего оплота белого движения».

Тюменские чекисты получили из Москвы приказ: Базарова арестовать, организацию ликвидировать. Но его уже не было в Тюмени: он спешил в Барабинск, чтобы предотвратить мятеж атамана Незнамова. Но Базаров не успел — его схватили в пути, мятежников разгромили, а скрывшегося Незнамова разыскали в Ташкенте. Встретились они только на суде.

Последнее слово

В своем последнем слове подсудимый Базаров сказал: «...Создавая организацию, я хотел добиться мирного протеста. Мне удалось привлечь к протесту крестьян, казаков-землеробов, красноармейцев, бывших офицеров, железнодорожников, рабочих, служащих и вообще обывателей. Власть поставлена в необходимость начать судебный процесс, на котором будут выявлены все причины недовольства народа. Вот таким образом я достиг осуществления поставленных себе

целей... Связи с генералом Болдыревым я не имел, но полагал ее завести. Знал его как народника. Если бы он шел за монархию, а не за Сибирскую республику, я бы за ним не пошел... К этому добавлю, что в течение всей своей деятельности по народническому движению я никогда не прибегал к репрессиям, не стремился к вооруженным выступлениям, в колчаковщину не воевал, в Петропавловско-Ишимском восстании не участвовал...».

Однако «мирный протест» Базарова против очередного закабаления Сибири никто не услышал. Ни правительство — оно превращало этот край в сырьевой придаток центра и место политической ссылки. Ни народ — судебный процесс был закрытым, а в официальном газетном сообщении Базарова называли «авантюристом, для которого лозунг «автономия Сибири» служил прикрытием действительной цели его организации — свержения диктатуры пролетариата и реставрации буржуазного строя». В духе такого обвинения и приговор — расстрел.

Председательствующего на этом суде Самуила Чудновского судьба странным образом связала с Сибирью. В 1913 году 24-летний мещанин из Бердичева угодил за распространение антиправительственных прокламаций в ссылку в село Демьянское Тобольской губернии. Потом ветры революции и гражданской войны занесли его в Иркутск. В декабре 1919 года эсеры из «Политцентра» освободили Чудновского из колчаковской тюрьмы и назначили председателем чрезвычайной следственной комиссии — комиссаром юстиции. Он участвовал в расстреле Колчака и его первого министра Пепеляева, возглавлял губчека в Томске, использовался по судебной части в Новониколаевске и Свердловске, в 1933 году подавлял Казымское национальное восстание ханты. Так он помогал раскручивать маховик репрессий до тех пор, пока сам не попал под него в 1937 году.

Тогда же оборвалась жизнь генерала Болдырева — не приняли во внимание его покаяние перед Советской властью в 1923 году — и подпоручика Избышева — не зачли ему невольного предательства своего приятеля в мае 1922 года.

С тех пор изменились многие наши представления о прошлом. Реабилитирован Чудновский — сейчас он не столько герой революционных событий в Сибири, сколько жертва сталинских репрессий.

О Колчаке все чаще вспоминают, как о знаменитом российском полярнике и флотоводце, а кровавое сибирское диктаторство считают не более, чем досадным фактом его биографии.

И лишь с Базарова-Жвалова не снят ярлык «авантюриста и идеолога кулацкого движения».

О «чистых руках, горячих сердцах, холодных головах»

Такими качествами, по мнению Дзержинского, должны были обладать настоящие чекисты. В условиях гражданской войны. Красного и белого террора. Разгула политического и уголовного бандитизма. Когда любая мораль, как и сама человеческая жизнь, полностью обесценились.

Какими были люди, ставшие первыми тюменскими чекистами? Романтиками? Идеалистами? Фанатиками? Приспособленцами?

Александр Петров, Василий Гриб, Василий Грибач, Борис Ванд, Иосиф Бойко, Денис Коудэлко... Русские, украинцы, белорусы, евреи, поляки, чехи, немцы, словаки, латыши, китайцы... Тогда эту особенность чрезвычайных комиссий в Сибири называли интернационализмом.

Послужной список командира 49-го батальона войск ВЧК и члена коллегии Тюменской губчека Дениса Игнатьевича Коудэлко. Родился в 1893 году в Австро-Венгрии. Чех. Окончил австрийскую кавалерийскую школу офицеров в мае 1914 года. Воевал. Сначала с сербами и итальянцами, потом с русскими, за что награжден Железным крестом 3-й степени. В декабре 1915 года попал в плен, где добровольно поступил поручиком в сформированный из чехословацких военнопленных 1-й имени Яна Гуса стрелковый полк. В наступлении против немцев и австро-венгров под городом Зборовым в Галиции был ранен. Получил орден Святой Анны 3-й степени. После революции стал комиссаром Красной Армии. Сражался с петлюровцами, денкинцами и белополяками. С 1919 года служил в войсках внутренней службы Сибири. В Российской коммунистической партии — с апреля 1918 года, номер партбилета — 598791. В характеристике лишь отмечено: «...предан революции, с большой работоспособностью». Мало? Для того времени вполне достаточно.

В Вене, столице Австро-Венгерской империи, в семье красильщика родился Роберт Валенто. Нужда заставила его оставить начальное училище. Молодой маляр сблизился с социал-демократами. В 1914 году по мобилизации оказался в окопах империалистической войны. Перешел на сторону русских войск. До октября семнадцатого года работал на Омско-Тюменской железной дороге. Революция разделила военнопленных австро-венгерской армии. Одни составили ударную силу интервенции против Советской республики. Другие, среди них Валенто, — встали на ее защиту.

Ожесточенные бои при обороне Тюмени, горечь отступления, голод, холод, тиф — все испытал «красный австри-

як». В декабре 1919 года в составе экспедиционного отряда Х.Г. Башмакова Валенто участвовал в освобождении Сургута от колчаковцев, был ранен. Тогда его приняли в РКП(б). Преследуя белогвардейцев вверх по Оби, красные раненых бойцов оставили на попечение местных жителей. Здесь приглянулась Роберту бойкая сургутская казачка Агриппина Меньшикова, она стала его женой, а затем и соратницей в опасной чекистской работе.

Отоспавшиеся и отъевшиеся на таежных заимках офицеры разгромленного колчаковского воинства, поощряемые местными эсерами и кулаками, вынашивали планы свержения Советской власти в уезде.

Сургутские большевики — их было десять — понимали опасность мятежа. Обстановка требовала принятия чрезвычайных мер по борьбе с контрреволюцией.

28 февраля 1920 года в Сургуте была образована уездная ЧК. По решению сургутской группы РКП(б) председателем ЧК стал Роберт Валенто. Нелегко было найти и обезвредить вражеское подполье. Не хватало опыта, знаний... Во время восстания 1921 года заведующий политбюро (так в то время назывались чекистские органы в уездах) Валенто возглавлял один из красных отрядов, отступавших по направлению на Нарым.

Среди архивных документов сохранилось письмо секретаря Сургутского уездного бюро РКП(б) И.М. Видягина к председателю Тюменской губчека П.И. Студитову: «Прошу отозвать уполномоченного губчека и завполитбюро Валенто, который нуждается в лечении. На бандитском фронте он отморозил ноги. Здоровье имеет совершенно расстроенное. Лечение отказывается категорически, пока не будут изъяты все банды, оперирующие в уезде».

В мае 1922 года Валенто был откомандирован в Тюмень, а через год по состоянию здоровья направлен на хозяйственную работу.

Скупые строки архивных документов: «Иванов Николай Иванович, заведующий административной частью ревтрибунала, хороший советский юрист...

Бойко Иосиф Станиславович, заведующий секретно-оперативным отделом, с головой ушедший в работу ЧК. Покидает кабинет только для сна. Работоспособность удивительная...

Грибач Василий Сергеевич, заведующий общим отделом, почти круглые сутки в ЧК за работой...

Пльчак Иван Иванович, заведующий регистрационно-статистической частью, имеет большую работоспособность...

Студитов Петр Иванович, председатель губчека, политически вполне развит, несмотря на низшее образование. Од-

ной из важнейших заслуг перед революцией, известной губкому РКП(б), является раскрытие белогвардейского заговора в Тюмени в феврале 1921 года. На протяжении всей борьбы с повстанцами проявил громадную энергию, стойкость, политическую выдержку и такт...».

Опасное время. Опасная работа. Приходилось внедряться, в банды и контрреволюционные организации, нередко под чужим именем. Там подозревали всех. Жестокою проверку выдерживали немногие.

В характеристике уполномоченного губчека Афанасия Федорова отмечалось: «Как способный и незаменимый работник вполне соответствует своему назначению. На него в будущем возлагаются большие надежды». Не суждено было сбыться этим надеждам. При выполнении специального задания в охваченной бандитизмом Черноковской волости Тобольского уезда 24 апреля 1921 года его схватили и после пыток изрубили на куски. Ему было 20 лет. Незадолго до гибели при заполнении анкеты сотрудника ЧК он писал: «...Уверен и даже более, что социальная революция будет во всем мире».

Среди тюменских чекистов ценилось умение без крови убедить противника отказаться от вооруженной борьбы с Советской властью. Подтверждение тому — приказ по губчека от 9 сентября 1921 года: «За энергичную и добросовестную работу, выразившуюся в умелом подходе к крестьянским массам во время ликвидации бандитизма в Тобольском уезде, комиссару оперативного отдела Петрову объявить товарищескую благодарность».

Враги по-своему отзывались о чекистах. Белоэмигрантская газета «Русский голос», издававшаяся в Харбине, писала 13 августа 1921 года: «Во главе Тюменской губчека стоит некий Студитов. Никто не знает, кто он, но полагают, что человек с большим уголовным прошлым. При нем состоит специальный батальон ЧК в составе 800 человек, слепо ему преданных. Он совершает суд и расправу по собственному усмотрению, ни с кем и ни с чем не считаясь...».

Путь Студитова в революцию белогвардейские контрразведчики знали, конечно, во всех подробностях. Предгубчека действительно, не понаслышке, знал о царских тюрьмах. С четырнадцати лет — рабочий, с семнадцати — участник революционных выступлений в Петербурге и Москве. В 1915 году, спасаясь от преследования охранки, перешел на нелегальное положение. Товарищи изготовили ему новый паспорт. Был Парфеновым, стал Студитовым. Революция застала его на Урале. Беспощадность к отъявленным контрреволюционерам сочеталась в нем с великодушием к людям, обманом вовле-

ченным в антисоветские выступления. Подтверждение — его письмо от 24 февраля 1921 года секретарям ячеек РКП(б): «Охватившая губернию волна кулацких восстаний втянула неустойчивые массы беднейшего и среднего крестьянства. Борьба с этим контрреволюционным движением вылилась в форму массовых арестов крестьянства. Но дело в том, что ЧК по борьбе с контрреволюцией вовсе не борется с крестьянскими массами как таковыми. Помните, товарищи, что нам нужно принять все меры к тому, чтобы из-за неорганизованных массовых арестов не скрылись настоящие виновники контрреволюционного движения».

Петр Иванович Студитов прожил долгую жизнь: возглавлял Архангельский и Курский отделы ГПУ, был на советской работе, отдал много сил делу победы над фашизмом. Куда бы ни забрасывала его судьба, он всегда с теплотой вспоминал соратников, погибших за Советскую власть. В статье «На страже революции», посвященной пятилетней годовщине создания органов ВЧК—ГПУ, Студитов писал: «В борьбе с врагами пролетариата и, в частности, во время ликвидации бандитизма и белогвардейских заговоров сотрудники губчека, привыкшие смело смотреть в глаза смерти, успешно боролись с бандитами и затаившимися враждебными элементами».

Так какими были люди, ставшие первыми чекистами? Разными. Героями и подлецами. Смелыми и трусливыми. Добрыми и жестокими. Такими, как то далекое и непростое время.

1987—1997 годы.

Победители — побежденные

Освобождение нашего края от колчаковцев связывают обычно с именем Василия Константиновича Блюхера. Мало кто помнит Макара Васильевича Васильева и Сергея Витальевича Мрачковского, командиров Особой бригады и Особого северного экспедиционного отряда, составивших ядро сформированной в Тюмени 51-й стрелковой дивизии.

Октябрь 1918 года. Кушва

Начальник 29-й дивизии Макар Васильев ждал нового комиссара. Слышал: по возрасту он ровесник, но в партии с пятого года, сидел в царских тюрьмах, после Октябрьской революции был «на виду» в Уралоблкомитете РКП(б).

Скрипнула дверь и, не обращая внимания на предостерегающие крики часового, в комнату стремительно вошел красавец-мужчина, весь в коже, ремнях и при оружии. Протянул руку, представился, как выстрелил:

— Мрачковский.

Щадя самолюбие невоенного человека, начдив коротко доложил о положении воюющих сторон. Комиссар хмыкнул не то одобрительно, не то со скрытой угрозой:

— Сразу видно офицера.

Васильев поморщился:

— Ну какой я офицер. Родился в 1889 году в Псковской губернии. Отец — крестьянин-середняк. После церковно-приходской школы учился за счет земства в сельскохозяйственном училище, а работать пришлось литейщиком в Кронштадте. С началом войны призвали в армию и, как грамотного, определили в школу прапорщиков. В 53-м Сибирском стрелковом полку командовал ротой. В августе семнадцатого стал большевиком, а через три месяца — командиром 6-го Сибирского корпуса. Его потом расформировали на Урале, здесь недалеко, в Камышлове. До наступления белочехов был в этом городе председателем Совета и уездной ЧК, потом командовал войсками камышловско-шадринского и тюменско-омского направления. При отступлении на Богданович—Егор-

шино—Ирбит вел Восточную и Сводно-Уральскую дивизии. Начдивом 29-й всего несколько дней.

Глаза у комиссара потеплели.

— Я тоже не из барского сословия. Поляк, да не из панов. Отец мой за революционную агитацию по приговору царского суда из Одессы в Сургут угодил. Есть такое богом забытое место в соседней Тобольской губернии. Отец без дела не мог сидеть, завел кузницу на паях с местным кержаком, а дочь его в жены взял. Вскорости и я на свет появился. Родители недолго прожили: пришлось мне с пятнадцати лет слесарить на уральских заводах, меньших братишек кормить. Ты за офицера не обижайся, я у тебя всем военным премудростям учиться буду.

И, правда, оказался способным учеником. А смелости и отваги ему было не занимать. Себя не берег и других не щадил. Сколько раз с винтовкой наперевес поднимал в атаку заробевших бойцов, и пули не брали храбреца.

«Тагил занят белыми. Наша дивизия отрезана. Разутые и раздетые мы не похожи на армию. Измученные непрерывными боями отступаем в 35-градусные морозы. Нет продуктов. Три недели питаемся селедкой и ржаным хлебом. В Туринске и Кушве добыли овес, бойцы размолотили его и пекут лепешки из овсянки. Идем сплошным лесом, отчаянно отбиваясь от нападающего противника. Белые быстро наступают на Пермь».

(Из дневника М.В. Васильева).

Январь 1919 года. Глазов

Васильев и Мрачковский тяжело переживали «пермскую катастрофу». Город колокольным звоном славил восходящую звезду молодого генерала Анатолия Пепеляева, родного брата председателя совета министров в правительстве адмирала Колчака. Белым достались огромные трофеи. От полного разгрома 3-ю Красную Армию спасло невиданное упорство 29-й дивизии. Расследованием причин поражения красных частей занималась специальная комиссия ЦК во главе со Сталиным и Дзержинским.

«Нас с комиссаром вызвали для беседы в вагон. Обстановка в нем — походная. На оконном столике — дела. Тут же белый жестяной чайник, эмалированная кружка, кусок пошипанного ржаного хлеба. Мы подробно рассказали тт. Сталину и Дзержинскому о состоянии дивизии, политработе, боях, руководстве штаба 3-й армии, снабжении боеприпасами, продовольствием. Они изумительно глубоко вникали в

каждую мелочь. Беседа затянулась, но мы не замечали, как бежит время. Уходили мы другими. Прежней растерянности как не бывало. Мы почувствовали твердую уверенность в победе».

(Из дневника М.В. Васильева).

Сталин и Дзержинский были довольны знакомством с начдивом и комиссаром 29-й дивизии. На них они сделали ставку в укреплении деморализованной 3-й армии Восточного фронта. Мрачковского назначили командиром Особого северного экспедиционного отряда, состоящего почти наполовину из коми-пермяков. Сталину импонировали его биография, физическая подготовка, умение ходить на лыжах. Кроме того, экспедиционные отряды во время гражданской войны часто выполняли карательные функции, и Сталин, по-своему оценив фанатизм и растущее честолюбие Мрачковского, мог быть уверен в выполнении любых своих приказов. В те дни еще ничто не предвещало разрыва между ними.

Васильев возглавил по рекомендации Дзержинского Особую бригаду, и на то были свои причины: на ее участке Урало-Сибирское бюро ЦК РКП(б) перебрасывало своих разведчиков в тыл Колчака. Пригодился чекистский опыт комбрига.

Так были они на равных должностях вплоть до освобождения Тюмени. 11 августа 1919 года Васильев сменил командующего Екатеринбургским укрепрайоном Блюхера: тот возглавил новую 51-ю стрелковую дивизию, в которой Мрачковский стал комбригом. За взятие Тобольска он получил орден Красного Знамени. Его заметил и приблизил к себе предвоенсовета Л.Д. Троцкий. Для подавления вспыхнувших в 1921 году крестьянских восстаний требовались решительные, не знающие сомнений красные командиры; Мрачковский был назначен командующим войсками Приуральского военного округа. За разгром сибирских мятежников его наградили вторым орденом. В то время Васильев уже ходил у него в помощниках, а после демобилизации по состоянию здоровья в 1922 году перешел на хозяйственную работу. Пока он усваивал премудрости банковского дела и решал проблемы Свердловского городского коммунального хозяйства, Мрачковский не без покровительства наркомвоенмора Троцкого делал военную карьеру: был командующим войсками Западно-Сибирского и Приволжского военных округов, делегатом X Всероссийского и I Всесоюзного съездов Советов, членом ЦИК СССР, участвовал в работе XII съезда РКП(б). Готовилось его награждение третьим орденом, но... Троцкого

отстранили от руководства вооруженными силами республики. Его, «верного солдата» — так обычно звали Мрачковского, — перевели в резерв РККА, а в последний день 1926 года «уволили в долгосрочный отпуск», из которого он на военную службу уже не вернулся.

Январь 1937 года. Свердловск

Новый год Васильев встретил в следственной тюрьме НКВД. При аресте у него изъяли партийный билет № 0945637, партизанское удостоверение № 501, наградной браунинг, книгу «История боевой и мирной жизни 51-й Перекопской дивизии». Он был уверен: его взяли за знакомство с Мрачковским, расстрелянным в августе 1936 года по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». По сообщениям газет, Мрачковский «признал себя виновным в проведении антисоветской, шпионской, вредительской и террористической деятельности, в причастности к убийству Кирова, в подготовке террористических актов против Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора, Постышева».

Васильев не мог знать, что Мрачковский находился в тяжелом физическом и моральном состоянии: врачи нашли у него заболевание нервных узлов. Но, несмотря на болезнь и длительное пребывание в больнице, следователи НКВД проводили мучительные допросы и добились от него нужных им показаний, якобы необходимых в интересах партии.

На допросах Васильев не скрывал своих отношений с Мрачковским.

— После увольнения из армии он работал в тресте «Урал-золото», был начальником строительства железных дорог на Дальнем Востоке и Караганда—Балхаш.

Я бывал в его московской квартире, видел там Белобородова, Уфимцева, Беляева, Баранова — в прошлом видных уральских большевиков. Последний раз встречался с Мрачковским и его братьями Леонидом и Николаем в 1934 году.

Следователь НКВД дотошно стал выяснять обстоятельства получения Мрачковским партизанского удостоверения.

— Он сам просил вас как заместителя председателя Свердловской комиссии бывших красногвардейцев и красных партизан о выдаче ему этого документа?

— Да, Мрачковский при встрече в Москве в 1934 году сам спросил, как ему получить краснопартизанский билет. Я ему предложил подать заявление в нашу партизанскую комиссию.

А действительно, зачем Мрачковскому, состоявшему в запасе высшего командного состава РККА, понадобилось вдруг удостоверение красного партизана?

Думаю, что он, в отличие от других лидеров оппозиции, хотел свергнуть сталинскую тиранию с помощью бывших красногвардейцев и красных партизан, по тем временам довольно организованной и вооруженной силы, сохранившей верность идеалам революции.

Это предположение подтверждает тот факт, что после суда над Мрачковским комиссии бывших красногвардейцев и красных партизан были распущены, а все участники, за редким исключением, репрессированы.

Выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР при участии заместителя прокурора СССР Г.К. Рогинского заслушала 28 марта 1937 года «дело Васильева в закрытом судебном заседании без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей». Бывший начдив 29-й «виновным себя в проведении антисоветской деятельности не признал», тем не менее был приговорен к 8 годам тюрьмы. По слухам, он умер в 1940 году в Магадане.

Блюхер, Васильев, Мрачковский... Разные люди, одна судьба.

Особист 51-й

Имя начдива В. К. Блюхера известно всем. Публикуя страницы из биографии А. С. Шаврина, мы прорисовываем отдельные штрихи жизни знаменитой 51-й стрелковой.

Рядом с начдивом

8 августа 1919 года Особая бригада, состоявшая преимущественно из рабочих Чердыни, Усолья, шахтеров Кизеловских рудников, и Особый Северный экспедиционный отряд освободили Тюмень от колчаковцев. Из этих частей была сформирована новая дивизия — 51-я стрелковая. Ее начальником стал В.К. Блюхер.

Структура красных дивизий в гражданской войне проста: несколько полков, сведенных в бригады, штабные и хозяйственные службы да особое отделение.

Не все знают, когда и как возникли эти специальные органы, сыгравшие позднее черную роль в истреблении необоснованно оболганных военачальников.

В Вооруженных силах Советской республики справиться с военным шпионажем пытались по аналогии со старой армией. Для этого в мае 1918 года была создана служба, получившая название Военного контроля. Его органы в ряде случаев успешно боролись с иностранным шпионажем. Вместе с тем проникшие в них под видом специалистов бывшие царские офицеры превращали подразделения Военконтроля в очаги контрреволюции. Вот почему на наиболее опасных участках фронтов, где заговоры и мятежи контрреволюционных элементов наносили особенно ощутимый ущерб, ЦК РКП(б) и Советское правительство разрешили в июле 1918 года создание фронтовых и армейских ЧК. Существование двух параллельных структур в лице Военконтроля, подчинявшегося председателю Реввоенсовета республики, и чрезвычайных комиссий, контролируемых председателем ВЧК, приводило к опасному соперничеству. Для примирения Л.Д. Троцкого и Ф.Э. Дзержинского потребовалось специальное заседание Бюро ЦК РКП(б) под председательством В.И. Ленина, ко-

торое приняло 19 декабря 1919 года постановление об объединении органов Военконтроля и военных ЧК. Вместо них были образованы фронтовые, армейские и дивизионные особые отделы — отделения с двойным подчинением — РВСР и ВЧК. В задачи новых органов военной контрразведки вменялась «борьба с контрреволюцией и шпионажем в частях и учреждениях, действующих на фронте и в прифронтовой полосе». При организации особых отделов рекомендовалось «использовать лучшие силы коммунистов и сотрудников военных ЧК и Военного контроля».

На должность начальника особого отделения 51-й дивизии был назначен с оговоркой «врио» Александр Селиванович Шаврин. Ему тогда едва исполнилось девятнадцать лет.

Молодость особиста не насторожила двадцативосьмилетнего начдива Блюхера. В ту пору рано мужали. Вот и Шаврин: в 1915 году в четырнадцать лет стал после смерти отца главным кормильцем семьи, состоящей, кроме него, из семи человек: больной пороком сердца матери да шести братьев в возрасте от 11 лет до года. Позднее Шаврин так напишет о своей жизни до встречи с Блюхером: «По должности писца в конторе Полазинского завода Пермского уезда получал 10-рублевое жалованье. В конце 1917 года по предложению Совета рабочих депутатов перешел на службу секретарем в Совет и, таким образом, проработал до момента наступления белых. В РКП(б) с апреля 1919 года Уральским областным комитетом партии был мобилизован в Красную Армию и направлен в распоряжение Военного контроля при штабе 3-й армии Восточного фронта. В апреле 1919 года назначен начальником 7 пункта Военконтроля. Вскоре этот пункт выделили для обслуживания Осевэка тов. Мрачковского. В сентябре 1919 года получил назначение в особотделение 51-й дивизии».

Начдив 51-й предпочитал фланговые удары, смелые маневры, дерзкие рейды по тылам противника. Его не пугали окружения, он вырывался из них, путая неприятелю все планы. Так было в июне 1918 года в Башкирии и в октябре 1919 года под Тобольском. Так могло бы быть и в июне сорок первого, если бы не ноябрь тридцать восьмого.

Блюхер понимал, что его тактика обречена на гибель без обеспечения скрытности замыслов от вражеской разведки. Вот почему ему был нужен толковый особист. О том, что Шаврин отвечал требованиям начдива, свидетельствуют победы 51-й дивизии над белогвардейцами на Восточном и Южном фронтах.

На особые отделения возлагалась также «филтрация» пленных, которые в условиях гражданской войны являлись резервом пополнения противоборствующих сторон.

У многих особистов разговор с пленными белопогонниками короток: «Контра? К стенке!». Правда, колчаковские и врангелевские контрразведчики также не жаловали пленных краскомов.

Шаврин, по согласованию с начдивом, давал возможность найти свое место в революции людям, обманом или силой втянутым в белое движение. Через «фильтр» особотделения 51-й дивизии прошло более 10 тысяч пленнх солдат и офицеров, в том числе Л.А. Говоров, бывший колчаковский поручик, будущий Маршал Советского Союза.

В мае 1921 года Шаврин простился с Блюхером, которого ЦК партии направил в распоряжение правительства Дальневосточной республики. Там начдив стал военным министром и главкомом. Участие Шаврина в разгроме Врангеля отмечено в приказе № 28 по особому отделу 6-й армии: «Врио особотделения 51-й дивизии тов. Шаврин за проявленную им энергию во время Крымской операции представляется к награде карманными часами с надписью «Врио особотделдива 51 тов. Шаврину за Крымскую операцию от особотдарма 6 и Крыма. 25.12.20 г.». Начособотдарм-6 Быстрых».

Гражданская война окончилась. Немало воинских частей, а с ними и особых отделов было расформировано. Шаврин получил назначение в ГПУ Украины, где участвовал в ликвидации остатков банд Махно и Петлюры. Через три года судьба вновь забросила бывшего особиста 51-й в Тюмень.

Встреча на вокзале

В аттестации отмечалось: «В январе 1926 года тов. Шаврин назначен замначальника Тюменского окротдела ОГПУ. Работу органов ОГПУ знает, относится к ней серьезно. Хорошо ориентируется в обстановке. Коллегией ОГПУ награжден серебряными часами с надписью: «Чекисту — бойцу тов. Шаврину А.С. за самоотверженную работу на трудном чекистском посту, направленную на борьбу с врагами первого в мире пролетарского государства».

Тогда тюменские чекисты обратили внимание на Бентхена Эмиля Эмильевича, приехавшего из Москвы к своему брату, бывшему царскому офицеру. Устраиваться на работу он не спешил, а все свободное время использовал для встреч с известными окротделу ОГПУ бывшими колчаковцами и участниками восстания 1921 года. В общении он выдавал себя за сына помещика, кавалергарда, инженера-путейца, владел английским, французским и немецким языками, проявлял интерес к пропускной способности железнодорожной

станции, дислоцированным в городе воинским частям, настроениям крестьянства, результатам чисток в местных партийных организациях. Шаврин навел о Бентхене справки и выяснил, что тот окончил два курса кадетского корпуса, коммерческое училище и курсы иностранных языков, в царской армии был корнетом. С 1921 по 1923 годы служил в Красной Армии сначала секретарем моботдела штаба Приуральского военного округа, а потом комендантом Красноуфимска и начальником конвойной команды в Шадринске. Его видели в обществе германского подданного Альберта Шмидта, однако выяснить характер их отношений не успели: Бентхен уволился с военной службы и уехал в Москву. Его отец, выходец из Бельгии, владел курортом «Ключи» вблизи Шадринска, а после революции уехал за границу.

Эти сведения усилили подозрения Шаврина относительно истинных целей приезда Бентхена в Тюмень.

В то время тревожной была обстановка на восточных границах. Войска маньчжурского правителя Чжан Сюэяня произвели налет на КВЖД и консульство СССР в Харбине, подвергли пыткам и издевательствам советских граждан. Рассчитывая втянуть СССР в большую войну, они предприняли в ноябре 1929 года попытки вторгнуться на советскую территорию в Приморье и Забайкалье. В связи с этими событиями возросла активность Бентхена и его знакомых. Одного из них, Долганова, следившего за прохождением на восток воинских эшелонов, задержали рабочие железнодорожного депо. На допросе он показал, что «выполнял задание Бентхена по сбору сведений о численности частей Красной Армии, перебрасываемых к границе с Маньчжурией, их вооружении, настроениях красноармейцев. Также выезжал на реку Тавду для налаживания связи с отрядом братьев Пуртовых. Бентхен заявлял нам, что война в нынешнем году будет неизбежно, в результате Россия получит освобождение от большевиков. Власть временно перейдет в руки единоличного диктатора, и пусть этот будущий диктатор будет даже с короной, все же лучше, чем большевики».

Проживавший на квартире Долганова Бентхен был арестован. Обнаруженные при обыске зашифрованные шпионские донесения свидетельствовали о его связи с иностранными разведками. Как позднее выяснилось, Бентхен еще в 1921 году инициативно передал добытые с помощью начальника мобуправления при УРВО Сиднева документальные материалы о дислокации и расположении воинских частей округа. Могли ли добытые резидентурой Бентхена сведения о силах, спешивших на подмогу Особой Дальневосточной армии по-

мешать ее командарму Блюхеру образумить зарвавшегося агрессора? Как знать! Китайские милитаристы и главари белой эмиграции рассчитывали на численное превосходство своей 40-тысячной армии над сравнительно небольшой советской частью. Разведки империалистических государств, стоявших за спиной маньчжурского правителя, волновались: успеет ли Блюхер получить подкрепление.

В большой победе командарма был маленький вклад его бывшего особиста. В те дни Шаврин мысленно находился рядом с Блюхером. Для этого утверждения есть основания. В ноябре 1928 года начальник Тюменского окротдела ОГПУ Плахов получил телеграмму из полномочного представительства ОГПУ по Уралу: «Особотдел Дальневостарма запросил нас о возможности откомандирования в их распоряжение т. Шаврина. Сообщите, чем это вызвано».

Плахов ответил: «По заявлению т. Шаврина, он никакого ходатайства о своем переводе в особотдел Дальневостарма не возбуждал и переписки с ними не имеет. Запрос об его откомандировании туда объясняет нахождение там т. Блюхера, с которым он виделся при проезде его из Москвы, и в разговоре с ним, т.е. с т. Блюхером, он дал ему согласие на поездку вместе с ним при условии, если ПП ОГПУ по Уралу не будет возражать. Просьба об откомандировании от т. Шаврина мне лично не поступало. Мое личное мнение таково, что Шаврина откомандировывать не следует».

О чем говорили командарм и чекист на тюменском вокзале? Думаю, не только об обстановке на Дальнем Востоке. Шаврина волновало превращение органов госбезопасности в карательную силу, насильственная коллективизация крестьянства, надзор за ссыльными участниками оппозиции... Не мог он не поделиться своими тревогами с Блюхером. Узнало их и начальство в Свердловске. Стало выяснять причины. Плахов защитил своего заместителя: «Мое личное мнение, что тов. Шаврин хороший стойкий чекист и партиец и вполне достоин быть награжден орденом Красного Знамени... Работая в органах ВЧК-ОГПУ, он достаточно растерял свое здоровье, имея сейчас в наличии невроз в тяжелой форме, который зачастую препятствует его работе».

И медицинская комиссия подтвердила: «В период гражданской войны перенес сыпной и возвратный тиф. Страдает неврастенией в резкой форме».

В октябре 1931 года Шаврина перевели в Свердловск и назначили старшим практикантом ПП ОГПУ. Эти должности в то время были введены для новичков, проходивших испытательный срок, и для ветеранов-чекистов, «проявлявших

колебания». Шаврина это последнее предупреждение не пугало. Он сделал выбор и в феврале 1936 года положил свое удостоверение на стол энквэдэшного начальника. Такой дерзости ему не простили: через год в УНКВД по Свердловской области поступил запрос с Лубянки: «По имеющимся у нас сведениям А.С. Шаврин за время его работы в органах ОГПУ с 1927 года являлся членом контрреволюционной троцкистской организации». От его сослуживцев требовались показания, подтверждающие обвинение. Но бывший начальник Тюменского окротдела ОГПУ Плахов написал: «Шаврин А.С. в бытность мою в Тюмени работал уполномоченным и моим заместителем с 1926 по 1931 гг. Обвинения в его принадлежности к контрреволюционной троцкистской организации категорически отрицаю. Знаю Шаврина как стойкого чекиста и честного партийца. Плахов. 9 мая 1937 года».

Три жизни генерала Пепеляева

История гражданской войны в Сибири долгое время представлялась столкновением абстрактных сил: красных и белых. Почему эта трагедия оказалась обезличенной? Дело в том, что ее главные участники были уничтожены и преданы забвению: и победители, и побежденные. Сегодня мы многое знаем о судьбе Тухачевского, Эйдемана, Мрачковского и других красных командиров, воевавших в Сибири. Пора рассказать и о их противниках: Каппеле, Анненкове, Пепеляеве...

Жизнь первая. Омск—Тобольск

Анатолий Николаевич Пепеляев родился 3 июля 1891 года в Томске. Его отец вышел в отставку генерал-лейтенантом. Сына отдал в Омский кадетский корпус. Потом — Павловское военное училище в Петербурге и назначение на должность младшего офицера пулеметной команды в 42-й Сибирский стрелковый полк.

Какой-то протекции у подпоручика Пепеляева, несмотря на отца-генерала, не было. В августе 1914 года он отправился на фронт, в конную разведку. Воевал достойно: золотое Георгиевское оружие и восемь боевых орденов, включая св. Георгия 4-й степени, зря бы не дали.

Позднее он написал: «...моим знаменем на германской войне было — победа и величие России. Для этого я не щадил своей жизни, но действительность оказалась иной: боевые полки бестолково гибли. Таяли новые пополнения, армия не получала патронов и снарядов... Встал вопрос: кто виноват? Ответ один: бездарное правительство, неспособное организовать оборону страны. Поэтому я, как и большинство офицеров, спокойно встретил февральскую революцию и отречение Николая Романова от престола. Но и пришедшее к власти правительство князя Львова и Керенского не сумело остановить развал державы и армии. Мои бывшие полководцы Брусилов, Корнилов, Алексеев издавали приказы, которые никто не выполнял. Войска уходили с позиций. В этом я видел гибель России и искал какую-то силу, способную изменить

катастрофическое положение, но не находил ее. С такими чувствами тоски и безнадежности я возвратился в Томск...».

В условиях острой политической борьбы Советов с Сибирской областной Думой подполковник Пепеляев не мог остаться в стороне.

«...В феврале 1918 года, — вспоминал он, — я встретил на улице капитана Достовалова, с которым учился в Павловском военном училище. На фронте он стал командиром батальона, имел ранения и награды. «Ты еще не состоишь в организации?» — его первый вопрос. «Нет, — ответил я, — да и не знаю никакой организации». Он: «А мы о тебе говорили: приходи завтра в гостиницу «Европа». Так я вступил в подпольную офицерскую организацию, возглавляемую полковником Самароковым, и был назначен начальником штаба...».

Мятеж чехословацкого корпуса, сформированного из военнопленных, ускорил вооруженное выступление офицеров. 27 мая они свергли в Томске Советскую власть. Временное Сибирское правительство П.В. Вологодского приступило к формированию собственной армии. Пепеляев был назначен командиром 1-го сибирского стрелкового корпуса. Первоначально численность корпуса не превышала нескольких сотен мобилизованных офицеров и добровольцев. Однако в ходе стремительного наступления на Транссиб они заняли Красноярск, Иркутск, Верхнеудинск, Читу и в сентябре встретились на станции Оловянной с казаками атамана Г.М. Семенова.

Но по-настоящему звезда 27-летнего генерала Пепеляева взошла 25 декабря 1918 года: захват Перми и разгром 3-й армии красных открывал дорогу на Москву.

Но в гражданской войне развитие событий зачастую непредсказуемо и зависит отнюдь не от личной храбрости полководцев.

«...После поражения в июне 1919 года Западной армии генерала Ханжина на подступах к Самаре и у Бузулука я получил приказ отступить за Каму на Пермь и дальше на Тюмень и Ишим, где произошли последние бои за Сибирь. Тогда же вооруженные силы у Колчака были реорганизованы: их разделили на три армии. Меня назначили командующим 1-й Сибирской армией. Оборонительная операция на реке Тоболе, которой я руководил, развивалась успешно, но из-за общего кризиса власти Колчака войска потеряли боеспособность и отходили без сопротивления на восток.

После неудач на Тоболе генерал Дитерихс был смещен с должности главнокомандующего. Сменивший его генерал Сахаров приказал мне погрузить часть армии в эшелоны и перебросить ее в Новониколаевск, Томск, Тайгу, Барнаул,

Красноярск для пополнения новобранцами и организации нового фронта.

Однако запасные полки в тыловых городах выражали резкое недовольство колчаковским режимом и не хотели сражаться с красными войсками. Упала дисциплина. Жажда как-то скорее окончить войну овладела всеми. Началось повальное дезертирство. Между Томском и Красноярском 1-й Сибирской армии не стало...».

Вступившая 20 декабря 1919 года в Томск 30-я стрелковая дивизия под командованием 20-летнего Альберта Ланина рассчиталась с белыми за «пермскую катастрофу». Красные захватили свыше 30 тысяч пленных и богатые трофеи.

С остатками войск генерал-лейтенант Пепеляев прикрыл отход 2-й и 3-й армий Каппеля и Войцеховского и свалился с сыпным тифом, который косил всех без разбора — генералов и солдат.

Пережившие кошмар зимнего отступления большие и малые отряды собрались весной 1920 года в Забайкалье. Но уже без Пепеляева.

Мотивы своего отказа продолжать вооруженную борьбу с большевиками он объяснил так: «Я решил уехать из России, чтобы пересмотреть прошлое с его ошибками. В Чите я получил в японском консульстве рекомендательные письма и в апреле оказался в Харбине».

Другие причины ухода командующего разбитой армией за границу вызваны внутренними неурядицами в ставке сибирской контрреволюции. Когда Колчак стал терпеть поражение за поражением, против него возник заговор, во главе которого стоял старший брат генерала Пепеляева — Виктор Николаевич, премьер-министр колчаковского правительства. Он хотел примириться с демократической общественностью в лице земств и городских Дум Сибири, недовольных военной диктатурой. Заговорщики готовы были заменить Колчака Пепеляевым-младшим, на войска которого они рассчитывали опереться в случае упорства адмирала.

9 декабря на станции Тайга братья арестовали главнокомандующего колчаковской армией генерала Сахарова. Для переговоров с Колчаком и создания правительства «общественного доверия» отправился Виктор Пепеляев (6 февраля 1920 года его вместе с Колчаком спешно расстреляли в Иркутске по постановлению местного ревкома).

Но младший брат считал себя не политиком, а военным. Кроме того, значительная часть кадрового офицерства не разделяла взглядов Пепеляевых. И без того деморализованные белые войска остались без управления. Вспыхнули вос-

стания в Новониколаевске и в других тыловых гарнизонах. Только 12 декабря в должность главнокомандующего вступил генерал Каппель. Но прекратить отступление, похожее на бегство, не удалось.

Анатолий Пепеляев тяжело переживал трагедию белого движения в Сибири и судьбу старшего брата. 28-летнему генералу казалось, что его жизнь тоже кончилась.

Жизнь вторая. Харбин—Якутия

Обстановку среди дальневосточной белой эмиграции в Маньчжурии Пепеляев позднее характеризовал так: «...разгром белых армий выбросил в полосу отчуждения Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) первую волну беженцев. Здесь были бросившие свои имения помещики из Казани, Самары, Уфы, буржуазия Урала и Сибири, железнодорожники Златоустовской и Пермской дорог, сибирские, уральские и оренбургские казаки, зажиточные крестьяне с Волги и Камы, десятки тысяч солдат. Все они спешили как-то устроиться, приспособиться к новым условиям, жадно ловили слухи с родины, верили, что их пребывание здесь — временное и скоро возвращение в брошенные города и села. Жизнь в Харбине кипела. Знакомства завязывались легко и быстро. Сходились в столовых «союза городов», в дешевых трактирах и чайных, а то и просто на улицах.

Тоска и разочарование в прежних идеалах прошли. Со мной в Маньчжурию пришли офицеры и солдаты, за которых, кроме меня, никто не хотел побеспокоиться.

...Тогда я организовал артели: плотников, грузчиков, извозчиков. Для взаимопомощи организовал «Воинский союз», председателем которого выдвинули генерала Вишневского, бывшего командира 2-го корпуса моей армии.

...Япония, зорко следившая за политической жизнью в Харбине, отметила создание «Воинского союза», как организации, способной продолжать борьбу с большевиками. Не случайно от японского правительства через бывшего министра иностранных дел Сибирского правительства И.А. Михайлова мы получили 10 тысяч иен.

...1921 год активизировал русскую эмиграцию. Постоянные сообщения белогвардейских газет о голоде в России, о жутких репрессиях и крестьянских восстаниях будоражили беженцев. Созывались совещания и съезды. Создавались и распадались политические блоки, кабинеты и правительства. Спорили за министерские портфели. Подсчитывали иностранные деньги и российские штыки. На политическом гори-

зонте вновь замаячили представители зарубежных посольств, консульств и миссий. Особую активность развили японцы.

Они сколотили широкий антибольшевистский блок: харбинское и беженское купечество, сибирско-уральское общество мукомольцев, политические группировки газет «Свет», «Русский голос», «Заря», кооператоров, земский и городской союз... Споры шли из-за атамана Семенова: японцы не хотели с ним расставаться, а эмигранты, даже не социалистической ориентации, не хотели с ним знаться.

Еще зимой 1921 года в Харбине появился Сазонов, видный эсер, лидер сибирских предпринимателей. Он организовал «Сибирский комитет», политической платформой которого стало возрождение Сибирской автономной республики. Предполагалось: использовать восстание крестьянства в Сибири для воссоздания сибирской армии, которая свергнет Советскую власть, а созванная Сибирская Дума установит новую буржуазно-демократическую форму правления с восстановлением частной собственности на землю и средства производства.

Базой для формирования этой армии и стал мой «Воинский союз».

...Для распространения антибольшевистского крестьянского восстания по всей Сибири было решено послать в Якутию дисциплинированный офицерский отряд. Я согласился его возглавить.

Руководство «Сибирского комитета» обещало выделить для финансирования «экспедиции» 500 тысяч рублей золотом из колчаковских запасов, переправленных в Японию. Однако я получил лишь 60 тысяч, а также тысячу винтовок и 100 тысяч патронов.

В конце августа 1922 года я сформировал «Сибирскую добровольческую дружину» численностью 750 штыков с 2 пулеметами и на двух пароходах отправился из Владивостока в якутский поселок Аян...».

Почему генерал Пепеляев отважился на эту рискованную операцию? Только ли новый подъем белого движения — по существу, последняя агония — погнал его в далекий и опасный путь?

На мой взгляд, этим отчаянным поступком он хотел поддержать свою офицерскую честь перед генералами Войцеховским, Вержбицким, Молчановым, Бородиным и другими участниками «Великого сибирского ледяного похода» колчаковских армий, не сложившими оружия зимой 1919—1920 годов. Была и еще одна причина: для подъема белого движения требовались немалые деньги. Часть золотого запаса, вы-

везенного за границу преемником Колчака атаманом Семеновым, контролировалась японцами. Но командующий 1-й Сибирской армией еще в августе 1919 года отправил пароход с золотом в среднее течение Оби. Офицеры надежно спрятали сокровища в глухом бору возле селения с запоминающимся названием Сургут. Они хорошо запомнили дорогу к золоту, которое давало Пепеляеву полную независимость от иностранцев и их прихлебателей, мнивших себя новыми хозяевами Сибири.

Однако не искушенного в политических интригах молодого генерала обманули. «...В Якутии, — писал Пепеляев, — я нашел совсем иную обстановку, чем ту, о которой мне говорили руководители «Сибирского комитета». Повстанцы были разбиты, и вместо 12-тысячной армии остался отряд в 250 штыков, деморализованный и почти безоружный. Село Нелькан в 250 километрах от Аяна, где нам обещалось продовольствие и зимняя одежда, оказалось занято красными войсками...».

Тем не менее «Сибирская добровольческая дружина» выступила в поход и 23 сентября стремительной атакой захватила Нелькан. Дождавшись там зимы, белые офицеры преодолели по таежным тропам 950 верст и 5 февраля 1923 года заняли пригород Якутска — слободу Амгу. Разгорелись ожесточенные бои с красными отрядами Ивана Строда, которые с переменным успехом продолжались до весны. Стороны понимали: отступление в тайгу — гибель.

Дружина несла потери, в тех условиях невозполнимые, и Пепеляев отвел остатки своих войск обратно в Аян. Прижатые к океану, 17 июня 1923 года, они прекратили сопротивление.

Военный трибунал 5-й армии РККА приговорил «организатора и руководителя Якутского восстания» к расстрелу. ВЦИК заменил расстрел 10-летним заключением в Ярославском политизоляторе. Анатолия Пепеляева оставили в живых. Но он уже не считал свое существование жизнью.

Жизнь третья. Ярославль—Лубянка

После двух лет «одиночки» генералу разрешили работать плотником, столяром и стекольщиком. Он получал письма из Харбина — от жены Нины Ивановны и сыновей Всеволода и Лавра. В 1933 году тюремный срок закончился. Пепеляев написал прошение об освобождении — ему отказали без всяких объяснений. Со своей участью он давно смирился, политическими событиями в стране не интересовался, газет и книг, за исключением Библии, не читал, и лишь золотой

нательный крест с серебряной цепочкой напоминал ему о протекшей, иной жизни.

Можно представить, насколько неожиданными были для него 6 июля 1936 года слова тюремного начальства: «Вы свободны!». Поселившись в Воронеже, Анатолий Николаевич устроился краснодеревщиком на местную мебельную фабрику. Там он проработал чуть больше года: 20 августа 1937 года его арестовали, изъяв временное удостоверение, выданное вместо паспорта, профсоюзный билет, зачетную книжку заочника пединститута (он хотел стать учителем), несколько облигаций займа «второй пятилетки», 1195 рублей, карманные часы и крест. Тот самый.

Сегодня не надо доказывать, что предъявленные Пепеляеву обвинения в «руководстве крупной разветвленной контрреволюционной кадетско-монархической организации на территории Западно-Сибирского края...» полностью вымышлены, а его признания «в подготовке вооруженного восстания и восстановления монархического строя в СССР» вымучены под пытками. И выдержанное в духе сталинско-ежовского секретного приказа № 00447 постановление «тройки» НКВД о расстреле генерала не удивляет.

Важно другое: почему его выпустили из тюрьмы накануне «большого террора»? Для того, чтобы хоть как-то подтвердить «враждебную деятельность»? Но «тройка» не требовала никаких подтверждений — в обвинительном заключении так и указано: «вещественных доказательств по делу нет».

Ответ находим в протоколе допроса от 9 декабря 1937 года (через два дня после заседания «тройки», постановившей расстрелять арестованного!). Этот документ приобщили к следственному делу только в 1962 году.

Оказывается, следствие тоже интересовало: кто и почему освободил Пепеляева.

«В январе 1936 года, — рассказал он, — меня неожиданно вывезли из Ярославского изолятора в Москву. После суточного ожидания в одиночной камере Бутырской тюрьмы я был переведен во внутреннюю тюрьму НКВД и вечером того же дня вызван на допрос к начальнику Особого отдела НКВД комиссару государственной безопасности Гаю. При моем появлении он вышел из-за стола, крепко пожал мне руку и предложил сесть в кресло. После этого сказал: «Вот вы сидите у нас уже тринадцатый год, а мы вас не знаем. Я специально вызвал вас к себе, чтобы познакомиться и определить вашу дальнейшую судьбу».

Затем он стал расспрашивать меня о моем прошлом, о службе до германской войны и на фронте. Интересовался мо-

ими наградами, а узнав, что за боевые отличия я был награжден офицерским Георгиевским крестом и золотым Георгиевским оружием, воскликнул с неподдельной искренностью: «Мы ценим боевых людей. Конечно, вас можно было бы использовать в армии, но вы, наверное, технически отстали и многое забыли». Спросил, не занимался ли я военным делом в заключении. Этот вопрос меня смутил, мне показалось: начинается допрос. «Нет, — ответил я, — там я не мог заниматься военным делом, так как не имел специальной литературы». «А как бы вы посмотрели на то, — сказал Гай, — если вас назначить преподавателем в одно из военных училищ. Тактику могли бы преподавать?». Я ответил, что преподавал тактику около двух месяцев в прифронтовой школе прапорщиков в 1916 году и, конечно, пошел бы на военную службу, но если это невозможно, то поступил бы в столярную мастерскую, так как в заключении обучился столярному ремеслу.

Гай, многозначительно посмотрев на меня, сказал, что ему хорошо известно, что я делал в изоляторе. «Ну, хорошо, — заметил он, — мы подумаем, как вам помочь». После этого меня увели в камеру».

Последующие события были для Пепеляева совершенно неожиданны.

Ему объявили о предстоящем освобождении и возвратили в изолятор. 4 июля 1936 года его снова доставили в кабинет начальника Особого отдела НКВД.

«Гай зачитал постановление ЦИК СССР о моем освобождении — я стоял по стойке «смирно». Потом он сказал: «Вас Советская власть слишком жестоко наказала, но теперь вы свой срок отбыли и снова вступаете в жизнь. Выберите себе такой город, где бы вас не знали, например, Воронеж, и ведите себя крайне осторожно. Помните: за вами будут следить, — и после короткой паузы добавил: — мы вам поможем».

После окончания этой странной аудиенции бывшего генерала накормили, выдали тысячу рублей «по личному распоряжению наркома внутренних дел Ягоды» и до отхода воронежского поезда покатали на легковой машине по Москве.

Эта экскурсия вызвала у Пепеляева неподдельное волнение. «Вот она, Москва», — думал я, проезжая в машине по улицам и площадям. В те минуты, казалось, сбылась моя заветная мечта — во главе полков вступить триумфальным маршем в столицу русской земли... мысленно я горячо благодарил Гая за эту прогулку...».

В Воронеже стараниями местных чекистов Пепеляеву были созданы сносные бытовые условия.

Какую же роль отводили Генрих Ягода и его заместители бывшему белому генералу? «Подсадного» руководителя очередной легендированной антисоветской организации, подобной тем, на которых «купились» знаменитый террорист Борис Савинков и не менее знаменитый супершпион Сидней Рейли? Но Сталина и его окружение интересовали не столько оперативные игры с иностранными разведками и враждебными эмигрантскими центрами, сколько борьба с внутренней политической оппозицией.

Несомненно, руководители НКВД еще в ходе подготовки первых московских процессов проанализировали директивы, получаемые от Сталина, и сделали удивительное для себя открытие: вождь наметил уничтожить также их самих — как нежелательных свидетелей. Но, даже распознав это, они не могли использовать огромную мощь своего аппарата ради спасения собственных жизней. И на армию нельзя было опереться — она ненавидела НКВД.

Оставалось одно: использовать для вооруженного свержения Сталина бывших противников большевистского режима, имевших опыт военных переворотов.

Кандидатура генерала Пепеляева всем этим требованиям отвечала. Поэтому, я уверен, его появление в высоких чекистских кабинетах не случайность.

Сталин опередил заговорщиков: в октябре 1936 года его фаворит Ежов был назначен наркомом внутренних дел вместо смещенного Ягоды. Все заместители наркома и начальники основных управлений получили мандаты на бланках ЦК и отправились «проверять политическую надежность соответствующих обкомов партии». Мест назначения, указанных в этих мандатах, никто из них не достиг: все были тайно высажены из вагонов на первой же подмосковной станции и на машинах доставлены в тюрьму, где их расстреляли, даже не заводя уголовных дел. Среди исчезнувших был и Гай. Поэтому о Пепеляеве уже никто не вспомнил вплоть до его ареста.

Получив показания о связях белого генерала с руководителями НКВД, следователи запросили Москву: «Что делать?». Им разъяснили, что эти материалы уже не нужны. Вот почему Пепеляев успел в своей «третьей жизни» дважды встретить новый, 1938 год: по новому и по старому стилю. Его расстреляли во вторую новогоднюю ночь в подвале Новосибирского УНКВД. Там же казнили самого младшего Пепеляева — Михаила, служившего в колчаковской армии штабс-ротмистром, а после поражения белогвардейцев в Сибири ставшего заключенным Сиблага.

Но и победители ненамного пережили побежденных. Помощник командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией комкор Лапин (он ж Лапинь, Лапиныш, Сейфулин), награжденный пятью орденами, покончил жизнь самоубийством на Лубянке после пыток. Он своей кровью написал письмо в ЦК ВКП(б): «...я не контрреволюционер и не имел к ним никакого отношения». И усмирителя Якутского восстания 1921—1923 годов, трижды орденосца Строду тоже расстреляли.

Тайна атамана сибирских казаков

Вне поля зрения исследователей остается пока историческая правда о Сибирском казачьем войске и его атаманах. Мифов и легенд о них сочинено предостаточно и красными, и белыми. Теперь настало время былей.

«Сибирский Денис Давыдов»

К началу XX века в Российской империи существовало 11 казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Оренбургское, Уральское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское.

Сибирское казачье войско было образовано в 1808 году в двух областях степного генерал-губернаторства — Акмолинской и Семипалатинской — и в Бийском округе Томской губернии. Центр находился в Омске. В германскую войну сибирское казачество выставило 9 конных полков, 6 отдельных сотен и ...хорунжего Бориса Анненкова, приговоренного окружным судом к одному году и четырем месяцам заключения в крепость.

Его родословная по линии отца — отставного полковника — шла от декабриста Ивана Александровича Анненкова, кавалергардского поручика, известного своей романтической любовью к француженке Полине Гебль. Когда участника Северного тайного общества сослали в Сибирь, она выпросила у царя разрешение следовать за любимым и выйти там за него замуж (эта история легла в основу фильма «Звезда пленительного счастья»). В Тобольске опальный офицер служил канцеляристом в губернском управлении, и местные власти высоко отзывались о его деловых качествах. Полина Егоровна воспитывала детей и писала «Рассказы-воспоминания», напечатанные потом в журнале «Русская старина». Трое их сыновей учились в гимназии, которой руководили отец великого химика И.П. Менделеев и поэт П.П. Ершов.

Анненковы дали Отечеству знаменитых юристов, писателей, публицистов, педагогов, ботаников, государственных деятелей, но больше всего — военных.

Восьмилетнего Бориса определили в Одесский кадетский корпус, а после окончания Московского военного Александровского училища (его символом изображался пеликан, кормящий птенцов, — в память того, что предком училища считался Александрийский сиротский институт) назначили командиром сотни в Сибирский казачий полк. Тогда ему исполнилось двадцать лет. Вспоминая начало своей службы, он писал: «...Обстановка в полку сложилась тяжелая. Среди казаков все сильнее проявлялось недовольство муштрой, строгостью порядков, развязным поведением офицеров. За малейшее непослушание следовали строгие наказания, обычным делом было рукоприкладство и мордобой. Один из случившихся на этой почве эксцессов привел к бунту казаков, последствия которого изменили всю мою жизнь».

Казачьи расправы с жестоким начальником лагерных сборов и разогнали офицеров. Не тронули только Анненкова, более того, по их просьбе ему пришлось принять на себя командование сразу тремя полками — сказалось уважительное отношение хорунжего к нижним чинам.

Для расследования происшествия из Омска прибыл войсковой атаман с карательным отрядом. От Анненкова требовали назвать главных бунтовщиков, но он ответил, что офицер русской армии не может быть доносчиком. Его судили вместе с 80 другими казаками, а отбытие наказания заменили направлением на фронт.

После временных военных успехов русская армия потеряла ряд тяжелых поражений. Противник захватил входившую в состав Российского государства Польшу, Прибалтику и часть Белоруссии. Передовые посты неприятельской кавалерии появились около Минска. В обстановке всеобщего уныния кто-то пустил слово «Отечественная война». Этим сравнением с войной 1812 года оскорбленное самолюбие русских людей стремилось выжить в отступлении. «Чем дальше уйдем, — успокаивали газеты, — тем лучше: врагу труднее будет затем убраться восвояси». Император Николай II любил исторические параллели, и поэтому сравнение неудачной войны с эпохой 1812 года его соблазняло давно. По примеру своего прадеда Александра I Николай II сам вступил в главнокомандование действующей армией. Роль фельдмаршала Кутузова отводилась начальнику штаба Ставки генералу от инфантерии Михаилу Васильевичу Алексееву, который пользовался в войсках вполне заслуженной репутацией человека больших знаний и огромной личной трудоспособности. Его уважали и любили за простоту обращения и общую благожелательность к подчиненным. Участник трех кампаний — ту-

рецкой, японской и германской, он, несомненно, был одним из наиболее опытных русских военачальников.

По аналогии с прошлым, в тылу противника стали создаваться партизанские отряды из добровольцев. Они сами выбирали себе начальника или атамана. Одним из них стал штрафник Анненков. Партизаны носили отличительную нашивку: черный круг с красным углом, череп и кости, а также флажок с такой же эмблемой презрения к смерти — немцы не брали в плен партизан. Своими лихими налетами анненковцы наводили ужас на неприятельские гарнизоны. Известный военный историк генерал фон Позек в книге «Германская конница в Литве и Курляндии» отмечал: «Русская конница была достойным противником. Ее состав был прекрасен. Особенно она отличалась в разведке. Ее дозоры и разъезды появлялись повсюду и отличались умением хорошо применяться к местности. Части русской кавалерии сжимали наши разъезды в железные тиски, постоянно стремясь их отрезать, обойти и отогнать. Мы знали, что перед нами достойный и равный противник...».

Официальная пропаганда стала называть Бориса Анненкова «сибирским Денисом Давыдовым». Так же, как и «воин-поэт», казачий офицер в совершенстве владел искусством джигитовки, стрельбы с коня в любом положении, фехтования (в военном училище был инструктором по фехтованию). В декабре 1915 года Николай II вручил ему Георгиевское золотое оружие — шашку с надписью «За храбрость». Обращаясь к Георгиевским кавалерам, император сказал: «Будьте вполне покойны, я не заключу мира, пока мы не выгоним неприятельского воина из пределов наших...».

Так, «без страха и упрека» воевал за Россию молодой атаман, не задумываясь особо о высокой политике. В своих воспоминаниях он писал: «...Воспитание получил строго монархическое, тогда каждый офицер не имел права придерживаться никаких других взглядов. Я полагал, что монархический образ — самый подходящий для России... На фронте заниматься политикой было некогда. Какой-либо официальной информации о политической жизни в стране в наш отряд не поступало. О революции в Петрограде мы узнали из немецких листовок — государь отрекся от престола, а вся власть перешла в руки революционеров. 3 марта все воинские части, в том числе и мой партизанский отряд, были приведены к присяге на верность Временному правительству. Мне казалось, что это правительство создает такую власть, которая нужна народу, а Учредительное собрание выберет нового царя, опирающегося на Думу и земства... В сентябре мой

партизанский отряд передали в распоряжение штаба 1-й армии, а меня произвели из есаулов в чин войскового старшины (соответствовал подполковнику — А.П.). Но армией руководило уже не штабное командование, а комитет из представителей от солдат, казаков, офицеров и партизан. В такой обстановке мы получили известие об Октябрьском перевороте и свержении Временного правительства. Я считал, что большевики пришли к власти незаконным путем, что они не опирались на поддержку не только армии и казачества, но и вообще народа. Такое мнение тогда существовало у многих».

Итак, «исторические параллели», столь любимые Николаем II, закончились революционными событиями. Так было и после войны 1812—1815 годов. Только в отличие от «деликатного стояния» военных на Сенатской площади случился русский бунт — «бессмысленный и беспощадный». Кстати, Денис Давыдов с его репутацией вольнодумца, обиженный царским двором и обойденный по службе, наотрез отказался вступить в тайное общество и присоединиться к декабристам. Держался за монархию и Борис Анненков. В декабре 1917 года его партизанский отряд отправился в Сибирь на расформирование — содержать старую армию новое руководство оказалось неспособно.

«С нами Бог и ...атаман Анненков»

По прибытии партизан в Омск выяснилось: там собралось уже восемь казачьих полков при полном вооружении. Власть в городе принадлежала Войсковому Сибирскому правительству во главе с атаманом Копейкиным и Совету рабочих и солдатских депутатов, председателем которого был избран Н.Н. Яковлев. Совет предложил прибывшим с фронта частям разоружиться, а казакам разойтись по домам. Войсковое же правительство приказывало не сдавать оружие.

По воспоминаниям Анненкова, в самом затруднительном положении оказалось офицерство — поразительная схожесть с сегодняшней ситуацией в армии. «Большинство военных, — писал Борис Владимирович, — честно служили России, отдавали этому делу свои жизни. С упразднением чинов, званий и расформированием армии офицеры лишились всяких средств к существованию. Им просто некуда было идти, а потому каждый был готов предложить себя любому, кто давал хоть какую-то возможность служить. Другого ремесла они не знали. На этой почве у офицерства усилилось недовольство Советской властью...».

Воспользовавшись расколом среди казаков, Омский Совет предъявил им ультиматум: в течение трех суток сдать оружие, в противном случае они объявлялись вне закона. Одновременно было распущено и арестовано Войсковое правительство — так в Омске закончилось двоевластие. Но Анненков все равно не подчинился произволу и укрылся в шести верстах от города в станице Захламинской.

18 февраля 1918 года омичей разбудили колокольный звон и выстрелы — историки Сибири до сих пор считают тот ночной переполох попыткой вооруженного свержения Советской власти. На самом деле Анненков не ставил перед собой такой задачи, да и сил для этого у него было явно недостаточно — всего 24 человека. Смысл рискованной операции заключался в другом: анненковцы захватили в Казачьем соборе и спасли от поругания святыни сибирского казачества — знамя Ермака, стяг с изображением Георгия Победоносца, покровителя ратных людей Древней Руси, и Войсковое знамя 300-летия дома Романовых. Омский Совет не придавал этому налету особого значения: подумаешь, какие-то старорежимные реликвии — и даже не отправил погоню за храбрецами. Потом большевики, конечно, спохватились — со всей округи к Анненкову стекались казаки-добровольцы. Соединившись с восставшими чехословацкими военнопленными, «партизанский» отряд Анненкова разгромил у станции Марьяновка красноармейские части и захватил Омск. Партийное руководство Омской и Томской организаций и Западно-Сибирского областного Совета бежало на пароходах по Иртышу, Тоболу, Туре в Тюмень. Возрожденный Казачий круг избрал 29-летнего Бориса Анненкова атаманом Сибирского казачьего войска и произвел его в полковники.

Воспитанный в духе любви и преклонения перед воинскими традициями, формой, внешними знаками отличия в виде знамен, погон, нашивок, петлиц, кантов, кокард и орденов, атаман давал частям своего отряда звучные и громкие названия: «черные гусары», «голубые уланы», «кирасиры», «драгуны», «атаманский, егерский и конно-инженерный полки». Вместе с тем он широко и полно использовал новые демократические правила: офицеры и солдаты обращались друг к другу на «ты», вместо слов «Ваше благородие» и «Ваше превосходительство» вводились слова «брат-атаман», «брат-ротный», «брат-вахмистр»... В офицерский состав производили из рядовых. Даже бывших офицеров принимали сначала в нижние чины, и только убедившись в боевых достоинствах, назначали на командные должности. Из бывших вахмистров были командиры Атаманского, Оренбургского, 4-го полков, многие рядовые казаки командовали сотнями.

«Вообще же кадровые офицеры, — вспоминал Анненков, — избегали идти в мой отряд. Дело в том, что в колчаковской армии наиболее распущенными были именно офицерские полки. У нас в отряде к офицерам предъявлялись очень строгие требования, да и не было гарантий занять какой-то высокий пост. Отмечались случаи, когда прибывшие в отряд бывшие кадровые офицеры, побыв в полках простыми рядовыми, через 2—3 недели уезжали обратно к Колчаку. Но настоящей причиной чаще всего являлось нежелание служить под командой нижних чинов... Старых генералов я считал хламом — такое убеждение у меня сложилось еще на германском фронте. Поэтому я отвергал всех старых генералов и назначал молодых командиров, чем оздоровил начальствующий состав. Но такая практика вызвала недовольство в Омске...».

Здесь требуется небольшое пояснение. По сравнению с югом кадровое офицерство белого движения на Урале и в Сибири было малочисленно. К июлю 1919 года офицеров производства до 1915 года насчитывалось здесь около тысячи, а основную массу командного состава — в среднем 16—17 тысяч — составляли офицеры, в подавляющем большинстве вчерашние интеллигенты, получившие это звание в 1916—1922 годах. Дивизиями и корпусами на востоке не командовал ни один из генералов царской армии. Всеми соединениями руководили офицеры, пришедшие в белую армию в чине не выше полковника и произведенные в генеральские чины Временными правительствами и адмиралом А.В. Колчаком. К числу наиболее талантливых офицеров белой армии, выдвинувшихся на Восточном фронте, следует отнести генералов Владимира Каппеля, Анатолия Пепеляева и Бориса Анненкова, хотя последний всячески уклонялся от звания колчаковского генерала.

Военный министр Временного Сибирского правительства Иванов-Ринов позднее писал: «...В день Георгиевского праздника 25 ноября 1918 года я вызвал Анненкова по прямому проводу и сообщил, что Колчак требует его послужной список для производства в генерал-майоры. Но отличавшийся всегда особой партизанской самостоятельностью и часто не подчинявшийся ничьим приказам атаман ответил: «Останусь полковником, в каковой чин произвел Казачий круг за успешные боевые действия против красных частей Каширина и Блюхера на Верхне-Уральском фронте». Однако Ижевско-Воткинская рабочая и Анненковская «партизанская» дивизии были наиболее боеспособными и дисциплинированными соединениями, поэтому Колчак все же присвоил позднее генеральские чины их командирам».

По свидетельству самого Анненкова, дисциплина в его отряде «поддерживалась воспитательной системой, включавшей в себя изучение дисциплинарного устава и проведение бесед с солдатами и казаками. Необходимость борьбы с большевиками объяснялась главным образом тем, что они признавались незаконной властью. Распорядок дня в частях: уборка лошадей, утренняя гимнастика, строевые занятия. Перед отбоем — вечерняя церемония: перекличка, объявления приказов и в конце — молитва. Когда находились в тылу, пели: «Боже, царя храни», а на фронте, в боевой обстановке — «Спаси, Господи!» с изменениями. Молитва звучала так: «Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояние твое, победы нашему отряду на супротивника даруя».

Конечно, атаман не рассчитывал на успех только через песнопения. В отряде действовали военно-полевые суды, состоявшие из офицеров. Кроме того, существовала специальная комиссия для рассмотрения некоторых дел. При этом судьи руководствовались прежними законами России, уставами о наказаниях, приказами начальника штаба Верховного главнокомандующего Сибири. Практиковались и внесудебные расправы.

Красные политработники, да и колчаковские чиновники обвиняли Анненкова в антисемитизме, используя как доказательство приказ по дивизии от 9 мая 1919 года, который гласил: «Командирам частей запрещаю принимать на службу солдат иудейского происхождения...». В качестве примера личной неприязни атамана к евреям называли казнь поручика Пилло в июне 1919 года. Сам Анненков объяснял ее следующим образом: «...Пилло был прикомандирован из Омского резерва чинов. По прибытии в отряд его зачислили рядовым бойцом. Спустя некоторое время во многих частях стали отмечаться случаи употребления наркотических средств, упала дисциплина. Появились подозрения, что морфием или кокаином офицеров и рядовых партизан снабжал Пилло. К слову сказать, он объявился в отряде как артист Аполлонский. С ним была артистка Истомина-Жизневская. Своим поведением они разлагали дивизию. Я распорядился произвести у Пилло обыск, во время которого у него обнаружили кокаин и много шприцев. Стали разбираться, кто он такой, поскольку никакого удостоверения своего чина Пилло не имел. Ему сделали поверхностный экзамен, дали солдатское отделение, но командовать он не смог. На наши претензии Пилло ответил, что с германской войны прошло уже много времени и он забыл, как командовать. Дальше выяснилось: Пилло служил лишь обозным прапорщиком и не имел никаких заслуг.

Я считал, что он опозорил мундир русского офицера и Георгиевский крест, поэтому приказал его повесить, несмотря на то, что суд не доказал Пилло вредительства. Артистку Истомину-Жизневскую в 24 часа выдворили из района».

Вместе с тем Анненков запретил расправы над пленными красноармейцами, сложившими оружие. Даже в его личном конвое, состоящем из 30 казаков, половина раньше сражалась на стороне Красной Армии.

Но изменить жестокую логику гражданской войны не по силам никому, и атаман не стал в этом отношении исключением. Население Сибири в своем большинстве не хотело воевать ни за белых, ни за красных и упорно противилось всяким мобилизациям. И когда это сопротивление переросло в Славгороде в настоящее восстание, казаки по приказу Иванова-Ринова и Анненкова беспощадно изрубили повстанцев и мирных жителей. Так на атамана пала первая кровь безвинных. Такой крови анненковцы пролили немало.

Однако выводы некоторых историков и публицистов об атаманине (или атамановщине) как карательной системе борьбы со сторонниками Советской власти не совсем объективны. В «партизанскую» дивизию Анненкова входило 5 полков кавалерии, пехотный полк и несколько артиллерийских дивизионов, которые успешно противостояли стойким, правильно сформированным и хорошо вооруженным красным частям Семиреченского фронта. Мало того, в июле 1919 года атаману пришлось по приказу Колчака перебросить часть своих сил на Восточный фронт для спасения терпящей поражение Сибирской армии. Полки «черных гусар» и «голубых улан» задержали в междуречье Тобола и Ишима продвижение красной кавалерии и даже, прорвав фронт, вырвались на 60 верст в направлении Ялуторовска. Развитию контрнаступления помешало вспыхнувшее в Семипалатинске восстание и разгул Оренбургской армии атамана А.И. Дутова. Ее остатки (около 2,5 тысячи человек) двинулись через Голодную степь на соединение с дивизией Анненкова. Из этих деморализованных, разложившихся частей он сформировал два боеспособных отряда под командованием генералов Бакича и Щербакова и подчинил их себе. Колчак назначил его командующим отдельной Семиреченской армией — фактически атаман стал военным диктатором огромного степного края. К этому времени Анненков уже убедился в идейной обреченности колчаковщины. Особенно его возмущала зависимость адмирала от союзников. «Первоначально, — отмечал атаман, — Колчак объяснял прибытие в Сибирь союзных миссий необходимостью бескорыстной помощи белому движению в борьбе с большеви-

ками. Но потом я увидел, что в будущем за эту помощь придется расплачиваться полной эксплуатацией имеющихся у России богатств. Иностранцы поставили были значительными: оружие, обмундирование, техника — все английское, японское или американское... Судя по всему, иностранцы чувствовали себя хозяевами в Сибири. Они полностью контролировали железную дорогу. Участились случаи оскорбления чести русских офицеров со стороны иностранцев. По этому поводу я заявил протест Верховному командованию, но получил от Колчака ответ: «Мы должны относиться к выходкам иностранцев мягче, потому что они — наши союзники».

В конце 1919 года Восточный фронт рухнул, и Семиреченская армия Анненкова оказалась окруженной с трех сторон, в тылу была китайская граница. Не рассчитывая на снисхождение красных вождей, казаки собирались драться до последнего. Партизаны вновь развернули черные знамена с эмблемой смерти и надписью «С нами Бог». «...И атаман Анненков», — добавляли они, отбивая атаки красной конницы. Южная группа армии даже добилась частичного успеха, но запасы боеприпасов истощались, волнение населения, измученного братоубийственной войной, нарастало, и командующий отдал в мае 1920 года последний приказ об уходе в Китай. В авангарде — отряды семиреченского атамана Щербакова и оренбургские казаки Дутова, за ними колонны генерала Бакина. Сам Анненков с Атаманским и Кирасирским полками прикрывал отступление от висевшей на хвосте 13-й кавдивизии Каширина.

После перехода границы в районе Джунгарских Ворот атаман с несколькими тысячами солдат и казаков расположился лагерем на реке Боро-Тала. Он хотел создать здесь казачье «братство» и заняться земледелием и коневодством, хотя понимал: в покое его не оставят ни большевики, ни китайцы. Так и получилось: по требованию Советского правительства власти провинции Синьцзян попытались разоружить анненковцев — не вышло. Тогда атамана под предлогом проведения переговоров 30 марта 1921 года заманили к губернатору и упрятали в тюрьму — Зиндан, где он пробыл около трех лет.

О причинах этого задержания Анненкова существует несколько версий. Самая правдоподобная такова: китайцы (и не только они) мечтали заполучить крупные ценности Сибирского казачьего войска. Но добиться от атамана сведений о местах их хранения не удалось. Он отговорился: «...имел при себе 15 тысяч долларов и несколько миллионов сибирских денег, а основные средства — 600 тысяч рублей серебром — оставил на содержание армии у бывшего российского кон-

сула в городе Чугучаке в 18 верстах от границы». Отбить своего командира анненковцы не успели: 24 мая части Красной Армии по соглашению с китайскими властями перешли границу и разгромили лагерь белогвардейцев. Уцелело около двух десятков преданных атаману партизан, которые добивались его освобождения. После настойчивых хлопот начальника штаба Семиреченской армии полковника Николая Денисова и при содействии англичан Анненков вышел в мае 1924 года из тюрьмы.

С небольшим отрядом он направился в глубь Китая, поселился в предгорьях Тибета неподалеку от города Ланьчжоу и занялся изучением древневосточной философии и разведением чистопородных лошадей. Казалось, все о нем забыли, но вскоре его имя вновь разом всколыхнуло всю русскую эмиграцию. В газете «Новая шанхайская жизнь» за 20 апреля 1926 года было опубликовано обращение Анненкова к ВЦИК СССР.

«Раскаяние»

«...Я, Борис Анненков, в минувшую гражданскую войну принимал самое деятельное участие в борьбе на стороне белых. Я считал большевиков захватчиками власти, неспособными вести народ и страну к благу и процветанию. Суровая трех с половиной летняя борьба кончилась нашим поражением, и мы эмигрировали в Китай. Шесть лет эмиграции были самыми тяжелыми в моей жизни. Потеря своей родины, сознание своей вины перед людьми, которые верили мне и которых я повел за собой в скитание в Китай, сильно угнетали меня. Но эти шесть лет изгнания не прошли даром. Строгий анализ своих прошлых поступков и действий привел меня к таким выводам: гражданская война и борьба с Советами была глубоким моим заблуждением, ибо то, что сделала Советская власть после того, как окончила борьбу на всех фронтах с белыми поляками, говорит за то, что Советская власть твердо и неуклонно ведет народ и страну к достижению намеченных ею идеалов. Тот огромный шаг по пути строительства, который сделала Советская власть, является показателем того, что народные массы идут за своей властью, ибо только при полной поддержке всего народа можно достичь тех колоссальных успехов, кои достигнуты в СССР. Сознывая свою огромную вину перед народом и Советской властью, зная, что я не заслуживаю снисхождения за свои прошлые действия, я все-таки обращаюсь к Советскому правительству с искренней и чистосердечной просьбой о прощении

мне моих глубоких заблуждений и ошибок, сделанных мной в гражданскую войну. Если бы Советская власть дала мне возможность загладить свою вину перед Родиной служением ей на каком угодно поприще, я бы был счастлив отдать все свои силы и жизнь, лишь бы доказать искренность своих заблуждений... Каков бы ни был приговор, я приму его как справедливое возмездие за свою вину».

После прочтения обращения возникает сомнение: не фальшивка ли все это? Подлинность документа не проверялась, независимая графологическая экспертиза текста не проводилась, непонятны датировка, мотивы, место и другие обстоятельства его исполнения, да и «суконный» агитпроповский стиль изложения, не свойственный «сибирскому Денису Давыдову», тоже смущает. Но все недоверие к «раскайанию» атамана появляется только после серьезных раздумий. А на первый взгляд «обращение к ВЦИК» производит впечатление. В 1926 году оно вызывало шок...

Буквально на другой день — 21 апреля — редактор шанхайской эмигрантской газеты «Россия», бывший полковник Генерального штаба Колесников, остро завидовавший боевой популярности Анненкова, разразился уничижающей статьей. «...Я небольшой поклонник атаманов и «атаманщины», — писал Колесников, — но мне больше нравится государственная власть адмирала Колчака, Деникина, Врангеля... Я очень много слышал об атамане Анненкове, но никогда не видел его в лицо, и вот доктор Казаков (бывший отрядный врач анненковской армии, руководитель эмигрантской организации «Богоявленное братство» — А.П.) прислал мне его карточку. Взглянул и ахнул. На меня глядел молодец из какой-нибудь купеческой лавки, в лихо заломленном на затылок картузе, подпоясанный, точно коренник, ремнем с бляхами, а рукава, галифе и рубаха представляли из себя расплесканную палитру красок. Но самое замечательное — это лик! Большая челка, точно у китайских леди, закрывала пол-лба, и из-под этой челки на вас смотрел весьма демократический «портрет». ...Достаточно сказать, что любимым занятием Анненкова была прогулка по селам в пьяном виде с гармонией в руки, на которой этот гармонист действительно зажаривал всякие польки и «вальцы». ...Вот эти-то «гармонисты», эта пьяная угарная атаманщина с блюющими, распоясавшимися сукиными сынами, нарядившимися в военную форму, хоронили то, что творили дроздовцы, марковцы и алексеевцы, что созидал адмирал Колчак. Отваливаются гнойные струпья от тела выздоравливающей России. Уходят в область преданий и уродливых кошмаров прошлого «атаманы» и проклятая, залившая кровью, опаскудившая движение «атаманщина...».

Какой привычный образ казачьего атамана, не правда ли? В таком же духе его десятилетиями представляла нам официальная советская пропаганда.

Пока нет возможности увидеть портрет Бориса Анненкова, но сохранились документы, которые характеризуют его совсем по-другому. Сослуживцы отмечали: «...Атаман был физически развит, мог заставить играть мускулы... Обладал большой силой воли, мог гипнотизировать. ...Почти не пил и не курил, пьющих и нерях презирал. Сам одевался всегда чисто, скромно и опрятно. Не женат. Был атеистом, но ко всяким религиозным верованиям относился с уважением, часто присутствовал при церковной службе...».

А как же насчет гармонь, гулянок и прически? Сведения таковы: «...Участвовал в солдатских вечеринках, хорошо играл на гармонии, плясал и учил этому казаков, знал много старинных пословиц, прибауток и песен. Часто сам запевал, но голосом не обладал. Никогда не сквернословил. Стригся под челку и завивал чуб. Любил слушать военную музыку и симфонические концерты, заставлял офицеров следовать своему примеру. ...Держал специально оркестр и хор Атаманского полка. ...Козаки этого полка носили брюки с генеральскими лампасами, погоны с вензелем «А.А.», кокарды с черепом смерти, стрижки под челку и чубы. Одно из главных увлечений атамана — автомобиль: сам возился в моторе, накачивал шины и их монтировал. ...Держал ручную волчицу «Динку-Анку», ученого медведя и лисицу. ...В общении с подчиненными вне строя — прост, доступен, приветлив, всех партизан знал по имени. В бою — требователен и смел до безрассудства. Несколько раз едва не попадал в плен к красным, но всякий раз вместе с конвоем отбивался...».

Эти свидетельства как-то не вяжутся с шаблонными представлениями об «атаманщине». Может быть, анненковцы идеализировали своего командира? Но вот выдержки из донесений резидента ОГПУ в Китае, датированные сентябрем 1924 года, характеризующие атамана как личность: «Анненков — человек быстрого и хорошего ума, громадной личной храбрости, остроумный, жестокий и ловкий... Хорошо владеет английским, немецким, французским, китайским языками, кроме этого, говорит на мусульманских (среднеазиатских) наречиях, сочиняет стихи, пишет мемуары о германской войне и своем участии в белом движении... Имеет средства и хорошо содержит себя — это тип лихого казака». Каково? Согласимся: у чекистов не было никакой нужды в приукрашивании этого человека.

Да и белая эмиграция не оценила монархической желчи полковника-редактора Колесникова. Офицеры, близко знавшие Анненкова, смутно догадывались о его трагической судьбе, и, не зная еще о действительных причинах исчезновения атамана, простили ему «обращение-раскаяние». 24 апреля газета «Шанхайское новое время» поместила письмо. Его автор — «старый партизан» — писал: «Доблестный атаман Анненков, блестящее прошлое которого принадлежит золотым страницам русской истории и не может быть отнято, вместо высокой в будущем роли освободителя Родины от Третьего интернационала перешел в его лапы. Сдали нервы у атамана. Иди, атаман, той дорогой, которую ты избрал сам. За те победы, которые ты вынес в германской войне, мы, низко опустив головы, только скажем: иди, атаман, с миром — ни один камень от истинных патриотов не будет брошен в твою сторону. Там, далеко в стране диких масок, ГПУ, Чека и Чинов, защищай Россию в дни тяжких испытаний, как это сделал и генерал Брусиллов...

Ты, далекий, непонятный атаман, зачем, зачем взглянул ты на струпья эмиграции, а не в ее светлую душу под наносным злым недугом. Мы желаем избежать тебе страшных пыток и страданий. Мы готовили тебе лавры. Пусть бог пощадит тебя и сохранит твою голову».

Газета «Шанхайская заря» провела собственное расследование загадочной явки с повинной. Его результатом стала опубликованная 25 апреля статья «Правда о Борисе Владимировиче Анненкове». В частности отмечалось: «Появившееся известие о «переходе» атамана Анненкова к большевикам вызвало немало толков среди белых русских. Никто не мог поверить правдоподобности такого известия. Перед каждым стал вопрос: как могло это случиться? Анненков не только в стане врагов, но и своих партизан зовет туда же? И может, не у одного в душу заползла предательская мысль: не пора ли пересмотреть свои позиции по отношению к Советской власти, не ведется ли там действительно творческая работа по воссозданию могущества России, не строят ли большевики, вопреки своему учению — вынужденные жизнью — национальную Россию, обновленную и возрожденную новыми идеями, новыми порывами творчества?»

Целью статьи является стремление рассеять это смущение, помочь сделать правильные выводы из факта нахождения Анненкова в стане большевиков и его обращения.

Первое утверждение: атаман Анненков к большевикам не перешел. Он был насильно сдан красным ставленником маршала Фэн Юйсяна — начальником его штаба — губернатору провинции Кансу, где атаман проживал в последнее время...».

Итак, белая эмиграция за пять дней узнала обстоятельства «раскаяния» сибирского атамана. Советской историографии потребовалось для этого сорок с лишним лет.

Похищение

За Анненковым внимательно следили не только китайцы и лидеры белого движения, но и ОГПУ. Пока атаман сидел в Зиндане, чекисты застрелили в китайской крепости Суйдуне атамана Дутова («выманить» его на советскую землю не удалось), похитили в Монголии барона Унгерна и генерала Бакича. После успешно проведенных операций по захвату старого заговорщика и опытного конспиратора Бориса Савинкова, задержанию и инсценировке «убийства» при переходе советско-финской границы знаменитого английского разведчика Сиднея Рейли фактический «хозяин» Лубянки Генрих Ягода (В. М. Менжинский тяжело болел и свой пост председателя ОГПУ занимал лишь для видимости) и начальники иностранного и контрразведывательного отдела Михаил Трилиссер и Артур Артузов (Фраучи) самонадеянно считали: перехитрить атамана Анненкова особого труда не составит.

ОГПУ имело в Китае и Маньчжурии многочисленную агентуру. В качестве военных советников в Китае находилось немало советских военачальников (В.К. Блюхер, А.И. Егоров и другие). Командующего 1-й революционной армией маршала Фэн Юйсяна, в зоне действий которой проживали Анненков, Денисов и еще четверо казаков, «опекал» Виталий Примаков, бывший командир корпуса червонного казачества.

Чекистам мешала лишь одна «мелочь»: за пять лет атаман «отошел от политики». От контактов с главарями антисоветских белоэмигрантских организаций уклонялся, от службы во французском иностранном легионе и в отрядах, враждовавших между собой китайских генералов, отказывался, на предложение эмиссаров Сикрет Интелидженс сервис ответил прямо: «Здесь жизнь мне нравится, а что касается работы с эмиграцией, то на Дальнем Востоке вполне найдутся другие люди для этого дела. Я уже достаточно поработал, теперь пусть этим позанимаются иные...». Атаман понимал, почему иностранцы «крутятся» возле него. «...Причины тому довольно простые, — писал он. — Почти все бывшие вожди белого движения к тому времени в глазах эмиграции себя сильно скомпрометировали своим поведением, безучастностью к бывшим соратникам по борьбе. Иностранцы знали,

что за теми вождями белая эмиграция не пойдет. Мне в этом отдавали предпочтение».

Таскать «каштанов из огня» для чужеземцев Анненков не хотел, но отдавал себе отчет в том, что здесь его в покое не оставят. Поэтому он и его товарищи (пятеро) стали оформлять документы для выезда в Канаду. Узнав об этом, чекисты заторопились — упускать атамана за океан в их планы не входило. В ноябре 1925 года в Ланьчжоу под видом закупщика пушнины появился бывший начальник атаманского конвоя Черкашин. Дальнейшие события, по версии некоторых советских историков, развивались так. Анненков якобы отправил с Черкашиным три письма: первое — бывшему начальнику штаба 5-й Сибирской казачьей дивизии Михайлову, второе — анненковцу Иларьеву (оба служили у генерала Чжан Цзо-лина) и третье — доктору Казакову. Все послания «странным образом» попали не к адресатам, а в руки чекистов... Даже по тем отрывкам из этих документов, которые приведены в нашей печати, можно сделать вывод: «курьер» получил от атамана только одно письмо — бывшему отрядному врачу. Два других были написаны раньше, когда Анненков сидел в тюрьме (перехвачены цензурой).

Какова же цель этой эпистолярной операции? Разгадка — в возможности выбора писем. Маршалу Фэну показали только два старых, в которых обсуждались варианты формирования отряда в помощь его сопернику Чжан Цзо-лину. А третье — настоящее — «о нежелании атамана вступать в ряды Чжан Цзо-лина» — командующий 1-й Народной армией Фэн Юй-сян не увидел. Само собой, разгневанный таким «коварством» русского эмигранта маршал отдал приказ: ничего не подозревавшего Анненкова схватить и передать старшему советнику Лину — под этим псевдонимом в Китае действовал Примаков.

Вот и вся операция. Как говорится: «Восток — дело тонкое». ОГПУ набило руку — впереди были новые похищения и политические убийства: руководителей Российского общевойскового союза генералов Кутепова и Миллера, «злого гения революции» Троцкого, организаторов ОУН Коновальца и Бандеры... Но с Анненковым у чекистов все же случился «прокол». И дело даже не в том, он ли написал «обращение к ВЦИК», или документ сфабрикован...

В любом случае эмиграция не поверила в «раскаяние» атамана.

«Совесть партизан, — говорилось в газете «Шанхайская заря», — может быть спокойной. Атаман Анненков не пере-

шел к красным — над ним совершено насилие. Это обычный прием Советской власти: как всегда в таких случаях, красные заставили его писать то, чему он сам, конечно, не верит. Здесь были какие-то трагические исключительные обстоятельства, остающиеся для нас пока тайной...».

25 июля — 12 августа в Семипалатинске состоялся суд над Анненковым и Денисовым. Они обвинялись в проведении вооруженной борьбы с Советской властью и подавлении восстаний рабочих и крестьян. Подсудимые этих фактов не отрицали. Расправу с казаками и солдатами, не пожелавшими уходить в Китай, атаман не признал. Эта трагедия до сих пор остается загадкой. Западные исследователи относят ее на счет каширинских конников, не шадивших семиреченских казаков. Но как установить правду: архивы белого движения все еще недоступны историкам, а свидетелей тех событий не осталось. В 30-е годы все анненковцы, несмотря на ранее объявленную амнистию, были репрессированы. Из сибирских казаков почти каждый третий служил в отряде у Анненкова, так что карательную политику «рассказачивания» они испытали в полной мере — обезлюдели целые районы Омской, Семипалатинской, Кокчетавской областей и Алтайского края (в 1941 году их заселили депортированными из Поволжья немцами).

Атамана Бориса Анненкова расстреляли 24 августа 1927 года. Его западные «биографы» считают, что трагическая развязка произошла еще в Китае сразу после похищения в декабре 1925 года, а на скамье подсудимых сидел не он, а загримированный под него артист. Еще одна загадка, и ее некому разгадать.

Призрак «золотого парохода»

Недавно в материалах Тюменского отдела ОГПУ были обнаружены «объяснения» к орденам «Освобождение Сибири» и «Возрождение России». Следы самих этих знаков отличия затерялись еще в годы гражданской войны и самым непосредственным образом пересеклись с судьбой исчезнувшего золота адмирала Колчака...

Не крест, а снежинка

В июне 1918 года по горячим следам мятежа чехословацкого корпуса началось формирование собственной вооруженной силы, призванной «отстаивать независимость демократической Сибири». Создателем Сибирской армии явился некто Гришин-Алмазов — одна из самых загадочных фигур в истории гражданской войны. Непонятно, откуда и как попал он в военные министры Сибирского правительства. Известно только, что двойную фамилию и генеральский чин Гришин-Алмазов присвоил себе сам в «революционном порядке». Но он понимал, что с одними партизанскими отрядами против большевиков не удержаться, и поэтому 24 июня Сибирское правительство издало указ о призыве на военную службу молодых людей 19—20-летнего возраста. Казалось бы, проще мобилизовать из запаса опытных солдат, но Гришин-Алмазов, помня об их роли в большевистском перевороте, делать этого не стал.

Каждый город, в зависимости от величины, формировал либо дивизию, либо полк. Например, Тюмень — 6-й Сибирский степной (позднее его назвали 26-м Тюменским) полк. В это же время были сформированы 25-й Тобольский, 24-й Ялуторовский, 27-й Камышловский, 15-й Курганский, 16-й Ишимский, 7-й Шадринский стрелковые полки. Погоны в этих подразделениях не вводились. Царские награды не признавались. Поэтому Председатель Совета министров Сибирского временного правительства П.В. Вологодский предложил учредить принципиально новый орден «Освобождение Сибири».

Вот его описание: «Общая форма ордена — сильно стилизованная снежинка. В центре ордена — сибирский герб с присоединенным к нему сверху гербом России. Между концами ордена изображены: вверху — кедровые ветки с шишками, а под ними два горноста, в нижней части — головы мамонтов. Ордена с мечами — военные, без них — гражданские».

Вологодский и его сторонники считали Сибирь основой экономического и духовного возрождения России. Не случайно в сентябре 1918 года был учрежден еще один орден — «Возрождение России» четырех степеней. Его описание также сохранилось в чекистских документах Тюмени. «Общая форма ордена — равноконечный крест, но как бы с набитыми наконечниками древнерусских копий. В центре в лавровом венке — птица Феникс, расправляющая крылья. На правом и левом концах начертан девиз: В единстве — возрождение». Ордена разных степеней отличались размерами и материалами изготовления. Предусматривалось эмалевое производство знаков с покрытием финифтью и украшением из самоцветных камней, мелкого жемчуга и малахита.

Судьба новых наград оказалась короткой и печальной. После военного переворота адмирал А.В. Колчак, как «верховный правитель российского государства», несмотря на возражения П.В. Вологодского, возглавлявшего некоторое время колчаковский кабинет министров, упразднил «сибирские» ордена, ввел царскую военную символику и возобновил награждения орденами св. Георгия и Георгиевскими крестами.

Что касается Гришина-Алмазова, то еще в августе 1918 года на какой-то пирушке в Челябинске он наговорил дерзостей английскому консулу, который посмел неделикатно отозваться о России. Злопыхатели воспользовались скандалом и удалили военного министра из «Сибирского временного правительства». Он переехал к Деникину, состоял генерал-губернатором в Одессе, потом пытался вернуться в Сибирь, но в Каспийском море был застигнут красным сторожевиком и застрелился.

Почему описания «сибирских» орденов оказались в архиве Тюменского отдела ОГПУ? Дело в том, что целое десятилетие — с 1923 по 1933 годы — чекисты Сибири весьма настойчиво занимались кладоискательством. И не безуспешно. Достаточно вспомнить историю с царскими драгоценностями, найденными в Тобольске и Тюмени.

Описания орденов были для чекистов своеобразными ориентировками по розыску и изъятию знаков отличия. Историческая и художественная ценность реликвий Белого движения никого не интересовала. Изъятые ордена по ведом-

ственной инструкции надлежало сдавать в Гохран, как «ценный лом».

Архивные чекистские ориентировки и инструкции свидетельствуют, что «сибирские» ордена были изготовлены. Иначе их не искали бы. Но куда в таком случае исчезли эти награды? Распоряжением Колчака упраздненные ордена присоединили к золотому запасу России, захваченному в июне 1918 года в Казани «народной армией» подполковника В.О. Каппеля.

Перед отступлением в Сибирь у колчаковцев оставалось 40 тысяч пудов золота и 30 тысяч пудов серебра. По ревизии в мае 1919 года стоимость ценностей исчислялась в 621532377 рублей 86 копеек.

Из Омска во Владивосток отправился «золотой» эшелон. Но до места назначения он не дошел: белочехи были вынуждены выдать Военно-революционному комитету в Иркутске и Колчака, и золото на сумму 409625870 рублей 86 копеек. Часть ценностей — 722 ящика — захватил в Чите атаман Г.М. Семенов и переправил в Японию. Но исторические и художественные реликвии, в том числе и «сибирские» ордена, а также драгоценная церковная утварь хранились в Тобольске, который сдерживал 51-ю стрелковую дивизию В.К. Блюхера до октября 1919 года.

По приказу командующего 1-й Сибирской армией генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева тобольскую часть золотого запаса России отправили пароходом «Пермяк» по Иртышу и Оби в Томск. Ранняя зима застала секретную экспедицию возле села Сургута. Сопровождавшие ценный груз офицеры спрятали в лесу на высоком берегу опломбированные ящики. Этот клад не найден до сих пор.

Через три войны

Известно, что существовал дневник штабс-капитана Киселева, участника операции по эвакуации сокровищ из Тобольска. Киселев проводил опись драгоценностей и схему подходов к тайнику. Был и хранитель этой тайны — Петр Афанасьевич Россомахин.

Его судьба — сюжет для авантюрного романа.

Он родился в 1886 году в Тюмени в семье мелкого почтового чиновника. После смерти отца мать бросила детей, и 14-летний Павел остался для четверых братишек и сестренки за старшего. «Жилось, — вспоминал он, — очень трудно. Стипендии, которую я получал в реальном училище, не хватало, и мне пришлось давать частные уроки. День проходил так: вставал в 3—4 часа утра, стряпал хлеб, готовил чай... с 9

до 3-х — занятия в училище, потом сразу на уроки до позднего вечера, а завтра — то же самое...».

Одаренный и трудолюбивый юноша окончил реальное училище первым учеником и поступил безо всякой протекции в Академию художеств. Однако «существовавшие там консервативные порядки, — отмечал Россомахин, — мне не понравились, и я вернулся в Тюмень, где устроился учителем, — хотелось работать в народе и для народа. Дело наладил, с ребяташками сдружился. Преподавал им математику, родной язык, естествознание, рисование и гимнастику. В свободное время рисовал и изучал свой край — эту страсть мне привили живописец Н.В. Кузьмин и директор реального училища И.Я. Словцов, с которым я работал в его музее».

Тогда же Россомахин «сошелся с политическими ссыльными, каковых здесь было предостаточно». Он вел среди крестьян антиправительственную пропаганду, критиковал в журнале «Сибирские вопросы» уездное чиновничество. За учителем следила полиция, его квартиру обыскивали. От тюрьмы спасла... первая мировая.

Посчитав, что «интеллигенту стыдно сидеть в тылу, когда рабочие и крестьяне гибнут в окопах», он добровольно ушел на фронт. Воевал в разведке 43-го Сибирского полка. Его посылали в военное училище, но он всякий раз отговаривался: «Должен нести все тяготы вместе с простым народом».

Пока хватало офицеров довоенной подготовки, командование считалось с этими принципами. Однако после неудачных сражений 1915 года и огромных потерь среди офицерского состава Россомахина отправили в школу прапорщиков в грузинский город Телав: любые отговорки расценивались уже как неподчинение. А потом снова передовая.

Солдаты уважали своего командира. Он не пил, не курил, не сквернословил. Никогда не прятался в боях за спины подчиненных. После февраля 1917 года штабс-капитана Россомахина избрали командиром 6-го Сибирского полка.

Октябрьский переворот завершил развал армии. Оружие, боеприпасы и военное имущество продавались, деньги делились и — по домам. Из сорока с лишним командиров полков Западного фронта только Россомахин поступил иначе и вывез тремя эшелонами личный состав с полным вооружением в Пензу. «Там, — вспоминал он, — на меня смотрели, как на больного — сохранить такое богатство. А я иначе не мог, как же — народный учитель».

Не случайно, что его отправили к В.И. Ленину делегатом от 1-го Сибирского корпуса. Рассказать о положении на фронте. Воспоминания Россомахина о встрече с Ильичом не публи-

ковались по идеологическим соображениям. По мнению боевого офицера, его собеседник «оказался плохим знатоком военного дела: не знал, что двух эшелонов красной гвардии недостаточно, чтобы заполнить бреши на фронте... Когда услышал слово «буханка», то попросил повторить и записал в книжку: «Первый раз слышу!».

Ленин очень подробно расспрашивал о настроениях в армии. Сказал, что партии пришлось воспользоваться частично и элементами, чуждыми пролетариату, проще говоря, уголовниками, но иначе «нам не удалось бы восстание, однако мы постепенно очистимся от них». В конце беседы Ленин «обязательно велел побывать у военного комиссара Подвойского, так как тот что-то затевает относительно регулярной армии. Сходите к нему, он хорошо говорит...».

Но Россомахин 9 мая 1918 года предпочел уехать в Тюмень. Хотел учительствовать, а тут — гражданская война. Когда белые вошли в город, у них был список заранее приговоренных к расстрелу. В их числе оказался и Россомахин. От казни его спасло «ходатайство учительского союза и жителей Тюмени». Сослуживец полковник Дмитриев дал письменное поручительство: «Знаю Павла Афанасьевича как честного человека, а честного человека за убеждения расстреливать нельзя».

Выйдя из тюрьмы, Россомахин занялся созданием музея и выступал в деревнях против насильственной мобилизации. Перед отступлением колчаковцы вновь хотели с ним расправиться, но ученики спрятали своего учителя в погреб. До прихода красных.

Потом его избрали в уездный ревком, где он заведовал одновременно отделами народного образования, здравоохранения, финансов, а также разрабатывал новые школьные программы и редактировал местную газету «Известия». За публикацию статей о пьянстве и злоупотреблениях партработников и чекистов Россомахина арестовали, предъявив обвинение в «контрреволюции путем печати». «Трое суток, — вспоминал он, — просидел в подвале Тюменской ЧК, пилил дрова и ел селедку».

Стычки с тупым местным начальством наскучили Россомахину. В мае 1920 года он уехал на Всероссийский съезд учителей в Москву и там добровольно вступил в Красную Армию.

Ему поручили сформировать из воронежских крестьян полк, с которым Россомахин гонял махновцев. Сам Троцкий, инспектируя полк, не сдержал восторга: «С начала революции не видел таких дисциплинированных, сознательных и непьющих бойцов».

За взятие у грузинских меньшевиков Нового Афона Россомахина наградили орденом Красного Знамени. И тогда предложили: путевка в академию Генштаба или направление в распоряжение помглавкома по Сибири В.И. Шорина. Хотелось быть ближе к дому. Но в Тюмени полыхало крестьянское восстание против продразверстки.

Россомахин возглавил сначала местный «коммунистический полк», затем части особого назначения Тюменской губернии. Он бесстрашно ездил по охваченным кровавой смутой волостям. Бывший народный учитель не хватался за маузер, а долго толковал с бородачами, после чего те, кряхтя и сплевывая горечь махорочных самокруток, складывали берданки и винулись перед Советской властью.

Но губкомовской верхушке не нравились эти бескровные победы, и после подавления восстания Россомахина вычистили из партии как выходца из мелкобуржуазной среды. Его гоняли с должности на должность — одно время он выполнял до 33 обязанностей! Наконец, в 1924 году Павла Афанасьевича назначили директором Тюменского педтехникума. Он много читал, вел археологические раскопки, собирал архивные документы, составлял музейные коллекции. Тогда же узнал о дневнике штабс-капитана Киселева и о спрятанных возле Сургута сокровищах. Но колчаковский клад искал не один Россомахин. Исследователя истории края арестовали в 1937 году. Повод для ареста — «хранение в музее старинного оружия» — быстро перерос в обвинение: «подготовка вооруженного восстания с целью свержения Советской власти».

Россомахина продержали в тюрьме почти два года — требовали выдать дневник штабс-капитана Киселева. Но Россомахин понимал: тайна «золотого парохода» — его жизнь. Поэтому и держал язык за зубами. А следователей НКВД убедил: такой дневник есть, слышал о нем, обязуется его найти.

Его отпустили на свободу (даже следственное дело сожгли) и вернули на работу в Тюменский музей. Хотя держали под постоянным наблюдением.

Неожиданно началась война с Германией. В июле 1941 года 55-летний майор запаса Россомахин вновь добровольцем ушел на фронт. Войну закончил в Берлине полковником, добавив к царским и революционным наградам еще четыре ордена. В марте 1947 года его демобилизовали. Россомахин вернулся в Тюмень и прожил еще почти десять лет.

К сожалению, не все богатое духовное наследие Россомахина сохранилось. Пока не ясно, куда исчезли собранные им документы «истпарта» и «общества краеведов», часть личных коллекций, некоторые картины и... дневник штабс-ка-

питана Киселева. Говорят, что незадолго до своей кончины Россомахин сжигал какие-то бумаги. Будем надеяться, что не все его рукописи сгорели, что мы узнаем тайну «золотого парохода» и увидим в экспозициях строящегося в Тюмени современного музея загадочные ордена «Освобождение Сибири» и «Возрождение России».

Обрывок письма...

Из архива П.А. Россомахина

...И вот, дорогой брат, пишу тебе все мои злоключения. Много мне пришлось в мои молодые годы испытать на белом свете...

Как тебе известно, мы уехали из Тюмени 5 мая, чтобы ликвидировать чехословацкую белогвардейщину. Уехали мы весело. Думали, легко справимся с паразитами. Гармошка наяривала вовсю в нашем вагоне. Мы орали, смеялись, пели песни. Не доехав до Омскова, остановились, потом двинулись дальше и снова остановились у станции Марьяновки. Прошел слух — чехи и казаки близко.

Небольшая станция. Ровное место. Кругом степь, только впереди да влево небольшие рощи.

Заняли позицию. Рядом расположились красноармейцы из Омскова и еще какие-то. Выкопали окопчики. Ждем буржуйских защитников. 6 июня с утра ясно, тепло. Травы цветут, воздух легкий, птицы поют, кузнечики стрекочут. Все поле, такое серое ночью, с восходом солнца раскрасилось цветками и сверкающей росой. Так и хочется полежать с девочкой... Дремлется. Только размечтался, как из караула сообщают — показались белые. Мы приготовились. Ждем. Видим — редкой пылью приближаются человек десять. Наша застава открыла огонь, чехи залегли. Ну, думаем, не понравились им наши гостинцы. Тут солнышко вовсю пригрело, комаров стало меньше, а сон совсем одолел. Мысли, как кисеей, подернуты. Вздремнуть бы. Перекусили консервов, потом, чтобы сон разогнать, стали окопчики поправлять (трудно их рыть лопаткой в степи), проверять винтовки, патроны и бомбы.

Скоро чехи снова двинулись на нас. Одна цепь, другая, третья. Ударили орудийные залпы. В ответ заработали наши пулеметы, застучали, как швейные машинки. Появился броневик. Чехи чувствуют победу и еще назойливее прут на нас. Вот и сошлись в рукопашную. Ругань, стоны, лязг, выстрелы в упор. Многие из наших товарищей покончили с собой. Другие сдались в плен. Много убитых. Я притворился мертвым, и

этот номер мне прошел. Чехи ушли... Я огляделся: трупы, ключья горелого мяса, тряпок, консервные банки, стреляные гильзы, обломки прикладов, сломанный штык... Ползком добрался до леса и тайком, прячась от людей, пробрался к Омску.

А там люди — хуже зверей. Всюду опасность. Белые охотятся за красными. Пережидал время на Атаманском хуторе, спал где попало, как бездомная собака. Все смотрят на меня подозрительно, потому что на мне военная одежда. Даже ребяташки, подражая взрослым, следят за незнакомцем. Игры придумали новые: расстреливают «красных», как здесь зовут бывших красногвардейцев.

9 июня меня схватили, когда шел на вокзал. Хотел пробраться с каким-нибудь поездом в Тюмень. Иду, задумался. Вдруг окрик: «Стой! Руки вверх! Документы!».

— Нет, — говорю, — документов. Дома оставил.

— Да что с ним разговаривать. По обличью видать — красножопый. Веди его в комендатуру. Молчать! Прикладом его!

Привели меня в караульное помещение и били чем попало... Пришел я в себя где-то на полу в грязной комнате с решетками. Весь в крови и синяках. А к ночи меня увели в лагерь.

И вот сидит здесь нас много, а все еще приводят... Голодно, грязь, вши. Сначала совсем не кормили, а сейчас дают на сутки три четверти фунта хлеба и немного каши из необобранного овса. Не знаю, что со мной будет. Многих здесь расстреливают по ночам. И всех бьют без всякой причины шомполами, прикладами, а то и просто кулаками. И я не уверен, что меня...

Здесь письмо оборвано и на измятом порванном замазанном листе плохо разборчивым почерком написано: «Красную сволочь — в расход». Полковник — закорючка. И ниже приписка: «Сначала всыпать 50 (пятьдесят)». Число прописью старательно выведено.

Белый исход

Кто-то из древних мудрецов сказал, что всякие войны все равно когда-нибудь кончаются.

80 лет назад эта истина в который раз подтвердилась снежно-ледяным походом колчаковцев через всю Сибирь.

«Триумфальное отступление»

Летом 1919 года на Восточном фронте обозначился явный перелом в пользу Красной Армии. Перевалив через Уральский хребет, она вступила в пределы Сибири и в августе взяла Тюмень и Тобольск. Белые ценой невероятных усилий (вплоть до посылки в бой личного конвоя Колчака, посаженного на бронепароходы) смогли отбросить красных обратно за Тобол, но решительного успеха не добились. Это был их последний контрудар.

В середине октября колчаковский фронт рухнул, чтобы никогда уже не возродиться. В первые дни отступления погода стояла теплая, и движение массы колчаковских войск производило на очевидцев впечатление «триумфального шествия». Веселое настроение не покидало отступавших, в каждом обозе слышались песни, пляски, гармонь. На что они надеялись? На необъятные просторы, на союзников, но больше всего на извечное русское «авось».

Через неделю картина переменялась. С наступлением заморозков и распутицы одетые по-летнему солдаты стихли и стали закутываться в рогожи, половики, одеяла... Отход перемешал все тылы, централизованная система снабжения сломалась. Армия перешла на существование за счет массовых бесконтрольных реквизиций у местного населения. Крестьяне говорили: «Что красные, что белые — одинаковая сволочь».

Закрепиться на Ишиме колчаковцам не удалось. В столице белой Сибири — Омске — царили растерянность и неразбериха. Ставка и Колчак никак не могли окончательно решить — оборонять город или сдавать. Эвакуация складов началась поздно. Паровозов и вагонов не хватало...

9 ноября вдруг ударил 30-градусный мороз. Иртыш покрылся льдом и сразу перестал быть для красных серьезной преградой. Находиться в мерзлых окопах колчаковским солдатам, обутом в ботинки, пусть даже и с обмотками, было трудно. Стрелять можно было только в движении.

Рано утром 14 ноября части красной 27-й дивизии, сделав за сутки на подводах 100-километровый переход, переправились по льду на восточный берег Иртыша.

Подводя итоги боев, завершившихся взятием Омска, газета «Красный набат» сообщала, что с 16 октября по 16 ноября войсками Восточного фронта занято 6 больших городов: Тобольск (вторично), Ишим, Тюкалинск, Петропавловск, Кокчетав, Омск. Взято в плен 10 генералов, свыше 1000 офицеров, 27 тысяч солдат, причем 5 полков в полном составе, штаб дивизии, 4 полковых штаба. Захвачены 30 орудий, 232 пулемета, 3560 винтовок, несколько миллионов снарядов и патронов, 2 бронепоезда и несколько поездов, 80 паровозов, 3000 вагонов, много лошадей, хлеба, зерна и муки — более 5 миллионов пудов...

Из Омска отступило несколько сот тысяч военнослужащих и беженцев. Мороз, мгла, красное от зарева небо над городом, бесконечная лавина людей, обозов, эшелонов — таковы воспоминания тех, кто оставил Омск. Ощущение беспомощности — вот что пришло к ним в тот день. «Триумфальное отступление» превратилось в яростную борьбу за выживание. Зима, как и в 1812 году, ускорила этот жуткий процесс. Среди тех, кто ступил тогда на Голгофу сибирского ледяного похода, было немало наших земляков.

Ражев из села Ражево

В 1988 году в Прокуратуру СССР поступило письмо из Алма-Аты от Валентины Георгиевны Димовой. Она просила сообщить о судьбе своего репрессированного отца Георгия Тимофеевича Ражева, служившего в белой армии.

«Я не знаю, — писала пожилая женщина, — в каком военном чине и где он воевал. На территорию Китая отец попал, отступая с частями армии Колчака. Поселился в Харбине, где стал работать, как говорится, «с нуля». Своим трудом, а трудиться он умел, содержал большую семью, да еще помогал другим беженцам из России. В то время он никакой враждебной деятельностью против Советского государства не занимался. Отец был очень добрым, порядочным, отзывчивым человеком и хорошим семьянином. Нас, четверых детей, он воспитал русскими людьми.

Именно отец привил нам любовь к Родине, которую так сильно любил...».

Дела репрессированных Советской властью граждан хранятся по месту их рождения, а Георгий Тимофеевич Ражев родился в 1893 году в селе Ражево Ишимского уезда Тобольской губернии.

Его арестовали в Харбине 28 сентября 1945 года сотрудники отдела военной контрразведки «Смерш» 86-го РАБ (район авиационного базирования) 10-й воздушной армии 1-го Дальневосточного фронта. Япония к тому времени уже капитулировала. Официальное обвинение — участие в гражданской войне на стороне белых.

Судьба Ражева типична для тысяч сибиряков. «До 1915 года, — сообщил он следователю капитану Жукову, — я работал в крестьянском хозяйстве своего отца. После призыва в армию был направлен в 26-й Сибирский запасной стрелковый полк, а затем — в Омскую школу прапорщиков (до войны закончил 3 класса сельской школы и экстерном 5 классов гимназии в Ишиме). В июне 1917 года после присвоения первого офицерского чина оказался на германском фронте. Воевал в 49-м Сибирском стрелковом полку командиром роты. В декабре приехал домой в отпуск по болезни, где и был из армии демобилизован. В конце мая—начале июня 1918 года в Ишиме вспыхнуло восстание против Советской власти. Это выступление возглавили полковник Молчанов, капитан Полонский и эсер Колыбин. Меня мобилизовали в армию Временного Сибирского правительства и назначили командиром местной команды при ишимском уездном воинском начальнике. После объявления адмирала Колчака Верховным правителем России команду переформировали в стрелковый батальон 2-го ротного состава, в котором я стал ротным командиром...».

В бой с частями Красной Армии этот батальон вступил в сентябре 1919 года около деревни Чистяки. Требовалось прикрыть отход частей 1-й Сибирской армии генерала Пепеляева к железной дороге восточнее Ишима для дальнейшей переброски солдат эшелонами в тыл на запасной рубеж обороны. Командир Ишимского батальона полковник Григорьев сбежал в тыл, и прапорщик Ражев принял руководство подразделением, которое почти неделю отбивало атаки красных войск.

«...За эту операцию, — продолжал Ражев показания, — Колчак лично произвел меня в поручики и назначил командиром батальона, и с ним я стал отступать на восток...».

Тогда еще самые закоренелые пессимисты сохраняли «слабую надежду на то, что выведенная из-под флангового удара красных 1-я Сибирская армия запрет неприятелю проход через

тайгу, а 2-я и 3-я белые армии генералов Войцеховского и Каппеля, отходившие походным порядком, будут отведены к Иркутску, где за зиму оправятся».

Но этой надежде не суждено было сбыться.

Кровавый сочельник

В Сибири, как известно, находились значительные силы интервентов. Один чехословацкий корпус, с мятежа которого в мае 1918 года и началась здесь гражданская война, насчитывал до 60 тысяч штыков. Казалось бы, «союзники» должны были прикрыть эвакуацию раненых и беженцев. Однако главнокомандующий союзными войсками в Сибири французский генерал Жанен установил такой порядок прохождения эшелонов по Транссибу: в первую очередь — чехи, словаки и американцы, во вторую — румыны, итальянцы, сербы и поляки и только в третью — русские. Так что вышло наоборот: интервенты прикрылись ранеными и беженцами.

На протяжении нескольких сот верст почти сплошной лентой стояли русские поезда. Паровозы замерзали, вагоны и теплушки не отапливались. Завывала свирепая сибирская пурга. Крепкий мороз беспощадно косил людей.

14 декабря красные взяли Новониколаевск, а через три дня — Томск. 20-го почти вся 1-я Сибирская армия, состоявшая из мобилизованных крестьян, сдалась в плен.

Сброшенные с Транссиба 2-я и 3-я белые армии шли по таежным районам. Им пришлось почти 120 километров идти по единственной в дикой глуши просеке. Она оказалась в три ряда забита повозками и санями. Красные угрожали окружением. Тогда поступил приказ главкома генерала Каппеля (в эту должность он вступил 12 декабря): бросить все и двигаться верхом. На этой просеке осталось около 10 тысяч повозок с больными, женщинами и детьми. Впечатление, по словам очевидцев, было жуткое.

Когда 29 декабря колчаковские армии вышли из щегловской (кемеровской) тайги, они узнали, что в Красноярске началось восстание. Противник теперь был не только позади, но и впереди.

В ночь с 5 на 6 января 1920 года генералы Каппель и Войцеховский приняли тяжелое, но единственно правильное решение: бросить артиллерию и обойти Красноярск с севера. Разыгрался жестокий бой. Пытаясь нащупать слабое место в обороне противника, колчаковцы металась по сопкам из стороны в сторону. Белые, красные, партизаны, повстанцы — все перемещались. Некоторые колчаковские части дрались зло

и умело. Но другие, измученные отступлением, потерявшие веру в победу, решив, что уходить уже некуда, стали сдаваться. Фактически подняли руки около 60 тысяч человек. На восток пробились самые непримиримые, самые сильные и самые везучие. Их прорыв прикрывал отряд добровольцев, который возглавил Ражев.

Красноярский бой произошел 6 января в православный сочельник накануне Рождества Христова. «Но вместо радостного гимна славословия, — писал современник, — раздавались теперь ругательства, хула, крики убиваемых и стоны раненых».

После этой катастрофы белая армия в Сибири снова стала чисто добровольческой.

«За отличие в бою под Красноярском, — сказал позднее Ражев, — меня вызвал в Ставку генерал Войцеховский и в порядке поощрения присвоил мне чин штабс-капитана. Тогда же со своим отрядом я вошел в состав 3-го добровольческого полка, которым командовал полковник Ладыженский...».

А перед Каппелем и Войцеховским встал вопрос: куда идти дальше? Их подчиненные были измождены и подавлены, казалось, что еще одно столкновение — и они погибнут. Генералы решили не рисковать.

Утром 7 января белые колонны двинулись на север, вниз по Енисею, чтобы потом по притокам — Кану или Ангаре — снова выйти на Транссиб. В одной из колонн в романовских полушубках и в валенках, с японскими карабинами за плечами шли Каппель и Войцеховский. Звонили колокола. Было Рождество Христово.

Конец Ледяного похода

Путь по Енисею и Кану — самый трудный за весь Сибирский ледяной поход. Эти реки из-за наличия порогов замерзают поздно. Белый авангард промочил ноги и двое суток шел в сырой обуви. Сам Каппель во время рекогносцировки провалился в полынью. Ему ампутировали обмороженные ноги. 26 января генерал умер от воспаления легких. Армия получила название «каппелевской». Ее повел Войцеховский. Во взятом лихой штыковой атакой Нижнеудинске каппелевцы узнали, что в Иркутске победили красные повстанцы, Колчак в их руках, а иностранные войска объявили нейтралитет и перестали быть союзниками.

Белые решили взять Иркутск стремительным маневром и спасти Верховного правителя России. Для отвлечения внимания красных войск в их тыл направили полк Ладыженско-

го. Им удалось выполнить приказ — полковника наградили орденом Святого Георгия 4-й степени, а его заместителя Ражева произвели в капитаны.

2 февраля каппелевцы наголову разбили рабочие заслоны на подступах к Иркутску. Пленных не брали. Раненые замерзали на 30-градусном морозе. Чехи и американцы предъявили ультиматум: прекратить бой, обещая пропустить белых мимо Иркутска вдоль железной дороги. Когда каппелевцам стало известно, что Колчак и его премьер-министр Пепеляев расстреляны, они повернули к Байкалу.

На рассвете 9 февраля передовой отряд, который вел Ражев, подошел к истоку Ангары. Впереди расстилалась ровная бесконечная гладь огромного озера...

Переход через Байкал зарубежные исследователи белого движения в России называли апофеозом всего Сибирского ледяного похода. В тот год из-за войны рыбаки не прокладывали по льду дороги, поэтому войска шли наобум.

До Мысовска, поселка на противоположном берегу, 40 километров. Их надо было преодолеть за один переход. Двигались осторожно, медленно. «Все пространство озера, — вспоминал очевидец, — было ледяной пустыней. Мороз и ветер обращали тело в сплошную ледышку, ныли кости, останавливалась кровь. Это было шествие обреченных на смерть людей, в сердцах которых только чуть-чуть теплилась искра надежды: а вдруг удастся перейти Байкал и найти убежище на той стороне?!».

Но и Мысовск не стал для каппелевцев землей обетованной. Последние колонны еще скользили по льду, а белый авангард под командованием Ражева (его за Байкал произвели в подполковники) уже вынужден был выбивать партизан из села Кабанье — иначе не пройти в Верхнеудинск. Лишь в конце февраля 1920 года остатки колчаковских армий оказались в Чите, которую контролировали атаман Семенов и японские дивизии.

Сибирский ледяной поход завершился. Но гражданская война в Забайкалье и Приморье еще продолжалась два долгих года. Только без Ражева.

Островок России — Харбин

Почему подполковник Ражев оставил военную службу? На этот вопрос он ответил так: «...В апреле 1920 года я в составе добровольческой бригады, которой командовал полковник Громотов, выступил против партизанского отряда Якимова, насчитывающего около пяти тысяч человек. Когда

под станцией Шалопугинской завязался бой, то Громотов со своим штабом сбежал с передовой. Я принял командование бригадой и с боями отошел к станице Устягинской, где встретил Громотова и хотел застрелить его за трусость. Сослуживцы отговорили меня от этого поступка, но оскорбленный до глубины души поведением старших офицеров, я слег в госпиталь из-за сыпного тифа и нервного расстройства, а после излечения самовольно уехал на поезде в Харбин... За время службы в белой армии я никогда не участвовал в карательных операциях против мирного населения, но как офицер честно выполнял боевые приказы, о чем свидетельствовало мое быстрое продвижение по службе...».

Если бы все русские офицеры были, как Ражев, — людьми чести и долга, то результаты гражданского противостояния могли быть иными. Но случилось то, что случилось. И образовалась дальневосточная 250-тысячная российская эмиграция. Большая часть беженцев (около 150 тысяч) осела в главном городе Маньчжурии — Харбине.

Сейчас мало кто знает: этот город скитайским названием был русским. Как и построенная Россией в 1903 году Китайская Восточная железная дорога (общая протяженность свыше 2500 километров). «Коридор» вдоль КВЖД стал своеобразным «государством в государстве», где действовали российские законы, суд, администрация, полиция и огромный штат русских железнодорожных служащих. Казалось, что никакие междоусобицы не изменят сытого, размеренного уклада их жизни. Но вот этот благополучный мир грубо нарушили непрошеные гости — потерпевшие военное поражение белогвардейцы. Перед ними предстал будто островок нетронутой войной России: забитые товарами магазины, театры, кинематограф, кафешантаны, иллюминация в парках, улицы, как где-нибудь в Самаре, Омске, Ишиме, — Спасская, Мостовая, Почтовая, Озерная... Но для белых офицеров Харбин был чужбиной. Здесь их ждали безденежье и безработица.

«Находясь в Харбине, — вспоминал Ражев, — я первое время вместе с поручиком Забиловым и подпоручиком, фамилию которого уже не помню, пилили поденно дрова и выполняли другую черную работу... Потом мне удалось устроиться в Союз сибирских маслодельных артелей сначала рабочим, а через полгода помощником заведующего товарного отдела. С 1933 года я начал свое собственное дело: молочное, пимокатное, кондитерское...».

Так, по словам малоизвестного у нас русского писателя Петра Балакшина, «рядовая дальневосточная эмиграция проявила поразительную жизнеспособность и приспособляемость

к борьбе за существование и выход на прочные экономические берега».

На гребне эмигрантской волны в Харбине появились новые предприятия, рестораны, артели кустарей, комиссионные магазины, банки, конторы по спросу и предложению, рекламные агентства, мастерские, автотакси и многочисленные забегаловки с горячей едой и дешевой водкой...

В театрах — русском и украинском — шли «Ревизор» и «Свадьба Кречинского», со сцены оперного театра пел Шаляпин, в цирке давал представление Дуров.

Открылись институты: юридический, медицинский, политехнический, педагогический, ориентальных (восточных) и коммерческих наук.

Выходили десятки газет и журналов. Издатели печатали книги. Поэты-эмигранты называли Харбин дальневосточным Парижем.

Однако было бы неверно считать, что все русские офицеры занимались в изгнании коммерцией, науками и искусством. В Харбине действовало множество российских общественных, политических и военизированных организаций, среди которых самым влиятельным был «Российский общевоинский союз» (РОВС). Там «свили гнезда» многочисленные разведки, в том числе и иностранный отдел ОГПУ. Стоять в стороне от членства в РОВС для офицеров было невозможно.

На допросе Ражев так изложил обстоятельства вступления в РОВС: «Как коммерсант я систематически закупал муку на сунгарийских мельницах через бывшего полковника белой армии Белоцерковского. В 1930 году он, зная о моей военной службе, предложил мне вступить в РОВС. Я согласился, но предупредил его, что из-за своей производственной занятости не смогу активно участвовать в деятельности союза. Белоцерковский ответил, что от меня достаточно формального членства и материальной помощи для нужд РОВС. Меня вполне устраивало такое предложение, равно как и основная цель РОВС — патриотическое воспитание русских людей, особенно молодежи, оказавшихся за пределами своего Отечества».

Но следствие совершенно не интересовало политические убеждения Ражева и мотивы его участия в белом движении и эмигрантских военизированных организациях. Не были приняты во внимание его патриотизм и лояльное отношение к советскому режиму, а также добровольное внесение в фонд обороны через консульство СССР в Харбине крупных денежных взносов. Для следователя Жукова, его смершевского начальства и заседателей военного трибунала Дальневосточной армии ПВО все бывшие белогвардейцы представляли

абстрактную враждебную силу, а членство в эмигрантских организациях (даже формальное) «тянуло» на 10 лет лагерей. Такой срок именем Союза Советских Социалистических Республик был объявлен Ражеву 28 ноября 1945 года в 12 часов 25 минут в хабаровской краевой тюрьме № 1. Вся «судебная» процедура не заняла и часа. А в январе следующего года Георгий Тимофеевич умер в Севвостлаге Магадана, сохранив до последних дней своей жизни честь и достоинство русского офицера. В апреле 1990 года его реабилитировали.

Из знакомых подполковника Ражева по дальневосточной эмиграции интересна судьба у Якова Яковлевича Смирнова. Генерального штаба полковник. Начальник военной школы РОВС в Харбине. Командир русского отряда в императорской армии Маньчжурского государства — Маньчжу-Ди-Го.

Спрятанная победа

Как известно, Советский Союз, выполняя союзнические обязательства, вступил в войну с Японией. 9 августа 1945 года войскам Забайкальского и двух Дальневосточных фронтов противостояла миллионная Квантунская армия.

Используя реку Сунгари в качестве оборонительного рубежа, японцы могли надолго задержать продвижение советских войск в глубь Маньчжурии. Для этого достаточно было взорвать железнодорожный мост. Однако этого не произошло. Почему?

В истории Великой Отечественной войны освобождение Харбина 20 августа приписывается воздушному десанту в количестве 120 человек (2-й гвардейский инженерный мотостурмовой батальон) под командованием особоуполномоченного представителя Военного совета 1-го Дальневосточного фронта генерал-майора Шелахова. Десантники должны были высадиться на Харбинском аэродроме, предъявить японскому командованию условия капитуляции, захватить наиболее важные объекты и до подхода передовых частей 388-й стрелковой дивизии не допустить разрушения моста на реке Сунгари и уничтожения складов и баз.

18 августа в 19 часов группа приступила к выполнению этой задачи в глубоком тылу противника, в 150 километрах от линии фронта. К утру следующего дня десант занял здание японской военной миссии, жандармерию и полицейское управление, взял под охрану мосты, электростанции, вокзалы, банки, телеграф и другие важнейшие объекты, арестовал начальника штаба Кавантунской армии генерал-лейтенанта Хата и приступил к разоружению 175-тысячной группировки противника.

«Конечно, — признал в своих мемуарах командующий 1-м Дальневосточным фронтом маршал Мерецков, — 120 наших десантников в огромном городе не могли много сделать...». Кто же в таком случае «подсобил» советским войскам в разгроме японского гарнизона?

Это сделали русские эмигранты. Даже Мерецков заметил: «Серьезное содействие оказали нам русские жители Харбина. Они наводили наших десантников на вражеские штабы и казармы, захватывали узлы связи, сохранили в неприкосновенности все городские жизненные коммуникации и сооружения. Благодаря их помощи некоторые высшие чины Квантунской армии нежданно-негаданно для себя оказались внезапно в советском плену...».

Маршал не назвал организатора этой помощи. Зато подполковник Ражев на допросе показал: «...Мне известно, что после объявления Советским Союзом войны Японии полковник Смирнов со своим отрядом, располагавшимся на железнодорожной станции Сунгари-2, выступил против японцев, разоружил гарнизон и вступил в Харбин, а по приходу туда Красной Армии сложил оружие и передал советской администрации все захваченные им документы и охраняемые объекты».

Значит, был человек, благодаря которому война на Дальнем Востоке закончилась для народов двух стран малой кровью. Его жизнь — яркий пример трагической судьбы русских людей, сохранивших на чужбине любовь и верность к своей неласковой Родине.

Яков Яковлевич Смирнов родился в 1890 году в семье потомственного военного. Окончил Псковский кадетский корпус, Елизаветградское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в 17-м гусарском Черниговском полку. За храбрость в войне с Германией награжден пятью боевыми орденами. В сентябре 1917 года его назначили начальником штаба Уссурийской казачьей дивизии, вместе с которой он после развала русской армии оказался в Сибири. В войсках Колчака полковник Смирнов командовал кавалерийским полком. Потом оказался в Харбине. Работал торговым агентом в акционерном обществе «Сургарийские мельницы» и активно участвовал в деятельности таких белоэмигрантских организаций, как «Российский общевоинский союз», «Дальневосточный союз военных», «Военно-монархический союз», «Общество ревнителей военных знаний», «Братство русской правды», «Комитет помощи русским беженцам».

По его словам, он «продолжал враждебно относиться к Советской власти, однако, безусловно, отрицательно был

настроен к возможной иностранной интервенции против СССР, а рассчитывал единственно на внутренний переворот из-за недовольства населения коммунистическим режимом, о чем трубила вся эмигрантская пресса».

После оккупации Маньчжурии в 1933 году японцы образовали Бюро русских эмигрантов и взяли на учет все русское население. Смирнову предложили работу в японской военной миссии. «В круг моих обязанностей, — вспоминал он, — входило изучение советских газет, журналов, книг и составление специальных сводок по военным вопросам. Вторжение фашистских войск в СССР вызвало у меня сильнейшее чувство негодования и сожаления о том, что я не могу участвовать в защите своего Отечества».

Великая Отечественная война советского народа с гитлеровской Германией и ее союзниками привела к коренным изменениям в психологии и поведении русской эмиграции. «Мы могли ожидать, — отмечалось в официальном заявлении МИД СССР, — что немцы и японцы в борьбе с Россией используют эмиграцию, что эмиграция соблазнится и пойдет с ними. Этого не случилось. Тех, кто пошел на службу к неприятелю, было сравнительно мало. Наоборот, в разных странах эмиграция в разных формах проявила симпатии к советскому народу. К советским представителям за границей обращались с просьбами о зачислении в действующую армию, о формировании русских добровольческих частей, вносили деньги в фонд обороны и т.д.».

В числе других офицеров-эмигрантов Смирнов хотел отправиться на фронт, однако советское консульство в Харбине ответило отказом. И тогда он решил действовать на свой страх и риск.

Бывший резидент советской разведки в Маньчжурии Меньшаков рассказал: «...С марта 1941 года по октябрь 1943 года я под фамилией Кузнецов работал секретарем в консульстве в Харбине. От ряда источников мною были получены сведения, что Смирнов, выступая на совещании старшего офицерского состава японской военной миссии с докладом о ходе и перспективах советско-германской войны, заявил, что Красная Армия дальше Волги не отступит и на просторах волжских степей разгромит немцев. Смирнов характеризовался как патриотически настроенный человек. Кроме того, через наших людей в японской военной миссии мне попадали составленные Смирновым сводки о боевых операциях на советско-германском фронте, которые объективно способствовали нашей политике в отношении Японии. Поэтому я не удивился, когда узнал, что он ищет возможность конспиративной встречи со мной...».

Настроение полковника Смирнова в октябре 1942 года как нельзя лучше выразил поэт-эмигрант Георгий Ревский:

*Да, какие пространства и годы
До тех пор ни лежали меж нас,
Мы детьми одного народа
Оказались в смертельный час.
По ночам над картой России
Мы держали пера острие
И чертили кружки и кривые
С верой, с гордостью за нее.*

«...До моего отъезда из Харбина Смирнов давал ценные разведывательные материалы о работе японской военной миссии, — продолжал Меньшаков-Кузнецов. — В сентябре 1943 года у него возник на почве защиты чести русских сослуживцев конфликт с одним из начальствующих чинов миссии, и он хотел порвать отношения с японцами. Но я отговорил его от этого поступка, а позднее рекомендовал ему принять предложение начальника японской военной миссии генерал-майора Дола занять должность командира 1-го отдельного русского кавалерийского отряда на станции Сунгари-2 (так называемого отряда «Асано»). Выбор японцев был неслучайным: Смирнов в конце 20-х—начале 30-х годов являлся начальником военной школы РОВС и пользовался большим авторитетом у белоэмигрантской молодежи. Я знал, что свое согласие на назначение командиром отряда «Асано» он объяснял в беседах с эмигрантами тем, что не желает отдавать воспитание молодежи предателям русского дела, а хочет воспитывать ее в патриотическом духе. Кроме того, Смирнов заявлял, что в случае возникновения каких-либо чрезвычайных событий его отряд сыграет большую роль в борьбе против японцев... Уже после войны вернувшиеся из Маньчжурии мои коллеги, не помню только кто именно, рассказывали, что Смирнов во время советско-японской войны проявил себя весьма достойно: разоружил японский гарнизон, взял под охрану какие-то важные документы и объекты и передал их советскому командованию».

Чем же закончилась боевая операция по освобождению от японцев Харбина для полковника Смирнова и его подчиненных? Официальным признанием их заслуг перед Отечеством? Предоставлением им советского гражданства? Наградami? Отнюдь нет. Конец этой захватывающей истории в худших традициях сталинского режима.

26 августа 1945 года, когда надобность в помощи эмигрантов отпала, Смирнов и другие офицеры русского отряда «Асано» были арестованы сотрудниками отдела контрразвед-

ки «Смерш» Амурской Краснознаменной речной флотилии, доставлены в Хабаровск и после непродолжительного следствия осуждены на 15 лет лагерей. Каждый. Их участие в боевых действиях против японских войск в уголовных делах не отражалось. Ордена и благодарности Верховного Главнокомандующего за взятие Харбина получили другие.

Граждан государства Маньчжу-Ди-Го, оккупированного Японией, обвинили по советским законам в измене Родине (то есть СССР), чего они по своему правовому положению никак не могли совершить (отряд «Асано» входил в состав Маньчжурской армии). Впрочем, кого тогда заботили эти юридические тонкости, если сам император Маньчжурии Пу И без суда томился в советских и китайских тюрьмах свыше 20 лет. Смирнову припомнили также участие в белом движении и членство в белоэмигрантских организациях.

Он отбыл в Озерлаге весь срок «от звонка до звонка», а потом на положении ссыльного работал пилорамщиком в леспромхозе Васильево, что в Татарской АССР. Все обращения одинокого пожилого и больного русского офицера к правительству о помиловании и предоставлении советского гражданства остались безответными несмотря на то, что его сотрудничество с советской разведкой и участие в боевых действиях против японских войск документально подтвердилось.

Прошедшие сталинские лагеря офицеры 1-го отдельного русского кавалерийского отряда поручик Витвицкий и прапорщик Мустафин сообщили, что «в этом подразделении насчитывалось около 500 человек, которые обучались и воспитывались по уставам старой русской армии. 1 июля 1945 года приказом военного министра Маньчжу-Ди-Го отряд был расформирован, а на сдачу оружия, имущества и документации отводилось три месяца. Когда началась война Советского Союза с Японией, представители японской военной миссии предложили всем офицерам отряда выехать в специальном поезде на юг Китая, чтобы не попасть в советский плен. Изъявившим такое желание выдавали значительное количество опиума — самую надежную ценность на территории Китая. Тогда командир отряда полковник Смирнов заявил, что желающие могут уехать, а он остается, дождетя прихода советских войск, сдаст им все военное хозяйство и подчинится воле советского командования. Его решение поддержали все 22 офицера и 10 младших командиров. После этого полковник Смирнов поднял по тревоге отряд и приказал нижним чинам разойтись по домам, однако те добровольно остались в расположении части на станции Сунгари-2. 15 августа, за три дня до прибытия в Харбин советских войск, наш отряд,

усиленный добровольцами из русских эмигрантов, преимущественно бывших офицеров, воспользовался хаосом, царившим среди японцев, разоружил караулы без особого с их стороны сопротивления. У нас потерь не было — только раненые. Все последующее время, вплоть до нашего задержания 26 августа, мы охраняли два больших (около километра каждый) железнодорожных моста через реку Сунгари, обеспечивая непрерывную переброску советских войск из Харбина в Порт-Артур. О нашем положении знал комендант Харбина генерал-полковник Белобородов, который обещал нам всякую поддержку и помощь...».

Но не сдержал командуящий 1-й Краснознаменной армией дважды Герой Советского Союза сибиряк Белобородов своего обещания. Не вспомнил он и в послевоенных мемуарах о несправедливо репрессированных земляках. Не захотел даже в малом поделиться победой. Так и умер русский полковник Яков Яковлевич Смирнов в нищете и забвении в не признавшей его своим гражданином стране.

Сейчас, когда в связи с 55-летием разгрома германского фашизма и японского милитаризма предлагается объявить участниками войны все население СССР того периода (с распространением на оставшихся в живых соответствующих льгот), я надеюсь, что в этом строю победителей найдется место и для них. Тех русских солдат и офицеров, кто не по своей воле оказался за границей Отечества. Тех, кто в таком оскорбленном, униженном и бесправном положении, забыв обиды и не помня зла, поддержал в лихую годину свой народ и свою страну — духовно, материально и с оружием в руках. Им уже ничего не нужно: ни юбилейных медалей, ни пенсий, ни квартир, ни подарков. Ничего, кроме памяти.

«Главный идеолог мятежа»

В январе 1921 года в Тюменской губернии вспыхнул мятеж. Его зловещее пламя объяло громадную территорию от Казахстана до Ямала. Крестьяне не хотели больше терпеть продразверстку и произвол местных продработников. Стихийный бунт всегда сопряжен с дикой яростью, жестокостью и изуверством. «Сибирская Вандея» не являлась исключением. В ее эпицентре оказался Тобольск.

В ночь с 20 на 21 февраля уездный исполком вместе с коммунистами и красноармейцами тайно оставили город. Население замерло в предчувствии грабежей и погромов.

«Слава богу, есть власть!»

Лидер тобольских профсоюзов Алексей Евгеньевич Коряков действовал энергично и решительно.

«Главная наша задача, — внушал он экстренно собранным ночью членам профсоюзов, — сохранить от расхищения запасы продовольствия, общественное имущество и винный склад. За него больше всего опасаюсь. Если обыватель доберется до него, спокойствие в городе нам не обеспечить. На охрану винного склада пошлем учителей, работников земли, леса и искусства — наши самые культурные силы. Отдадим им на всякий случай все оставленное нам оружие: 4 охотничьих ружья и 8 патронов...».

Позднее местные газеты отметили: «Как ни велико было желание некоторых тоболяков добраться до живительной влаги, все же винный склад удалось отстоять. Продукты продовольствия тоже сохранили за исключением небольшого количества мяса, которое было расхищено сразу после того, как коммунисты оставили город, не сообщив Бюро профсоюзов о своем отъезде. Общественное спокойствие в городе не нарушилось, населению было предложено самому установить охрану кварталов. В общем все обошлось благополучно...».

Из расклеенных на заборах объявлений тоболяки узнали об образовании временного городского Совета из пяти чле-

нов бюро профсоюзов «со следующим распределением между ними обязанностей: т. Коряков — председатель Совета, т. Тихонов — охрана города (комендатура), г. Никифоров — заведывание всеми правительственными учреждениями, т. Новодворский — заведывание народным хозяйством и промышленностью, т. Солодухин — заведывание продовольствием и снабжением города». Население призывалось «к соблюдению полного порядка и оказанию широкой помощи Совету во всех его мероприятиях, направленных к охране города и безопасности граждан и их имущества».

«Слава богу, — крестился обыватель, — есть власть».

Горсовет действует

Через день в бывший губернский центр вошли мятежники. Очевидец писал: «Странное, непривычное зрелище — воины не воины. Простая домашняя одежда, мешки... А оружие! Тут и современная винтовка, и допотопный дробовик, и самодельная пика, и просто дубина. Это — восставшие крестьяне...».

В городе было введено военное положение, объявлена мобилизация в народную армию всех граждан в возрасте от 18 до 35 лет, начались аресты и обыски.

Временный городской Совет заявил по этому поводу протест начальнику гарнизона В.М. Желтовскому и добился создания комиссии по проверке обоснованности арестов. Ее возглавил Коряков. 50 человек из 53 удалось освободить. Среди них были престарелый отец Залмана Лобкова, видного сибирского большевика, казненного колчаковцами еще в 1919 году в Челябинске.

На попытки мятежников перетянуть на свою сторону рабочих профсоюзы ответили обращением «От рабочих и служащих гор. Тобольска к народной армии и ко всему трудовому крестьянству». Оно во многом созвучно и нашему сегодняшнему времени: «Городской рабочий, объединенный в профессиональные союзы, видит, как оживились с восстанием крестьян все черносотенные элементы, как часть духовенства, ищущего государственного жалованья, мечтает о старых романовских порядках, как радостно сияют лица спекулянтов — купцов и старых угнетателей городского рабочего — промышленников, как громко раздаются голоса старых царских защитников, натравливающих татар на русских, русских на евреев, крестьян на рабочих, и все это не может не тревожить городского рабочего, отдавшего много сил и понесшего много жертв в борьбе за освобождение народа от рабства капиталу».

Автором этого документа был Коряков.

Всего пять дней продержалась власть временного горсовета, но за этот период в Тобольске были решены многие проблемы, казавшиеся до февраля 1921 года неразрешимыми. Стали нормально работать городские бани. Организована гражданская милиция из добровольцев. В город завезли дрова. Открылись больницы и школы. На рынке появилась сметана. Четыре библиотеки — немало для тогдашнего Тобольска — ждали своих читателей. Театр обещал премьеру...

Такая активность профсоюзов в лице временного горсовета, рост его авторитета не на шутку встревожил начальника главного штаба народной армии бывшего царского и колчаковского офицера Н.Н. Силина. По его предложению гарнизонное собрание — юридически высший орган военной власти — постановило вместо временного горсовета образовать крестьянско-городской Совет. Аргументы таковы: «Восстание — крестьянское, и власть должна быть крестьянской». Но бюро профсоюзов поставило условие: «создание настоящей всенародной власти путем выборов на основе всеобщего прямого равного и тайного голосования и никак иначе».

Под руководством Корякова разработали весьма краткое и простое положение о выборах. 25 февраля опубликовали его в газете «Вестник», а через два дня уже были известны результаты голосования.

27 февраля в Народном доме (ныне драматический театр) Коряков объявил первое заседание крестьянско-городского Совета открытым. Оркестр местных музыкантов грянул «Марсельезу». Депутаты и публика встали. В своем выступлении Коряков доложил о результатах работы временного горсовета и «выразил надежду, что новый выборный орган будет выразителем воли всего народа, а не отдельных лиц и групп». Как символ справедливости и милосердия он передал депутатам Совета икону Абалакской Божьей Матери. Председателем крестьянско-городского Совета был избран А.П. Степанов, его заместителем — крестьяне Щербаков и Корилов, а членами президиума Бронников и Кобяков (от города) и Пальнов и Вахрушев (от крестьян). Сам Коряков не вошел в состав Совета, однако постоянно влиял на его деятельность через пятерых представителей от профсоюзов и редакцию газеты «Голос народной армии».

Цитаты из 21-го

Коряков быстро понял, что «у восставших крестьян и у их штаба нет никаких твердых политических взглядов, кроме

одного — свергнуть коммунистов, что повстанцы не могут себе ответить, ради чего нужно это свержение и какую власть поставить вместо коммунистической». Стихийному бунту, анархии, хаосу он противопоставил четкую конкретную программу, которую изложил (в наиболее законченном виде) в статье «Основные принципы организации новой власти». В его представлении, «без ясно осознанных политических и экономических целей и идеалов трудно вести даже внешнюю войну, гражданская же революционная борьба без ярких, всем понятных лозунгов просто немыслима».

Таким широким лозунгом настоящего движения и является лозунг: «Вся власть народу!». Государственная власть должна быть избрана всем народом, должна являться действительным выразителем его настроений и исполнительным приказчиком всенародной воли. ...Всякая попытка навязать власть сверху, поставить во главе народа какую-нибудь одну группу, защищающую только свои интересы, заранее обречена на неудачу. Так кончилось царское самодержавие, когда власть принадлежала дворянам и помещикам, так погиб Колчак, намеревавшийся вручить бразды правления буржуазии, так бесславно падет и диктатура коммунистической партии, думающей насильственным образом править Россией.

...Каким же образом может создаваться такая настоящая всенародная власть? Только путем выборов на основе всеобщего прямого и тайного голосования. ...Лица, стоящие во главе власти, должны всегда помнить, что возврата к старой дореволюционной России быть не может, что всякие мечты о том, чтобы «Волга-матушка да вспять побежала», несбыточны. Россия в 1917 году стала на революционную дорогу и с нее не сойдет. О возврате земли помещикам или о нарушении закона о 8-часовом рабочем дне не может быть речи. Несомненно, частная промышленность восстановится, это историческая необходимость, «ее же не преjdeши», но царство беззастенчивой эксплуатации человека человеком умерло вместе с царизмом.

...Коммунистический суд на основании революционной «совести» должен смениться судом юристов на основании писанных законов. Во всей своей полноте должен быть восстановлен также и институт суда присяжных — ценнейшее достижение в судебной области.

Затем по мере большего и большего отхода фронта должны воскресать и остальные свободы, также причисленные коммунистами к «буржуазным выдумкам», как то: свобода личности, слова, печати, совести, собраний, союзов, стачек, передвижений, неприкосновенность личности и жилищ и полная отмена смертной казни.

Совместно с Новодворским он разработал Кодекс законов о труде, а 9 марта пленум бюро профсоюзов утвердил «Резолюцию по текущему моменту». В ней отмечалось, что «...в связи с совершившимся политическим переворотом задачи профессиональных организаций сводятся к организованной защите интересов трудящихся путем установления заработной платы, действительно обеспечивающей существование трудящихся, организации помощи безработным, охраны труда, поднятия культурного уровня рабочих, а также путем организационного участия профессиональных объединений в хозяйственном и политическом строительстве страны».

Коряков предлагал путь экономического возрождения края через кооперацию. Выступая на «совещании активных кооперативных работников Тобольского Совера», он убеждал: «Трудовик-крестьянин является основой хозяйственного благополучия всей нашей страны, а кооперация — хозяйским разумом и экономической волей середняка-крестьянина. ...При условиях современной нашей жизни первенствующее значение имеет заготовка сырья, являющегося нашим контрвалютным фондом, обеспечивающим получение железа, бумаги, ниток и т.п. с Запада, мануфактуры, лекарств и т.д. — с Востока или из заграницы вообще». И еще — «свобода спекуляции, простор разнузданной эксплуатации человека человеком, ненасытная жажда до наживы — все эти печальные плоды нашего общественного прошлого должны быть безвозвратно похоронены. Мы не можем, не смеем думать о возврате старых хищнических приемов ведения народного хозяйства. Нужно определенно и твердо установить, что частные интересы отдельных лиц и групп должны быть подчинены интересам общества в целом».

Арест и гибель

В разгар мятежа в Екатеринбург прибыл Л.Д. Троцкий. Его весьма тревожил размах сибирского крестьянского восстания. Он понимал: усмирить бунтовщиков смогут лишь регулярные части Красной Армии. Командующим Приуральским военным округом назначен С.В. Мрачковский. Председатель Реввоенсовета республики был уверен: его любимец, награжденный за освобождение Тобольска от колчаковцев в 1919 году орденом Красного Знамени, сумеет вновь взять этот город.

Так и вышло: 8 апреля мятежники оставили Тобольск и бежали на Север.

Коряков их примеру не последовал.

Через два дня его арестовали и предъявили обвинение «в контрреволюции, выразившейся в активном участии на стороне банд к свержению Советской власти».

Среди горожан началась кампания по освобождению бывшего председателя Временного городского Совета — явление по тем временам необычное. В Тобольское политбюро (так назывались тогда уездные ЧК) поступило ходатайство бюро профсоюзов, в котором отмечалось: «...А.Е. Коряков известен союзу как человек, связанный идейной связью с трудовыми массами, посвятивший большую часть жизни и сил работе в профессиональном движении. Перед глазами союза прошла его организационная работа в жуткий и страшный момент, когда г. Тобольск, оставленный коммунистической властью, был предоставлен всяким случайностям со стороны неорганизованной обывательской массы, а также и во время господства повстанческих сил. Среди условий крайней политической реакции, исходившей от военного штаба повстанческой власти, тов. Коряков заявил себя как стойкий боец за демократические завоевания русской революции. Как пример, можно указать его прямые и смелые речи по поводу необходимости отмены смертной казни, которая так жестоко свирепствовала в Тобольской тюрьме. Над тов. Коряковым витала смерть. И он спасся лишь благодаря той общей поддержке со стороны тобольских профсоюзов, с которой поневоле приходилось считаться повстанческой власти. Ввиду всего изложенного профсоюзы просят власть об освобождении тов. Корякова от тюремного заключения и скорейшем окончании его дела».

За него просила еврейская община Тобольска, хлопотали люди, которых он спас от гибели. Врач Жуков писал: «Вместе с товарищами я должен был эвакуироваться из Тобольска. Семью свою, состоящую из жены и трех малолетних детей, я взять с собой не мог, так как у них не было теплой одежды, а 20 февраля и далее стояли сильные холода. Оставляя семью, я мало надеялся увидеть их живыми (бывший пример прошлого мне много говорил за это: первая моя жена и муж моей настоящей второй жены расстреляны колчаковцами). Притеснения семьи, частые обыски начались с первого же дня прихода бандитов в г. Тобольск. Жена металась туда и сюда, ища защиты. Наконец, помогли ей в этом гр-н Коряков и Бунин. И жена моя считает, что эти люди оказали ей помощь и защиту».

Невиновность Корякова была столь очевидна, что проводивший следствие по делу участников тобольских событий помощник уполномоченного секретного отделения Тюмгуб-

чека Мозшевилов в заключительном акте указал: «...к 3-й категории (общественные работы на месте сроком от года до трех лет — А. П.) я полагал бы отнести тех лиц, которые по своему роду преступления играли в повстанческом движении видную роль, но не сопровождавшуюся кровавыми казнями... Коряков Алексей Евгеньевич».

Однако коллегия Тюменской губчека решила иначе: «Применить к А.Е. Корякову высшую меру наказания». 22 февраля 1922 года Президиум ВЧК утвердил это решение. Бывшего председателя Тобольского временного городского Совета расстреляли в Тюмени. Тело опустили в черный квадрат проруби на Туре — тогда сибирские реки часто заменяли кладбища.

«Не думал ни о какой власти...»

Не могли же местные партийные, советские и чекистские органы взять на себя часть вины за крестьянский бунт. Командиров мятежных соединений захватить не удалось: они или погибли в боях, или растворились бесследно в необъятных таежных просторах. Организаторами, вдохновителями и руководителями восстания 1921 года в Западной Сибири представили эсеров. В том числе Корякова — как одного из главных.

Эта одобренная верхами концепция господствовала в исторической науке. Тюменский писатель К. Лагунов, одним из первых пытавшийся переосмыслить причины и характер мятежа, в своем очерке «Двадцать первый» отдал должное «поражительной энергии, инициативной деловитости и неиссякаемой работоспособности Корякова», однако не отказался от стереотипа: «Коряков — эсер и главный идеолог мятежа».

Каким же в действительности было его членство в партии эсеров — фактическим или формальным? 19 мая 1921 года Коряков так рассказал следователю губчека о своем происхождении и партийной принадлежности:

— Мне 42 года, родился в Туринском уезде Тюменской губернии в семье священника. Женат, имею трех сыновей от 9 до 1 месяца и дочь 6 лет. Дома своего нет, живу в Тобольске по улице Рождественской, 32... Три года я учился в Тобольской духовной семинарии, а затем — в Ишимской духовной школе. Читал там книги и брошюры партии социалистов-революционеров, потом вступил в кружок, которым руководил учитель семинарии Архангельский. Учителем в с. Лихановском Ишимского уезда, я вел чисто культурное поучение среди крестьян, но членом партии тогда официально не состоял, материалы для чтения получал из Мос-

ковского университета. Через два года меня перевели учителем в зырянское второклассное училище (Успенская волость). Там я говорил с учениками о социализме. За эти мои неблаговидные поступки меня перевели в Тугулым. Там я организовал учительский союз, а при создании в Тюмени партии эсеров я вступил в таковую в 1914 году. Обязанностью каждого партийца было организовать кружки как среди местного населения, так и среди войск. С началом войны я приехал в Омск и поступил в военно-промышленный комитет в должность секретаря, потом работал в кооперации. В партии был секретарем, затем членом комитета и по выборам прошел в городскую Думу. В декабре 1918 года в силу преследования со стороны колчаковской контрразведки мне пришлось выехать в Тобольск. Там я потерял все связи с партией и никакой партийной работы не вел».

Являясь руководителем тобольских профсоюзов и выражая интересы рабочих и служащих, Коряков был скорее социал-демократом, нежели эсером. Так точнее.

На допросах он утверждал: «...Я не думал ни о какой власти, так как полагал, что эта стихия (мятеж) временная... главное для меня было: сохранить порядок в городе, уберечь людей от погромов, грабежей и арестов...».

Непредвзятый читатель поймет: главный, по официальным данным, идеолог мятежа на самом деле был его же главным оппонентом.

По следам «северных купцов»

Недоступные ранее документы помогут нам полнее познать сложные процессы классовой борьбы в первые годы Советской власти. Долгое время они подавались в оправе «мальчиш-кибальчишевских подвигов». Не потому ли молодежь стала равнодушной к таким штампованным из жести героям. В действительности все обстояло намного сложнее и трагичнее. Подтверждение тому — документальный очерк об одной операции тюменских чекистов по разоблачению организаторов мятежа 1921 года в Сургутском уезде, расследованию обстоятельств расправы мятежников над местными коммунистами и комсомольцами.

Уполномоченный губотдела ГПУ

После окончания гражданской войны вместо ВЧК было образовано Государственное политическое управление — ГПУ. В марте 1922 года Тюменскую губчека заменил губотдел ГПУ. С первым парходом в Сургут прибыл его уполномоченный Иван Никифорович Королев, 28-летний крепыш, привычный к крестьянскому труду и бондарному ремеслу. На всю округу славились бочки, сделанные молодым мастером. Однако недолго пришлось Ивану заниматься любимым делом: «за веру, царя и отечество» он гнил в Пинских болотах, с перебитой рукой валялся в госпитале. В январе 1918 года демобилизованный солдат вернулся в родную деревню Иску Велижанской волости Тюменского уезда. Земляки избрали его председателем местного Совета. Во время белогвардейщины избранникам народа пришлось скрываться в окрестных лесах. Однажды при «прочесывании» их схватили и привели в Велижаны на расправу. На площади перед зданием волостной управы собралась толпа. После оглашения приговора вперед вышел старый крестьянин Михаил Яковлевич Богданов.

— Не дадим расстреливать! — заявил он.

— Не дадим! — подхватила толпа.

Никогда не забыть Королеву сутулую фигуру крестьянина, его развевающуюся седую бороду, обнаженную голову, негромкую, полную достоинства речь.

— Мне восемьдесят лет. Коли поднимется рука на старика, делайте со мной, что надумаете. Поэтому спрашиваю: за что ведете людей на расстрел? Они народную волю выполняли, и не за что их казнить. Не даст народ их убивать!

Толпа, ободренная словами старика, надвигалась на карателей.

— Не дадим!

Белогвардейцев было немного. Они растерялись и вынуждены были уступить. Вскоре после освобождения уезда от колчаковцев Ивана приняли в члены РКП(б) и направили на работу в губчека. Не успел освоиться на новом месте, как в округе вспыхнул мятеж. В феврале 1921 года Тюмень уже задыхалась в кольце повстанческих отрядов.

В сумерках короткого зимнего дня красноармейцы дозорной заставы доставили в губчека троих мятежников, пытавшихся незаметно проникнуть в город. Зачем шли? К кому?

Правдивых ответов на эти вопросы чекисты на допросах не добились. Королев повел задержанных в караульное помещение. С одним, по обличью крестьянином, задержался, угостил махоркой, справился о семье, о хозяйстве. Терпеливо слушал его обиды на продотрядчиков и продразверстку. Крестьян-середняков, взявшихся за оружие, чекист не считал врагами, понимал, что их восстание было от отчаяния, от произвола местных руководителей. Может, поверил мужик разъяснениям Королева об амнистии, а может, пожалел молодого парня, проявившего участие к его судьбе, только шепнул, что зреет в городе заговор, во главе которого стоит бывший корнет Лобанов. К нему они и шли по заданию повстанческого штаба, чтобы согласовать единый удар по Тюмени.

— Колчаки, слышь, паря, хотят сразу вашу чеку захватить. Ты бы спрятался куда... еще успеешь... они ночью выступят...

Но Королев уже не слушал его, ноги несли по лестнице на второй этаж в кабинет председателя губчека Студитова. Петр Иванович сразу оценил важность полученных сведений. Посмотрел на взволнованного чекиста, ободряюще улыбнулся и неожиданно спросил:

— Иван, ты торговлишкой не занимался?

— Приходилось, товарищ председатель: я ведь немного бондарничал. Какой товар продать надо?

— Сегодня ты торговаться будешь, время тянуть. Пойдешь к Лобанову под видом мужика того, а чтобы не так страшно было, возьмешь с собой Уткина и Некрасова. Свяжников-то трое должно быть. Пока с господином бывшим корнетом да с его приятелями чай гонять будете и цену банди-

там из «народной армии» набивать, мы успеем дом тот на Орловской незаметно окружить. Нельзя нам, Иван, допустить, чтобы хоть один из заговорщиков ушел. Много бед они наделают...

Помолчав, добавил внезапно дрогнувшим голосом:

— Знаю, что связников этих, что у нас в подвале сидят, контрики лобановские могут в лицо знать, да другого выхода у нас нет. До начала мятежа в городе считанные часы остались...

Лобанов встретил переодетых чекистов приветливо. В большой комнате за накрытым столом собрались руководители заговора. Все из «бывших». Глаза блестят то ли от выпитого самогона, то ли от предвкушения близкой расплаты с коммунистами. Заждались связников с той стороны. Загалдели разом, друг друга перебивают, каждый хочет свои заслуги в подготовке мятежа показать. Какая уж тут осторожность: не слышат приглушенного конского ржания, скрипа снега под сапогами бойцов из батальона губчека. Остолбенели от резкого стука в дверь и уж совсем обмерли, когда Королев, не давая заговорщикам опомниться, вскинул над головой маслянисто блестящую в свете семилинейной керосиновой лампы гранату:

— Руки вверх!

Арест контрреволюционного центра сорвал планы мятежников, их наступление на Тюмень провалилось.

Самоотверженность и смелость Королева, его выдержка, способность склонить на свою сторону крестьян, обманом и угрозами вовлеченных в восстание, были замечены Студитовым. Провожая его в Сургут, он напутствовал:

— Мятеж в губернии подавлен. Остатки банд растворились среди населения. Многие участники восстания перешли к трудовой жизни, стремятся искупить свою вину перед Советской властью. Но остались и такие, которые продолжают бесчинствовать, терроризировать крестьян, грабить магазины сельской потребкооперации, убивать коммунистов, работников милиции, советских активистов. Учти, организаторы мятежа в Сургутском уезде скрылись, отсиживаются где-то в тайге. Слышал что-нибудь о «северных купцах»? До революции они вели торговлю с ханты и манси, обманывали простодушных охотников, спаивали их, почти даром выманивали ценные меха. Твоя главная задача — ликвидировать банду «северных купцов», разыскать главарей мятежного комитета общественной безопасности Андрея Силина, Никифора Закорюкина, Андрея Кондакова. Они должны предстать перед судом и ответить за допущенную расправу над сургутскими коммунистами и комсомольцами. Внимательно изучи документы, захваченные при разгроме мятежников, поговори с местными жителями,

заведи дружбу с охотниками ханты и манси. Они наивны, как дети, но отличаются честностью, бескорыстны и гостеприимны. Без их помощи тебе Силина не найти. Он далеко не так прост, как кажется на первый взгляд. Ему тридцать лет, бывший учитель, хорошо знает язык, обычаи, нравы местного населения, географию края. У власти был дважды, в восемнадцатом году избирался председателем Сургутского уисполкома. Это идейный противник Советской власти, однако, жаден, заботится только о своем кармане. Таких простые ханты и манси не любят... И последнее: не месть должна вести тебя по следам «северных купцов», а законность и справедливость. Помни об этом, Иван, и... береги себя.

Розыск

Для Сургута первый пароход, что приход весны. Все жители от мала до велика вышли к речной пристани. Какие чувства будит в них протяжный гудок: надежду, тревогу, радость встречи, скорбь печального известия? Разные десанты высаживались на этот берег: то белые, то красные... Какой она будет, весна двадцать второго года?

Из толпы празднично разодетых по случаю встречи парохода сургутян шагнул навстречу Королеву рыжий смуглолицый парень.

— Помощник уполномоченного Иван Тюшев.

Руку пожал так, что Королев — далеко не слабак — крикнул:

— Ну что, тетка, веди, показывай свое хозяйство.

Выслушав короткий доклад об обстановке в уезде, Королев засел за изучение документов, о которых говорил ему начальник отдела ГПУ. Это были военные сводки, докладные записки, распоряжения, телеграммы, подписанные Силиным или другими членами комитета общественной безопасности, которому во время мятежа принадлежала вся полнота власти в Сургуте и его окрестностях:

«Самарово — штаб. Красные бежали из Сургута в ночь на 9 марта. Сургут занят повстанцами в 10 часов утра. Для преследования бежавших красных выступили отряды Третьякова и Гущина, последний сформирован из местных жителей численностью в 65 человек. Без боя заняты селения Банное, Широково, Галец, Локосово, где поймано 9 коммунистов из бежавшего отряда красных. Они двигаются медленно, большим обозом. Наши части чувствуют себя бодро и уверены в скорой ликвидации бежавшего отряда коммунистов. 12 марта 1921 года».

Очередные донесения не давали оснований для оптимизма:

«Советская власть в Сургуте ликвидирована. Красные отряды, человек 60, вооруженные, взяв женщину-врача, фельдшера, двух медсестер, весь наличный порох, дробь, оружие, разные товары, медикаменты, бежали по направлению на Нарым, захватив из Сургута до 150 лошадей и 70 ямщиков. Наши отряды очень нуждаются в оружии, военных припасах и руководителях. Необходимо принять меры против бежавших красных со стороны Томска. Образовавшийся в Сургуте комитет общественной безопасности просит указаний по дальнейшей деятельности и организации власти».

И еще один документ чекист отложил в сторону:

«Зенково — штабу. Сообщите немедленно фамилии всех арестованных, содержащихся под стражей в вашей волости. Некоторые лица скрывают истинные свои фамилии и принадлежность к партии коммунистов. До выяснения личности арестованных держите под строгим надзором».

У двери послышалось покашливание Тюшева:

— Иван Никифорович, уже ночь на дворе.

— Как ночь? Смотри, как светло.

— Это белая ночь, товарищ уполномоченный. Привыкайте к Северу. Остановитесь на квартире у Олимпиады Кайдаловой. Я договорился. У нее комната свободная есть, сын там жил, Иван. Его бандиты год назад расстреляли.

— Вместе с теми? — Королев кивнул на документы.

— Да, он первым комсомольцем в Сургуте был. Гордый, пощады у врагов не стал просить.

Угощая позднего гостя нехитрым ужином, хозяйка дома рассказала:

— В числе других Ваню привезли из Зенково в Сургут 13 мая, а через день несколько человек было расстреляно. Вся надежда у меня была на Кондакова, думала, он Ваню учил, поэтому защитит его. К Закорюкину я ходила с просьбой отпустить сына на поруки, но он отказал, сказав, что сделать этого нельзя, так как он преступник и остался на допросах при своих убеждениях.

Не стал чекист утешать плачущую женщину, сказал только:

— Мне все, что вы сказали, завтра записать надо.

— Зачем?

— По закону положено. Их судить будут.

— А найдете? — глянула в закаменелое лицо квартиранта и поняла: этот найдет.

До наступления холодов Королев и Тюшев разыскивали «северных купцов», проникали в сокровенные уголки тайги, куда не ступала нога русского человека, неспешно беседова-

ли с ханты и манси. Однажды Тюшева остановил молодой охотник, совершающий обход поставленных им капканов.

— Моя знает, кого ты ищешь, — заговорил манси.

Тюшев вначале не высказал ни малейшей заинтересованности в сообщении охотника. Манси оценил молчание чекиста: мужчины должны сдерживать свои эмоции, иначе какие же они мужчины!

Они стояли друг против друга на покрытой снегом поляне. Молчание прервал охотник.

— Ищешь ты человека, нам беду приносящего. Силин его зовут. — Тюшев вздрогнул. Мимолетная улыбка сверкнула на непроницаемом лице охотника: не сумел русский сдержать своих чувств. — Слышал, однако, от людей: приютили его. Не скоро туда добраться можно, — предупредил манси. — В близкую землю — близкий путь, в далекую — дальний.

Охотник назвал местность, где, по слухам, находился Силин.

— Сходи туда, найдешь, кого ищешь, — сказал манси.

Тюшев передал Королеву содержание своей беседы с охотником.

— Что думаешь делать, тезка?

— Пойду. Завтра же и отправлюсь.

— Не горячись! Прочитай пока показания свидетелей, — уполномоченный подал своему помощнику протоколы допросов.

«Во время восстания в Сургутском уезде я по принуждению бандитов служила в комитете общественной безопасности в селе Локосово в должности переписчицы. Отец мой, Иван Яковлевич Лейтман, как член РКП(б) расстрелянный бандитами в Сургуте, был арестованный последним и в первое время находился под стражей в Локосово. При передаче мною ему пищи он сказал мне: «Сейчас приходил Андрей Силин, угрожал револьвером и выражался, что всех вас, коммунистов-кровопийцев, нужно расстрелять».

Тюшев взял другой лист.

«При вспыхнувшем восстании я, Зырянов Николай Петрович, как и все коммунисты, отступал на Нарым Томской губернии. Получив подкрепление около границы уездов Сургутского и Нарымского, наша воинская часть перешла в контрнаступление, сломала сопротивление бандитских шайк и двинулась на Сургут. Преследуя отступающих бандитов, занимая очищенные от них селения, мы, интересуясь тем, кто является руководителем мятежа, спрашивали население, которое многочисленными ответами утверждало, что главным руководителем и вдохновителем озлобления населения против

коммунистов и Советской власти является в числе других Андрей Силин».

Синим зимним утром Королев проводил товарища в дальнюю дорогу. Свою «экспедицию» в тундру Тюшев через три месяца отразил в коротком рапорте на имя уполномоченного губотдела ГПУ: «Согласно вашему поручению скрывающийся бандит Силин Андрей пойман 15 февраля 1923 года в лесах у речки Калик-Егана, что в Ларьякской волости, где скрывался с мая 1921 года, промышляя охотой и рыбной ловлей. При обыске у него обнаружено и изъято: карабин, нож, боеприпасы, 1000 царских рублей золотом и 3750 «керенками».

Суд

Через год после ареста Силина выездная сессия Тюменского губсуда рассмотрела в Сургуте уголовное дело в отношении организаторов кулацко-эсеровского мятежа в уезде. К этому времени Королев и Тюшев разыскали скрывавшихся в глухой тайге Кондакова, Закорюкина и других деятелей комитета общественной безопасности.

За день до начала суда уполномоченный ГПУ простился со своим помощником: того призвали на службу в Красную Армию. Вручил ему пакет под сургучными печатями, в нем документ о том, что «Тюшев Иван Петрович, 1902 года рождения, уроженец Тобольска, в органах ВЧК с 1920 года, партийный РКП(б), по характеристике — толковый и работающий, честный и добросовестный». Обнялись. Больше они никогда не увидят друг друга.

На суде Королев без особого внимания слушал объяснения подсудимых об их социальном происхождении, принадлежности к партии эсеров, должностном положении в период восстания. Все это ему уже было известно по материалам следствия. Из состояния усталого оцепенения его вывели показания Кондакова:

«У меня было три ученика: Хворов, Кайдалов и Щепеткин, и это были лучшие мои воспитанники школы. Я хотел их спасти. Из Зенково их везли вместе с коммунистами и беспартийными. В это время приходит Зиновьев (начальник Северного карательного отряда — А.П.) — начинается полевой суд. Вот здесь-то сказывается вся свирепость, дикость русского народа и человека. Мне удалось спасти Щепеткина и Макушина. В расстрелах других я не виноват...».

Королев вновь вспомнил старого крестьянина Богданова, спасшего его от расправы колчаковцев. Смерти не побо-

ялся, а защитил своих избранных. А этот, хвастливо называвший себя «службой народа», безропотно подчинившийся разгулу анархии... Не мог спасти от гибели даже своего ученика Ивана Кайдалова. А может, и не хотел этого: юноша был комсомольцем и на допросах не отрекся от своих убеждений.

Следствие и суд не выявили непосредственных участников казни Кайдалова и сургутских коммунистов. Палачи во все времена предпочитали действовать по ночам, без свидетелей. Так было и в марте двадцать первого. Королеву удалось найти свидетеля Кугаевского, который показал:

«Я был арестован повстанцами и находился в Сургутском рабочем доме вместе с захваченными в Зенково. За главного у них был комиссар пристани чекист Нестроусов. На масленице в час ночи отрядом Зиновьева из рабочего дома были выведены шесть человек. Зиновьевцы рассказали мне, что когда Нестроусову приказали повернуться затылком, то он становился грудью и говорил: «Убивайте, я умираю за правду». И другие, глядя на него, тоже вели себя дерзко. Нестроусов сразу убит не был, а только ранен, и ушел в один дом, но его снова поймали и убили».

Суд приговорил организаторов мятежа в Сургутском уезде к расстрелу, который «в силу Октябрьской амнистии заменили 10-летним сроком лишения свободы».

Судьба Королева такова: одним из первых тюменских чекистов он выступил против огульного применения чрезвычайных мер к крестьянам-середнякам во время коллективизации. «За проявления непонимания политического момента и из-за слабого здоровья» был отправлен на хозяйственную работу. В годы массовых репрессий его «не вспомнили», работал в тылу на оборону, стал персональным пенсионером, умер в преклонном возрасте, сохранив ясную память и стойкую веру в честность и справедливость.

«В соответствии с Указом
Президиума Верховного Совета
Союза ССР от 14 августа 1944 г.
об образовании Тюменской
области в составе РСФСР
ПРИКАЗЫВАЮ:
организовать управление
НКГБ Тюменской области с
дислокацией в гор. Тюмени»

*Из приказа народного комиссара
государственной безопасности
Союза ССР от 19 августа 1944 г.*

В бессрочной ссылке

После присоединения Сибири к России ее правители превратили этот край в место ссылки своих политических противников.

История царской ссылки — от Петровского фаворита Меншикова и декабристов до польских повстанцев, народников и большевиков — достаточно изучена.

Меньше известно о советской политической ссылке, проводимой на государственном уровне по признакам классовой или национальной принадлежности.

Николай Суханов

Декретом ВЦИК от 10 августа 1922 года предусматривалась административная высылка за границу или в определенные местности РСФСР лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, сроком до трех лет под надзор местного органа Государственного политического управления.

На Тобольский Север стали высылать членов партии конституционных демократов (кадетов), социал-революционеров (эсеров), социал-демократов (меньшевиков), анархистов, армянских дашнаков, украинских боробьистов, азербайджанских мусаватистов, грузинских меньшевиков, еврейских сионистов.

Это был начальный этап образования советской пенитенциарной системы в виде ссылки, высылки и спецпоселений.

Самым известным среди ссыльных этой категории был Николай Николаевич Суханов (Гиммер). В его петроградской квартире 10 октября 1917 года 10 из 12 членов РСДРП(б) приняли решение о вооруженном восстании.

После Октябрьской революции Суханов работал экономистом и редактором различных газет и журналов. В своих «Записках о революции» он утверждал, что в России для социалистической революции не было объективных предпосылок, и что страна не достигла такой высоты развития производительных сил, а также такого уровня культуры, при которых возможен социализм. К тому же большевики действова-

ли вопреки законам исторического развития. По этому поводу тяжело больной В.И. Ленин продиктовал в 1923 году известную статью «О нашей революции», в которой обосновал возможность победы социализма в России.

В 1931 году Верховный суд СССР без достаточных оснований приговорил видного экономиста и публициста Суханова по делу «Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)» к 10 годам тюрьмы, впоследствии замененным Президиумом ЦИК ссылкой в Тобольск. Там Суханов работал учителем русского и немецкого языков в татарской школе. До самого ареста в сентябре 1937 года. И расстреляли его в июне 1940 года.

Под черным флагом анархии

Если теоретическое наследие идеологов русского анархизма гвардейского офицера Михаила Бакунина и князя Петра Кропоткина выразить двумя словами, то ими будут «равенство и свобода». Поэтому анархисты «дружили» со всеми левыми. Независимо от конечной цели борьбы их союзниками были и эсеры и большевики. В то время разница в программах не играла большой роли, главным было сходство в действиях. Митинги, листовки, контрабандная перевозка оружия для боевых дружин — вот постоянные занятия революционера независимо от его партийности. Когда наступил октябрь 1917 года, то рабочим и крестьянам, солдатам и матросам стало тем более все равно, в чем там не сошлись за границей Ульянов с Кропоткиным.

Нестор Махно создал первый на Украине солдатский Совет. Павел Дыбенко стал председателем Центробалта. Анатолий Железняков вел балтийских моряков на штурм Зимнего. Нестор Каландаришвили разбил юнкеров в декабре 1917 года в Иркутске. Павел Хохряков провозгласил в апреле 1918 года в Тобольске Советскую власть. Борис Мокроусов возглавил повстанческую армию в Крыму. Все они были анархистами.

По-разному сложились их судьбы. Оба Нестора — «бабка» и «дедушка» — получили от большевиков по ордену Красного Знамени. Но украинский крестьянин Махно, преследуемый Красной Армией, ушел за кордон и умер в 1934 году в Париже. А грузинский дворянин Каландаришвили был убит в марте 1922 года при подавлении им восстания якутов и эвенков. Так уж получилось: один лежит на кладбище Пер-Лашез возле стены коммунаров, а другой похоронен в Иркутске на горе коммунаров. Балтийцы Железняков и Хохряков тоже перешли на сторону большевиков и погибли один у

станции Крутиха на Урале, другой «в степи под Херсоном». Матросского вожака Дыбенко, ставшего командиром 2-го ранга, расстреляли в 1938 году. И только любимец черноморских матросов Мокроусов, не стремившийся особо к высокой карьере, через четверть века потрянул своей партизанской стариной и стал Героем Советского Союза.

Отношения большевиков с анархистами оставались внешне дружественными до середины 1919 года. По свидетельствам очевидцев, «...имя Махно не сходило со столбцов советской прессы. Его величали подлинным стражем рабоче-крестьянской революции». 4 мая в столицу анархистской вольницы Гуляй-Поле прибыл с визитом чрезвычайный уполномоченный Совета обороны республики Леонид Каменев. Встреча ему была оказана очень торжественная. Уезжая, высокий советский гость «горячо распрощался с махновцами, высказал благодарность и всякие пожелания, расцеловался с Махно, уверяя, что с махновцами, как с подлинными революционерами, у большевиков всегда найдется общий язык».

Однако ленинское учение о диктатуре пролетариата и партийная дисциплина оказались неприемлемы для махновцев. И когда в июне большевики расстреляли начальника штаба махновской армии Озерова, анархисты тут же ответили взрывом дома Московского комитета РКП(б) по Леонтьевскому переулку. Это был один из самых кровопролитных террористических актов — убито 12 человек, среди них секретарь комитета Загорский, ранено 55. После этого чекисты никакого спуска анархистам не давали. Махновцев разгромила красная конница, а других анархистов выслали в Сибирь. Последних десять ссыльных анархистов — две женщины и восемь мужчин — расстреляли в марте 1937 года в Тобольске. Их обвинили «в создании подпольной контрреволюционной организации и подготовке покушений на вождя советского народа Сталина и его соратников». Закаленные десятилетиями гонений анархисты не только не признали этого абсурда, но и отказались отвечать на вопросы следователей НКВД.

Самым опытным и авторитетным из всей десятки анархистов был 45-летний Арон Барон, член партии анархистов-синдикалистов с 1907 года. В тобольской тюрьме он сидел еще при царизме. Интересно, что именно через него чекисты в 1919 году вышли на след непосредственных исполнителей взрыва здания Московского комитета РКП(б). Сам Барон к террору относился насмешливо-отрицательно и свои эмоции по поводу взрыва в Леонтьевском переулке в порядке и тоне партийной сплетни изложил в письме к анархистке Софье Каплун: «Дело, кажется, подпольных анархистов, с

которыми у меня нет ничего общего. У них миллионные суммы. Правит всем человек, мнящий себя новым Наполеоном». Каплун случайно задержали в поезде и нашли это письмо. На всякий случай арестовали и Барона, так ссылка стала для него и других единомышленников образом жизни. Один из расстрелянных в Тобольске анархистов Александр Петухов, преподававший в педучилище математику, выразил в стихах свое отношение к ссылке:

*И этот край чалдонов лживых,
Где тенью бродит ссыльный люд.
Где люди милостью лишь живы,
Я проклинаяю и люблю.*

*Люблю, как каторжник оковы,
Как мрачный рыцарь черный Граль,
Как истины венок терновый,
Мне люб Тобольский дикий край.*

Профессиональным советским ссыльным можно назвать и митрополита Петра Крутицкого, который после смерти патриарха Тихона был избран 12 апреля 1925 года собором 37 епископов местоблюстителем патриаршего престола. 10 декабря 1925 года его арестовало ОГПУ. Затем он находился в ссылке в селе Абалаке близ Тобольска, потом в крохотном поселке Хэ, севернее нынешнего Надыма, и, наконец, во внутренней тюрьме полномочного представительства ОГПУ по Уралу и в верхнеуральской тюрьме особого назначения. Расстреляли митрополита в 1937 году.

В ссылку отправляли одиночек, группы и даже политически неблагонадежные творческие коллективы.

«Ямальские гастролы» МХАТа

В театральной литературе не найти сведений о «ямальском периоде» Московского художественного академического театра. Но гордость русской культуры — МХАТ — находился в начале 20-х годов в Обдорске (Салехарде) не на гастролях, а в ссылке.

По указанию В.И. Ленина от 5 сентября 1922 года чекисты «перетрясли» всю тогдашнюю интеллигенцию: философов, историков и писателей. Свое отношение к театру вождь выразил в беседе с наркомом просвещения Луначарским: «...Если есть театр, который мы должны из прошлого во что бы то ни стало спасти и сохранить, — это, конечно, Московский художественный театр».

«Спасителем и хранителем» МХАТа стал Яков Самуилович

Агранов — заместитель председателя ГПУ, считавшийся самым компетентным экспертом по проблемам интеллигенции. Этот «милый и обаятельный человек», как называл его в своих письмах Маяковский, дружил со многими известными писателями, поэтами, художниками, актерами и неплохо знал их психологию.

Он устроил в 1922 году проявившему лояльность к Советской власти Станиславскому гастроль по Европе, а оппозиционно настроенного к большевистскому режиму Немировича-Данченко и его пылких сторонников отправил в Обдорск — «охладиться».

Как отмечалось в «докладах» уполномоченного Ямальского отдела ГПУ, «...коллектив ссыльных артистов играл в народном доме по договору, заключенному с РИКом».

Появление в северном городе такого театра всколыхнуло общественную жизнь. Спектакли ставились в основном по Чехову. Труппа была небольшой, и на сцену приходилось выходить и другим ссыльным, а также местным красавицам.

Большевики встревожились — как бы чего не вышло. Некоторых актеров под предлогом «нарушения регистрации» заключили в «каталажную тюрьму». «Но они, — жаловался уполномоченный ГПУ, — все равно присутствуют на репетициях, потому что начальник раймилиции не обращает на каталажную тюрьму никакого внимания и, как видно, не обожает пролетарскую дисциплину».

В конце концов ссыльный МХАТ в Обдорске закрыли. По этому случаю в очередном «докладе ГПУ» отмечалось: «Все эти лица, проявлявшие себя в артистическом деле, находятся сейчас без службы, ничего не делают и занимаются глотанием чистого северного воздуха. Что касается самого Немировича-Данченко, то он убивается в хлопотах, дабы скорее выбраться из ссылки дальнего Севера (см. копию его радиограммы № 439)». Этого документа в архиве ФСБ нет: наверное, уполномоченный ГПУ ценил лишь свои «доклады». Но догадаться о содержании радиограммы несложно — мольба о возвращении в Москву. И над талантом сжалились.

Свое покаяние Немирович-Данченко выразил в 1925 году революционным спектаклем «Пугачевщина» по пьесе Константина Тренева. Потом были «Дни Турбиных», «Бронепоезд 1469», «Егор Булычев и другие», «Враги».

В 1936 году театр получил имя Горького, а Немирович-Данченко стал народным артистом СССР. И никто не вспоминал о «ямальских гастролях», тем более что заместителя наркома НКВД и «наставника» нового МХАТа Агранова уже расстреляли, как очередного «врага народа».

Сочинитель анекдотов о Сталине

Участников оппозиционных групп в самой ВКП(б) также ссылали в наш край. В 1927 году в селе Суерском (Упорово) Тюменского округа Уральской области оказался исключенный из ВКП(б) лидер «военной оппозиции» Владимир Михайлович Смирнов. В октябре 1917 года он входил в состав Военно-революционного комитета в Москве, затем был наркомом от торговли и промышленности... Из ссылки он не выбрался — расстреляли в 1937 году.

Самой яркой фигурой среди «партийных ссыльных оппозиционеров» был Карл Бернгардович Радек. Страны и города менялись в его жизни с кинематографической быстротой... Австро-Венгрия, Швейцария, Бельгия, Польша, Германия... В феврале 1917 года Ленин сказал Радеку: «Надо ехать в Россию». Октябрьский переворот казался им началом мировой революции, и Радек нелегально отправился в Германию создавать партию немецких большевиков. Но устроить в Европе пожар не удалось. Радека арестовали и заключили в тюрьму Моабит. Освободился он только в марте 1920 года и был избран членом ЦК РКП(б) и секретарем Коминтерна.

В борьбе за власть в России, начавшейся после смерти Ленина, Радек примкнул к Троцкому. Но победил Сталин, и Радека, известного в стране острослова и сочинителя политических анекдотов, отправили в Тюмень. Он же попросился в Тобольск: ему хотелось «вписать в свой революционный послужной список, наряду с Моабитом, и тобольскую тюрьму, в которой сидели Радищев, декабристы, петрашевцы и народники». В городе на Иртыше Радеку создали сносные условия жизни. Комната в доме на территории тюрьмы не запиралась, охраны почти никакой, паек сытный. Эмигрантский журнал «Социалистический вестник» за 13 октября 1928 года писал: «До недавнего времени в Тобольске находился Карл Радек. Дважды в неделю он ходил на регистрацию в местное ГПУ и получал там пособие в 30 рублей в месяц».

Однако бывшего секретаря ЦК и секретаря Коминтерна раздражало и мучило полное невнимание к своей персоне со стороны местного населения, для которого ссылка в Тобольск «царей и вождей» стала привычным явлением. Другие политические ссыльные также не жаловали «верного солдата Ленина и Троцкого» — так величал себя Радек. Для честолюбивого, привыкшего всегда быть на виду политика нет более тяжелой кары, чем забвение. Радек не выдержал испытания ссылкой, покался перед Сталиным. Тот возвратил его в

Москву. Но ни последующие покаяния, ни хвалебные оды «великому вождю», ни статьи с требованием казни своих недавних товарищей не спасли Радека от расправы.

Жена Троцкого

О ней известно немного. Сам Троцкий в пространных воспоминаниях «Моя жизнь» уделил ей несколько строчек: «Александра Львовна Соколовская занимала одно из первых мест в южнорусском рабочем союзе. Глубокая преданность социализму и полное отсутствие всего личного создали ей непререкаемый нравственный авторитет. Совместная работа тесно связала. Чтобы не быть в ссылке врозь, мы обвенчались в московской пересылочной тюрьме».

Надо думать, 19-летнего юношу привлекали в Шурочке Соколовской не только ее политические убеждения. Она была недурна собой, хотя и старше его на десять лет. Родители Лейбы Бронштейна всячески возражали против этого брака, однако сын настоял на своем. Тогда же он выбрал не только жену, но и свой знаменитый псевдоним — фамилию старшего надзирателя тюрьмы Троцкого. Его величественная фигура, властность, умение подчинять себе окружающих — все это производило впечатление. Кроме того, Бронштейн-Троцкий хотел доказать: фамилия матерого защитника самодержавия может служить и другим целям — революции.

В ссылке в Восточной Сибири Троцкий находился недолго. Через два года после «тюремного венчания» он бросил жену и двух маленьких дочерей и сбежал за границу. Там он встретил Наталью Седову, которая увлеклась им и революцией, разошлась с богатым мужем и стала его второй женой.

Во время сталинских репрессий всех родственников Троцкого уничтожили. И хотя Соколовскую уже нельзя было отнести к их числу, именно она открыла этот скорбный список.

«Углановщина»

Местные отделы ГПУ вели за ссыльными постоянное наблюдение.

«В гор. Ишиме, — отмечалось в «докладе окротдела ГПУ», — имеется оппозиционная ссылка в качестве 5 человек. Персонально: Теплов, бывш. директор Тульских оружейных заводов, работающий в настоящее время в гортопе; Шапиро, быв. зав. АПО Шахтинского окружка ВКП(б), в наст. время работающий в маслосоюзе; Сотников, быв. рабочий Выксунского завода, в наст. время — безработный; Сафонов, быв. ком-

сомолец и студент из Нижнего Новгорода, в наст. время учитель математики в профтехшколе, и Мусин, бывш. корреспондент ТАСС в Китае и работник Коминтерна, в наст. время работающий в окрселькредитсоюзе. Причем первые 4 человека высланы в Ишим по постановлению Коллегии ОГПУ, а последний, т.е. Мусин, выехал из Москвы по предложению ЦК.

Группа ссыльных путем переписки со своими единомышленниками ведет усиленно фракционную работу, а также ими обсуждаются коллективно решения ЦК ВКП(б), но это происходит исключительно в их среде и какого-либо влияния на Ишимскую парторганизацию не имеет.

Методами протеста отмечаются: отказ их ходить на регистрацию в ГПУ и в случае ареста — объявление голодовки. Причем такие же намерения оппозиционеров, по нашим данным, имеются и в других пунктах ссылки».

Тюменский окротдел ГПУ докладывал: «На учете бывших сионистов имеется три человека. Сведений об их активной деятельности не поступало. Существование организации «Маккаби» в г. Тюмени не установлено. Местная религиозная еврейская община насчитывает в своем составе 60 чел., что явно указывает на малочисленность еврейского населения, находящегося в Тюмени. Большая часть еврейских семей заняты торговлей. Евреев, служащих в советских учреждениях и занимающихся физическим трудом, сравнительно мало».

В мае 1933 года управляющим Обьрыбтрестом в Тобольске был назначен Николай Александрович Угланов, с 1925 по 1929 годы — секретарь Московского комитета партии, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), один из лидеров «правой оппозиции». «Командировка» на Тобольский Север являлась для Угланова ссылкой. После его ареста в 1937 году десятки опытных обских рыбников, в их числе и известного участника гражданской войны в нашем крае П.И. Лопарева, расстреляли по обвинению в «углановщине», то есть только за знакомство с Углановым.

Следствием борьбы Сталина с оппозицией стала ссылка в Сургут Владимира Николаевича Слепкова, редактора журнала «Юный пролетарий». Вместе со своими братьями — Александром, первым редактором «Комсомольской правды», и Василием, профессором Ленинградского университета — он входил в оппозиционную группу молодых коммунистов, которую называли «школой Бухарина».

Как и для большинства политических ссыльных, изгнание из Ленинграда в Сургут закончилось для Слепкова-младшего расстрелом в 1937 году.

Великое «переселение»

Второй этап ссылки на Тобольский Север — уже не отдельные политические противники сталинского режима, а целая социальная группа «раскулаченных».

30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило «Мероприятия по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В них подчеркивалась необходимость организованно провести ликвидацию кулацких хозяйств. В районах сплошной коллективизации намечалось отменить действие законов об аренде земли и применении наемного труда, конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы.

Все кулаки были разделены на три категории:

а) контрреволюционный кулацкий актив, который предполагалось немедленно ликвидировать путем заключения в концлагеря; в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций не исключалось применение высшей меры репрессий;

б) остальные элементы кулацкого актива, которые подлежат высылке в отдаленные местности Союза ССР, в пределах данного края в отдаленные районы края;

в) оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежат расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках.

В развитие этого постановления ОГПУ издало приказ от 2 февраля 1930 года № 44/21, который предусматривал:

1. Немедленную ликвидацию контрреволюционного кулацкого актива, особенно кадров действующих контрреволюционных и повстанческих организаций, группировок и наиболее злостных махровых одиночек (первая категория).

2. Массовое выселение из районов сплошной коллективизации и погранполосы наиболее богатых кулаков (бывших помещиков, местных кулацких авторитетов и антисоветского актива церковников и сектантов) и их семейств в отдаленные северные районы СССР с конфискацией их имущества (вторая категория).

В приказе даны четыре определения кулаков:

1. Кулаки — наиболее махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социалистической реконструкции хозяйства. Кулаки, бегущие из районов постоянного жительства и уходящие в подполье, особенно блокирующиеся с активными белогвардейцами и бандитами.

2. Кулаки — активные белогвардейцы, повстанцы, бывшие бандиты, бывшие белые офицеры, репатрианты, бывшие активные каратели и др., проявляющие сейчас контрреволюционную активность организационного порядка.

3. Кулаки — активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя.

4. Кулаки — наиболее богатые, ростовщики, спекулянты, разрушающие свои хозяйства.

Из этого определения видно, сколь широко трактовалось понятие слова «кулак».

Этими документами было предусмотрено выселение 144 тысяч семейств кулаков в следующие районы:

Из Северо-Кавказского края на Урал — 23000 семей,
в Казахстан — 5000 семей;

из Украины в северный край — 50000 семей;

из Центрально-Черноземного округа в северный край — 20000 семей;

из Нижневолжского края в Сибирь — 18000 семей;

из Средневолжского края в Сибирь — 14000 семей;

из Белоруссии в Сибирь — 12000 семей.

Местное раскулачивание в этот расчет не входило.

«16 февраля 1930 года, — указывалось в сводке Тюменского окружкома ВКП(б), — дана телеграмма о подъеме кулаков по всем районам и отправке на комендантские пункты». Было собрано — 1321 семья, около шести тысяч человек. За пределы округа только в феврале выслали 5524 человека. Из них: 1682 мужчины, 1926 женщин и 1816 детей. Основные места выселения — Березово и Сургут.

Через Тюмень гнали на Север ссыльных из других округов и районов Уральской области. По состоянию на 5 марта 1930 года через город пропущено: «16 эшелонов (саннных) из 8000 подвод, 4424 семьи, 22107 человек, 6000 мужчин, 6600 женщин, 9438 детей». Тракт Тюмень—Тобольск был забит десятками тысяч подвод со спецпереселенцами. Тобольск стал столицей социалистической ссылки.

«Эшелоны к нам движутся с такой быстротой во времени и с массовым напором, — жаловался в марте 1930 года в Уралобком ВКП(б) секретарь Тобольского окружкома Игнатенко, — что, безусловно, застало нас неподготовленными. Кроме того, мешает страшно чертовский холод, который доходит до 36—37 градусов. Приняли мы той публики три тысячи семей. Сейчас идет спешная работа по подготовке города Тобольска к превращению его в сплошной лагерь для кулачества. Освобождаем буквально все возможное, даже решили закрыть кино».

Сотни голодных, обмороженных людей. Нары в три яруса в Софийском соборе и в аудиториях духовной семинарии. Костры из икон...

Всего во время коллективизации на Тобольский Север выслали более 31 тысячи крестьянских семейств, что составляло около 150 тысяч человек, находившихся в бесправном положении спецпереселенцев.

О том, в каких условиях жили и как использовались репрессированные крестьяне, свидетельствует докладная записка коменданта Остяко-Вогульского окружного отдела ОГПУ: «За отсутствием надлежащего питания, медицинского контроля и обслуживания большая часть спецпереселенцев, потерявшая трудоспособность, не могла обеспечить выполнение плана лесозаготовок, вследствие чего леспромхоз дал распоряжение о привлечении на лесозаготовки всех, без исключения, спецпереселенцев без различия пола и возраста, установив нормы выработки даже для детей 12-летнего возраста и стариков по 2—2,5 кубометра в день. По этой причине спецпереселенцы, дабы выполнить норму выработки, оставались для работы в лесу целыми сутками, где зачастую замерзали, обмораживались, подвергались массовым заболеваниям».

На фоне этого и других архивных документов зримо представляется высокая духовность нашего народа. Ограбленные, униженные и высланные в дремучие леса и непролазные болота, крестьяне взялись за топоры и лопаты. И построили в тайге новый город Остяко-Вогульск и превратили бесплодную северную землю в урожайную ниву. А в лихую военную годину, не помня зла, добровольно влились в ряды защитников Отечества. Пятеро из семей раскулаченных стали Героями Советского Союза, а тысячи тех, кому Сибирь поневоле стала родной, награждены за отвагу и мужество орденами и медалями.

Письма 1932 года

Коллективизация крестьянских хозяйств не принесла обещанного ВКП(б) улучшения жизни. Чтобы сделать такой вывод, достаточно прочесть отобранные военной цензурой письма, которые получали из дома красноармейцы дислоцированной в Тюмени 65-й стрелковой дивизии.

«...Живем плохо. Хлеб забрали. Теперь сидим голодаем».

«...Новостей у нас особенных нет. Хлеб шибко плохой, да и того нет. В колхозе народ очень голодует, дня по четыре нет ни крошки, только едят наголо конину, да траву горькую».

«...Работаем в колхозе по-старому, а платы вот уже девять месяцев не дают, да и взять денег правлению негде. Пло-

хо и с кооперацией: нет ни одежды, ни обуви. Корму на коров и лошадей тоже нет, и они ходят еле живые».

«...Советская власть душит крестьян. Довели до того, что мы сидим без хлеба, скоро с голоду помрем. Спроси, сынок, своих командиров, как они на это смотрят, а задай вопрос своему начальству: хорошо ли, мол, делает Советская власть?».

Голодали и в деревне, и в городе. Накануне 15-летия Октябрьской революции Тюменский оперсектор ОГПУ докладывал в горком ВКП(б): «...Обеды, привозимые на предприятия Тюмени, бывают без хлеба, однообразны и непитательны. Суп варится из рыбы с примесью травы и мутной воды, а рыба же отсутствует. Имели случаи, когда в рыбе попадались черви».

«...На почве продовольственных затруднений имеется ряд фактов, когда рабочие отказываются от выхода на работу целыми сменами или уходят с производства ранее означенного времени».

«...На судоверфи рабочие и работницы плачут. Они по нескольку дней не ели, и дома у них сидят голодные дети. Со стороны рабочих отмечаются угрожающие выкрики по адресу Советской власти и местных организаций».

Голод и обнищание народа привычно списывалось на происки классовых врагов.

До октября 1917 года в Tobольской губернии имелось 220 православных церквей, более 100 мусульманских мечетей. 20 католических костелов, несколько монастырей и сектантских общин разных течений. Пытаясь сломить духовное сопротивление народа и достичь абсолютного идеологического монополизма, партийные и советские органы отбирали церковное имущество, закрывали и разрушали храмы, расправлялись со священниками и верующими.

В июле 1932 года в Тюмени взорвали Благовещенский собор — первое каменное строение в Сибири и осудили по сфабрикованному обвинению епископа Tobольского и Березовского Иринарха Синеокова, епископа Ялуторовского Серафима Коровина, епископа Тюменского и Курганского Иоанна Братолюбова, других архимандритов, благочинных, иеромонахов, монахов и монашек. Тогда же были закрыты православные храмы, мусульманские мечети, католические костелы, еврейская синагога, молельные дома евангельских христиан-баптистов в Тюмени, Tobольске, Ишиме, Ялуторовске и в крупных селах по Иртышу, Оби, Туре, Tobолу, Тавде и Исети.

8 мая 1933 года вышла инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР за № П-6028, которая предписывала прекратить массовое выселение крестьян. Выселение допускалось только в индивидуальном порядке и только тех хозяйств, главы кото-

рых вели активную борьбу против колхозов и организовывали отказ от сева и заготовок. Отмечалось, что кулаки, осужденные на срок от 3 до 5 лет, подлежат направлению в трудовые поселки вместе с находящимися на их иждивении лицами. Такие семьи фактически направлялись на спецпоселение. Пожизненно.

В 1933 году раскулачивание докатилось до Среднего Приобья и Крайнего Севера, где жили ханты, манси, селькупы, ненцы, зыряне, коми, занимавшиеся охотой, рыболовством и оленеводством. Президиум ВЦИК СССР решил: «произвести экспроприацию всего оленьего стада и прочих средств и орудий производства в зонах тундры и лесотундры Крайнего Севера у отдельных полуфеодалов...».

Механическое перенесение методов колхозного строительства из южных районов в северные не могло не вызвать среди коренного населения протеста и сопротивления. В наиболее организованной форме это выразилось в Казымском национальном восстании (1933—1934 гг.), которое было подавлено 55-м дивизионом войск ОГПУ.

Для разрушения традиционного духовного уклада жизни ханты, манси и ненцев репрессировали под предлогом борьбы с суевением свыше 150 шаманов — наиболее авторитетную часть северян.

В полной мере население Омской области (с января 1935 по август 1944 гг. в ее состав входила и территория Тюменской области) испытало массовый террор 1937—1938 годов, когда по вымышленным обвинениям без суда было расстреляно 12 тысяч человек, а тысячи несчастных людей сгинули в лагерях и на подневольных стройках социализма.

Тюменский лимит

3 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) «предложило секретарям обкомов в пятидневный срок представить в ЦК ВКП(б) количество подлежащих расстрелу и высылке».

7 июля 1937 года первый секретарь Омского обкома Д.А. Булатов и начальник областного управления НКВД Э.П. Салынь послали члену политбюро ЦК и наркому НКВД Н.И. Ежову телеграмму: «Учтены и рассмотрены материалы на 2429 человек. Первая категория (расстрел) — 479... вторая категория (высылка—лагеря) — 1959...».

Еще через два дня Политбюро ЦК утвердило состав «троек» для внесудебного рассмотрения дел и вынесения приговоров. Этим же решением по Омской области были утверждены другие цифры репресслируемых: 1000 человек по первой

категории и 2500 — по второй. А секретаря обкома и начальника УНКВД обвинили в «контрреволюционной деятельности путем сокрытия белогвардейских повстанческих кадров» и после недолгого следствия расстреляли.

В Омск приехал новый начальник УНКВД Г.Ф. Горбач. Уже 1 августа 1937 года он доложил Ежову: «Первоначальными цифрами, представленными вам бывшим начальником Управления НКВД Салынь, намечалось к изъятию по 1-й категории 479 человек. Проведенной стахановской работой арестовано по 1-й категории 3008 человек... Операция в отдаленных районах продолжается. Пока не затронуты Ямало-Ненецкий и Остяко-Вогульский округа, где операция будет проведена по беглому русскому кулацкому элементу, осевшему в населенных пунктах вдоль реки Оби. По коренному кулацкому активу, проживающему в непроходимой в летнее время тундре, считаю целесообразным провести операцию зимой, когда болота замерзнут и будет возможность проезда...».

15 августа в Москву ушла очередная телеграмма: «Наркому Внудел тов. Ежову. По состоянию на 13 августа по Омской области арестовано 5444 человека... Прошу дать указание по моему письму № 365 относительно увеличения лимита 1-й категории до 8 тысяч человек. Горбач». На этом документе резолюция: «т. Ежову, за увеличение лимита до 9 тысяч. И. Сталин».

Для проведения «операции» область разделили на «оперативные секторы». Расстрельными местами стали Омск, Тюмень, Тобольск, Ишим, Салехард, Остяко-Вогульск.

10 декабря 1937 года сменивший Горбача К.Н. Валухин доложил Ежову: «Операция по вашему приказу 00447 закончена. Всего осуждено по первой категории 11050 и по второй категории 5004 человека. Приведение приговора в отношении 50 человек, рассмотренных сверхутвержденного лимита по 1-й категории, задержано. Прошу утвердить».

За выполнение этого чудовищного «плана» Валухин получил орден Ленина, стал депутатом Верховного Совета СССР первого созыва от Тюменского избирательного округа и первым секретарем Свердловского обкома ВКП(б).

В начале 1938 года Сталин пытался приглушить выходящий из-под его контроля террор, для чего обвинили «в перегибах вредителей, пробравшихся в ряды партии, комсомола и НКВД».

10 мая Политбюро ЦК ВКП(б) «удовлетворило» просьбу Омского обкома об увеличении дополнительного лимита по первой категории на 1000 человек.

Но на этот раз жертвами террора стали те, кто публично приветствовал «ежовщину» и участвовал в позорных судили-

цах над своими товарищами — партийные, советские и комсомольские руководители Омской области, городов и районов. Валухин также не избежал этой участи.

Так сбылись пророческие слова русского поэта Максимилиана Волошина, глубоко понявшего трагедию Октябрьской революции:

*Всем нам стоять на последней черте,
Всем нам валяться на вшивой подстилке,
Всем быть расстрелянными — с пулей в затылке,
И со штыком в животе.*

Война и ссылка

Начавшаяся 22 июня 1941 года война с гитлеровской Германией внесла свои коррективы в характер репрессивной политики сталинского руководства.

В первый же день войны был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», которым предусматривалось выселение в административном порядке из пределов местности, объявленной на военном положении, лиц, признанных социально опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой.

Так, в третий раз не по своей воле оказались в Сибири поляки. Впервые это произошло во второй половине прошлого столетия. Разгромив польское восстание 1863 года, царское правительство осудило на каторгу и ссылку свыше 18 тысяч его участников, из которых около четырех тысяч были размещены в Тобольской губернии. В начале 70-х годов XIX века им разрешили возвратиться на родину, и они почти все покинули суровый край.

Второй поток поляков-переселенцев в Сибирь был вызван первой мировой войной и революционными событиями. Тогда в Тюмени, Ишиме и Тобольске осели около двух тысяч поляков. Их судьба трагична — все они были расстреляны по сфабрикованному НКВД делу «польской организации войсковой».

В сентябре 1939 года по секретному соглашению Сталина и Гитлера СССР присоединил принадлежавшие Польше западные территории Украины и Белоруссии. Несмотря на то, что польские войска практически не оказали вооруженного сопротивления советским дивизиям, их разоружили. 190 тысяч военнослужащих попали в заключения в лагеря. При этом была проведена массовая депортация «неблагонадежного» гражданского населения. В Омскую область вывезли 12717 так называемых польских «осадников». Через год к ним добавилось около двух тысяч высланных из Бессарабии торговцев и зажиточных крестьян.

В войну ссыльные поляки-мужчины ушли в формировавшиеся в СССР армию генерала Андерса (она ушла через Иран на Западный фронт) и дивизию имени Костюшко (позднее на ее основе было создано Войско Польское). А после победы 1945 г. оставшихся в Сибири поляков возвратили в Польшу. 23 марта 1946 года первый эшелон с 925 репатриантами, среди которых было 70 воспитанников Тобольского детского дома, отправился из Тюмени в Варшаву.

28 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

В нем говорилось: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, полученному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям никто не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или прилегающих районах, и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтоб им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для размещения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей и Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному комитету обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселенцев немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах».

Так был использован принцип групповой ответственности одних людей за проступки других.

27 августа 1941 года НКВД СССР издал приказ «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей».

На депортацию более чем миллионного народа понадобилось около месяца.

По состоянию на 9 сентября 1941 года в Омскую область прибыло 83516 немцев-переселенцев, в том числе в районы: Маслянский — 1214; Исетский — 1941; Омутинский — 1259; Ново-Заимский — 1583; Ишимский — 2631; Велижанский — 832; Тюменский — 2581; Ярковский — 289; Ялуторовский — 2666; Упоровский — 1583; Тобольский — 493; Байкаловский — 585; Бердюжский — 1420; Викуловский — 1191; Абатский — 1420; Юргинский — 1492; Армизонский — 1334; Аромашевский — 2443; Голышмановский — 1889; Сорокинский — 1085; Казанский — 1670.

В 1944—1946 годах в Тюменскую область на спецпоселение прибыло еще более трех тысяч немцев, выселенных из Закарпатья и репатриантов из Германии, которых позже расстреляли в таежных районах Ханты-Мансийского национального округа.

Сибиряки спокойно встретили переселенцев. В докладной записке УНКВД по Омской области отмечалось, что «...между местным населением и переселенцами немцами Поволжья никаких эксцессов не наблюдается». В то время сибирские мужики почти поголовно уходили на фронт, и в деревнях, как нельзя кстати, пришлись немногословные и работающие немцы. Но у правительства были на них свои планы.

10 января 1942 года ГКО СССР постановил: «...не призывать в Красную Армию граждан национальностей воюющих с СССР стран, но привлечь в обязательном порядке этот контингент для работы в промышленности и строительстве».

С этой целью органы НКВД совместно с военным комиссариатом провели в 1942—1944 годах несколько мобилизаций — всего не менее 500 тысяч человек, в основном немцев. Официальное название этих формирований — «рабочие колонны», но в народе их называли «тудармией». По своему правовому положению «тудармейцы» немногим отличались от заключенных ГУЛАГа.

В военное лихолетье они построили авиационные заводы в Куйбышеве, три доменные печи в Нижнем Тагиле и Челябинске общей мощностью 980 тысяч тонн чугуна в год; 16 мартеновских и электроплавильных печей производительностью 445 тысяч тонн стали; прокатные станы, дававшие 542 тысячи тонн броневого проката; 4 коксовые батареи производительностью 1740 тысяч тонн кокса; угольные шахты и раз-

резы, выдававшие на-гора 6790 тысяч тонн угля; 46 электрических турбин общей мощностью 596 тысяч киловатт; 6 гидролизных и сульфатно-спиртовых заводов; 10 компрессорных станций для нефтяной промышленности; два химических завода по производству соды и брома, завод нитроглицериновых порохов; мощную радиовещательную станцию...

После войны всех оставшихся в живых трудармейцев возвратили к семьям под административный надзор органов МВД-МГБ.

24 июня 1942 года вышло постановление ГКО СССР № 1926 «О членах семей изменников Родины», которым предусматривалось, что члены семей изменников Родины: муж, жена, отец, мать, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили одной семьей, подлежат аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на срок 5 лет.

Как же должно было увеличиться ссыльное население нашего края, если в 1941—1945 годах в фашистском плену оказалось 5734528 военнослужащих! Как известно, Сталин не признавал военнопленных, считал их изменниками. Но высылались в Сибирь только семьи расстрелянных за измену Родине. Таких в войну было немало — почти 158000 человек. Шестнадцать полнокровных дивизий...

После освобождения в 1943—1944 годах временно оккупированной немецко-фашистскими войсками советской территории насильственной депортации подверглись проживавшие там чеченцы, ингуши, калмыки, кабардинцы, балкары, черкесы, курды, турки-месхетинцы, крымские татары...

В ночь под Новый, 1944 год Сталин получил срочное донесение: «В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР и Постановления СНК от 28 декабря 1943 года НКВД СССР осуществил операцию «Улусы» по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы. Всего было погружено в эшелоны 26359 семей, или 93139 человек, которые отправлены к местам расселения в Алтайский и Красноярский края, Новосибирскую и Омскую области. Л. Берия».

Что же явилось причиной для принятия жесткого решения в отношении целого народа? Созданный немцами «калмыцкий кавалерийский корпус», не представлявший по численности (около 3000 сабель) серьезной военной силы.

Неспособные привыкнуть к новым условиям, климату, пище, укладу жизни, калмыки были обречены на полное вымирание (в Тюменской области их первоначально было около 12000 человек, в основном в Сургутском районе). Только в 1954 году оставшимся в живых калмыкам разрешили возвратиться в родные степи.

Судьбу репрессированных народов разделили коренные жители Ямала — ненцы. В ноябре-декабре 1943 года областные, окружные и районные партийные, советские и чекистские органы спровоцировали выступление группы ненцев, которые распустили колхозы, поделили обобществленных оленей и откочевали в глубь тундры. Эту ситуацию в докладах Москве представили как «восстание» (по-ненецки — «мандала»), организованное гитлеровской разведкой. На подавление «мандалы» из Омска на Ямал на самолетах была отправлена рота автоматчиков. Собрав обманом безоружных ненцев, солдаты открыли по ним огонь: семеро наповал, столько же ранено, остальных оленеводов арестовали и увезли в Салехард.

Там из 50 ненцев, силой лишенных свободы и привычных условий жизни, 41 умерли от болезней и истощения. А авторов преступного сценария «мандалы» наградили орденами и лишь позднее их осудили за фальсификацию следственных материалов.

Здесь когда-то лагерь был

За время войны войсками Красной Армии было захвачено в плен 3777290 солдат, офицеров и генералов гитлеровской Германии и других стран-сателитов. Все они содержались в многочисленных лагерях НКВД. Но в нашей области был только один такой лагерь под номером 93 — в Тюмени.

Он состоял из нескольких отделений. Кроме жилых барачков, обнесенных дощатыми заборами и колючей проволокой, имелись лазареты, кухни, бани, швейные и сапожные мастерские... Военнопленные вытаскивали из Туры сплавные бревна, откатывали их, штабелевали, разделявали древесину.

Первый этап состоял из плененных на Волге итальянцев и румын. Оказавшись в суровом климате, они не пережили зиму сорок третьего года (всего в лагерях для военнопленных немцев и их союзников умерло 423168 человек, в Тюмени — около 700).

Наивно было бы думать, что руководство страны, не считавшее за людей своих граждан, создавало бы сносные условия для немецких военнопленных. Но таковы уж сибиряки — нет у них ненависти к безоружному противнику. Расконвоированные немцы — их узнавали по нарукавным желтым повязкам с буквами «В/П» — без боязни ходили по Тюмени. Побегов из лагеря почти не было, да и куда бежать — кругом леса и болота.

После окончания войны режим содержания военнопленных стал помягче: они могли получать посылки от родных и

отправлять им письма. Военнопленных стали привлекать к строительству домов в областном центре.

В декабре 1945 года в Тюмень на завод № 639 (сейчас судостроительный завод) прибыл «рабочий батальон» — 982 участника «армянского национального легиона», сформированного немцами в 1941—1942 годах из военнопленных армян. Легион принимал участие в боях против Красной Армии под Туапсе и в Крыму, но в связи с ненадежностью был отправлен во Францию. Там большинство армянских легионеров отказались в мае 1944 года служить немцам и создали 1-й советский партизанский полк. После фильтрационного лагеря в немецком городе Цербет полк оказался в «рабочем лагере» в Тюмени.

Тогда же в области увеличилось число каторжных строителств. На Крайнем Севере Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЖДС) МВД СССР развернуло строительство Трансполярной железной дороги от Воркуты до Салехарда (участок 501-го управления) и от Салехарда до Надыма (504-е управление). Потом эту трассу хотели протянуть до Чукотки и, повернув на юг, соединить с Транссибирской железнодорожной магистралью.

К концу 1953 года было построено несколько участков этого пути, уложены рельсы до Лабытнаног, действовал железнодорожный мост через Обь. Умерших от непосильного труда и болезней «рабов XX века» закапывали в условиях вечной мерзлоты в полотно дороги. До наших дней здесь сохранились остатки концлагерей (Мыс Кинжальный), проржавевшие рельсы и паровозы.

В 1947 году на Ямале в районе фактории Мыс Каменный началось строительство военно-морской базы. К ней прокладывалась железная дорога из Салехарда через поселок Новый Порт. От причала собирались прокопать канал до озера, глубина которого достигала 30 метров. Оно превратилось бы в бухту для укрытия в случае непогоды надводных судов и подводных лодок. За два года заключенные Обского ИТЛ возвели из лиственницы метровый пирс — уникальное портовое сооружение, которое могло бы стать очередным «чудом света». Завершению строительства базы помешал шторм 1950 года. Казалось, сама природа воспротивилась бесчеловечному отношению к себе и несчастным людям. Старожилы этих мест помнят, как яростные волны разрушили пирс. Сегодня здесь можно увидеть лишь складские помещения и обветшавший дощатый причал Новопортовского рыбозавода.

В начале 50-х годов на Полярном Урале между железнодорожной станцией Хальмер-Ю и разъездом «106-й км» заложили площадку для ракетной базы. Там разместили захваченные

в Германии и слегка модернизированные ракеты ФАУ-2. Однако скрыть подобные пуски ракет не удалось: их засекли с разведывательных самолетов США, совершавших постоянные облеты северного побережья СССР, и с воздушных шаров, запускаемых с территории Норвегии. В 1957—1958 годах в иностранных журналах появились материалы о наличии на Ямале ракетной базы. Последний раз ракеты (уже устаревшие) взлетели 25 июля 1961 года, после чего пусковые установки демонтировали. Вряд ли туристы, преодолевая маршрут от Хальмер-Ю через гору Борзова, хребет Оче-Нырды, озеро Щучье и реку Ходата, догадаются, какой особый военный объект находился здесь около 40 лет тому назад.

О лагерях написано немало. И все-таки не все знают, сколько «островов» входило в неотмеченный ни на одной географической карте «архипелаг ГУЛАГ». Десять? Сто? Тысяча? Не меньше 233. Столько управлений исправительно-трудовых лагерей и номерных строителей было расформировано после смерти Сталина и казни Берии. А в каждом управлении и строительстве — сотни лагерных отделений и пунктов. Как горячая сыпь, они покрывали всю страну «от Москвы до самых до окраин». Миллионы безвинно закабаленных людей в жутких условиях прокладывали железные и шоссейные дороги, строили морские порты и даже... Московский университет.

Арифметика ссылки

Война сократила население страны. И спецпоселенцев. Их пересчитали в октябре 1949 года. Получилось: в СССР около 5 миллионов спецпереселенцев. Из проживавших тогда в Тюменской области 892000 человек (203000 — в городах и 68900 — в сельской местности), 62497 ссыльных. Это: немцев — 24944, калмыков — 9241, литовцев — 1382, украинцев — 3167, «кулаков» — 12958, репатриантов — 1475, бывших военнопленных Великой Отечественной войны — 4500, лиц, проживавших на оккупированной противником территории, — 5500. «Указники» — все остальные (в число спецпоселенцев не входили заключенные Обского ИТЛ и 501—503-го строительства).

Наиболее насыщенными этими категориями населения считались районы: Самаровский — 4280, Микояновский (сейчас Октябрьский) — 3807, Сургутский — 2959, Уватский — 2415, Ялуторовский — 3334, Тюменский — 3509, Ишимский — 2781, Тюмень — 2466 человек. В остальных районах области проживало менее двух тысяч учтенных в спецкомендатурах МВД-МГБ людей.

Постановлением СНК СССР от 8 января 1945 года № 34-14с было утверждено «Положение о спецкомендатурах», а 8 марта 1945 года регламентировано «Правовое положение спецпоселенцев». До этого все вопросы их содержания и использования регулировались ведомственными актами ОГПУ-НКВД.

Все спецпоселенцы были обязаны заниматься общественно-полезным трудом. Они не имели права без разрешения коменданта спецкомендатуры отлучаться за пределы расселения — самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой заключение в лагерь. Главы семей или лица, их замещающие, в 3-дневный срок должны сообщать о всех изменениях в составе семьи (рождение, смерть, брак и т.п.). За нарушение режима и общественного порядка в местах поселения спецпоселенцы подвергались административным взысканиям — штраф до 100 рублей и арест до 5 суток.

Каждый взрослый давал расписку об уголовной ответственности за побег, которая подшивалась в личное дело спецпоселенца. У каждого спецпоселенца отбирался паспорт, если он был, и выдавалась «справка спецпоселенца». Ежемесячная явка на отметку к коменданту была обязательной.

Руководители работ, бригадиры и мастера в случае невыхода на работу спецпоселенцев немедленно докладывали коменданту. Для гласного надзора за спецпоселенцами назначались старшие барачников, десяти дворов и общежитий. В целях выявления побегов и других преступных намерений среди спецпоселенцев проводилась агентурная работа.

По свидетельству бывшего начальника Управления КГБ СССР по Москве и Московской области генерал-полковника В.И. Алидина, возглавлявшего в апреле 1953 года отдел «П» МВД СССР, занимавшийся спецпоселением, «в местах ссылки творились беспревидение, незаконие и произвол. Существовала масса вопиющих противоречий, несуразных явлений, грубых нарушений прав личности и их достоинства. Среди поселенцев оказалось немало видных заслуженных и образованных людей (например, дважды Герой Советского Союза, командир соединения крымских партизан Козлов). В ссылке находилось семь с половиной тысяч коммунистов. Образовалось немало смешанных семей: муж — поселенец, жена — свободная, или наоборот. У них рождались дети. По распоряжению В.М. Молотова такие младенцы становились поселенцами и подлежали спецучету».

В образованной 14 августа 1944 года Тюменской области, из-за отсутствия нужных специалистов режимные требования инструкций не всегда выполнялись. Согнанные в наш край люди работали везде: на предприятиях, в учреждениях, МТС, совхозах, колхозах, школах и больницах. Инженерами,

техниками, плановиками, бухгалтерами, председателями колхозов, бригадирами, агрономами, учителями, врачами и фельдшерами.

Условия жизни спецпоселенцев были разными. «Кулаки» и «немцы» построили дома, завели приусадебные участки и скот. Они поняли: их ссылка — бессрочна. А другие еще надеялись вернуться к родным очагам.

Нормальные жилищные и бытовые условия были созданы для ссыльных на Белоярском лесозаводе (Сургут), в Ханты-Мансийском леспромхозе, на судорембазе в Салехарде и на некоторых предприятиях лесной и рыбной промышленности.

Но положение большинства спецпоселенцев было тяжелым. В документах областного управления МГБ отмечалось: «...В Урманном и других леспромхозах треста «Тюменьлес», Заводоуковском лесокомбинате и на лесозаводе в Байкаловском районе (сейчас это территория Ярковского района) спецпоселенцы размещены в неотремонтированных бараках, построенных наспех. Печей недостаточно. Одиночки-мужчины и женщины живут в одних помещениях с семейными. Есть случаи, когда в бараках рожают детей. Для освещения пользуются керосиновыми коптилками. Нередка завшивленность. Стирка и сушка производится в жилых помещениях, здесь же готовится пища... В поселке возле Бачелинского лесозавода, в котором проживают ссыльные литовцы, нет колодцев, с реки вода не подвозится, поэтому рабочие употребляют воду из застоявшихся болот, зараженных туляремией... Продуктов и товаров первой необходимости в магазинах ряда поселков не бывает... 940 детей спецпоселенцев, занятых в лесной промышленности, в 1950—1951 учебном году из-за полного отсутствия обуви и одежды не посещали школу».

И все же, несмотря на холод и голод, унижения и произвол со стороны спецкомендатур, изгнанные из родных мест люди в большинстве своем трудились добросовестно.

«...Выселенцы-калмыки Зунгуреев и Хазынов годовой план рыбосдачи выполнили на 284 процента. Спецпоселенец Ботов, рабочий Самаровского консервного комбината, за 4 года послевоенной пятилетки выполнил 10 годовых норм. Спецпоселенцы Гнусарев, Кацуба, Лепский, работающие в Ханты-Мансийском леспромхозе, выполняют нормы выработки от 200 до 300 процентов».

За это их не награждали орденами и медалями, не отмечали грамотами и ценными подарками, не помещали фотографий на Досках почета, не славил в газетах и на собраниях. Не сокращался для них и срок ссылки. Видимо, по-другому, вполсилы они не умели и не могли работать.

После смерти Сталина началось постепенное восстановление прав репрессированных людей. 5 июля 1954 года Совет Министров СССР «снял некоторые ограничения в правовом отношении спецпоселенцев: детей освободили из-под административного надзора, разрешили им поступать в учебные заведения и выезжать к месту учебы в любой пункт страны».

Ежемесячную регистрацию в спецкомендатурах для взрослых отменили в декабре 1955 года, но пребывание на спецпоселении и работа в трудовом коллективе в трудовой стаж не включались. Потом о ссыльных вообще забыли, будто и не было их в нашей истории.

Несмотря на открытие в конце 50-х—начале 60-х годов в Тюменской области крупных запасов нефти и газа и их промышленную разработку, наш край до 1982 года оставался местом ссылки неугодных руководству КПСС коммунистов и инакомыслящей интеллигенции.

С 1962 года в Сургут был выслан под именем Николая Николаевича Николаева Генеральный секретарь ЦК компартии Греции Никос Захариадис, ставший жертвой конъюнктурной международной политики ЦК КПСС. Захариадис протестовал против произвола и ограничений его прав: объявлял голодовку, дважды пытался бежать из Сургута. Когда требования «секретного узника КПСС» о возвращении в Грецию не удовлетворили, он 1 августа 1975 года покончил жизнь самоубийством.

В Сургуте в конце 70-х годов находились лидер «независимого» профсоюзного движения Ю.Л. Гримм, видный проповедник ЕХБ П.Т. Рытиков, в Ханты-Мансийском районе — украинский общественный деятель С.И. Красивский, а в селе Нижняя Тавда — С.Ф. Глузман, врач-психиатр, выступавший против использования психиатрических больниц для заточения в них инакомыслящих.

Только 18 октября 1991 года Верховный Совет Российской Федерации осудил многолетний террор и массовые преследования своего народа, как несовместимые с идеей права и справедливости. Тогда же был принят Закон «О реабилитации жертв политических репрессий», который «распространялся на всех граждан России, других республик и иностранных граждан, подвергшихся различным мерам принуждения в виде лишения жизни или свободы, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение с 25 октября (7 ноября) 1917 года».

А в докладе по случаю 45-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов Президент СССР впервые на официальном уровне ска-

зал «о тех, о ком молчали долгие десятилетия, кто незаконно был лишен честного имени и гражданских прав... Эти оклеветанные, подконвойные люди тоже вносили вклад в Победу: добывали уголь Воркуты, лес Сибири, руду и золото Магадана... Наперекор своей трагической судьбе, не щадя себя, эти люди работали для Победы».

«Мои убеждения остались только при мне...»

В июле 1937 года сотрудники Тюменского отдела НКВД арестовали 12 спецпереселенцев — мужчин из «социалистического поселка» завода «Красный Октябрь». У одного из них, Андрея Степановича Аржиловского, при обыске изъяли дневник — три большие амбарные тетради. Прочитаем отдельные страницы.

Дневник спецпереселенца 1936—1937 гг.

28 октября 1936 года.

В силу старой привычки не могу себе отказать в зарисовывании мыслей и переживаний.

Сию в домике на задах лесозавода «Красный Октябрь»; домик этот отдан во временное пользование моей семье взамен отобранного в Зырянке. Милостью Москвы я освобожден еще в мае и начинаю забывать лагерные мытарства. Служу счетоводом при заводской конторе, зарабатываю 150 рублей в месяц. В переводе на хлеб это выходит: 150 руб. : 90 коп. = 166,5 килограмма, или 16,5 пуда. По-прежнему это стоило бы 8 рублей. Ну, да Лиза — моя нестареющая жена — прирабатывает рублей на 200. Живем не сытно, но и не голодно. Ребятишки — трое в школе, двое со мной за столом. Муза,мышленная девочка — читает. Арсений рисует. После выпавшего снега установилась теплая погода. На небе полная луна. Жду вечернего сбора семьи и пишу воспоминания о лагерях.

Я свободен. Мне еще только 51 год. Хочу записать все, что запросится на бумагу, и просто так, чтобы не разучиться мыслить и писать. Весь письменный материал: дневники, заметки, статьи, переписка — все погибло в тяжелый период уничтожения индивидуальности и собственности — погибло с коровами, свиньями, погибло с жизнью, которая уже не вернется.

Вспоминаю, как в ноябре 1926 года я поступил бухгалтером к Николаю Ефимовичу — советскому купцу, который около плохой кооперации создал бойкое торговое дело. Так называемый нэп креп и развивался, завоевывая себе порядочную «жилплощадь» в нашем социалистическом отечестве, правда, на погибель себе. Мы жили хорошо: умножали свое хозяйство, ели много и вкусно, одевали ребят чисто и тепло. Свободное время проводили весело и культурно. У меня прибывало, а у Рычкова не убывало. Если я имел породистых коров и бегучую лошаденку, то мой зять — патрон — имел два хороших дома, третий тоже неплохой, большие кладовые, прекрасного битюга, массу всяких ценностей. В общем, работали. Финотдел, ГПУ и прокуратура на все это смотрели практически; ждали еще лучшего «оперения».

В нашем районе коллективизация началась всерьез только в 1929 году. Приехал толстый землемер, разбил землю по участкам, и вскоре мы узнали свою судьбу: несколько крепких хозяйств «актив» подвел под раздел «кулацких» и выделил самый плохой и неудобный участок. Но мы, двужилые, духом не пали, освоили новые места и мечтали о выселении на отруб. Совсем хотели жить как при Столыпине, однако партия и правительство тем временем начали великую стрижку кулацкого добра. Во имя укрепления колхозов начался грабеж нажитого тяжелым упорным трудом и смекалкой. Пошла писать губерния! К осени 1929 года я был уже окончательно дома, так как Рычков торговлю свою закрыл.

Не опускаясь на колени перед наступающим социализмом в виде тяжелых тракторов, я бесконечно ставил сено и молотил цепом свои ржаные снопы: тогда лето было сухое, и хлеб не везде вырос хороший. Мое невозмутимое спокойствие вывело, наконец, из терпения наших «активистов», и меня арестовали на месте преступления: за молотьбой вики... Собственной... Пришли и увели, описали имущество. Прокопович, начальник милиции, был похож на Наполеона и держал себя прегордо.

Рано утром 2 октября в погожий день два молодых парня (исполнители) повели меня в город, и с той минуты начались мои мытарства. Думал, что хоть в тюрьме отосплюсь после малосонного лета, но ошибся: в тюрьме оказалось душно и тесно до ужаса, так как против нормы набили тюрьму мужиками до отказа. Спали враспяжку только счастливыцы. Многие сидели в обнимку с грязной и вонючей парашей... Встанем, бывало, на поверку, и как только тюремщик сосчитает последнего, все разом падают, чтобы занять место. Не успел упасть на пол — будешь ночь мучиться без места... Без боя

ничего не давалось. Духота была такая, что, несмотря на мороз, окно было открыто. А еще тюрьма того времени была ужасна тем, что открывала ночью двери и выдавала узников для расчета... Даже Москва в журнале «Советский юрист» отмечала обилие смертных приговоров, вынесенных тюменскими судами. Тяжко было смотреть в замерзшие окна на семьи высланных мужиков с тряпьем и ребятишками, которых ежедневно везли на Север длинными обозами. Колхозный строй торжествовал. Деревенский «актив» ликовал, избавившись от нежелательного элемента. Укоризненно гудели снимаемые колокола; спиливали недающиеся церковные кресты... Проводилось обезглавливание Руси Великой. Шел пир во время чумы. Колхозники, кроме даром полученного кулацкого инвентаря, за копейки раскупали добро, скопленное веками. Строился новый мир за чужой счет...

От сознания всего этого хотелось вырваться из душной тюрьмы, и мы хватались за всякую щепку, чтобы спастись: даже на Сахалин записывались. Когда стали говорить о прекрасной жизни в лагерях, то народ ждал отправки туда, как радостного события. От хорошей жизни не полетишь... Наконец-таки дождались: повезли нас в Вишерские лагеря. Началась новая эра мученической жизни, новая страница страданий...

30 октября. Утром подтаяло, и нога скользила по густому инею. Я, по обыкновению, встал в пять часов утра. Моя обязанность: затопить печь, поставить самовар. И дрова, дрова без конца. Ходил в город за тестом. Если раньше горожанин выходил на рынок раз в неделю, то теперь он бежит за хлебом ежедневно. К очередям так привыкли, что иную жизнь не могут себе и представить. Сегодня по какому-то счастью у хлебного ларька около трех часов не было очереди. Прибегает, запыхавшись, девчурка и по привычке спрашивает: «Кто последний?». А нас-то всего трое.

5 ноября. Ярko горит печка. Сегодня у нас праздник: шаньги из белого теста, чуть-чуть смазанные маргарином. Так жить еще можно. Геннадий зачитывается, хотя пока без системы. Тамара читает Чернышевского «Что делать?». На заводе, где я работаю, есть грешки и довольно приличные: тащат социалистическую собственность. Думаю, что лучше не вмешиваться, так как от разоблачений всегда бывает плохо разоблачителю. В жизни нашего поселка я совершенно не участвую, и за это «актив» косится на меня. Жаль, не купил газету. По старой памяти тянет к литературе: хочется писать, и темы есть. Но как писать? Открой душу этим революционным ме-

шанам, то есть скажи, кем ты был — сейчас же сделают кислую рожу. На службе ко мне относятся настороженно и полубрезгливо: бывший каторжник, плохо одеваюсь, редко бреюсь, и вообще — старый черт, а тут публика щеголева-тая, оседлавшая технику, думающая, что она — соль земли. Да и соль-таки, хотя и малосолая. Интересы у них узенькие: дальше карьеры и обмундирования не идет. Приближается 19-я годовщина революции, готовятся огромные вывески и плакаты.

7 ноября. Вчерашнюю грязь сегодня ночью подсушило. Сходил два раза на Туру за водой, растопил печь. Первый раз за семь лет праздную среди свободных граждан. Получил приглашенный билет на торжественное заседание. В пять часов иду. Уютная столовая завода с крохотным красным уголком для президиума. Музыканты пришли аккуратно. Собралось десятка два ребятишек, небольшая кучка работниц и пять рабочих. Появились распорядители и занялись украшением столовой. Между прочим, портреты вождей теперь устроены наподобие прежних икон: портрет вделан в рамку и прикреплен к палке. Очень удобно: на плечо — и пошел. Вся эта подготовка весьма напоминает подготовку к прежним церковным торжествам... Там были свои активисты, здесь — свои. Дороги разные, суета одна; эта — значительно дороже. Проскучал ровно два часа, никто не появлялся. Учтя такую аккуратность, я решил, что лучше всего уйти домой, пока не поздно. Так и кончилось торжество.

8 ноября. Вчера ходил в город. День был яркий, веселый. Манифестации удалась на славу. Создается впечатление, что весь город на улице: не столько манифестантов, сколько глазющих. Оченьлюдно, нарядно и шумно. Сегодня еще праздничный день. Интересно бы подсчитать, сколько выпито водки и пива в торжественную годовщину. Кажется, больше все-таки уклон в эту сторону.

9 ноября. Праздник кончился, но праздничное настроение осталось. Трудящиеся в таком состоянии, что работушка на ум нейдет. Еще слышны песни, есть шатающиеся пешеходы. Без трицы — дом не строится. И буквально все свелось к этому: только разговоров, что о праздничных похождениях. Вся политическая шумиха утонула в самом откровенном пьянстве.

13 ноября. Подошел и пушкинский ноябрь, когда с «волчихою голодной выходит на дорогу волк», а у нас все еще

теплынь. Вчера ходил к Туре, хоть купайся. Можно вполне перепахивать жнивы, если б были. Вообще Крым какой-то. Заходил к Евдокимову, бывшему тавдинскому «амбарщику». Живут вдвоем со старухой, имеют борова Ваську пудов на шесть. Люди не разорены, не выбиты из колеи. Печать довольства лежит на всем: пальто на дорогом меху, две пары новых валенок, хорошая жратва. У таких нет оснований для недовольства. Занимают вдвоем целый особняк со службами. А ведь таких людей очень много. Для них жить стало действительно лучше и веселей: радио орет над самым ухом, и каждый день можешь знать все, что творится на свете.

В семье у нас есть маленькая натянутость: привыкла Лиза стонать и охать по-бабьи, а причин к этому все меньше и меньше. Ну, работать, конечно, надо, рано вставать требуется, из ничего нужно приготовить обед на семь душ. Но все-таки выход из положения есть, и нет оснований ныть и выпрашивать у судьбы поблажки. То у ней руки болят отчаянно, то голова раскалывается, то «сколело всю», а присмотреться — ничего особенного, и драму создавать вовсе ни к чему. В ее возрасте человек должен знать, что с ним, и уметь сам себя лечить. А стонать для того, чтобы тебя пожалели, чтобы поухаживали — наивно и невыгодно: раздражает других. Намеренно не следит за собой: одевается неряшливо, редко умывается и причесывается. Получается страдальческий и дикий вид. Хуже других живем — это верно, но самовнушение в худшую сторону — и вовсе плохая штука. Человек просто не работает над собой. Жаль и досадно.

26 ноября. Выпавший снег чуть протаял и остался. Морозы сковали реки, установилась зима. Скандалю с семьей о порядке жизни, добиваюсь, чтобы ребята вели дневники, чтобы вещи знали свое место, но пока ни того, ни другого добиться не могу. Аника-воин! Может быть, зря я ворчу. Хочется лучшего достигнуть. В журнальчике больше всех работает Геня — славный мой мальчик, только тоже иногда раскисает.

Вчера открылся Чрезвычайный съезд Советов. Что-то даст нам новая конституция? Председатель здешней артели Строжков проговорился: «Конституция — это одно, а власть на местах — другое. Все будет по усмотрению: кого можно допустить, а кого и нельзя». Пожалуй, он прав, этот краснорожий бандит (участник восстания 1921 года — А.П.). Самую хорошую критику могут истолковать в сторону подрыва коммунизма.

1 декабря. Хорошая зимняя погода. Опять заминка с хлебом: многосаженные хвосты и, натурально, скандалы. В оче-

редях стоят по шесть-восемь часов и говорят о том, что будет война. Снился Сталин. Полагаю, что не зря. Эта огромная комета так или иначе должна как-то особенно ярко пройти по вселенной, но именно путем кометы, а не планеты.

21 декабря. Настоящий буран. Метет по всем правилам. Вчера вечером я возвращался с работы и, по обыкновению, тащил в обеих руках дрова. Поскользнувшись на кочке замерзшей земли, упал и ударился правым боком о брус, который нес. Боль сильная, но ребра целы.

В Николин день был на «стоянке» за паспортом. От семи до семи. Утром, заняв очередь, сходил в церковь. Махонькая кладбищенская церковка... Шепелявый попик совершает отпевание умерших за эту пятидневку. В церковь набиваются старушки. Старушки же торчат у ворот за милостыней. Все в жалком виде, но напоминает прошлое. Дьякон, постриженный и в пальто, как-то неуверенно кашляет, попы тушуются, богомольцы как-то осторожно озираются: не донес бы кто? Хочу провести параллель между церковью и... паспортным столом. В церкви я постоял немного: скучно, да и потопился. Заметил, что все-таки денег не жалеют: покупают свечи, подают крохотные просфорки, пишут записки о здравии и за упокой. Потом спорят, что не ту записку подали обратно. В общем, собственники неисправимые: моя бумажка, мои покойнички. Обрядовая сторона религии без всякой поэзии и красоты — дело, конечно, скучное, но зато вполне добровольное. Хочу — иду, хочу — нет. А вот паспорт — дело житейское и весьма склочное. Всякий гражданин обязан иметь паспорт, но для того, чтобы его получить, надо пройти целый ряд мытарств. Ходил я за паспортом несколько раз и получил только после упорной борьбы и длительного стояния. Пришел в 7 часов утра и записался с очередь восьмым. В десять часов начались занятия, и начальник паспортного стола объявил: «Будем выдавать во втором часу». Только в семь часов вечера я получил паспорт. Сколько давки, напряженного ожидания! Все думалось: закроют окно, прекратят выдачу, и надо опять сутки тратить. Там, в церкви, миф, а здесь реализм, трижды проклятый.

1 января 1937 года. С Новым годом! Как бы то ни было — празднуем и ждем лучшего от жизни. По делам переписи населения обхожу закрепленные за мной 15 домиков. Вижу, что многие живут хуже нас. Несмотря на 20-летнее перевоспитание, все-таки много верующих, и на вопрос анкеты о религии отвечают определенно: «Верую».

Ребята спят. О чем и как они думают? К дневникам причить не могу, а журнал пишут туго. Читают много. Петух горланит, утешая нас и единственную курочку. Вчера я поймал себя на следующем: на дочь свою Галину я часто ворчу, стараюсь выправить ее строптивость, неровность. Пошла она за хлебом. В длинной горластой очереди увидел ее, озябшую, посиневшую, прижавшуюся к спине какого-то старика. И так мне стало жаль девочку. Откуда у нее должны быть довольство и гармония мысли? Измученная нуждой и условиями изгнания, разве может она легко и радостно смотреть на жизнь? А потом разве не естественно то, что ребенок отвык от меня за семь длинных лет? И разве не может ее отталкивать то, что пришел какой-то большой скелетообразный человек и ворчит? Нет, надо перестать перевоспитывать: дети сами увидят, что плохо, а что хорошо.

3 февраля. Твердый снег звонко скрипит ногами, но за лицо морозко ловится не особенно люто. Читал обвинительную речь прокурора по делу троцкистского центра. Сегодня Вышинский называет бандитами и жуликами всех подсудимых, не жалея краски, а когда они были у власти, когда Арнольд был начальником Главхимпрома, а Радек писал статьи в советских газетах, то Вышинский и не заикался о том, что «бандиты» орудуют под носом. У меня от всех этих «вскрытий» создается впечатление: если сотни истинно преданных, закаленных в боях коммунистов, десятки лет работающих рядом с Вышинским, оказываются в конце концов мерзавцами и шпионами, то кто может поручиться за то, что вокруг нас не жулики? Кто может поручиться, что завтра не окажутся на скамье подсудимых самые великие люди. И, наконец, сколько же жуликов набилось в ряды партии по провинциям, если в самый центр проникают «арнольды»? Что нас ожидает завтра? Мне вспомнилось одно обстоятельство из юношеских дней. Я впервые читал какую-то научную книгу о микробах и бактериях. Было написано, что все, что нас окружает, состоит из них, даже воздух. После этой книги мне везде мерещились живчики, и было противно пить воду. Так и теперь: смотришь на человека, а из него вылазит... жулик, предатель.

8 февраля. Только что пришел со скотного двора артели «Прогресс», где Лиза работает маслоделом-учетчиком. Я колл дрова и разгребал снег. И в артельном деле порядок через пень-колоду. Все делается как-то не хозяйственно, не по-настоящему. Построили дорогую избу для молоканки, а две-

ри не закрываются, и получилось — сырость и холодище. Дрова сваливаются на двор и заносятся снегом, никто не позаботится сложить их под крышу.

Как-то все фальшиво, не радостно. Сегодня на заводе по расписанию началась читка газет. Для конторских работников придумали такую галиматью. За каким чертом нужна громкая читка газет, если каждый грамотный сотрудник в пять минут просмотрит все газетное вранье! Еще предстоит «проработка» конституции. Не было печали. Что для нормального человека дело на десять минут, для нас требуется длительной «проработки». Емеля-пустомеля. Скучно и противно.

10 февраля. К 6 утра сходил занять очередь за хлебом. Там уже стоят «счастливые люди нашей страны», привыкают к социализму. Приготовил завтрак: слегка подмороженная картошка и по 100 граммов хлеба. Что делать? Знаю, что надо лучше питаться, а финансы не позволяют. Все-таки не голодом. При такой жизни, если уволят с работы или заболеешь, — конец. Держаться не за что. Поневоле загрустишь о собственной избе, корове, поросенке. А жизнь идет своим порядком. Ребята так приловчились к лыжам и конькам, что, пожалуй, разучатся ходить пешком. Останется это или пройдет с зимой? Пусть и останется, не жаль, и не мешает. Всякий спорт на воздухе полезен.

11 февраля. Выпал снежок: пришлось делать уборку. Дальше — печь, очередь за хлебом, колка дров. Вот и думается. Два километра в оба конца отмерять для того, чтобы занять очередь на полуголодный паек, совершить уголовное преступление (кража дров как социалистической собственности, ибо хотя и отходы, но ведь всякий утиль — государственное достояние) для того, чтобы обогреться. Значит, опять переутомление и риск. И так каждый день: и ныне, и присно... А возьмем какого-нибудь голяковского жителя Егора Быкова. В лето, не торопясь, заготовит он для себя и для своей животины кормов, приготовит лыка на лапти, льну, мочала. Всю зиму накапливает жир: дрова рядом, сена привезти — никаких затрат. Все тихо, без переутомления. И главное: ни одного уголовного преступления! Однако социалистическое государство безответного Егора Быкова облагает чрезмерным налогом, берет хлеб в невероятном размере по невероятно низкой цене для того, чтобы торговать хлебом по спекулятивной цене. За зерно Егору Быкову платят 90 копеек за 16 килограммов, а продают самые низкие сорта пшеничного хлеба по 90 копеек за 1 килограмм, увеличивая капитал

в 16 раз. Такие меры толкают Егора Быкова на одно: как-нибудь утаить от зорких глаз разных надсмотрщиков какой-нибудь кусок пашни, чтобы иметь свой хлеб. Но нынче у него нет и этого хлеба. Он везет в город недоростка-поросенка, мочало, лен (если осталось от налога) и стоит за хлебом в длинных очередях, постукивая озябшими ногами.

Возится государство с совхозами и колхозами, одни разоряют казну, другие голодают и проклинают житье. И в общем все не клеится. А если бы просто так... Страна земледельческая, денежки у правительства, которое скупает хлеб у граждан на рынке и торгует, как ему вздумается. Вместо купцов и их приказчиков ходили бы по базару советские чиновники, и было бы полно хлеба. И жилось бы вольготнее, и не было бы колхозной кабалы. Додумаются лет через сто. Теперь им принято командовать. Урожай свезут в город, а из города с проклятьями везут потом обратно, по 500 граммов на человека. И голодают, и мучаются.

19 февраля. Опять крупное событие: умер Орджоникидзе. Подробности пока не опубликованы. На заводе митинговали. Митинг народной скорби при нашей сознательности должен быть драматическим, потрясающим, а он проходил скучно и нудно. Выступающих вытягивали насильно. Выбрали президиум. Публика вела себя шумно. Докладчика первое время не слышно. Он гримасничал, подбирая слова, но потом направился и говорил довольно логично. Кончился доклад. Директор обратился к собранию: «Кто будет говорить, товарищи?». Тяжелое молчание. «Нет желающих?» — настаивает директор, и в тоне его слышится угроза. Через час по ложке выступают два заводских партийца, предлагая на смерть стойкого большевика ответить поднятием производительности труда. Говорили по шпаргалке, без вдохновения, без скорби.

Урывками читаю «Тихий Дон» Шолохова. Пишет-то он хорошо, но как он выведет конец счастливой жизни? Едва ли придется быть честным до конца.

23 февраля. Погода потеплела, стало притаивать. Полнолуние. Луна всем хороша, но при ней плохо дрова воровать: видно далеко, и поневоле трусишь. Мысли от хутора никак не отходят. Два-три года, и прощай голод. Но пока нам еще нельзя двигаться с места. Хлебная лихорадка в городе не прекращается. Трудновато существовать, но люди привыкли. Очереди занимают с двух часов ночи. Вот действительно «ночи безумные, ночи бессонные». Шолохов все-таки большой талант: каждый из персонажей его романа — герой, у каждого

5 сентября «тройка» вынесла ему и еще четырем переселенцам смертный приговор, другим определили десять лет. Все они после XX съезда КПСС были реабилитированы. Я знаю, что до этого дня дожил В.Н. Шабалков — один из репрессированных.

В сентябре 1943 года, когда Берия получил Звезду Героя Социалистического Труда, части заключенных в лагерях снизили сроки лишения свободы. За систематическое выполнение и перевыполнение норм на работах наркоматов оборонной промышленности «десятка» Шабалкова уменьшилась на один год и три месяца. Своих сыновей он уже не увидел: оба погибли при освобождении Прибалтики.

Читая дневник Аржиловского, постоянно думаешь: зачем он его вел? Может быть, для того, чтобы через пятьдесят лет мы смогли увидеть в спецпереселенцах людей, понять, что они были бедны, плохо одеты, забиты, еле сводили концы с концами и ничего без труда в жизни своей не мыслили.

АНКЕТА

для старых большевиков и ветеранов революции

1. Фамилия, имя и отчество.

2. Когда, где родились.

3. Социальное положение:
Раньше:
Теперь:

4. Образование.

5. Какая Ваша основная профессия, заработок, средства существования.

6. Кто на иждивении у Вас; их возраст; или на чем иждивении Вы выходите.

7. С какого момента и в какой организации началось Вашей революционной деятельности. Были ли перерывы и почему.

8. Если составили членом других партий, то какую выполняли в них работу.

9. Были ли в тюрьмах, в ссылке (где). Приговорены судами к тюрьме, ссылке, каторге и т. д.

10. Были ли в эмиграции, сколько времени и какое принимали участие в революционной жизни там.

11. Что делали во время гражданской войны и были ли на фронте.

12. С какого времени член фракции большевиков, № Вашего партийного билета. Были ли перерывы и какие годы.

13. Как прошла Ваша чистка и были ли Вами сделаны замечания.

14. После Октябрьской революции подвергались ли партийному или Советскому суду и за что.

15. Какую исполняете работу: партийную, профессиональную, советскую и т. д.

16. В чем Вы нуждаетесь, чем можете улучшить не только Ваше здоровье, но и Вашу способность в борьбе за наши дела.

17. Ваш адрес, телефон, место службы и должность.

Время заполнения анкеты.

Андрей Карпович Петров Иванович

1908 г. д.р. Бачатское Мона. обл. Ногинский рай

Рабочий, крестьянин, интеллигент, слушавший, партпрофессионал.

Рабочий, крестьянин, интеллигент, слушавший, партработник.

Самообразование, высшее, среднее, высшее, специальное (важное подчеркнуть).

Основная проф. занятие Металлический завод

Заработок. Копейки - 300 руб.

Мать, Мать и дочь.

1917. на фабрике Каго-промышленное, 1911-1916.

Арест в тюрьме, Ленинград, Л. Сибирь.

Не состоял.

1907. ссылка в Томск. в Вятку, воев. суд.

1915. Арест в тюрьме Ленинград. 1918. Ленинград.

1917. Арест. 16. Дня ареста. Копейки в тюрьме.

Не был.

Состоял на фронт. работе орг. П. М.

Два в Архе. Фракция рабочих и студентов

Фракция в Ленинград. работ.

1914 года, № - 0335059.

Участие не принимал - как член

700 парт. в 1931 году

Состоял

М. Сидорова

№ 45806. Кв. 177

Подпись

Издание неофициальное

Что нужно знать Россиянам гражданам.

СБОРНИКЪ

важнейших декретов, постановлений и обращений Советской власти по гражданской части.

Составил Н. И. БЕСЪДНЫХЪ.

Издание неперепечатанного Т-ца «Свободное Слово».

Цена 75 к.

Выпуск второй.

Тюмень

Здание на улице Республики, в котором в июне 1918 года находились штаб Красной Армии и... контрреволюционный "Комитет девяти".

Коллегия Тюменской губчека. В первом ряду третий слева — председатель П.И. Студитов.

Чекисты — участники разгрома крестьянского восстания 1921 года.

ВЧК № 5-25
28/10/20
и сведения
расширяя
20/11/20
Григорьев

МАМАЗ ВЧК

Командируемым на места работникам с различного рода поручениями и заданиями.

1. Каждый командируемый должен получить мандат, в котором фиксируются права командируемого, задачи и цель командировки.
2. При отъезде командируемый обязан ознакомиться с материалом, по коему командируется, задачами и целью; и, усвоив все дело, приступает к его исполнению.
3. По приезде на место, командируемый обязан явиться к председателю ЧК или его заместителю и познакомить последнего с целью командировки.
4. Командируемый обязан также явиться в Губком для предъявления своего мандата и должен работать в контакте с местной партийной организацией, чтобы не повредить делу. О явке должна быть отметка на мандате.
5. При разногласии между уполномоченным ВЧК и местной партийной организацией, уполномоченный запрашивает ВЧК, телеграфно, с точным изложением дела и причиной разногласий.
6. За неисполнение наказа или отступления от него, виновные строго наказываются.

Председатель ВЧК: Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ.

Здание на углу улиц Республики и Первомайской, в котором в июне 1918 года располагался "Комитет по охране революции".

Удостоверение А.С. Шаврина, начальника Особого отделения 51-й стрелковой дивизии.

П.А. Россомахин. 1914 год.

П Р И К А З
НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
за 1942 г.

СОДЕРЖАНИЕ : - О снятии с учета трудссылки трудпоселенцев и членов их семей, призванных в Красную Армию.

22 октября 1942 г. г. Москва. -

На основании постановления Государственного Комитета Обороны Союза ССР (1575сс от 11.1У-1942г.) трудпоселенцы и члены их семей призывного возраста мобилизованы в Красную Армию.

В связи с этим П Р И К А З Ъ В А Ю:

1. Всех трудпоселенцев, призванных в Красную Армию и прямых членов семей (жена, дети) с учета трудссылки снять.
2. Снятие с учета трудссылки оформить специальным постановлением, утвержденным начальником УНКВД/НКВД и прокурором на каждую семью отдельно, на основании справок, выданных военкоматами.
3. Снятым с учета выдать паспорта без ограничений.
4. Снятых с учета трудссылки освободить от 5% отчислений с их зарплаты.

Народным Комиссарам Внутренних Дел и Начальникам Управлений НКВД республик, краев и областей провести работу по снятию с учета трудссылки в 2-месячный срок и об исполнении доложить НКВД СССР.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СССР
Генеральный Комиссар Государств. Безопасности

(15884/42)

80/1-50-31

Приказ НКВД о призыве в Красную Армию спецпоселенцев.

ЗАПИСКА ПО ПРОВОДУ

УИЧ

ТКМНЬ ГПУ - ПОЛЕКОВУ

Ликвидацию банды ПУРГОВА поручено опергруппе ПП КРЕЛОВА находящейся Тамбе тчк Немедленно дать распоряжение группе ДУДКО и группе из Тобольска связаться КРЕЛОВИ и действовать по его указаниям тчк Скажите КРЕЛОВУ и группе полнейшее содействие тчк Кратчайший срок банда должна быть ликвидирована ИР 160791

Р Е Ш Е Т О В

31/УИ-33 г.
г. Свердловск.

ИП ОГПУ ПО УРАЛУ:
НАЧ ОБСВОТЧЕЛА П

(РЕШЕТОВ)
(СЫРНЕ)

Указание ПП ОГПУ по Уральской области о ликвидации банды братьев Пурговых.

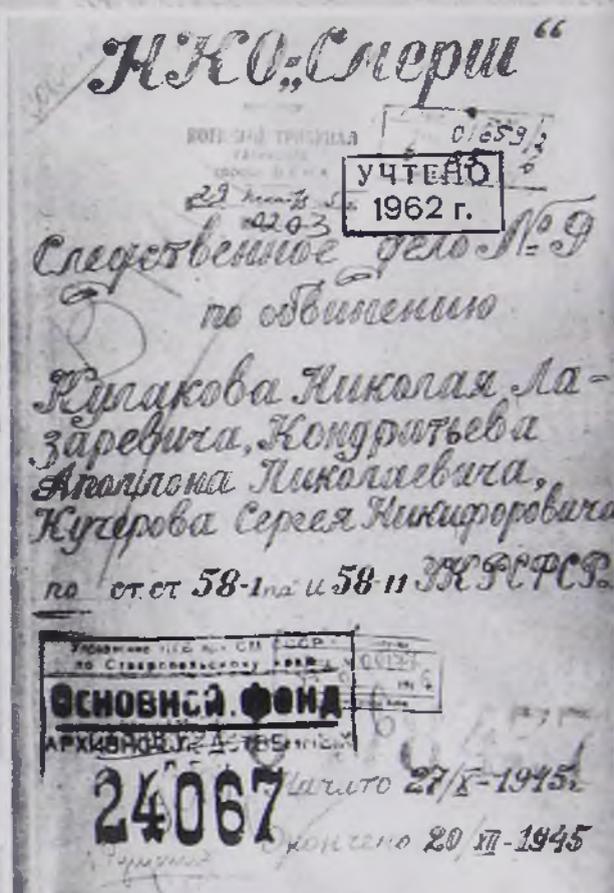
ИЗВЕЩЕНИЕ МАЛОИЗВЕЩАНИЕ И НЕИЗВЕЩАНИЕ СОБЛЮДИ ИСТОРИИ ТОМЯНСКОГО КРАЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ВКК-ГПУ-НКВД-КГБ

Одна из великих подневольныхстроек на Ямале: вспомогательный причал в Новом Порту секретной военно-морской базы.

Парад тюменских чекистов в связи с открытием нового здания обкома КПСС. 1956 год.

Обложка следственного дела послевоенного периода.

Действителен по 1-е января 1919 г. „Въ томъ случаѣ ты можешь считать“

ТОВОЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВЪ.

Членский билет № 12

Фамилия: *Жуковичъ*
 Имя, отчество: *Иван Иванович Жуковичъ*
 Время вступления: _____

Чл Комитета

Секретарь

Не членъ саранск. малознакъ быв. революціоннаго общества „въ честь партіи“

Вступительный взнос	Январь	Февраль	Мартъ	Апрель	Май	Июль
	Июль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь

ИЗЪ УСТАВА:

Членомъ П. С. Р. считается человекъ, принимающій программу партіи С. Р., входящаго въ партійную дисциплину и т.д., принятый въ одну изъ партійныхъ организаций по рекомендаціи 2-хъ членовъ партіи или общественной организации и регулярно платящій членскій взносъ.

Членъ организации не внесшій членскаго взноса безъ уважительной причины въ теченіе 3 мѣсяцевъ, считается выбывшимъ изъ состава организации.

Вступительный взносъ 50 к. Ежемесячное отчисленіе по 1^ю ст. вступительнаго доклада

Основание для ареста и расстрела в 1937 году.

Михайлов Степан

1. Name: Михайлов
Фамилия: Michajlow

2. Vornamen: Степан
Имя: Stepan

3. Geburtstag: 24.11.1917
День рождения: Capriwot

4. Geburtsort: Capriwot
Место рождения

5. Lager: Stalag II A майск
Лагерь: майск 315
Eingang 17.10.41 в майск II с
Eingang 18.12.41

5a. Im Lager eingeliefert am: 18.12.41
Доставлен в лагерь (число)

6. Dienstgrad: Soldat
Чин

7. Truppenteil: 741 с/р
Воинская часть

8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers: 3486
Номер опознавательной в германском лагере

9. Vorname des Vaters: Михаил
Имя отца

10. Name der Mutter: Анна
Имя матери

11. Anschrift der nächsten Angehörigen:
Адрес ближайших родственников
Михаил Сидорович
г. Capriwot, р.ч. II Станция
Ф. Омская

12. Beruf: *Инженер*
Профессия

13. Wann und wo gefangen: 24.11.41
Когда и где попал в плен: Lumbra

14. Nr. der Erkennungsmarke des eigenen Truppenteils:
Matrikel-Nr.
Номер в собственной части: 741, 53

Учетные документы гитлеровского рейха на советских военнопленных.

Михайлов Степан

1. Name: Michajlow
Фамилия: Михайлов

2. Vornamen: Степан
Имя: Stepan

3. Geburtstag: 24.11.17
День рождения: Capriwot

4. Geburtsort: Capriwot
Место рождения

5. Lager: Stalag
Лагерь: майск 315
Eingang 16.9.41

5a. Im Lager eingeliefert am: 16.9.41
Доставлен в лагерь (число)

6. Dienstgrad: Soldat
Чин

7. Truppenteil: 741 с/р
Воинская часть

8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers: 3486
Номер опознавательной в германском лагере

1. Name: Михайлов
Фамилия: Michajlow

2. Vornamen: Степан
Имя: Stepan

3. Geburtstag: 24.11.17
День рождения: Capriwot

4. Geburtsort: Capriwot
Место рождения

5. Lager: Stalag II C майск
Лагерь: майск 315
Eingang 20.11.41

5a. Im Lager eingeliefert am: 20.11.41
Доставлен в лагерь (число)

6. Dienstgrad: Soldat
Чин

7. Truppenteil: 741 с/р
Воинская часть

8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers: 3486
Номер опознавательной в германском лагере

1. Name: Михайлов
Фамилия: Michajlow

2. Vornamen: Степан
Имя: Stepan

3. Geburtstag: 24.11.17
День рождения: Capriwot

4. Geburtsort: Capriwot
Место рождения

5. Lager: Stalag II A майск
Лагерь: майск 315
Eingang an 1.8.41 Stalag A
Bauort 1.8.41. майск 315

5a. Im Lager eingeliefert am: 1.8.41
Доставлен в лагерь (число)

6. Dienstgrad: Soldat
Чин

7. Truppenteil: 741 с/р
Воинская часть

8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers: 3486
Номер опознавательной в германском лагере

ИЗВЕСТНЫЕ МАЛОИЗВЕСТНЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ СОБЫТИЯ ИСТОРИИ ТОМСКА И КРАЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ

Этот памятник Н.И. Кузнецову стоял во Львове. Сейчас он — в Талице.

Соратник Н.И. Кузнецова полковник в отставке Н. Струтинский.

Экспонаты музея Н.И. Кузнецова в Талице.

У д о с т о в е р е н и е

Дано настоящее удостоверение сержанту КОРНУКОВУ
НИКОЛАЮ МАТВЕЕВИЧУ в том, что он действительно
является ком. отделением при Тюменском Горотделе НКВД

Действительно без предъявления увольнитель-
ной записки.

Действительно по 31-го декабря 1944 года.

Начальник Тюменского Горотдела НКВД

Госбезопасности СССР *В. В. Сюткин*

Они охраняли тюменский мавзолей.

Сержант Н.М. Корнуков.

Капитан В.В. Сюткин.

Капитан Г.П. Пчелинцев.

Капитан Г.И. Игнатъев.

Майор П.Ф. Джура.

На месте бывшего аэродрома вблизи Когалыма. Сентябрь 1990 года.

Патриарх Московский и Всея Руси
Алексий II в Когалыме.
Сентябрь 1998 года.

Л.И. Брежнев на перроне тюменского вокзала.
Осень 1979 года.

В.К. Орлянский.

С ветеранами. 20 декабря 1987 года.

9 мая 1975 года.

9 мая 1987 года.

Оружие, изъятое тюменскими чекистами в начале 80-х годов.

С.В. Степашин в здании РУ ФСБ России по Тюменской области. 22 января 1999 года.

Коллегом и коллегой Тюмени
ураги, как человек
бди и профессионалом!

Искренне Ваш

Министр внутренних дел России

Сергей / С. Степашин /

22.1.1999г.

Молодые офицеры управления с тюменским писателем В.Л. Строгальцовым, июнь 1999 года.

На соревнованиях по военно-прикладным видам спорта. Тюмень, июнь 1998 года.

Выбор

Каждый из нас хотя бы единожды должен сделать выбор между правдой и ложью, добром и злом, славой и бесчестьем.

В 30-е годы перед таким выбором оказались чекисты.

В январе 1934 года была образована Обско-Иртышская область. Предполагалось социалистическое преобразование глухого края проводить с плацдарма четырех центров: политического — Тюмени, экономического — Тобольска, национальных — Остяко-Вогульска (в настоящее время Ханты-Мансийск) и Сале-Харда (по правописанию того времени).

Полномочным представителем ОГПУ по Обско-Иртышской области был назначен Сергей Васильевич Здоровцев.

В своей биографии он писал: «Родился в 1889 году в селе Арково Приморского края в семье неимущего крестьянина. Заработка отца с натяжкой хватало на пропитание 9 человек, поэтому я с 14-летнего возраста стал работать в транспортной конторе Амурского пароходства на приемке и упаковке грузов. Учился самостоятельно. В 1908 году познакомился с политическими ссыльными и под их влиянием включился в революционную деятельность, а через год был официально принят в группу РСДРП (большевиков). В 1911 году подвергся аресту и тюремному заключению за распространение нелегальной литературы. Все это время продолжал заниматься самообразованием».

Сохранился документ, датированный январем 1918 года, о том, что «уволенный по демобилизации прапорщик 422-го пехотного Колпинского полка Здоровцев занимал с апреля 1916 года должность ротного командира, в августе 1917 года избран единогласно товарищами командиром батальона, а с октября по решению общего собрания возглавил полк. За время работы на выборных должностях он состоял членом полкового комитета, за что и заслужил от товарищей полное доверие и выдачу настоящей аттестации».

Колпинский полк охранял в дни Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Финляндский вокзал, штурмовал Зимний дворец, очищал город от контрреволюционных банд, защищал Балтийское побережье от высадки немецких десантов.

Гражданская война. Здоровцев выполняет ответственные задания Реввоенсовета по эвакуации военных грузов, доставке оружия и боеприпасов частям Красной Армии, действовавшим в отрыве от основных баз. Пробирается по территории, занятой белогвардейцами. Сталкивается с врагами лицом к лицу. Спасают его хладнокровие, фронтовой опыт.

В 1920 году большевик Здоровцев направлен на службу в органы ВЧК. В характеристике отмечалось: «Будучи выдвинут с рядовой чекистской работы, за короткое время проявил себя дельным, толковым организатором. У товарищей пользуется значительным авторитетом. В решении служебных вопросов справедлив. Занимаемым должностям вполне соответствует. И. Павлунский».

Иван Петрович Павлунский, член партии с 1905 года, вел подпольную работу на Путиловском заводе, во время Октябрьского вооруженного восстания — член Военно-революционного комитета при Петроградском Совете. С начала гражданской войны в органах ВЧК: начальник особого отдела 5-й армии, затем Восточного фронта. С 1920 по 1925 годы — полномочный представитель ВЧК по Сибири, с 1926 по 1928 годы — по Закавказью. В последующие годы — заместитель наркома тяжелой промышленности. Член ВЦИК СССР и кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1937 году расстрелян.

Идут годы, меняются должности Здоровцева: начальник Омского губотдела ОГПУ, Иркутского, Ульяновского окружных отделов ОГПУ...

В апреле 1930 года тогдашний заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода получает из Самары телеграмму: «Настоятельно прошу утвердить моим заместителем Здоровцева. Думаю, что против этой кандидатуры ОГПУ не станет возражать. Он вполне надежный и авторитетный чекист. Крайком целиком поддерживает мое ходатайство. Бак».

Борис Аркадьевич Бак — член партии с 1917 года, участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, затем партизанского движения в Сибири. С 1920 года — в органах ВЧК—ОГПУ. Делегат съездов ВКП(б). Расстрелян в 1937 году.

Ягода написал на телеграмме: «Мессингу, Евдокимову, Воронцову. Ваше мнение?». Члены коллегии ОГПУ единодушны: Здоровцев оправдывает доверие. Есть основания для такого вывода: за личную отвагу и оперативную находчивость, проявленные в борьбе с бандитизмом, Сергей Васильевич имеет наградное боевое оружие и два знака «Почетный чекист».

В феврале 1934 года Здоровцев срочно вызван в ОГПУ. Его принял Ягода, который в связи с болезнью Менжинского фактически исполнял его обязанности. Буднично объявив Здоровцеву о его новом назначении, зампред ОГПУ повысил голос:

— Враги толкнули на вооруженное выступление большую группу местных охотников и оленеводов. Донесения, полученные из Свердловска, во многом неясны. Расследование причин и обстоятельств восстания возложено пока на Чудновского. Он не новичок на Севере, отбывал в тех местах ссылку...

— Я знаком с Чудновским.

— Каким образом? — Ягода цепко посмотрел на Здоровцева.

— В октябре семнадцатого в Петрограде вместе с ним выполнял задание Подвойского и Дзержинского.

— Да, совсем забыл, что вы из красных прапорщиков, — помолчав, Ягода закончил: — Тем лучше. Найдете Чудновского на Севере. Ваша задача — ликвидировать мятеж, наказать его организаторов. Все. Докладывайте в ОГПУ установленным порядком.

Самуил Гдальевич Чудновский — член партии с 1906 года, после победы Октября — член Киевского комитета большевиков. Был на подпольной работе в Сибири. В январе 1920 года возглавил чрезвычайную следственную комиссию Иркутского ревкома, вел допросы Колчака. С февраля 1920 года — председатель Иркутской, затем Томской губчека. С 1921 года на руководящей работе в судебных органах Новониколаевска, Свердловска, Ленинграда. Расстрелян в 1937 году.

Здоровцев встретился с Чудновским в Казымской лесотундре, в юртах Амню-Вож. Старые приятели обнялись. Председатель Уральского областного суда, сглатывая от мороза окончания слов, быстро ввел чекиста в курс трагических событий.

— Думаю, что здесь не обошлось без бывших колчаковских офицеров. Они все еще скрываются в этих местах, работают пастухами у богатых оленеводов. Бандиты надеются, что ханты и ненцы поддержат восстание. Мой ультиматум отклонен. Придется брать стойбище штурмом. Жаль, будут напрасные жертвы, — говорил Чудновский.

...В 1931 году на путях паломничества ханты и ненцев к «святым местам» по реке Казыму выросла культбаза — форпост культуры и новой жизни в глухом крае. Родовой знати удалось убедить охотников и оленеводов откочевать к «божьему» озеру Нум-то и предъявить ультимативные требования к советским властям: не учить детей в школах, ликвидировать национальный Казымский Совет, убрать из тундры все культбазы и фактории. Для мирного обсуждения создавшегося положения Березовский райком ВКП(б) направил к озеру Нум-то бригаду представителей советских органов во главе с председателем райисполкома Астраханцевым. 3 декабря 1933 года бригада Астраханцева добралась до ненецкого стойбища, находившегося на одном из островов озера Нум-то. Однако во время переговоров кулаки и шаманы расправились с коммунистами.

Чекисты совместно с березовскими коммунистами-добровольцами сломили ожесточенное сопротивление мятежников. В бою погибли сотрудники опергруппы ОГПУ Кибардин, Дуркин, Соловьев. Летом состоялся суд над главарями банды и участниками расправы с Астраханцевым и его товарищами. Здоровцев добился, чтобы ханты и ненцы, вовлеченные обманом и угрозами в восстание, были амнистированы. Через три года этот факт гуманизма будет вменен ему в вину, как «попытка сохранения повстанческих кадров».

Декабрь 1934 года. В Ленинграде убит С.М. Киров. Вскоре было принято решение об упразднении области, просуществовавшей около года. Есть ли связь между этими событиями? Нельзя сказать однозначно, документов на этот счет в областных архивах нет. Но после рокового выстрела в Смоленском наш край быстро превратился в место ссылки бывших участников различных оппозиций в партии. Начавшиеся репрессии пока ограничивались ссылкой, однако многотысячные демонстрации требовали применения к «врагам народа» крайних мер. Был выдвинут лозунг: «Мы сами защитим своих вождей». Таким образом внедрялись в сознание общественности сомнения в надежности органов безопасности.

Для достоверности «заговора в органах НКВД» Сталин пожертвовал самим Ягодой, которого расстреляли 13 марта 1938 года. Тогда же волна репрессий докатилась до отдаленных областных управлений НКВД.

В июле 1937 года начальник УНКВД по Омской области старший майор госбезопасности (соответствовало званию генерал-майора) Салынь был вызван в Москву и арестован в гостинице «Селект». 26 августа 1938 года его расстреляли.

Эдуард Петрович Салынь в органах ВЧК служил с 1919 года. Возглавлял контрразведывательный отдел и Управление пограничной охраны Ленинградской области. В 1930—1934 годах — Полномочный представитель ОГПУ в Крыму.

В октябре 1937 года арестовали Здоровцева. В обвинительном заключении, предъявленном ему 16 октября 1938 года, указано, что он «совместно с бывшим начальником УНКВД Салынем и другими руководящими работниками Управления (всего 11 человек) создал контрреволюционную организацию, которая, выполняя установки врагов народа — бывших секретарей Омского обкома партии Булатова, Фомина и Слюнкова — и председателя облисполкома Кондратьева, пыталась сохранить от разгрома правых, троцкистов, шпионов и другие контрреволюционные и повстанческие кадры».

Абсурдность обвинений была очевидна. Главной причиной расправы со Здоровцевым и его товарищами послужил их от-

каз выполнять преступные приказы Ежова. На сей счет в документе отражено следующее: «После прихода к руководству органами НКВД Н.И. Ежова, поставившего перед органами задачу полного разгрома и уничтожения базы контрреволюции, участники контрреволюционной группы, стоявшие во главе УНКВД по Омской области, продолжали ориентировать отделы и периферийные аппараты на старые предательские директивы центра, тем самым дезориентировали и усыпляли бдительность оперативного состава в борьбе с врагами народа».

Здоровцев отверг клеветнические обвинения, несмотря на меры психологического и физического воздействия. Может быть, его, как «своего», следователи пытали вполсилы? Не будем гадать: сохранились заявления Здоровцева.

«...Первые 2—3 дня допрос шел обычным порядком, причем мне следователь Киселев заявил, что ко мне применен конвейер и не выпустят меня из комнаты допросов до тех пор, пока я не признаюсь, что я член к-р организации, правый и т.п. На смену Киселеву явился сотрудник Юрлов, его сменял Симахин и другие. Таким путем они занимались со мной каждый по 6 часов, посадив меня на стул посреди комнаты. Если задремывал, то дежурный следователь подходил ко мне и с силой ударял кулаком по голове, шее, по бокам, кричали в уши по два человека — один в правое, другой в левое... при таком ведении следствия обыкновенно в комнату допроса заходил Саенко, начальник 4-го отдела, и спрашивал: «Ну как, не пишет?». Обращался ко мне, буду ли я писать. Когда я отвечал, что не буду, то он обыкновенно подходил ко мне, обзывал оскорбительными словами, ударял 2—3 раза по шее кулаком и говорил, что вытянут из меня жилы, но добьются от меня показаний, и угрожал, что будут бить еще сильнее...

...На девятые сутки допроса я попросился к бывшему начальнику УНКВД Валухину и ему заявил, что при допросе бьют. Он на это мне ответил, что если я не признаюсь, то будут бить и дальше. Я заявил, что за себя не ручаюсь. На это он мне ответил, что мое дело такое, что он может приказать коменданту отвести меня в подвал и прикончить...

...Таким образом, допрос продолжался весь январь и февраль 1938 года, в марте на допрос не вызывали.

Был вызван на допрос в 2 часа 30 минут в ночь с 4 на 5 апреля 1938 года. Привели в комнату № 26 второго этажа здания УНКВД, в которой принял меня сотрудник Ракита, который сразу же заявил, что со мной долго церемониться не будут. После этих предупреждений он посадил меня на стул, оборвал все пуговицы на гимнастерке и спросил, буду ли я писать, что с меня требуется. Когда я заявил, что этого не напишу, так как

этого не было, он подошел ко мне, ударил два раза с размаху ладонью по лбу, велел снять бурки, пальто, посадил меня на угол стула, отодвинул на самый край, велел протянуть ноги... У меня на ногах были носки. После этого он стал каблуками своих сапог отгантывать мне пальцы ног, ударяя по ним силой сапог. Нестерпимая боль заставила меня кричать, но он мне совал в зубы мою шапку, требуя прекратить крик... Вскоре в комнату зашел Саенко, который спросил Ракиту: «Ну что, не пишет?». Тот ответил, что я толстокожий и писать отказываюсь, тогда Саенко сказал: «Ну, надо бить дальше». Велел мне спустить брюки, положил мое пальто на стол, повалил меня грудью на стол, дал шапку в зубы и завернул мою голову в пальто, а Ракита снял с себя ремень и концом, на котором была пряжка, начал меня пороть, приговаривая: «Фашист, бандит, предатель». После 8—10 ударов я не выдержал и, напрягая силы, со стола встал и начал кричать, но они мне совали шапку в зубы, свалили на стол, и Ракита ремнем бил по ляжкам ног, по рукам, по спине, а Саенко бил кулаками по шее. Останавливаясь бить, они спрашивали, буду ли я писать, и когда я отказывался, снова тащили на стол, причем Ракита брал меня под грудки и бил меня по лицу... После 3—4 порок, сбросив пальто на пол и меня на него, Ракита и Саенко стали пинать меня ногами...».

Но Здоровцев так и не признался в предъявленном ему обвинении. Упорство спасло его от расстрела. После смены караула на Лубянке с Ежова на Берию Сталин распорядился выпустить из тюрем немногих уцелевших чекистов-дзержинцев. 20 июня 1939 года дело на Здоровцева прекратили за отсутствием состава преступления. С вещами и документами, изъятыми у него при аресте, он получил знаки «Почетного чекиста» с номерами 251 и 621. Однако после пыток его здоровье было совершенно подорвано, и в 1940 году он умер.

Всего за один год — с 1 августа 1937 по 1 августа 1938 года — из УНКВД по Омской области было уволено 223 работника, в том числе из оперативных отделов 34 человека и 11 из них арестованы по обвинению в контрреволюционной деятельности. Выступив против нарушений законности, они в полной мере разделили участь тех сибиряков, кого хотели защитить от политического террора.

Рапорт

Зам. начальника управления НКВД по Омской области
майору госбезопасности товарищу Здоровцеву (г. Омск)

Я чувствую, что темпы следствия в аппарате Тобольского окр-отдела НКВД низки, т.к. успех определяется количеством закон-

ченных дел и переданных на «тройку», а мы передали только единицы. Какие причины мешают развернуть как полагается следствие и поднять его на должную высоту? Таких причин, по-моему, две:

а) рыхлябанность аппарата, падение трудовой дисциплины и отсутствие ответственности за порученное дело;

б) проведенная операция по изъятию контрреволюционного элемента по первой категории проводилась без всякой подработки, и значительное количество людей взято без всяких материалов, даже без предварительных учетных данных.

Во время хода изъятия люди арестовывались, садились в следственную тюрьму без всякого учета и не закреплялись за определенными работниками, в результате чего к моему приезду и вступлению в должность начальника окротдела работники не знали точного количества арестованных, и не было уверенности, все ли люди, посаженные в тюрьму, сидят правильно, и нет ли таких, которых завтра придется освободить.

На 13 августа аппарат окротдела и аппарат района к следствию еще не приступали, а продолжали еще подбирать остатки по 1-й категории... Надо было навести порядок с арестованными, разобраться, кто за что арестован, и начать следствие, поэтому я буквально в течение 3-х дней сидел, просматривая материалы, и определял, что куда.

Выяснилась неотрадная картина, многие арестованные сидят в тюрьме, а на них нет никаких материалов, абсолютное большинство арестованных не было допрошено, материалы, добытые во время обысков, не концентрировались в определенных руках, и сейчас не найдешь значительного количества паспортов и др. материалов, нужных для следствия.

Арестовано до 10 специалистов без санкции прокурора. До 15 человек арестовано без материалов и без проверки, кто они такие. Сейчас все привел в порядок. Весь аппарат посажен на следствие...

Сейчас я принял такое решение — весь наиболее квалифицированный аппарат определил на дела, которые представляют определенную ценность с точки зрения выводов на организованную деятельность и вскрытие контрреволюционных организаций, а весь остальной аппарат посадил на дела, которые нужно оформить для «тройки», чтобы скорее от них освободиться.

Моя единственная просьба к Вам — отгрузить легковую машину для Тобольского окротдела. Сейчас требуется живая связь с районами, и без подталкивания их на месте, этого я сделать не могу, так как имеющаяся в окротделе одна грузовая машина все время занята перевозкой арестованных.

3 августа 1937 года.

г. Тобольск

Начальник Тобольского окротдела УНКВД
по Омской области,
ст. лейтенант ГБ (Тарасов)

«Огненный тракторист»

*«Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати...»*

Герой этой известной песни Петр Дьяков вошел во все хрестоматии о коллективизации. Попытки сжечь заживо четырнадцатилетнего комсомольца — нет более яркого доказательства кулацкого террора. В достоверности этого факта никто не сомневался до поры до времени...

В начале 90-х годов по поручению жителей Гольшмановского района Тюменской области в редакцию областной газеты написал Николай Петрович Соловьев, бывший комиссар продотряда. Письмо это переслали для ответа в ФСБ.

«Просим, снимите завесу с пресловутого героя-лжеца Петра Дьякова, так ловко оболванившего советский народ. Ввел всех в заблуждение и автор песни, поэт Иван Молчанов, прослышавший о драке молодежи в деревне Усть-Ламенка. Потасовка была не по политическим мотивам. Дрались, и частенько, из-за девчонок, по хвастовству в силу или за оскорбление. Однако эти драки были не злые, как сейчас, и кончались без жертв. И Петра никто не избивал, тем более керосином не обливал и не жег. У него и на теле нет никаких шрамов — следов ожогов. Однако поэт Иван Молчанов доложил эту байку Сталину и прочитал ему свое стихотворение о Петруше-трактористе, которое потом вылилось в песню (музыку написал Илья Горин). Умный Сталин дал «добро», и мы, советская молодежь, оболваненная в очередной раз, орали ее до одури. Понятно, что эта песня плохого для Родины не принесла, а активизировала народ на выполнение сталинских пятилеток и способствовала упрочению колхозного строя. У Петра бывали ходоки — сотоварищи, предлагали ему отказаться от лжи, но колесо пропаганды уже было запущено, поэтому НКВД и КГБ крепко ухватились за Петра, взяли с него не одну подписку о неразглашении тайны. Поэтому он молчит и будет молчать. Потерять все блага, достигнутые на лжи, ему нет резона. Ох, как уместна здесь гласность».

После прочтения письма сотрудники ФСБ решили еще раз проверить все факты, связанные с расправой кулаков с Петром Дьяковым. По уголовному законодательству РСФСР, принятому ВЦИК в 1926 году, злодеям должны были вменить статью 58-8 — совершение террористического акта. Дела такой категории хранятся в архивах КГБ вечно. Достаточно знать фамилии и имена преступников, чтобы установить номер следственного дела. Но тут произошла первая осечка: выяснить интересующие меня фамилии оказалось не так-то просто.

В многочисленных заметках в газетах 1929 года о нападении кулаков на комсомольца преступники не названы. Так, в ишимской окружной газете «Серп и Молот» сообщалось: «В ночь на 2 июля в коммуне «Новый путь» Ламенского района на комсомольца П. Дьякова, работающего в поле на тракторе, тремя неизвестными лицами совершен зверский налет. Преступники Дьякова сильно избили, после чего раздели и, облив керосином, подожгли. От побоев и ожогов Дьяков потерял сознание.

Сейчас органами милиции преступников удалось задержать. Ламенская комсомольская организация вынесла постановление, в котором требует от органов юстиции применить к налетчикам высшую меру социальной защиты. Комсомольцы заявили: «Напасть на тракториста, выполняющего задание партии и власти, — преступление чисто контрреволюционное, и лица, совершившие его, должны быть расстреляны».

В «Комсомольской правде» за 3 августа этого же года Дьякова называли «огненным трактористом», а тех, кто на него напал, — кулаками. Похоже, что анонимных авторов статьи конкретные персонажи тоже не интересовали. Тем не менее нетрудно представить, какой резонанс вызвала статья в «Комсомолке».

Гораздо позже генсек Л.И. Брежнев, вспоминая свою молодость, писал: «Однажды прочитал в газетах, что в Тюменской области кулаки совершили гнусное преступление — одно из первых, прогремевших тогда, в период массовой коллективизации, на всю страну. Мы тяжело пережили страшную смерть неизвестного нам, но сразу ставшего родным соратника и товарища. И еще решительнее, смелее повели наступление на ненавистных кулаков».

Не найдя в газетах фамилий тех, для кого всенародно требовали расстрела, обратились к воспоминаниям самого Дьякова. И вновь — неудача. Опять ни одной фамилии. Кулаки — и этим все сказано.

На встречах с молодежью Дьяков тоже уходил от прямого ответа на вопрос: кто же эти злодеи и какова их дальнейшая судьба? Обходился общими фразами: «Следствие выявило преступников. Никто не ушел от справедливого возмездия».

Но однажды в ответ на настойчивые расспросы слушателей Дьяков сказал: «Это были кулаки Герасимовы, Мельниковы, Родионовы». (Стенограмма этой встречи хранится в архиве Тюменского обкома КПСС). Эта ниточка и привела меня в архив УКГБ по Тюменской области, к делу № 6634. Его завел «1930 года, февраля 1 дня уполномоченный Ишимского окружного отдела ОГПУ Пономарев по подозрению 36 лиц кулацкого элемента Усть-Ламенского района в подготовке к вооруженному восстанию, массовой антисоветской агитации против мероприятий Советской власти, проводимых в деревне».

И вот в показаниях одного из главных свидетелей по этому делу Григория Анисимовича Митрофанова черным по белому написано: «Дело о покушении на жизнь тракториста коммуны «Новый путь» Дьякова Петра, по которому подозревались Герасимов Петр Егорович, Герасимов Алексей Иванович, Мельников Иван Семенович, Хамов Иван Михайлович, Родионов Павел Абрамович, Мельников Федор Алексеевич, прекращено за отсутствием состава преступления, т.к. по ходу дела установлено, что Дьяков симулировал, благодаря своей неопытности при смотре керосина посредством освещения в резервуар спичкой, произошла вспышка, которая бросилась на его костюм с последствием ожога тела. Это выявилось на суде, где Дьяков в показаниях спутался и не смог подтвердить свои подозрения».

Кстати, свидетель Григорий Анисимович Митрофанов был заведующим той самой коммуной «Новый путь».

Показания Митрофанова подтвердил Григорий Трофимович Гаврилов: «О покушении на тракториста Дьякова дело рассматривалось окрсудом гор. Ишима и за недоказанностью прекращено, а подозреваемые находятся на свободе».

Так в одночасье лопнул миф об «огненном трактористе».

Возникает вопрос: зачем нужно было выводить мнимых злодеев на открытый суд? Добились бы от них признательных показаний, рассмотрели бы дело «тройкой» — и концы в воду. Ответ прост: «тройки» по внесудебному рассмотрению дел для проведения кампании по «ликвидации кулачества» были образованы позднее — постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 февраля 1930 года. Поэтому-то материалы дела, лопнувшего в суде, уничтожили.

А вот судьбу «зажиточных» крестьян, проходивших по делу № 6634, среди которых, по признанию Павла Дьякова, были и его обидчики, уже решила 25 апреля 1930 года во внесудебном порядке «тройка» полномочного представительства ОГПУ по Уралу: одних «кулаков» расстреляли, других заключили в лагерь.

Во всей этой грустной истории меньше всего хотелось бы винить самого Дьякова. Люди, близко знавшие ныне покойного Петра Егоровича, знают, как тягостна была для него роль «несгораемого» комсомольца. И сейчас можно только догадываться, почему у него не хватило мужества признаться в ложном подвиге. Может, думал, что со временем все забудется само собой...

Действительно, после войны о нем на долгое время как-то и забыли. Пока не нагрязнул в Голышманово зять Н. Хрущева, известный журналист А. Аджубей. Во времена целинной эпопеи «Комсомольская правда» опубликовала очерк под прежним заголовком «Огненный тракторист». И началось: приглашения Петра Дьякова на праздничные слеты и торжественные вечера, комсомольские и пионерские собрания. О трудовых свершениях «огненному трактористу» рапортовали целые рабочие коллективы и школьные отряды, о нем была написана новая поэма.

После «ухода» Хрущева на пенсию песня о Петруше-трактористе исполнялась все реже. Но стоило только «дорогому Леониду Ильичу» вспомнить о ней, как она зазвучала с новой силой.

Что же делать сейчас с этой песней, которую, по словам бывшего комиссара продотряда Н. Соловьева, «оболваненная советская молодежь орала до одури»? Поэт М. Светлов в таких случаях утешал: «...не надо, ребята, о песне тужить... Новые песни придумает жизнь».

Не сомневайтесь, так и будет. Только бы слова этих песен были правдивыми.

Мальчиш остается мальчишем...

Об уральских бандитах, о неграмотных председателях сельсоветов, Павлике Морозове и формировании «нового» человека

Был ли герой?

3 сентября 1982 года страна широко отмечала 50 лет со дня гибели пионера-героя Павлика Морозова: телевизионные передачи, публикации в центральных и местных газетах, пионерские и комсомольские слеты, митинги, линейки.

В те юбилейные дни я с коллегами из Москвы оказалась на родине пионера, в селе Герасимовке Тавдинского района Свердловской области. Ознакомив журналистов с музейным комплексом — точной копией дома семьи Морозовых — и показав парту Павлика в местной школе, нас повели за деревню по узенькой лесной тропинке, по которой когда-то с тяжелыми мешками клюквы возвращались, не ведая об опасности, братья Морозовы. Было тепло и сухо, как в тот трагический день...

У могил братьев лежали охапки свежих цветов. От деревни до памятного места около полутора километров, но здесь каждый день бывали люди. Именной автобус «Павлик Морозов», купленный на деньги, заработанные пионерами района, три раза в день доставлял в тот год в Герасимовку ребят и взрослых со всех уголков нашей страны. Все хотели побывать на родине маленького борца за Советскую власть.

И колхоз, носящий имя Павлика Морозова, был тогда одним из передовых хозяйств района и области. Внимания и заботы властей ему было не занимать. За последнюю в истории страны пятилетку параллельно главной и единственной улице Герасимовки протянулась еще одна — с просторными современными коттеджами. В деревне было много молодежи, постоянно игрались свадьбы.

С появлением в начале девяностых годов бескомпромиссных публикаций, развенчивающих пионера-героя, стала по-

степенно меняться и жизнь уральской деревни. По мнению современных исследователей и публицистов, все выходило теперь с точностью до наоборот: Павлик никакой не герой, а предатель, донесший на родного отца. Его поступок не имеет оправданий.

Вначале стал иссякать поток в Герасимовку экскурсантов и делегаций. Затем прекратили финансирование музея П. Морозова. Амбарный замок висит на его дверях и сегодня. Стерлось золото букв на памятнике пионера-героя, стоящем возле правления колхоза его имени. Нечасто теперь встретишь посетителей у могил братьев. Некогда оживленная Герасимовка за неполных десять лет превратилась в обычное захолустье.

Расположенный почти в самом центре Екатеринбурга парк, носящий имя Павлика Морозова, в начале девяностых годов был лишен портрета пионера-героя, а потом в одну ночь был свергнут и его памятник. «Здесь был Пашка», — написано теперь детской рукой красной краской на осиротевшем постаменте. А в мае прошлого года вышел Указ Президента России об исключении места гибели Павлика Морозова из списка памятников истории и культуры федерального (общероссийского) значения.

Страна отказалась от своего героя. А земляки? 3 сентября прошлого года, в очередную годовщину гибели братьев Морозовых, ученики местной школы, как всегда, возложили к могилам гирлянды. Отметили в деревне 14 ноября и день рождения Павлика: была линейка и передвижная выставка из музея. Как показал письменный опрос выпускников герасимовской школы (здесь девятилетка), семь из десяти учеников по-прежнему не считают земляка ни предателем, ни изгоем.

«Наша деревня, где все знают историю жизни Павлика, помнит и чтит его. Это одно из доказательств, что он не был предателем, — пишет одна из школьниц. — Его именем по-прежнему открывается Книга почета Герасимовки, куда занесены лучшие люди и труженики нашей деревни». «Как можно считать предателем мальчика-подростка за то, что он сказал правду, подтвердил то, чему был свидетелем, то есть не солгал» — это мнение другого земляка Морозова. «Павлик не герой и не предатель, а жертва. События в стране требовали примеров для подражания. И если героев не было, то их делали», — размышляет девятиклассница из Герасимовки Наташа Сафронова.

Мысли школьницы перекликаются с оценкой Александра Петрушина. Историк по образованию и, кстати, уроженец

тех мест, он, опираясь на найденные в архиве документы, выстраивает свою картину происходившего в начале тридцатых годов.

*Людмила Ермакова,
собственный корреспондент журнала «Родина»
по Уралу и Сибири.*

В низовьях Тавды

«...Нижнетавдинский район содержит 30 сельских Советов, которые расположены на территории 43000 квадратных километров, из которых пахотно-способной земли 69000 гектаров, а остальные массивы заняты болотами и лесами. Населения по району имеется 28635 человек. Население по своему укладу в прошлом — кулацко-зажиточное, и очень небольшой процент — бедняцкая часть. К выполнению мероприятий партии и правительства относилось и относится в большинстве своем враждебно. Имелись случаи открытого выступления со стороны кулацкой части. Можно об этом судить хотя бы по той банде, которая оперировала в северной части района, возглавляемая братьями Пуртовыми... Бандой было осуществлено 20 террористических актов, убито 20 активистов. Секретарь РК ВКП(б) Шушунов». (Из докладной записки секретарю Уральского обкома ВКП(б), 1933 год).

Крестьянин из деревни Трошковой Еланской волости Тюменского уезда Егор Пуртов Советскую власть не любил. По сибирским меркам, его хозяйство трудно было назвать богатым. Имел он пятистенный дом с постройками, три лошади, корову, мелкий скот и обрабатывал десять десятин земли. Надежды возлагал на пятерых сыновей: Осипа, Михаила, Григория, Петра, Павла. Дочь Анна — не в счет.

Но, по свидетельствам односельчан, братья Пуртовы «трудиться не любили и не хотели». Осип, Михаил и Григорий в 1919 году были мобилизованы в армию Колчака, однако в боях под Ялуторовском сдались в плен красным частям, и их отпустили домой. Призванный спустя год в 185-й батальон ВОХР Григорий через три дня дезертировал и вместе с братьями скрывался в лесу, пока в феврале 1921 года в крае не вспыхнуло крестьянское восстание. Тогда за жестокое отношение к сторонникам Советской власти Пуртовых прозвали «махновцами». После разгрома восстания Пуртов-старший и его сыновья вновь ушли в тайгу и занялись разбоем. Сохранилось постановление еланской партийной ячейки об их поимке: «10 марта 1921 года решено было пойти по следам бандитов, для чего созданы все местные партий-

ные силы — 7 человек. Обнаружили противника в лесу между деревнями Трошковой и Осиновкой в избушке. Бандиты не стали оказывать сопротивление и сдались. Препровождены в село Еланское для допроса сотрудниками ЧК. Пуртовы являются ярыми врагами Советской власти и первыми с оружием участвовали в расстрелах 12 партийных РКП. Просим губчека ни в коем случае не освобождать вышеозначенных бандитов, а принять к ним высшую меру — расстрел, дабы поставить на мирное положение нашу Еланскую волость, в чем и подписуемся».

Но коллегия Тюменской губчека, «принимая во внимание, что обвиняемые по своему социальному положению и вследствие своей малограмотности и темноты не являются классовыми врагами Советской власти, решила заменить казнь заключением в лагерь сроком на пять лет в силу амнистии 1921 года».

В марте 1923 года братья подали «прошение о досрочном освобождении по семейным обстоятельствам в связи с преклонным возрастом отца». (Тому не было еще и 50 лет, и свободы его не лишали).

Вернувшись домой, Пуртовы продолжали грабить крестьян на проселочных дорогах. Милиция неоднократно задерживала преступников, однако им всякий раз удавалось бежать из-под стражи. Среди местного населения «махновцы» пользовались славой неуловимых.

Началась коллективизация. Братья терроризируют колхозников, убивают активистов, распространяют слухи о скорой войне с Японией и гибели Советской власти. В банду вливаются репрессированные и бежавшие из мест ссылки кулаки и уголовники, а также середняки, интересы которых все больше затрагивали чрезвычайные меры «великого перелома».

На своих совещаниях верхушка банды «неоднократно обсуждала планы восстания на Урале и в Сибири». Захваченные чекистами бандиты свидетельствовали: «Отряды должны были сначала разгромить Троицкую коммуну и Плихинский колхоз, потом занять райцентр Нижнюю Тавду, где в первую очередь разгромить ГПУ и милицию, дабы забрать оружие, каковое там имеется. После этого предполагалось выступить в направлении деревень Бугры и Городище, захватить станцию Тавда и двигаться на Туринск и Тюмень. Мы считали эти планы осуществимыми, так как наши выступления подняли бы все крестьянство и в первую очередь семейства, сосланные в северо-восточные районы Уральской области».

Мальчик из Герасимовки

Для ликвидации банды Пуртовых в низовья Тавды была направлена опергруппа Крылова. Крылов имел опыт борьбы с политическим бандитизмом в Ставрополье. Но леса и болота надежно скрывали бандитов. В окрестных деревнях и на хуторах — пособники, которые снабжали продовольствием и сообщали о появлении чекистов. Пуртовы были крайне подозрительны и жестоки. Неудивительно, что попытки сотрудников ОГПУ внедриться в банду окончились неудачей.

Выездная сессия Уральского облсуда постановила выселить из района Пуртова-отца, его младших сыновей Петра и Павла, а также жен Осипа и Григория. Местные партийные и советские органы беседовали с уставшим от постоянных разбойных нападением населением. Пострадавшие от бандитов крестьяне получали материальную помощь. Лишившись привычных баз, братья Пуртовы метались в кольце тавдинских деревень: Васюково, Малое и Большое Городище, Тонкая Грива, Герасимовка — та самая, где жил Павлик Морозов.

Его отец Трофим Морозов, избранный в 1930 году председателем Герасимовского сельсовета, продавал за деньги продукты и «справки о бедняцком положении» и раскулаченным спецпереселенцам, и скрывающимся бандитам. Впрочем, торговля такими документами процветала не только в Герасимовке. В местах базирования банды Пуртовых чекисты неоднократно находили «справки с печатями Городищенского, Киселевского, Герасимовского, Янычковского, Троицкого, Еланского, Черноярского сельсоветов».

Один из братьев Пуртовых, Петр, позднее показал на допросе: «В октябре 1931 года я был осужден на пять лет за укрывательство Осипа и Григория. Направлен в Чусовую колонию, где и работал на углежжении. В марте 1932 года я сбежал и приехал в Тюмень, потом перебрался в Нижнетавдинский район, где у председателя Еременского сельсовета Шитова купил два чистых бланка со штампом и печатью, за что уплатил ему пуд ржи и 25 рублей. Брат Павел, тоже сбежавший к тому времени из ссылки, вписал в бланк, что я являюсь не Пуртовым, а Двинским, а по имущественному положению есть бедняк».

При таких свидетельствах не было необходимости в доносе Павлика на своего отца. Как не было и самого суда, на котором сын якобы «открыто заявил, что отец, сам бедняк, бедняков не поддерживал, а будучи председателем сельсовета стоял горой за кулака». Судьбу Трофима Морозова решило заседание «тройки» при ПП ОГПУ по Уралу от 20 февраля 1932 года (протокол № 8). Указано: «Занимался фабрикацией

подложных документов, которыми снабжал членов к/р повстанческой группы и лиц, скрывающихся от репрессирования Советской власти». Постановление «тройки»: «Заключить в исправтрудлагерь сроком на 10 лет».

Какова же роль Павлика в этой истории? Многие председатели сельских Советов Тавдинского и Нижнетавдинского районов, в том числе и Морозов, были неграмотны. И справки «о бедняцком положении» на вырванных из школьных тетрадок листках заполняли их дети. Они, как и Павлик, лишь подтвердили райуполномоченным ОГПУ признания своих отцов. Но убили только Павлика и его 9-летнего брата Федю. 76-летний дед Сергей и 19-летний дядя Данила не понимали юридической разницы между доносом и свидетельскими показаниями. 3 сентября 1932 года в лесу Данила ударил ножом одного мальчика, потом другого... Бабка Аксинья застирала кровавые пятна на одежде преступников. Их судили, но не за террористический акт, а за умышленное убийство из корыстных побуждений (семья после ареста Трофима лишилась привычных доходов) и мести. Потом секретарь Уральского обкома Кабаков рассказал о событиях в низовьях Тавды Сталину. И началось: митинги, резолюции, пионерские сборы, книги, песни, памятники.

Развязка

Крылов получил приказ во что бы то ни стало ликвидировать банду. «Махновцы», чувствуя опасность, стремительно уходили в непролазные Лайминские топи. Чекистская опергруппа дважды вставала на пути бандитов. В перестрелках погибли Осип и Михаил. Последний удар по банде чекисты нанесли в сентябре 1933 года. В ОГПУ ушло экстренное донесение: «В полутора километрах от хутора Сухарева, что северо-восточнее райцентра Нижняя Тавда, опергруппа Крылова захватила в лесу пособника банды Сухарева, который вывел чекистов к месту базировки базы в болоте среди густого камыша. Из-за невозможности скрытного подхода было принято решение дать Сухареву наган для того, чтобы он ранил Пуртова Григория при возникновении перестрелки. Сухарев согласился, и оперработники поползли за ним через болото. Предположения Крылова оправдались: при приближении Сухарева Григорий, его брат Павел и другие бандиты, вскочив на лошадей, приготовились к бегству, но, увидев пособника, успокоились. Сухарев, приблизившись к ним, выстрелил в Григория и ранил его. При этом опергруппа бросилась вперед, сосредоточив основное внимание на главаре, который попытался вместе со своей сожительницей Анной бежать на одной лошади. Ружейно-пулеметным огнем

оба были убиты. Павел и другие бандиты скрылись в лесу. Рядовые участники банды сдались. При операции захвачено оружие, боеприпасы, продовольствие, документы, в том числе бланки с печатями сельских Советов в количестве 27 штук...».

Ликвидацию банды братьев Пуртовых местное население восприняло с одобрением, о чем свидетельствует постановление собрания колхозников в селе Васюково, больше других страдавших от бандитизма. «В момент выполнения плана 2-й пятилетки классовый враг, кулак, вор организовались в банду под руководством Пуртовых, стали свирепствовать над колхозниками, заводить свое хозяйство в лесу грабежом хлеба, хищением скота в колхозах. Разгромив банду, работники опергруппы ОГПУ дали возможность колхозникам села Васюкова и других сел и деревень Нижнетавдинского и Тавдинского районов свободно проводить в жизнь мероприятия Советской власти».

В октябре 1933 года председатель ОГПУ Ягода подписал приказ о награждении руководителей операции Решетова, Стырне и Крылова часами с надписью «За беспощадную борьбу с бандитизмом». Ни один из них не пережил 1937 года. Поэтому дела о событиях в низовьях Тавды надежно спрятали в спецархивах.

Многие писатели и поэты пытались создать в литературе героический образ Павлика Морозова. А Аркадий Гайдар, уже издавший к тому времени книгу о детях и кулаках-убийцах «Дальние страны», откликнулся на драму в Герасимовке «Сказкой о Мальчише-Кибальчише». Известно, что «Мальчиш-Кибальчиш» подвергся жесткой критике на съезде советских писателей в августе 1934 года. «Молодежь, — говорил Каверин, — которая встречает нас каждый день у входа в Колонный зал, ждет от нас ответа на вопрос — как жить...». Чуковский продолжал: «Революционной героике подобает язык строгий, скупой, а не такое дамское сюсюканье, как у Гайдара».

Детскому писателю дали еще одну возможность показать детям их место в борьбе с врагами народа. Из дневника Гайдара: «Как всегда, сразу — рывком я уехал из Москвы. Купил хорошую серую шинель. Ржава. Обоянь. Машиной до «свертки», дальше пешком с сумкой за плечами. К вечеру подошел к Ивне». Там в полуразрушенном дворце графа Клейнмихеля, у раскопанных, вывороченных дворянских гробниц и заколоченной церкви он начал повесть «Синие звезды». О приключениях мальчишек, втянутых в борьбу с теми, кто мешает строить на селе новую жизнь, — с кулаками и подкулачниками. Так было в замысле повести. Действительность разрушила этот замысел. В окрестных селах было голодно и мерзко, но не кулаки и подкулачники в том виноваты. Поэтому Гайдар отправил письмо в журнал «Пионер»: «Синие звез-

ды» загораются уже иным светом. Кирюша больше не сын своего убитого отца, это только так кажется. Сулин не умный и скрытый враг, просто дурак. Костюх никуда не бежал. И вообще, никаких кулацко-вредительских сенсаций...».

А оценку событий в низовьях Тавды я нашел для себя в такой дневниковой записи писателя: «Неожиданно, но совершенно ясно понял, что повесть моя должна называться не «Мальчиш-Кибальчиш», а «Военная тайна». Мальчиш остается мальчишем, но упор надо делать не на него, а на «Военную тайну», которая вовсе не тайна».

1989—1998 гг.

По доброй воле и согласию

По Указу Президента России от 27 декабря 1991 года «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы» крестьяне должны до 1 марта 1992 года выбрать форму землепользования: частную или коллективную.

Советчиков много: одни ругают колхозы и хвалят индивидуальные хозяйства, называя их на западный манер фермерскими, другие предлагают не отказываться в одночасье от совместного пользования землей.

Эта борьба мнений возникла не сегодня и не вчера. Вечное противоречие между своим и общественным и есть, на наш взгляд, душевная суть российского мужика. Свидетельством тому этот материал.

«Луч солнца»

Так называлась первая в нашем крае коммуна. Ее организовали в августе 1919 года в селе Спасском Соломатовской волости Ялуторовского уезда 70 местных партизан, которыми командовал 28-летний Евстафий Чемякин.

Евстафий с ранних лет занимался хлебопашеством, потом служил в царской армии, воевал с немцами. В ноябре 1917 года возвратился в родные места, созвал односельчан на собрание и объявил им о новой власти — Совете крестьянских депутатов.

Но без гербовой бумаги местные староверы равнодушно восприняли призыв к новой жизни, поэтому смущенный фронтовик отправился за полномочиями в Петроград к Ленину.

В Тюмени умные люди посоветовали ехать в Омск — так ближе, а документ «на власть» тамошний Совет дает. И верно: получил Чемякин мандат за номером 131 от 20 января 1918 года, который «уполномочивал его организовать Совет крестьянских депутатов по Ялуторовскому и Тюменскому уездам».

Дома документ посмотрели, но председателем Совета выбрали другого — Станислава Гроховского, ссыльного поляка и домовладельца. Впрочем, и Чемякину нашлось место в президиуме.

Однако Совет просуществовал недолго: в июне восставшие чехословаки утвердили в уезде власть Сибирского правительства, которую сменила диктатура адмирала Колчака.

А Чемякина посадили в ялуторовскую тюрьму, где он познакомился с Яковом Кистановым, студентом Петроградского университета, левым эсером.

Кистанов разъяснил сокарменику «социалистическую приращенность» российского мужика и преимущества единственно возможной формы его существования — коммуны. Чемякину оставалось только головой качать да удивляться: как это крестьяне не могли сами додуматься до такого устройства своей жизни.

В марте девятнадцатого всех арестантов-фронтовиков отпустили по домам с уговором вступить через несколько дней в колчаковскую армию. Но мало кто поддался на такую уловку — предпочли спрятаться в окрестных лесах до наступления новых времен, которые, по слухам, были уже не за горами.

Так возникла компания дезертиров-партизан, а Чемякин стал за старшего. Вместе с кавалеристами Путиловского полка они прогнали белых из села и стали жить коммуной.

Оказалось, что Кистанов чудом уцелел во время расправы с узниками тюрьмы при отступлении колчаковцев из Ялуторовска. Вскоре его назначили председателем уездного земельного управления, а Чемякина — инструктором по организации и обслуживанию сельскохозяйственных коммун. В своей работе приятели пользовались изданным в феврале 1919 года наркомземом «нормальным уставом», написанным в духе примитивного коммунизма. «Желающий вступить в коммуну, — отмечалось в этом «уставе», — отказывается в ее пользу от личной собственности на денежные средства, орудия производства, скот и вообще всякое имущество, необходимое в ведении коммунистического хозяйства... Коммунар должен отдавать все свои силы и способности на служение коммун... коммуна берет от каждого своего члена по его силе и способностям и дает ему по его насущным потребностям».

К концу 1920 года в уезде было создано двадцать таких коммун, и с этими итогами Чемякин отбыл в Москву на 2-й Всероссийский съезд коммун. Только уехал — в губернии вспыхнуло крестьянское восстание.

Свою злобу от мерзостей продразверстки повстанцы выместили на коммунарах, но жену и ребятишек чемякинских не тронули: вернется сам — отомстит.

Стихия крестьянского бунта быстро выродилась в политический и уголовный бандитизм. Целый год банда Вараксина держала шатровские коммуны в напряжении, пока бывшие партизаны не выследили по снегу их лежбище и смертельно ранили в перестрелке бандитского главаря.

Так и пережили коммунары — худо ли, бедно ли — и мятеж, и голод 21-го года, и нэп. Внимание к развитию общественных форм обработки земли заметно ослабло. Не случайно Кистанов и Чемякин в своей книжке «Шатровские коммуны — как они есть», изданной в 1924 году, жаловались по поводу «ликвидаторских настроений у отдельных представителей власти по отношению к коллективному движению крестьян». В таких, далеко не тепличных условиях, им пришлось самостоятельно, «явочным порядком создать союз 10 сохранившихся к этому времени коммун».

Однако перемещение акцента политики партией большевиков с добровольных объединений в виде коммун, артелей или совхозов — опоры революции в деревне — на индивидуальные крестьянские хозяйства не могло длиться долго.

Чувство опасения и возмущения шатровских приятелей по поводу ставки на единоличные крестьянские хозяйства и кооперацию ярко выразил Максим Горький в беседе с французским журналистом: «...пока что рабочие являются хозяевами, но они представляют лишь крошечное меньшинство в нашей стране (в лучшем случае — несколько миллионов). Крестьяне же — это целый легион. В борьбе, которая с самого начала революции идет между двумя классами, у крестьян все шансы выйти победителями... В течение четырех лет численность городского пролетариата непрерывно сокращается... В конце концов огромная крестьянская волна поглотит все... крестьянин станет хозяином России, поскольку он представляет массу. И это будет ужасно для нашего будущего». Так думал не один «буревестник».

Почти восемь лет нэп безраздельно господствовал в деревне, пока не наступил «великий перелом».

«Чемякинщина»

Казалось бы, пришел праздник на улицу председателя Шатровского союза коммун: к 1 января 1930 года Тюменский округ Уральской области одним из первых в стране рапортовал о 100-процентной коллективизации единоличных крестьянских хозяйств. Однако на душе у Чемякина было муторно от того усердия и торопливос-

ти, с каким «прирожденные социалисты» загонялись в «светлое царство коллективного труда». Свой протест против такой политики он выразил 29 марта в «товарищеском письме» секретарю Тюменского окружкома ВКП(б) Маркусу — существовала тогда эта форма отношений между партийцами.

«...По мере того, как мы объявили добровольность, — писал он, имею в виду статью Сталина «Головокружение от успехов», опубликованную в «Правде» 15 марта, — крестьяне начали выходить из коммун так же, как и были туда завербованы, то есть массами. Отступление получилось прямо ошеломляющее. Теперь мы решили организовать артели, чтобы лучше было производить расчеты с населением и чтобы все-таки иметь действительно колхоз, а не пустое место. Но, как видно, и на артели не удержишься: будут ТОЗы (товарищества по обработке земли — ред.) и много единоличников.

Чем дальше я живу, тем передо мной все яснее и яснее встает вопрос о никчемности коммун и других сложных форм коллективизации. Нам надо на сегодняшний день не коммуны, а технику, не идеальные формы сожителства и сотрудничества людей, а крепкую политическую власть. Откуда пойдет нам хлеб и молоко — из артели, коммуны, ТОЗа или от единоличника, по-моему, все равно. Мы находимся накануне того, как машина заставит невольно крестьянина установить новые формы производства, но из кожи лезем за коммуну и колхоз, до контрреволюции доходим, и здесь мы самые глупые из всех дураков.

...Я считаю, что наша политика сделать деревню социалистической, а нашего мужика-собственника — социалистом, не выйдет, и эту политику надо пересмотреть. Она должна быть все-таки нэповская до тех пор, пока часть крестьян не сделается рабочими, пока деревня не пройдет тот же процесс, каким идет город.

...Некоторые мои прежние утверждения, что крестьянин — это «строитель социализма», — неправильные. Теперь в деревне наблюдаешь такие сцены: крестьяне бросились на скот и погнались по дворам, крестьянки обнимали коров, целовали их, наговаривали им тысячу ласковых слов, вроде: «Милая буренушка, заморили тебя, матушка». Глядя на них, будто перерождаешься и думаешь: за кем мы гонимся, для чего нам нужен этот собственнический идиот? Лесозаготовки он сделает при любых условиях, налог заплатит, хлеб и мясо тоже завезет. Повторяю, что крестьянскую политику надо пересмотреть.

...А все эти идеальные коммуны, колхозы и прочие высокопарные лозунги: «всем по потребностям и от всякого по труду» — это эсеровская блажь...».

Получив это сугубо личное письмо, Маркус быстро сообразил, кого и как можно представить вместо себя главным виновником «головокружения, перегибов и головотяпства».

4 апреля бюро Тюменского окружкома ВКП(б) постановило: «...за антипартийный взгляд, выраженный в письме в окружком в лице его секретаря, за ревизию ленинизма в вопросе организации колхозов и коммун, за сочувствие единоличнику тов. Чемякина немедленно снять с ответственной работы председателя районной коммуны и из рядов ВКП(б) исключить».

Однако этого было мало. Требовать на примере одного «уклони́ста» развернуть «непримиримую борьбу с правым оппортунизмом и остатками контрреволюционного троцкизма».

Окружная газета «Красное знамя» повела решительное наступление на «чемякинщину». Но произошло неожиданное: ячейка, где работал Чемякин, не только не осудила его, но и поручила ему проработку на партсобраниях основных политических докладов («Ответ Сталина колхозникам» и «Тезисы Яковлева к XVI партсъезду»). В довершение всего эта ячейка ходатайствовала о награждении Чемякина орденом Ленина, характеризуя его как стойкого и неподкупного строителя колхозов.

Это был не просто скандал — вызов рядовых коммунистов народившейся партийной номенклатуре. Ответ последовал незамедлительно — чрезвычайная партийная конференция, проведенная по команде окружкома в Шатровском районе, приняла беспрецедентное решение: «...распустила спасскую ячейку и исключила из партии всех чемякинцев».

Когда читаешь пожелтевшие газеты с заголовками: «Уроки Шатрово», «Чемякинский путь к социализму», «Скат к кулацкой идеологии», «Долой двурушничество», «Ждем большевистского ответа», невольно думаешь: не все в партии одобряли и поддерживали «генеральную линию» генерального и других секретарей. И, как знать, если бы сопротивление номенклатурному произволу по примеру спасских коммунаров стало массовым, то вся наша история могла быть иной. Не такой дурной и жестокой.

Шельмуя «чемякинщину», редакция обещала: «...в ближайшем номере опубликовать письмо Чемякина с признанием его взглядов антипартийными», но не сдержала своего слова. Почему?

Письмо действительно было, только непокаянное. «...Я прекрасно понимаю, — писал в нем опальный председатель

коммуны, — что в Тюмени после «великих успехов по коллективизации» надо разрядить атмосферу, найти стрелочника, который бы ответил один за всех. Надо найти для удара такую фигуру, которая соответствовала бы сумме необходимых партрепрессий. Что ж, это хорошо и не ново: такую тактику я сам применял, будучи на партийной и другой работе. Моя кандидатура выбрана самая подходящая. Во-первых, я основной колхозник, то есть непосредственный руководитель перегибов; во-вторых, у меня немало врагов в верхах округа; в-третьих, есть злополучное письмо Маркусу (оно явилось искрой, но если бы его не было, меня бы все равно обсудили, просто так легче придраться).

Меня удивляет лишь одно обстоятельство: причем я, малограмотный крестьянин, виновен в перегибах по коллективизации? Известно, что окружком с моими взглядами как специалиста по организации сельского хозяйства не считался. Поймите, что я, как практик, не мог не додуматься до того, чтобы в 3 месяца (с 1 октября 1929 г. по 1 января 1930 г.) можно переделывать деревню на социалистическую. Такое было доступно лишь легкому уму Маркуса и ему подобным, но только не Чемякину, которого теперь поставили вне партии.

...Подумаешь, какой подвиг совершил «профессиональный революционер Маркус: крестьянина Чемякина заставил в земле копать. Для меня это милое дело. Я просить о прощении не буду».

Письмо заканчивалось обращением к Маркусу: «Представляю, какую неприятность принесло тебе мое письмо. Наверное, подумывал о подвале для вчерашнего члена бюро окружкома и бывшего партизана Чемякина. Письмо это последнее. Ты мне не пиши: все равно читать не буду».

Ну разве могли опубликовать такое в газете? Или забыть отступничество? И хотя в декабре 1930 года ЦК ВКП(б) сочла возможным «....пересмотреть вопрос о партположении Чемякина», разного рода доносы регулярно подшивались в его персональное дело.

Он продолжал трудиться в своей коммуне, которую переименовали в «Луч революции». Дети выросли: сын Михаил учился на агронома, а старшая дочь Варвара работала после окончания сельхозтехникума в заповеднике Аскания Нова. Совсем как в кинокартине «Свинарка и пастух», она приехала в Москву на выставку достижений сельского хозяйства, познакомилась и вышла замуж за военмора Николая Хронополо, будущего полного адмирала и командующего Черноморским флотом.

Возвращение к земле

Евстафия Николаевича арестовали 13 сентября 1937 года. Все «обвинительные материалы, вполне изобличающие его в троцкистско-зиновьевской деятельности», были давно готовы. Начальник Упоровского райотдела НКВД младший лейтенант госбезопасности Погуляев и прокурор Куталов формально допросили Чемякина об известной им «антипартийной деятельности» и отправили в тюменскую тюрьму. Оттуда перевели в Омск и... забыли до апреля 1939 года.

Как ни странно это звучит, от расстрела его спасли «любовно» собранные на него доносы, выписки из партийных постановлений и газетные вырезки. По меркам тогдашнего «судопроизводства» такое дело безо всяких самооговоров тянуло на высшую меру. После Упорова его не допрашивали, а держали на всякий случай — вдруг придется заткнуть какую-нибудь дырку в чудовищном плане отстрела людей. Но, видно, жертв хватало и без Чемякина, поэтому о нем вспомнили только при новом хозяине Лубянки — Лаврентии Бериин.

Сдавать такое дело в архив никто не собирался, но своей «тройки» в Омске уже не было (их упразднили в ноябре 1938 года), и его отправили за приговором в Особое совещание НКВД. Но в Москве решили «развернуть материалы на одиночку до контрреволюционной группы», для чего потребовали разыскать второго автора «троцкистской брошюры». Той самой — о шатровских коммунах.

Найти Кистанова не удалось — последний раз приятели виделись в 1936 году, после чего преподаватель политэкономии Новосибирского кооперативного института как в воду канул.

Высылать дело в НКВД вторично омские чекисты не решились (как бы самим не сдобровать) и в феврале 1940 года тишком освободили Чемякина из-под стражи. В партии его восстановили только в 1956 году, правда, в зачетом тридцатисемилетнего стажа.

Тем временем большие и малые эксперименты над крестьянами продолжались. Деревни и колхозы укрупняли, объединяли, разъединяли, превращали в совхозы, а Евстафий Николаевич так и работал в родных местах агрономом. Откровенных писем никому уже не слал — жизнь научила осторожности. И только незадолго до своей смерти в феврале 1966 года не сдержался. Вспоминая о прошлом, он написал: «...Я часто спорил сам с собой, что крестьянину надо: единоличное хозяйство, колхоз, коммуны? А ответ-то простой: пускай будет и то, и другое, и третье. Только по доброй воле и согласию».

«В соответствии с Указом
Президиума Верховного Совета
СССР от 13 марта 1954 г.
ПРИКАЗЫВАЮ:
организовать управление КГБ
при СМ СССР по
Тюменской области».

*Из приказа председателя
комитета государственной
безопасности при Совете Мини-
стров СССР от 12 апреля 1954 г.*

Спецдобровольцы

В кровопролитных оборонительных боях 1941—1942 гг. кадровая Красная Армия погибла и частично оказалась в плену. Однако продвижение вермахта на Восток было остановлено. Для контрнаступления и освобождения оккупированной территории требовались большие резервы. И тогда Сталин вспомнил о спецпоселенцах.

Особый призыв

Постановлением Государственного комитета обороны СССР от 11 апреля 1942 года № 1575 предписывалось НКВД «призвать в армию 500 тысяч человек, годных к строевой службе из трудпоселенцев». Другим постановлением ГКО от 26 июля 1942 года № 2100 «объявлялся еще один особый призыв» общей численностью также до 500 тысяч человек. Таким образом, на фронтах Великой Отечественной войны воевало до одного миллиона спецпоселенцев. Но об этих спецмобилизациях нет ни слова в огромной литературе о войне.

В условиях массового призыва спецпоселенцев в армию нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия издал приказ от 22 октября 1942 года № 002303, согласно которому все призванные и члены их семей (жена, дети) снимались с учета трудссылки.

В этом приказе декларировалось также восстановление для этой категории населения основных гражданских прав, однако их освобождение из спецпоселков НКВД не предусматривалось. Отменить спецпоселение как правовой режим Сталин не решился. Партийным комитетам было предписано провести мобилизацию репрессированных Советской властью крестьян под видом патриотического добровольческого движения.

11 июля 1942 года Омский обком ВКП(б) принял постановление № 223 «О формировании Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков». Это соединение предполагалось сформировать к 17 июля. При этом

«секретари окружкомов, горкомов, райкомов ВКП(б) и председатели исполкомов окргоррайсоветов должны были организовать проведение широкой массово-политической разъяснительной работы среди военнообязанных, состоящих как на общем, так и на специальном учете, о подаче ими заявлений для зачисления добровольцами в Красную Армию».

Сформировать стрелковую бригаду за 7 дней даже из ранее служивших в армии военнообязанных, даже при развитой инфраструктуре нереально. А тогда речь шла о мобресурсах, не имевших военной подготовки, да еще и негативно относящихся к правящему режиму, при значительном удалении призванных территорий от сборного пункта «Черемушки» в Омске.

Тем не менее «добровольный призыв» провели на следующий день после принятия партийного постановления: 12 июля 1200 спецпоселенцев после явки в спецкомендатуры НКВД были направлены в Ханты-Мансийский окружной военкомат и пароходом вывезены в Омск (по статотчетности этого военкомата, созданного 30 августа 1938 года, до 12 июля 1942 года с территории округа в Красную Армию было призвано только 320 человек, а до конца 1945 года по «спецмобилизациям» отправлено на фронт 17000 человек и 5174 человека направлено в «трудармию»). Были ли в числе этих «новобранцев» настоящие добровольцы, или все заявления о добровольном вступлении в армию были написаны под диктовку спецкомендантов НКВД? По воспоминаниям бывших бойцов бригады, проживающих в настоящее время в Ханты-Мансийске и Тюмени, молодежь 1919—1923 годов рождения охотно шла на фронт. Парадоксально, но только война дала им шанс вырваться из откровенного и бессрочного социалистического рабства. Спецпоселенцы старших возрастов, «раскулаченные» Советской властью, симпатий к ней не испытывали, но боялись ее и уходили в армию под угрозой новых репрессий в случае своего неподчинения. При этом они надеялись на ослабление режима, если победят неприятеля и сами останутся живы. Были и такие, кто рассчитывал, попав на передовую, перейти на сторону немцев или, получив оружие, повернуть его против большевистского режима — такие случаи были.

После формирования 75-я Омская стрелковая бригада вошла в состав 6-го Сибирского добровольческого стрелкового корпуса. Кроме нее, в это соединение вошли 150-я Новосибирская стрелковая дивизия (Новосибирский, Прокопьевский, Кемеровский, Томский полки), 74-я Алтайская и 78-я Красноярская стрелковые бригады. Эти части, полу-

чившие наименование «Сталинские», также состояли в основном из спецпоселенцев. В служебной переписке особых отделов НКВД их называли «спецдобровольцами». В октябре 1942 года корпус был отправлен на фронт. В пути к нему присоединилась 91-я стрелковая бригада, состоящая из заключенных лагерей НКВД, оформленных также «добровольцами». Перед 25-й годовщиной Октября «спецдобровольцев» привели к присяге и бросили в наступление под г. Белый в Калининской области. Перед 6-м стрелковым корпусом генерал-майора С.И. Поветкина ставилась задача: во взаимодействии с 1-м механизированным корпусом генерал-майора М.Д. Соломатина прорвать оборону противника и ликвидировать плацдарм, все еще угрожавший Москве.

«Смерш» против «Абвера»

При поддержке артиллерии и танков сибиряки пошли в наступление и преодолели вражеские укрепления. Однако достичь боевого успеха тогда не удалось. Гитлеровцы подтянули части СС и так называемый «Восточный батальон», сформированный из советских военнопленных. Они рассчитывали путем целенаправленной пропаганды разложить части, укомплектованные людьми, пострадавшими от большевистского режима, и склонить их к неповиновению командирам и массовому переходу на сторону немецких войск. Для этого в распоряжение 6-го стрелкового корпуса забрасывались разведывательно-диверсионные группы, экипированные в форму советских солдат и офицеров.

Гитлеровской военной разведке и контрразведке противостояли подразделения контрразведки «Смерш» (расшифровывается как «смерть шпионам») корпуса, в которых служили и сотрудники Тюменского отдела НКГБ вместе с его начальником майором Степаном Павловичем Козовым, ставшим заместителем начальника отдела контрразведки «Смерш» 75-й Омской стрелковой бригады.

В его служебной характеристике отмечено: «...Проявил себя дисциплинированным, смелым и мужественным в боях. Постоянно находился на передовой линии, помогая молодым чекистам вести борьбу с вражеской агентурой и антисоветскими элементами. В июне 1943 года возглавлял оперативно-розыскную группу по задержанию немецких разведчиков, выброшенных с самолетов на парашютах. В результате умелых действий Козлова и его подчиненных были захвачены пять агентов-парашютистов с рацией и ценными документами. В частях было вскрыто две группы измен-

ников, пытавшихся с оружием перейти на сторону противника...».

Оперуполномоченным того же отдела «Смерш» был капитан Михаил Алексеевич Калинин. В 1922 году через биржу труда он пришел в тюменскую милицию. А 30 октября 1925 года газета «Трудовой набат» в рубрике «Происшествия» сообщила: «На днях Тюмугрозыском задержан известный по Уралу и Сибири бандит Иван Семенович Пыжьянов, или Ванька Екатеринбургский, носивший в преступном мире громкое прозвище «Звезда Урала». Задержанный является правой рукой известного в СССР бандита Мишки Культяпова, или «Короля Сибири и Урала», недавно расстрелянного по приговору Московского суда. Пыжьянов разыскивался в течение трех лет Центро-Розыском и многочисленными судебно-следственными органами городов РСФСР за целый ряд вооруженных ограблений и убийств во многих городах Сибири и Урала. В Тюменском округе им совершены в 1922—1925 годах убийство тугулымского предРИКа, вооруженное нападение на крестьян по Тарманской дороге, вооруженное ограбление кооператива в селе Яр и двух магазинов «Универсаль» в Тюмени. По его делу задержаны до 20 человек соучастников, пособников, укрывателей».

За разгром банды Ваньки Екатеринбургского агента первого разряда Тюменского уголовного розыска Калинина наградили отрезом на костюм и хромовыми штиблетами фабрики «Скороход».

В оперативных документах военной поры также есть упоминание об «очкарике» — так тюменские уголовники называли меж собой начальника городской милиции Калинина: «...В ноябре 1944 года в окрестностях Риги майор Калинин с оперативно-розыскной группой из 4 человек установил, задержал и разоблачил оставленных в тылу Красной Армии 12 шпионов-террористов, у которых были изъяты радиостанция, оружие и взрывчатка».

...Тяжелые бои в лесисто-болотистой местности не утихали до февраля 1943 года. Ценой больших потерь «спецдобровольцы» прошли проверку на надежность и стойкость.

Операция «Суворов»

И все-таки Сталин не доверял этим людям. Мало кто знает, что Оперативное управление Генерального штаба в ежедневной сводке для Верховного Главнокомандующего отдельным разделом отражало боевые действия «спецдобровольцев». За всю войну Сталин лишь дважды выезжал на фронт (в

декабре 1942 и в августе 1943 годов) и всякий раз в полосу обороны и наступления Сибирского добровольческого стрелкового корпуса.

23 февраля 1943 года ему доложили: под деревней Чернушки у г. Великие Луки рядовой 91-й стрелковой бригады, бывший заключенный Матросов закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота.

По тексту донесения Сталин написал синим карандашом: «Боец — Герой! Корпус — Гвардейский!».

Соединение переименовали в 19-й гвардейский Сибирский стрелковый корпус, 150-я дивизия стала 22-й, а бригады — 56-й и 65-й гвардейскими дивизиями. Через три месяца передышки сибирякам предстояло открыть «Смоленские ворота» — штурмовать Гнездиловские высоты, названные гитлеровцами «Восточным валом».

Немцы сосредоточили в этих местах огромные силы, включая все рода войск. Особое место в линии обороны занимала высота 233,3. Она была опоясана несколькими линиями траншей, глубоким противотанковым рвом, имела более 400 блиндажей в 8—10 накатов, свыше 200 дзотов и дотов с врытыми в землю стальными колпаками-«крабами». Все подходы к высоте были густо заминированы и опутаны проволочными заграждениями в несколько рядов.

За четыре дня до начала Спас-Деменской наступательной операции под кодовым названием «Суворов» и приехал на Западный фронт Сталин.

По воспоминаниям главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова: «...Сталин остановился на бывшем командном пункте в районе Юхнова... В дальнем углу просторной комнаты стояла старенькая кровать, покрытая обычным солдатским одеялом. На подушке виднелась наволочка не первой свежести. Под кроватью лежал небольшой фибровый чемоданчик. Посреди комнаты красовался ветхий деревянный стол, державшийся вместо ножек на двух крестовинах, скрепленных перекладной. Возле него две грубые скамейки и пара стульев. На подоконнике стоял телефон, провода которого через форточку выходили на двор...

Сталин подозвал нас и стал спрашивать:

— Как доехали? Какова дорога? Как далеко отсюда новый командный пункт фронта?

Отвечали В.Д. Соколовский, командующий Западным фронтом, и Н.А. Булганин, член Военного совета фронта. Раздался звонок телефона. Сталин взял трубку и потребовал соединить его с Молотовым.

— Откуда говорю? Издалека. Нет, серьезно. Я ночью от всех вас сбежал и сейчас нахожусь на Западном фронте.

Разговор продолжался недолго. Сталин обещал скоро быть в Москве.

Мы развернули карты на столе и стали докладывать о противнике и своих войсках, но Сталин перебил:

— Западному фронту нужно выйти к Смоленску, основательно подготовиться, накопить силы и взять Смоленск.

Эта фраза была повторена дважды.

Наш обмен мнениями продолжался. Тут же крутился Берия, но никакого участия в обсуждении не принимал: он то уходил, то снова возвращался.

На стол был поставлен привезенный нами чайник, розданы стаканы, расставлены закуски. Даже появилась бутылка грузинского сухого вина. Выпили за победу над врагом.

Сталин рассуждал: если прорыв обороны на Гнездиловской гряде и не удастся на всех намеченных направлениях, нужно быть готовыми сманеврировать танками, артиллерией, кавалерией и направить все силы туда, где обозначился успех. Мы пытались пожаловаться, что Западный фронт не получил достаточного количества резервов и боевой техники.

— Все, что сможем, дадим, — последовал ответ Верховного. Не сможем — обходитесь тем, что имеете. У вас есть сибирские дивизии, а это посильнее пушек и танков, — и, помолчав, добавил: — Сибиряки все равно возьмут Смоленск. Я их натуру знаю.

На этом разговор закончился. Уже стемнело. Мы понимали, что нам пора ехать. На следующий день утром Сталин возвращался в Вязьму, где находился его поезд.

Меня весьма удивил этот тайный выезд Сталина на фронт. Зачем нужно было ехать столько километров по дороге, развороченной танками и тракторами, местами ставшей непроезжей? Связаться с фронтом можно было и из Москвы. Все это вызывало у меня полное недоумение...».

Но известно: Сталин никогда и ничего не делал зря. Может быть, он хотел понять, за что так яростно сражаются люди, обреченные им на бессрочную ссылку в Сибирь?

Свое отношение к этому духовному феномену Сталин выразил на торжественном приеме в Кремле. После Победы. А тогда, в августе 1943 года, он с тревожным ожиданием читал донесения о начале операции «Суворов».

Не разбились, но разбили

7 августа гвардейцы-сибиряки пошли в атаку на рубеж, названный гитлеровской пропагандой «Восточным валом», о который разобьется Красная Армия. Наступлению корпуса предшествовала мощная артиллерийская подготовка и бомбежка с воздуха переднего края обороны противника. Только по высоте 233,3 одновременно вели огонь десять наших арт-полков и несколько дивизионов «Катюш». За три часа на вражеские укрепления было обрушено 100 вагонов снарядов и бомб. Краснозвездная авиация произвела за один день 337 боевых вылетов. Казалось, под сплошной пеленой разрывов не осталось никого в живых. Но когда поднялась пехота, высота ответила огнем. Атакующие заняли первую линию немецких траншей, но продвинуться дальше ни на метр не смогли. Еще два дня непрерывных боев не привели к успеху. И тогда командир корпуса генерал-майор В.А. Чистов послал на «заколдованную» высоту свой последний резерв — штурмовой батальон «панцирников». Так называли автоматчиков, надевавших на себя стальные нагрудники, изготовленные металлургами Кузбасса.

Солдаты неохотно пользовались этими «доспехами». Таскать такую тяжесть в летнюю жару не очень-то приятно. Да и в надежность панциря почти никто не верил. Требовалось срочно рассеять эти сомнения.

Комбат выполнил приказ весьма оригинально. Он заставил подчиненных найти брошенные панцири и надеть их. Затем вынул пистолет из кобуры и заявил:

— Сейчас увидите, как от щита пули отскакивают.

Раздались выстрелы. Ближайший боец свалился как подкошенный. К нему подбежали. Парень лежал бледный, испуганный, но живой и даже улыбался. Осмотрели нагрудник. На нем виднелись едва заметные вмятины.

— Падал-то для чего? Дурень! — спрашивали со всех сторон.

— Небось упадешь: как дубиной по груди ударило!

За такую «разъяснительную работу» комбат получил хорошую взбучку от политотдела. Но с тех пор панцири никто не бросал. И перед броском на высоту 233,3 все штурмовики без дополнительных команд облачились в «доспехи».

Трудно определить, что способствовало успеху: 30-минутный огневой налет ужасающей силы или стальные щиты-панцири, но гвардейцы-сибиряки оседлали проклятую высоту. Вражеские контратаки захлебнулись. Потеряв ключевую твердыню «Восточного вала», противник стал отходить на запад.

11 августа части корпуса ворвались на станцию Павлино и перерезали железную дорогу: «Смоленские ворота» открыты.

В своем дневнике комсорг 258-го полка (бывшая 75-я Омская бригада) Г.М. Гололобова тогда записала: «...Дорого нам досталась высота 233,3. Очень большие потери. Приходишь в роты и видишь, как они тают на глазах. Деревья все кругом побиты и покорежены, стоят одни голые стволы без сучьев. Земля изрыта воронками, усеяна осколками. Везде трупы. Но главное сделано — высота наша! Местные жители нам рассказали, что немцы отправляли через каждые два часа эшелон с ранеными...».

25 сентября 1943 года операция «Суворов» завершилась освобождением Смоленска — города-символа русской военной славы.

Москва салютовала войскам Западного фронта двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий. 36 соединений и частей получили наименование «Смоленских». Среди них 56-я гвардейская стрелковая дивизия, состоявшая в основном из спецпоселенцев Приобья.

Не все они дошли до Победы. Почти каждый второй погибший на войне житель Ханты-Мансийского автономного округа, сложил голову на Калининском фронте, на Смоленском направлении и при освобождении Прибалтики.

Их имена на пилонах мемориала 19-го гвардейского Сибирского стрелкового корпуса в г. Новосибирске. Их кровь — на знаменах гвардейских дивизий. Их доблесть и человеческое достоинство, не понятые вождями, — в нашей памяти.

Болотные солдаты

900 дней и ночей — с 8 сентября 1941 по 27 января 1944 года — находился Ленинград во вражеском окружении. Сообщение со страной поддерживалось только по воздуху и по Ладожскому озеру.

В подготовленных в ставке Гитлера тезисах доклада «О блокаде Ленинграда» от 21 сентября 1941 года указывалось: «... б) сначала мы блокируем Ленинград (герметически) и разрушаем город, если возможно, артиллерией и авиацией... г) остатки «гарнизона крепости» останутся там на зиму.

Весной мы проникаем в город... вывезем все, что осталось живое, в глубь России или возьмем в плен, сравняем Ленинград с землей и передадим этот район Финляндии».

Нет слов, чтобы выразить страдания ленинградцев и оборонявших город войск. Варварские бомбардировки и артобстрелы. Крайне ограниченные запасы продовольствия — с 20 ноября 1941 года рабочие получали по 250 граммов хлеба в день, все остальные, включая детей, — по 125 граммов.

Начались цинга и дистрофия, люди умирали от голода. Иссякло топливо. Погасло электроосвещение. Не стало воды. Остановились трамваи. За время блокады погибло не менее 800 тысяч ленинградцев. В 1943 году в городе оставалось 887 тысяч жителей. Из более чем трех миллионов довоенного населения.

После переименования Ленинграда звучали голоса: «Зачем были нужны эти бессмысленные жертвы? Сдали бы город немцам и спасли бы население».

Не вдаваясь в дискуссию на эту тему, отмечу: вряд ли, судя по директиве германского командования, ленинградцев, даже поднявших руки перед врагом, ожидала бы лучшая участь.

Слышны и такие обвинения: «Сталин и коммунистическое руководство страны обрекли жителей блокадного города на страдания в пропагандистских целях для возбуждения ненависти к неприятелю».

Не совсем так. Советские войска трижды пытались прорвать кольцо блокады, и каждый раз неудачно, и лишь в

*январе 1943 года чуть-чуть развели клещи
вражеского окружения.*

*Полностью снять с Ленинграда фашистскую блокаду
удалось только через год. В Ленинградско-Новгородской
наступательной операции участвовало несколько сибирских
соединений и среди них — 65-я и 364-я стрелковые дивизии.*

От Туры до Волхова

После проведенной в 1924—1925 годах военной реформы комплектование Вооруженных Сил СССР проводилось на территориально-милицейской основе. Республика из-за тяжелого экономического положения не могла содержать кадровую армию.

Своя территориальная дивизия имела и в Тюменском округе Уральской области. В 1931—1932 годах тюменская дивизия была переформирована в 65-ю стрелковую. Ее части располагались в Камышлове и Ишиме, а штаб — в Тюмени, в двухэтажном доме по улице Республики (сейчас в нем кожно-венерологическая больница).

Тюменцы гордились «своей» дивизией, и для этого были основания. По мобильности, маневренности, умению совершать длительные марши она считалась передовой в Уральском военном округе.

*«...Дивизия энская,
Дивизия тюменская
Покой любимой Родины
Надежно бережет...».*

Слова этой песни сочинили участники красноармейской самодеятельности. Как сообщала тюменская газета «Красное знамя», в их программах есть народные и боевые песни, музыкальные произведения Бетховена, Глинки, Моцарта, Римского-Корсакова, оперные, опереточные (так в тексте — А.П.) и национальные танцы.

В январе 1934 года шесть лучших лыжников дивизии совершили переход из Тюмени в Москву с рапортом XVII съезду партии, а через год этот маршрут повторили жены командиров — «пятерка дерзких», как их называли тюменцы.

5 марта 1935 года во всех газетах был опубликован приказ № 37 наркома обороны Ворошилова. «Жены командиров энской дивизии тт. Ирдуган Финаида, Дьяченко Клавдия, Вагина Таисия, Угольниковы Нина и Улитина Вера 22 февраля с.г. блестяще завершили лыжный переход Тюмень—Москва. 2100 км в 40-градусные морозы, в бураны и сильную оттепель пройдены отважными лыжницами в 53 дня (из них 40

ходовых) со средней скоростью 52,5 км в сутки. Переход этот не имеет себе равного в истории зимнего спорта. Не только доблестные его участницы, но вся Красная Армия может гордиться этой победой... Награждаю участниц перехода золотыми именными часами».

«Мода» на лыжные и прочие пешие и конные агитпереходы прошла в 1937 году. Командира 65-й стрелковой дивизии комбрига Григория Гаврюшенко, его заместителя полковника Леонида Белозерова-Гладышева, начальника политотдела батальонного комиссара Александра Миловидова и других командиров расстреляли как «врагов народа», а их жен отправили в лагеря на Колыму.

В июле 1939 года ослабленную репрессиями 65-ю дивизию передислоцировали в Забайкалье, где ее через год возглавил выпускник военной академии имени Фрунзе майор Петр Кошевой. Будущий маршал и дважды Герой Советского Союза.

В самые трудные дни обороны Москвы он получил приказ выдвинуть дивизию к столице и... заняться строевой подготовкой. Полки и танковый батальон 65-й стрелковой дивизии прошли 7 ноября 1941 года на двух парадах — в Москве и Куйбышеве, куда уже было эвакуировано правительство во главе с Калининым и Ворошиловым.

После парадов предполагалось использовать дивизию на московском направлении, но захват гитлеровцами Тихвина изменил эти планы. Ленинград лишился последних путей сообщения со страной через Ладогу и попадал в двойное кольцо блокады. Гитлер, выступая в Мюнхене 8 ноября — в день оставления советскими войсками Тихвина, — утверждал: «Ленинград сам поднимет руки: он неминуемо падет, раньше или позже. Никто не освободится, никто не прорвется через наши линии — Ленинграду суждено умереть голодной смертью».

Тихвин нужно было отбить у врага во что бы то ни стало, поэтому Ставка отдала из своего скудного резерва свежую 65-ю дивизию на северный участок фронта. 19 ноября ее части вступили в бой, а 9 декабря ворвались в город — Тихвинская операция стала одной из первых удачных наступательных операций.

Противник понес ощутимые потери: до 5 тысяч убитых и раненых, 15 сожженных танков, 58 уничтоженных орудий.

За освобождение Тихвина 65-ю стрелковую дивизию наградили орденом Красного Знамени. Заряжающий орудия 127-го артполка Ильдар Мананов стал Героем Советского Союза.

Преодолев с боями около 200 километров, сибиряки вышли к реке Волхов и застряли там на два долгих года. На правом берегу — «господин великий Новгород» — символ тысячелетнего российского могущества. Рядом, а не возьмешь.

Три линии долговременных укреплений на 40-метровом Званковском холме прикрывали подходы к городу. Даже в самое сильное половодье вражеские позиции оставались сухими.

Противная сторона в буквальном смысле слова тонула в болоте. Землянки и окопы в Приволховье — редкое явление, особенно весной и осенью, когда почва становилась хлюпающей и булькающей — вода и грязь кругом. Передвигались тогда только по настилам. Ночами, сгибаясь под тяжестью, колонны подносчиков тащили на себе патроны, снаряды и продовольствие, а, возвращаясь, выносили раненых. После дождя настилы скрывались под водой. Тогда люди шли в болотной жиже иногда по пояс, толкая перед собой плотики, проваливались в воронки, обходили пни, кусты и затопленные проволочные заграждения.

Вколотив в болото сваи, бойцы крепили к ним пол. Через несколько дней он скрывался в воде, над ним строили новый, внутри блиндажа под самым потолком настилали полати, на которых лежали «болотные солдаты» и стреляли через прорубленные отверстия — амбразуры. Такой блиндаж превращался в плавучий островок — огневое обозначение линии фронта. О применении танков и говорить не приходилось, а для артиллерийских позиций рубились из деревьев многослойные платформы, рассчитанные с учетом погружения в болото на определенное количество залпов.

Победить врага, имевшего большой опыт боев в лесисто-болотистой местности, могли только сибиряки — не случайно костяк Карельского, Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов составляли сибирские дивизии.

В новгородских лесах зародилось массовое снайперское движение, причем не только стрелков из винтовки, но и артиллеристов и минометчиков. Лучшие орудийные расчеты и даже целые батареи получали право вести индивидуальную стрельбу. В 65-й дивизии было немало мастеров артиллерийско-минометного огня, способных снарядом или миной поразить любую цель.

Командование Ленинградского и Волховского фронтов понимало: для прорыва вражеских позиций необходим перевес в силах. Такое положение стало возможным только зимой 1944 года.

Тогда противостоящая Красной Армии под Ленинградом и Новгородом группа армий «Север» генерал-фельдмаршала Кюхлера состояла из 740 тысяч офицеров и солдат, которым были приданы 370 самолетов, около 400 танков и свыше 10 тысяч минометов и орудий. Но наши войска имели численное превосходство: по личному составу — в полтора раза, по

самолетам — в четыре раза, по танкам — в три с половиной раза, по орудиям и минометам — в два раза.

К Новому году подоспели от земляков подарки: водка и мороженые пельмени. Перед большим делом по сибирскому обычаю хорошо выпили и закусили.

А 14 января в «Новый Старый год» на фашистские укрепления обрушился «новогодний» артиллерийский фейерверк. Несмотря на необычную для января оттепель (часть танков застряла в болоте) и ожесточенный огонь гитлеровцев, 65-я дивизия прорвала оборону противника и 17 января штурмом овладела Подберезьем — основным узлом сопротивления врага. Опасаясь окружения, немецкое командование стало отводить войска из Новгорода, по городу забегали фашистские факельщики. Но варварам не удалось уйти от возмездия: старший сержант 74-го саперного батальона 65-й дивизии Корольков подорвал железнодорожное полотно и отсек вражеское отступление. 17 тысяч гитлеровцев навсегда остались в древней земле. 20 января над Новгородским кремлем-«детинцем» взвился красный стяг. Там же похоронили погибших под Новгородом сибиряков. Приказом Верховного Главнокомандующего трем дивизиям 59-й армии, в том числе 65-й под командованием полковника Григория Калиновского, было присвоено наименование «Новгородских».

Командующий Волховским фронтом генерал-лейтенант Кирилл Мерецков приехал в город сразу после освобождения его от немцев. «На улицах, — вспоминал он, — царила мертвая тишина. Всюду громоздились кучи битого кирпича. На весь Новгород целыми остались около сорока зданий. Величайшие памятники древности, гордость и украшение старинной русской архитектуры были взорваны. От церкви Спаса на Ильине, Петра и Павла в Кожевниках сохранились лишь голые остовы стен. Рухнули на землю Никольский собор, Евфимиевская башня и звонница. Воздвигнутый в 1052 году Софийский собор был разграблен, его сверкавший позолотой купол ободран, городской сад сожжен. В 1862 году в Новгороде был сооружен памятник «Тысячелетие России». Гитлеровское командование, собиравшееся отдать новгородскую землю восточно-прусским колонистам, намеревалось пустить «Тысячелетие» на переплавку. Специальные отряды солдат уже распилили на куски металлические статуи, но не успели их вывезти. И когда советские войска ворвались в город, они увидели лежащие в сугробах снега бронзовые изваяния Александра Невского, Петра I и Суворова...».

65-я стрелковая дивизия начала боевые действия по полному снятию блокады Ленинграда. А победную точку в Ленинг-

радско-Новгородской наступательной операции поставила другая дивизия, сформированная в 1941 году в Омской области.

364-я Сибирская — Тосненская

С февраля 1942 года эта дивизия, зацепившись за небольшой плацдарм на левом берегу Ловати в районе Старой Руссы, вела тяжелые оборонительные бои.

В январе 1943 года ее перебросили на соседний Волховский фронт для участия в прорыве блокады Ленинграда.

При штурме Синявских высот, с которых хорошо просматривались Ладожское озеро и Дорога жизни, связывавшая Ленинград с «Большой землей», сибиряки впервые столкнулись с 250-й испанской «голубой дивизией». Об участии волонтеров из Испании в войне с Советским Союзом раньше упоминалось весьма скупо, поэтому стоит остановиться на этом эпизоде подробнее.

После нападения Германии на СССР испанское правительство, возглавляемое фашистским диктатором Франко, выразило «величайшее удовлетворение в связи с началом борьбы против большевистской России» и обратилось к Гитлеру с просьбой отправить добровольцев из «Фаланги» (фашистская партия) в поход на восток.

Так 250-я добровольческая «голубая дивизия» (название по цвету формы фалангистов — голубые рубашки и красные береты) оказалась под Ленинградом. Всего в этой дивизии воевало более 50 тысяч человек — целая армия, хотя одновременно в ней действовало около 20 тысяч солдат и офицеров.

В январских боях 1943 года «голубая дивизия» понесла большие потери, среди добровольцев началось дезертирство. Поэтому в ноябре ее преобразовали в «голубой легион» численностью 2500 человек.

Потерпев поражение под Новгородом, гитлеровцы, отойдя до линии железной дороги Нарва—Тосно, отступить дальше не собирались. Образовавшийся здесь крупный выступ их фронта на восток они намеревались отстаивать до последнего патрона. В середине выступа были сосредоточены пехотные дивизии, а фланги оборонялись на юге 15-й дивизией СС, а на севере — испанским «голубым легионом». Так через год сибиряки вновь встретились со «старыми знакомыми».

Незадолго до Ленинградско-Новгородской наступательной операции командовать 364-й стрелковой дивизией стал полковник Виктор Вержбицкий. О нем тоже надо сказать особо.

В отличие от кадровых командиров 65-й стрелковой дивизии Кошевого и Калиновского, 37-летний Вержбицкий не

имел специального военного образования, а работал в Ачирском райисполкоме и в Омском горсовете. В 1938 году его, как и многих других местных партийных и советских работников, арестовали. Обвиняли «в родственных отношениях с командующим 2-й «каппелевской» армией в войсках Колчака генерал-лейтенантом Григорием Вержбицким, эмигрировавшим после гражданской войны в Харбин». От расстрела бывшего омского беспризорника Вержбицкого спасла «смена караула» на Лубянке — Ежова на Берию.

Может быть, комдив 364-й не разбирался профессионально в стратегии и тактике, зато он с поразительной дотошностью вникал в проблемы фронтового болотного быта. А этих проблем оказалось немало.

«Знакомство с дивизией, — вспоминал позднее Вержбицкий, — началось сразу же. Я знал, что она только что вышла из боя и нельзя было требовать от офицеров и солдат образцового внешнего вида. Они одеты кто во что горазд: фуфайки, полушубки, меховые безрукавки, какие-то самодельные поддевки, камуфлированные накидки разведчиков. Многие даже «шеголяли» в лаптях. Кто не знает ленинградской осени, тот не отличит ее от зимы, а зиму — от весны: все время идет то дождь, то снег, а то и дождь и снег вместе. Каково солдату в окопах в такую погоду! Днем вымокнет, в сапогах и валенках хлюпает, а ночью холодно. Вот и мучаются хозяйственники с обеспечением переднего края обороны сухой обувью, одеждой и горячей пищей. Все это делалось часто под огнем противника.

...Кто был на войне, тот знает «фронтовую молнию» — коптилку, сделанную из 37-миллиметровой гильзы противотанкового снаряда с вмонтированным вместо фитиля куском шинели. Представьте офицера-штабника, который в сыром блиндаже в течение ночи работает над документами при этой штуковине. Утром на него страшно взглянуть! Он весь в копоти, в ушах и ноздрях — черные хлопья сажи. Глаза красные от бессонницы и керосиновых паров. Руки и бумага — творение его рук — все черно-грязное. Где уж тут разговаривать о штабной культуре!..».

Новый комдив крепко взялся за наведение порядка в своем «хозяйстве»: раздобыл переносные движки — в штабе, медсанбатах и тыловых службах вспыхнул электрический свет; задымились походные бани — вода и березовые веники в избытке. Связались с Омским обкомом ВКП(б) — земляки прислали муки, крупы, мяса, рыбы, водки. Повеселели бойцы, завязались «заочные» романы с сибирскими красавицами — почтальоны сумками таскали на передовую любовные

письма. Омское музыкальное училище сочинило дивизионную «застольную» песню.

Такие «дела» не мог не заметить член Военного совета Волховского фронта Лев Мехлис, которого Сталин за крымскую катастрофу в мае 1942 года разжаловал из армейского комиссара 1-го ранга (высшее по тем временам звание политсостава) до генерал-лейтенанта и отправил в болота. Там Мехлис, по свидетельству командующего фронтом Мерецкова, «занимался главным образом политработой и организацией снабжения всем необходимым. От Сталина он никогда ничего не скрывал. Сталин это знал и поэтому доверял ему. В результате, если Мехлис о чем-нибудь писал Верховному Главнокомандующему, ответные меры принимались весьма быстро».

Побывав в 364-й дивизии, член Военного Совета фронта одобрил все действия Вержбицкого по повышению боеготовности подчиненных. Не растерявшись перед высоким и грозным начальством, полковник пожаловался на затрапезный внешний вид солдат и офицеров, у которых почти не было введенных недавно погон. Мехлис написал об этом Сталину. На следующий же день новую форму и отличные погоны (для офицеров даже золоченые) доставили самолетами. Немецкая разведка доложила Гитлеру: «Появилась офицерская сибирская дивизия из бывших белогвардейцев, которым разрешили возвратиться в СССР из Маньчжурии». Кстати, такая патриотическая кампания действительно проводилась в то время среди дальневосточной русской эмиграции.

Противник еще больше укрепился в своих «подозрениях» об «офицерском» происхождении 364-й дивизии, когда в 2 часа ночи 21 января 1944 года ее полки перешли в наступление. Уже к исходу второго дня передовой отряд полковника Полякова вышел в тыл неприятелю и отрезал путь к отступлению. Оставалось освободить город Тосно.

И в этот момент наше командование решило перебросить сибиряков на другой участок фронта с целью более глубокого охвата гитлеровцев южнее Луги. Для контроля за ходом вывода дивизии в резерв фронта прибыл заместитель командующего генерал-полковник Кузнецов.

Казалось бы, чего проще: есть приказ выходить из боя, значит, шапки в охапку и — марш на погрузку! Но тогда враг, который испортил столько крови и нервов, останется недобитым. Как быть? Командиры полков и батальонов в один голос: надо довершить разгром «коричневых» и «голубых» и взять Тосно. Вержбицкий к Кузнецову: изменить срок вывода дивизии из боя и назначить другое время для погрузки — тремя днями позже.

— Нет, — ответил тот, — я не могу отменить приказ командующего.

Попытка связаться по радию с Мерецковым тоже не удалась: того не было в штабе фронта. Оставалось одно — ускорить события, начать погрузку тылов, а строевым частям занять исходные позиции и... уложиться в определенный приказом срок.

— Ребята! — сказал Вержбицкий. — Возьмем Тосно до прибытия смены. Или мы не сибиряки?

И ребята не подвели своего командира. В полночь 25 января оркестр грянул дивизионную «застольную», и ошетинившиеся штыками стрелковые цепи колыхнулись в психическую «каппелевскую» атаку. Впереди — сам комдив в офицерской шинели с полами, подоткнутыми за поясной ремень, и с взлохмаченной ветром бородой: не зря все-таки его подзревали в родстве с белогвардейским генералом!

К рассвету город был освобожден, впервые с 1941 года железная дорога Москва—Ленинград стала свободной на всем своем протяжении. Это значило — блокада Ленинграда полностью ликвидирована. Как и испанский «голубой легион» (около 250 уцелевших в рукопашной схватке испанцев сдались в плен).

В тот же день не остывшие от боя сибиряки домчались до места погрузки в эшелоны. В пути полковник Вержбицкий получил телеграмму штаба фронта: «...Горячо поздравляем бойцов и командиров 364-й стрелковой дивизии с присвоением ей наименования «Сибирская-Тосненская». За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество приказом Военного Совета Волховского фронта от 21 января 1944 года № 04 Вы награждены орденом Красного Знамени... Высокими правительственными наградами отмечены 2895 бойцов и командиров дивизии».

20 мая 1944 года полковника Вержбицкого назначили командиром стрелкового корпуса — редкий случай, когда таким соединением командовал далекий от военной теории человек. Зато внимательный и чуткий к повседневным заботам «болотных» солдат. Не потому ли, что их наконец признали за людей, они и прорвали вражескую блокаду. Может быть, это главный урок почти двухлетней кровопролитной битвы за Ленинград!

Между Сталинградом и Курском

После Сталинградской битвы Великая Отечественная война представлялась официальной пропагандой как цепь нарастающих побед Красной Армии. Курская дуга, форсирование Днепра, операция «Багратион» в Белоруссии, освобождение Прибалтики... И так до падения Берлина. На фоне этих действительно судьбоносных сражений стыдливо замалчивались события февраля—марта 1943 года, когда в очередной раз страшно качнулись весы военного противостояния. Среди тех, кто ценой жизни удержал это равновесие, были курсанты тюменских пехотных училищ.

«Подарки» к праздникам

Так уж повелось при коммунистическом режиме — отмечать юбилеи разными достижениями, свершениями и победами. Даже война не могла нарушить строгого порядка. На 1942 год падало 25-летие Советской власти. Сегодня известно: наше наступление у Сталинграда планировалось 7 ноября. 18 октября командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник Андрей Еременко и член Военного совета Никита Хрущев написали обращение к подчиненным: «Призываем вас, товарищи, к тому, чтобы к 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции поднести подарок Родине — очистить от врага занятые районы Сталинграда».

Впервые опубликованная стенограмма допроса фельдмаршала Фридриха Паулюса свидетельствует: немцы знали о «праздничном наступлении». Последствия «подарочной» стратегии нетрудно представить. Но сосредоточение войск, подвозка боеприпасов и оружия отсрочили начало операции «Уран» на 12 дней. Гитлеровцы решили: «если большевики не предприняли контрудар накануне своего главного праздника, значит, у них нет для этого сил». Фашисты просчитались. Однако Сталин все равно отругал генералов за непонимание политического значения военных действий к праздничным датам. Цена «подарков» его не интересовала. Приближался еще один юбилей Красной Армии.

Роковой город

В первой половине февраля в сводках Совинформбюро появились названия новых городов, освобожденных войсками Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов, — Курск, Белгород, Ростов. На очереди был Харьков — роковой город для советских войск. Здесь они дважды — осенью 1941 и весной 1942 годов — терпели жестокие поражения. И вновь Харьков, словно магнит, притянул к себе всю ударную группировку: 40-ю, 69-ю общевойсковые и 3-ю танковую армии.

Опасаясь окружения, противник 16 февраля оставил город. В нем обосновались три армейских штаба, два танковых корпуса и девять стрелковых дивизий — многовато даже для Харькова. Гитлеровцы моментально воспользовались этой оплошностью советского командования и подвергли город усиленным бомбардировкам.

Поредевшим и измотанным в длительном наступлении частям и соединениям требовалась передышка, пополнение людьми и оружием. Однако командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Филипп Голиков, бывший политработник из Камышлова и начальник разведуправления РККА, панически боявшийся Сталина, представил в донесении к нему отход немецких войск от Харькова как «паническое бегство». Генштаб разработал новую стратегическую операцию. Даже ее название — «Скачок» — было проникнуто величайшим политическим оптимизмом. Уже 22 февраля предполагалось форсирование Днепра — такой подарок к 25-летию Красной Армии.

Между тем противник сосредоточил западнее Харькова всю нацистскую «гвардию» — заново перевооруженные и полностью укомплектованные танковые дивизии СС «Адольф Гитлер», «Рейх», «Мертвая голова» и моторизованную дивизию «Великая Германия». В Запорожье прилетел сам Гитлер и приказал эсэсовцам: «Пленных не брать!».

Выслушав обращение фюрера — его читали в частях, — танкисты захлопнули люки танков и 20 февраля двинулись на восток. Эсэсовский натиск застал советские войска врасплох. На них навалилось 800 танков, у немцев было в 2,5 раза больше самолетов, а командармы Кирилл Москаленко, Михаил Казаков и Павел Рыбалко медлили с отходом: обидно отступать в 25-ю годовщину Красной Армии. Именно в те дни штаб 69-й армии получил по телеграфу директиву Голикова: «До Днепра осталось 400—450 км, а до весенней распутицы — тридцать-тридцать пять дней. Сделайте из этого соответствующие выводы... до разлива рек Днепр должен быть,

безусловно, за нами». Только 25 февраля, после праздника, было решено оттянуть назад гибнущие в неравных боях части. Представитель Ставки на Воронежском фронте Александр Василевский, получивший 16 февраля звание маршала, впоследствии написал: «...Наш отход не носил на себе следов растерянности и сумятицы. Ни порядок, ни руководство войсками не нарушились, хотя все тяжело расставались со столь дорогими нашему сердцу городами и районами». Лукавил маршал. Идеологическая зашоренность и зазнайство генералов дорого обошлись народу. В день, определенный планом операции «Скачок» для форсирования Днепра — 22 февраля, — части шести стрелковых дивизий и танковых бригад оказались окруженными. 14 марта танковый корпус СС захватил Харьков. Не замеченная вовремя угроза перерастала в катастрофу. Спасти положение, казалось, могло только чудо. Этим чудом — спасением — стали курсанты пехотных училищ.

Заложники посредственности

В Тюмени было три таких училища. Курсант Петр Дорогой вспоминал: «...В ту зиму 43-го года морозы стояли за 40 градусов. Трудновато нам было. Обмундирование — шинель тонкого английского сукна, пара белья и портянок, сапоги и хлопчатобумажные гимнастерка с брюками. Казармы-бараки отапливались раз в сутки дровами, которые мы выдалбливали изо льда на реке Туре. В феврале пришел приказ Сталина — училища расформировать, а курсантов отправить для пополнения гвардейских частей Воронежского фронта. Выдали нам сухой паек. И — шагом марш — в эшелоны. Проехали Москву, и здесь нас, курсантов тюменских и уральских пехотных училищ, рассортировали: кого — в батальоны противотанковых ружей и на танкоопасные направления под Харьков и Белгород, а кого — в 20-ю гвардейскую армию Юго-Западного фронта».

Курсанты, которым не повезло, погибли между 10 и 15 марта, прикрывая шоссе Харьков—Белгород. В живых остались немногие. Аркадий Нежданов рассказал: «В феврале 1943 года курсантов тюменских пехотных училищ досрочно отправили на фронт. Со станции Сухиничи эшелоны повернули на Харьков. В дороге нас вооружили противотанковыми ружьями и винтовками. У деревни Чепельник — смешное название «сковородник» — развернулись в цепь. Только взошли на высоту, как нас обстреляли немецкие автоматчики. Одна из пуль, срикошетив от затыльника ПТР, раздробила мне челюсть. На санях по талому снегу вывезли из боя. А все ребята пропали...».

Их легко отличали от других павших бойцов по серым нелепым английским шинелям и сибирским валенкам, пропитанным мартовской гололедной водой.

Но эти мальчики остановили танки СС: на пути эсэсовцев встали солдаты 21-й армии генерал-лейтенанта Ивана Чистякова. 18 марта гитлеровское наступление уткнулось в оборону на Северном Донце. Разбитые танки противника, как вехи, обозначили линию фронта.

А сейчас в тех местах проходит граница между Россией и Украиной. На протяжении 93 километров она разделяет железнодорожную колею — один рельс российский, другой — украинский. Только могилы — братские.

Штурмовики

В военном обиходе их называли «смертниками». Использовали на самых опасных направлениях. Они всегда шли впереди основных частей. В живых оставались немногие.

О штурмовых батальонах в истории войны еще ничего не сказано. Историки и журналисты путают штурмовиков со штрафниками. О штрафных ротах, состоявших из дезертиров и уголовников, осужденных военными трибуналами, уже написаны и сняты кинофильмы. О штурмовых батальонах пока молчат. Потому что стыдно.

«Моральная упругость» войск

В штурмовые батальоны направлялись разжалованные в рядовые офицеры, побывавшие в плену или в окружении противника.

Арифметика любой войны проста — победы и поражения, убитые и раненые, умершие от болезней и пленные. Но во всех армиях важным показателем «моральной упругости» является количество бежавших из плена военнослужащих.

В войне России с Германией в 1914—1918 годах в немецком плену оказалось 1400000 человек. Из них бежали 442 офицера и 259825 нижних чинов — каждый седьмой военнопленный. Такого большого процента бежавших из плена не дала тогда ни одна из европейских армий.

Но и отношение к беглецам из вражеского плена в русской армии было уважительным. Такие случаи даже отмечались почетными нашивками на мундирах и часто служили основанием для повышения по службе. Вспомним хотя бы поручика Тухачевского или генерала Корнилова.

Сталин, как известно, считал предателями всех военнопленных. Даже своего сына — старшего лейтенанта Якова Джугашвили. Эта жестокость Верховного Главнокомандующего к попавшим в плен солдатам и офицерам все еще умиляет кое-кого из тех, кто по счастливой случайности не был в плену.

Выходивших из окружения и бежавших из плена военнослужащих направляли по приказу Сталина в специальные лагеря НКВД.

В октябре 1944 года Берия утвердил «Справку о ходе проверки б/окруженцев и б/военнопленных», на основании которой можно оценить «моральную упругость» советских войск.

«Для проверки бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену или окружении противника, решением ГКО № 1069 сс от 27.12.41 г. созданы спецлагеря НКВД.

...По состоянию на 1.10.44 г. всего прошло через спецлагеря бывших военнослужащих, вышедших из окружения, бежавших и освобожденных из плена, 354592 человека, в том числе 50442 офицера. Из этого количества проверено и передано:

- а) в Красную Армию — 249416 человек, в том числе:
 - в воинские части через военкоматы 231034, из них офицеров — 27042;
 - на формирование штурмовых батальонов — 18382, все офицеры.

Из числа оставшихся в спецлагерях НКВД в октябре с.г. формируется 4 штурмовых батальона по 920 человек».

В отличие от штрафников штурмовиков вооружали еще до выдвижения на исходные для атаки позиции. Заградительные отряды в тылу штурмовых батальонов не стояли: не затем офицеры из плена бежали, чтобы в бою отступить. Оставшихся в живых счастливчиков восстанавливали в прежнем звании и направляли в регулярные части. А победы штурмовиков приписывались другим.

24 марта 1980 года газета «Правда» писала: «Бессмертен подвиг 215-го гвардейского стрелкового полка. В ожесточенном бою 14 января 1945 года он овладел на западном берегу Вислы четырьмя линиями сильно укрепленной вражеской обороны. Солдаты и сержанты полка — около 350 человек — были награждены орденами Славы».

А если по правде, то впереди гвардейцев, сметая всех на своем пути, шел 23-й отдельный штурмовой батальон 1-го Белорусского фронта. Почти треть штурмовиков полегла в том прорыве, за который весь штаб гвардейского корпуса получил самые высокие ордена.

Поэтому неудивительно, что среди пяти с лишним тысяч «фильтрационных» дел на жителей Тюменской области, возвратившихся домой из фашистского плена, нет документов на военнопленных офицеров. Впрочем, одно такое дело все же нашлось.

Меня считают «вором в законе»

Пожелтевший протокол допроса от 20 февраля 1946 года: «Ефанов Константин Петрович родился в 1923 году в д. Катышке Голышмановского района, бывший лейтенант, холост, со средним образованием...».

Вопрос следователя: «При каких обстоятельствах вы попали в плен?».

Ответ: «В мае 1943 года я окончил 2-ю Чкаловскую авиационную школу. С сентября 1943 года участвовал в боевых операциях на Западном, 3-м Белорусском и 1-м Прибалтийском фронтах. 15 сентября 1944 года после бомбежки железнодорожной станции на рижском направлении самолет был серьезно поврежден в воздушном бою. Экипаж покинул горящую машину. Я получил сильные ожоги, но сумел посадить самолет на территории, занятой противником. При переходе линии фронта меня схватили немцы и отправили в лагерь в г. Каммерштейн. Во время эвакуации военнопленных на запад 1 марта 1944 года я скрылся и вышел к своим. После короткой проверки меня сразу же зачислили рядовым бойцом в 49-й отдельный штурмовой стрелковый батальон, в котором я участвовал в боях за г. Бреслау до конца войны».

Не надеясь на удачу, я справился в адресном бюро о штурмовике Ефанове и получил на официальном бланке название улицы. Оставалось лишь объяснить хозяину дома цель разговора.

— Интересуетесь, значит, как в штурмовые батальоны попадали? — усмехнулся собеседник. — Остригли наголо, сводили в баню, переодели в х/б—б/у (хлопчатобумажную, бывшую в употреблении форму — А.П.), накормили и выдали трехлинейную винтовку со штыком. Я из нее раньше не стрелял ни разу.

Чтобы представить, что ждало летчика, ставшего пехотинцем, в боях за Бреслау, надо хотя бы в общих чертах знать обстановку в этом городе, объявленном Гитлером крепостью.

Бреслау — немецкое название. Сейчас это польский город Вроцлав. В феврале 1945 года в результате Нижне-Силезской наступательной операции войска 1-го Украинского фронта маршала Конева окружили Бреслау. Кроме 40-тысячного немецкого гарнизона, там находились не успевшие уйти в Чехословакию власовцы, туркестанские роты СС и диверсионно-истребительные подразделения «Ваффен СС», в совершенстве владевшие русским языком и способами охоты на людей. На снисхождение победителей они не рассчитывали и сдаваться не собирались.

— Меня, — продолжает Константин Петрович, — определили в роту, в которой собрались офицеры, попавшие в немецкий плен в июле 1942 года в Севастополе. После вступления советских войск в Румынию пленные севастопольцы восстали и разоружили охрану лагерей. Но вместо освобождения военнопленных загнали в те же лагеря, выставили новую охрану и устроили фильтрацию. Разжалованных в рядовые офицеров отправили в штурмовой батальон под Бреслау.

Из севастопольцев выделялся Иван Алексеевич Иванов. Родом из Омска. Служил еще в царской армии унтер-офицером. В осажденном Севастополе полковник Иванов командовал стрелковой бригадой. Ее остатки последними ушли из города и отступали, огрызаясь огнем, до самого края крымской суши — Херсонесского мыса. А там — море, и ни одного патрона. В рукопашной схватке раненого комбрига захватили в плен.

К нему в лагерь сам Власов приезжал. Убеждал служить в своей армии. Но Иванов отказался.

— Они знали друг друга?

— До войны Иван Алексеевич командовал полком в 99-й стрелковой дивизии Власова.

Как земляка и самого молодого в роте бойца, Иванов взял меня под свою опеку. За неделю до вступления в бой он научил меня стрельбе, штыковым приемам, метанию гранат, маскировке и окапыванию. Сам он этой наукой владел в совершенстве.

В штыковом бою самое трудное, по словам Иванова, переглядеть противника. «Ты топчись, — говорил мне разжалованный полковник, — не торопись открыться, не маши зря винтовкой. Главное — переглядеть. Кто опустит глаза — тот погиб. Тогда размахивайся и коли».

Уроки Иванова помогли выжить в кошмарных уличных боях. Больше всего я запомнил здорового рыжего эсэсовца, которого никак не мог переглядеть. Потом рыжий, скрипнув зубами, опустил глаза, и я его заколол. Напряжение таких гляделок страшное. Буквально убиваешь глазами, а потом уже и штыком.

А Иван Алексеевич погиб 6 мая 1945 года при штурме «лесного лагеря СС-20», где засели самые отчаянные эсэсовские головорезы. Считается, что Бреслау пал в тот день, но в действительности ожесточенные стычки в каменных развалинах и канализационных коллекторах продолжались и после победы. Пленных там не брали. Почти весь город был разрушен крепостной артиллерией и бомбежками с воздуха. Огнетчики прожгли подвалы. Но рисковать регулярными частями, когда закончилась война, командование не хотело и бро-

сало на прочесывание городских кварталов штурмовиков. В нашей роте из 87 человек в живых осталось 17. А в других ротах и того меньше.

После 12 мая штурмовые батальоны расформировали. Меня отправили в 149-й запасной стрелковый полк. И хотя я «искупил вину перед Родиной», о возвращении в авиацию не могло быть и речи. Перед гибелью полковник Иванов сказал мне, что Советская власть никогда не забудет про наш плен, и поэтому, когда кончится война, нам надо жить где-нибудь в глубинке. «Лучше, — мечтал он, — в сосновом лесу». Я послушал своего спасителя и вызвался работать в лесной промышленности (тогда в запасных полках набирали добровольцев в шахты и в леспромхозы).

Сначала занимался химподсочкой. Живицу собирал. Помните, воронки жестяные к соснам цепляли и надрезы на деревьях делали, по которым смола сбегала?

В июне 1956 года вышло правительственное постановление «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных». В документе осуждалась практика разжалования в рядовые офицеров, бывших в плену или в окружении противника, и направления их в штурмовые батальоны.

Но для меня главным в этом постановлении стала отмена препятствий по учебе. Я окончил лесотехникум в Тюмени и работал в леспромхозах Кондинского, Октябрьского и Ханты-Мансийского районов.

Родных у меня не было: отца убили еще в восстание 1921 года, мать умерла, старший брат погиб под Москвой.

Сам я вырастил двух сыновей. Тоже лесники — в Томске и Барнауле. Жену похоронил три года назад. Сейчас один по хозяйству управляюсь. Здоровье как? Да пока не жалуюсь.

— Не боязно в доме одному?

— А кого мне бояться? Соседи меня считают «вором в законе». Не знаю почему. О лагерях и штурмовом батальоне я никому не рассказывал. В офицерах меня так и не восстановили. Наград не имею. Даже участником войны не считаюсь.

— Разве за боевые вылеты не было орденов?

— Ну как же: «Отечественная война» и «Красная Звезда». Но их же немцы отобрали. В плену.

— Обратились бы в военкомат о восстановлении прав на эти награды.

— Просить обратно ордена, отнятые неприятелем? Непорядочно это!

— Вспоминаете тех, с кем судьба свела в штурмовом батальоне?

— Недавно ездил во Вроцлав. Проверил посаженные мною раньше на кладбище советских воинов (там и штурмовики лежат) сибирские сосны. Прижились деревья. Вовсю зеленеют.

— Говорят, будто в Польше стали хуже относиться к воинским захоронениям?

— Да враки это! Что, поляки не понимают, как им земли между Одером и Нейсе достались? Чьей кровью эти земли политы? Поэтому отношение к русским во Вроцлаве по-прежнему уважительное. Иначе и быть не может: все мы — славяне!

— Позвольте, Константин Петрович, похлопотать о вас. Пусть хоть участником войны признают. Опять же прибавка будет к пенсии.

— А вот этого не надо. Война у каждого, кто воевал, внутри должна остаться, а не наружу выпячиваться.

И, прощаясь со мной, бывший фронтовой летчик и солдат штурмового батальона попросил не называть его фамилию. Мол, нескромно.

Я принял это условие и изменил две буквы в фамилии ветерана. Но узнать его будет несложно. Одно слово — штурмовик.

«Власовщина»: патриотизм или предательство?

Противоречивость публикаций о генерале Власове и «Русской освободительной армии» объясняется различными политическими убеждениями авторов этих материалов. Попытаемся рассмотреть сложную и болезненную тему по совету древнеримского историка Корнелия Тацита «без гнева и пристрастия».

Генералы-невидимки

Впервые о Власове и его «армии» я услышал в далеком детстве от отца — сибирского крестьянина, ставшего на войне ротным командиром 1-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Потеряв руку в бою с власовцами, он их иначе, как предателями, не называл. И был по-своему прав.

Советская историография, литература и публицистика долгое время обходили проблему коллаборационизма — сотрудничества с гитлеровскими захватчиками. Считалось: при социализме это явление невозможно, так как отсутствует социальная база. А отдельные отщепенцы — не в счет. Также упрощенно рассматривалась и другая проблема — плен.

При Сталине плен однозначно равнялся измене. Потом пустили в ход такое объяснение: в фашистскую неволю попали в основном раненые, контуженые или оказавшиеся в окружении и израсходовавшие все боеприпасы красноармейцы. Комиссары, политруки и большинство командиров якобы предпочитали застрелиться, чем угодить в руки врага. Из пленных генералов были известны только двое — Дмитрий Карбышев и Андрей Власов. Один — символ героизма, другой — предательства. Данные о количестве советских военнопленных не сообщались.

Парадоксально, но факт: положение наших соотечественников в плену лучше изучено за рубежом. На эту тему в Великобритании, США, Франции и Германии вышло более 2000 научных трудов. При «железном занавесе» эти работы в СССР официально расценивались как попытки фальсифицировать историю Великой Отечественной войны.

Первым откровением о «власовщине» стала книга Аркадия Васильева «В час дня, ваше превосходительство...» (сначала она появилась в журнальном варианте). Ее автор, ветеран-чекист, почетный сотрудник госбезопасности, чуть-чуть приподнял завесу секретности над катастрофой 2-й ударной армии Волховского фронта весной—летом 1942 года и обстоятельствами перехода на сторону врага командующего этой армией генерал-лейтенанта А.А. Власова.

Несмотря на то, что Власов был изображен как трус, дегенерат, пьяница и бабник, роман Васильева вызвал сильное раздражение у партийной и военной верхушки. Почему? Во-первых, писатель коснулся запретной темы. Во-вторых, он отступил от утвержденной схемы предателя-одиночки и назвал имена других советских генералов и офицеров, добровольно сдавшихся в плен.

Естественно, возникали вопросы: кто такие власовцы? Изменники Родины или борцы с антинародным сталинским режимом? Какова их численность? И, наконец, почему лидером «русского освободительного движения» стал Андрей Андреевич Власов?

Сегодня известно — генерал Власов был взят в плен 13 июля 1942 года, когда 2-я ударная армия была разгромлена противником.

О том, как это случилось, рассказала на допросе в НКГБ 21 сентября 1945 года Мария Воронова, бывшая повариха столовой Военного совета армии: «...Под Новгородом нас немцы обнаружили в лесу и навязали бой, после которого Власов, я, солдат Котов и шофер Погибко вырвались в болото, перешли его и вышли к деревне. Мы с Власовым зашли в один дом, где нас приняли за партизан. Местная «самооборона» дом окружила и нас арестовали, посадили в колхозный амбар. На другой день приехали немцы, предъявили Власову вырезанный из газеты его портрет в генеральской форме, и Власов вынужден был признать, что он действительно генерал-лейтенант Власов. До этого он назывался учителем-беженцем».

Несмотря на специальное указание Сталина выяснить судьбу командующего 2-й ударной армией, ведомство Берии не нашло «пропавшего без вести» генерала. Таковым он числился до конца 1942 года, пока сам не заявил о себе.

К тому времени в немецком плену находились миллионы советских военнопленных. Только за первые полгода войны эта цифра исчислялась примерно тремя миллионами человек, к которым прибавилось огромное количество военнослужащих из частей, разбитых летом 1942 года под Харьковом.

вом, в Крыму и между Доном и Волгой. Красноармейцев, командиров и генералов. Да-да, во вражеском тылу оказались не только Карбышев и Власов, но и десятки других военачальников — от командиров дивизии и выше. Многие из них сдались без сопротивления. Добровольно.

Была и такая «партия»

В фашистскую неволю попало по разным причинам немало тюменцев. В сентябре 1991 года был рассекречен так называемый «фильтрационный фонд» — почти пять тысяч дел на уроженцев Тюменской области, возвратившихся домой из плена после окончания войны. Это не считая уничтоженных в гитлеровских концлагерях, сгинувших в ГУЛАГе или запятнавших себя сотрудничеством с оккупантами.

Одним из тех, кто не по своей воле оказался в Хаммельсбургском лагере военнопленных офицеров, но не уронил чести и достоинства, был военврач Николай Исаев (в 50-е годы — фельдшер в селе Плешково Ишимского района).

При «фильтрации» в 1945 году он рассказал об обстоятельствах возникновения «Русской трудовой народной партии» (РТНП) и назвал поименно военнопленных, вступивших в эту партию. Внушительный список — с десятков генералов (в Хаммельсбургском лагере содержалось около шестидесяти генералов) и сотни офицеров.

РТНП была создана в ноябре 1941 года. Ее ЦК состоял из военного отдела, возглавляемого генерал-майором Благовещенским, начальником военно-морского училища ПВО в г. Либаве, политического отдела, занимавшегося партийным учетом и делопроизводством, отдела агитации и пропаганды и молодежного отдела. Особая роль отводилась «военно-историческому кабинету», которым руководил полковник Гаврилов, начальник разведотдела корпуса. Группа «историков», в которую, по словам Н.А. Исаева, входили генералы Егоров, Зыбин, Константин Куликов, Малышкин, Жиленков, полковник Боярский, майоры Дворкин, Шомполов и другие (всего 120 человек), сочиняли «справки о поражении частей Красной Армии в 1941 году» (в этом месте допроса Исаев заметил: «Под влиянием патриотических разговоров генералов Вишневого, Ткаченко и Тонконогова Егоров и Зыбин в феврале и марте 1942 года вышли из партии»).

РТНП имела устав и программу, которая предусматривала «борьбу в союзе с Германией за свержение Советской власти в России и создание нового демократического государства без большевиков». Экономическая часть программы

заклучалась в «ликвидации колхозов, восстановлении частной собственности, возрождении торговли, ремесла, кустарного промысла...». Ну и всевозможные свободы: религии, совести, слова, собраний и печати. Был и свой гимн, начинавшийся четверостишием:

*Смело, друзья, не теряйтесь,
В битве, в неравном бою!
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою....*

«Партийцы» приветствовали друг друга поднятием правой руки и возгласом: «Слава России!». Ответ: «И соратнику!».

В январе 1942 года РТНП приступила к формированию из пленных генералов и офицеров русского «экспедиционного корпуса». Процедура отбора кандидатов такова: члены военного отдела ЦК вызывали военнопленных и спрашивали, будут ли те воевать против большевиков. При утвердительном ответе добровольцев подвергали специальным экзаменам для определения степени военной подготовки. В случае отказа военнопленных вступить в «корпус» их заносили в «особые списки»... Н.А. Исаева вместе с генералами Вишневым, Ткаченко, Куликовым (вторым), Новиковым (двое), Тонконозовым, Прохоровым, Скугоревым, Михайловым, Корниловым, Головердовым, Добросердовым, полковником Шевцовым и другими офицерами, не пожелавшими воевать с соотечественниками, заключили в феврале 1943 года в Нюрнбергскую тюрьму, а потом разбросали по разным концлагерям, где одни погибли, а других освободили союзники и передали советской стороне.

Гитлеровское военное командование отклонило в 1942 году предложение ЦК РТНП использовать «корпус» в борьбе с Красной Армией. Надеюсь одержать победу без чьей-либо помощи? Да, тогда немцы еще верили в «гений» фюрера и несокрушимость вермахта. И все-таки существовала еще одна причина настороженности немцев к русским добровольцам.

Прыжок за Урал

По утверждению Н.А. Исаева, ЦК РТНП предлагал возложить командование экспедиционным корпусом на генерал-майора пограничных войск НКВД Бессонова. Его карьера бурная и страшная. Участник вероломного захвата китайского города Кульджи и уничтожения сибирских казаков, отступивших с атаманом Анненковым в 1920 году за границу. Потом Бессонов командовал полком НКВД в Ленинграде, а на волне большого террора 30-х годов вознесся до заместителя,

Фриновского, начальника погранвойск. После очередной «чистки» НКВД, связанной с приходом на Лубянку Берии, Бессонова перевели в армию, и в начале войны он будучи командиром 102-й стрелковой дивизии сдался в плен к немцам под Гомелем.

В 1942 году началась подготовка к выполнению плана. Группе Бессонова был отведен особый лагерь в бывшем монастыре Лейбус под городом Бреслау (Вроцлав), где началось формирование из советских военнопленных диверсионной бригады в составе трех батальонов. К тому времени немецкие войска заняли Петрозаводск, где было много аэродромов советской дальней авиации. Они могли стать удобной базой для готовящейся десантной операции.

Отлично зная расположение сталинских лагерей и систему их охраны, генерал Бессонов предлагал «перебросить» с помощью немецкой авиации сформированный из военнопленных советских офицеров «экспедиционный корпус» в район рек Северная Двина—Обь, захватить находившиеся в тех местах лагеря НКВД, поднять восстание заключенных и ссыльных и вместе с ними, пользуясь отдаленностью от центра страны и отсутствием крупных военных гарнизонов, овладеть промышленным Уралом, отчленить Западный фронт от Дальнего Востока и лишить Советский Союз важнейшей базы...

Ставка Бессонова на заключенных ГУЛАГа кажется, на первый взгляд, фантастической. Однако архивные документы и воспоминания узников воркутинских лагерей свидетельствуют: «...освободительное движение могло быть успешно начато при координации небольших сил вторжения с многомиллионной массой заключенных и спецпоселенцев».

Узнав о плане Бессонова, гитлеровцы перепугались, так как больше всего боялись возникновения независимой русской силы, да еще где-то за Уралом, то есть вне всякого контроля. Поэтому части «корпуса» были расформированы, переданы в войска СС и побатальонно использованы на советско-германском фронте и в борьбе с партизанами.

Как ни горько сознавать, но для фашистской разведки и пропагандистских служб рейха трудность состояла не столько в организации антисоветских вооруженных формирований, сколько в сдерживании, разложении и даже подавлении попыток создания независимых сил по освобождению России от сталинского режима. Впервые в истории Российского государства (не считая княжеские междоусобицы) русская армия воевала на стороне противника. Не было, как видно из документов, и недостатка в претендентах на роль «вождя» антибольшевистского освободительного движения. И все-таки

из всех советских генералов и старших офицеров, заявивших о своем желании сотрудничать с гитлеровцами, те особо выделяли двоих: полковника Боярского, командира 41-й стрелковой дивизии, и генерал-лейтенанта Власова.

Портрет «вождя» без ретуши

Внешне генерал Власов сильно проигрывал другим претендентам на роль «русского вождя»: долговязый, скуластый человек в очках, с мясистым носом и оттопыренными ушами.

Его биография: родился 1 сентября 1901 года в Нижегородской губернии в семье крестьянина-середняка. Окончил духовное училище, учился в духовной семинарии и в университете. В 1920 году вступил в Красную Армию и после школы краскомов командовал взводом на врангелевском фронте. Служил все время хорошо. Утверждения о том, что Власов выдвинулся в связи с репрессиями военачальников в 1937 году, не подтверждаются фактами. Он, в отличие от многочисленных сталинских выдвиженцев, не перескочил ни одной служебной ступеньки и лишь в 1938 году несколько месяцев исполнял обязанности начальника штаба Киевского военного округа. Власов участвовал в советской военной миссии в Китае. Чан Кайши подарил ему свой кольт и наградил высшим орденом «Золотого Дракона». После возвращения из-за границы Власов был произведен в полковники и назначен командиром 99-й стрелковой дивизии в Перемышле. Одной из лучших дивизий в Красной Армии. Перед войной возглавил 4-й механизированный корпус, который достойно сражался на Львовщине. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени. Сталин назначил его командующим 37-й армией в Киевском укрепрайоне. Из окружения, в котором погибли все члены Военного совета, работники политуправления, штаба и командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Кирпонос, вышел только раненый Власов с небольшой группой бойцов и командиров. Отличился в боях за Москву. 24 января 1942 года генерал армии Г.К. Жуков написал в боевой характеристике Власова: «Руководил операциями 20-й армии, контрударом на город Солнечногорск, наступлением на волоколамском направлении... Лично генерал-лейтенант Власов в оперативном отношении подготовлен хорошо, организационные навыки имеет. С управлением войсками армии справляется вполне».

Нельзя не согласиться с мнением историка Д.А. Волкогонова: «...заслужить в то жестокое время такую оценку Жукова — значит немало». Но не стоит и преувеличивать «полководчес-

кое дарование» Власова, тем более называть его «спасителем Москвы». Он командовал 20-й армией всего около месяца — до 7 февраля 1942 года, а если учесть ранение и лечение в госпитале, и того меньше. Да, Власов воевал лучше других плененных генералов, попавших позже в плен. И только. Может быть, причина «особого расположения» к нему со стороны немцев кроется в их национальном педантизме: среди военнопленных Власов был старшим по званию и по должности. Этот генерал полнее других отвечал таким требованиям отдела пропаганды вермахта: «Мог, с одной стороны, противопоставить себя Сталину, а с другой — должен быть достаточно известным, чтобы выступать от имени русских».

Не надо умалять и личных качеств командующего 2-й ударной армией. В докладной записке немецкой разведки отмечено: «...генерал Власов производит впечатление сильной и прямой личности. Его суждения спокойны и обдуманно...».

Судя по архивным чекистским документам, до 13 июля 1942 года — до пленения — генерал Власов и не думал о борьбе с большевизмом и сталинизмом, а честно воевал против немецко-фашистских захватчиков.

Предателем — и не большевизму, а Родине — он стал через сутки после пленения — 15 июля, когда на допросе в штабе группы армии «Север» сообщил: «...Около 60 тысяч человек из находившейся в моем распоряжении армии либо взяты в плен, либо уничтожены, при прорыве вышло около 3500 раненых и пробились незначительные части...». Власов заявил, что у советского командования под Ленинградом сил едва хватает на то, чтобы удержать фронт, что ни о каком наступлении и речи быть не может. И резервные немецкие дивизии были брошены под Сталинград.

Примечательны подчеркнутые в оригинале протокола допроса показания Власова: «...В Сибири (на севере Омской области) имеются немалые, но до сих пор малоиспользуемые месторождения нефти...».

В августе 1942 года генерала Власова отправили в Винницу, в лагерь для военнопленных при Ставке верховного командования немецкой армии, где уже находился полковник Боярский.

Уже 8 августа был готов их совместный меморандум. Вот концовка этого документа: «...Если принять во внимание миллионное население оккупированных областей и огромное количество военнопленных и учесть их враждебное отношение к правительству Сталина, то можно допустить, что эти людские массы составят ядро внутренних сил, которые под руководством германского правительства ускорят давно назревающее возникновение нового порядка в России...

Эти силы в настоящее время не используются.

Исходя из вышеизложенного, мы передаем на рассмотрение следующее предложение:

создать центр формирования русской армии и приступить к ее созданию;

независимо от своих военных качеств эта русская армия придаст оппозиционному движению характер законности и одним ударом устранил ряд сомнений и колебаний, существующих в оккупированных и неоккупированных областях и тормозящих дело создания нового порядка.

Это мероприятие легализует выступление против России и устранил мысль о предательстве, тяготящую всех военнопленных...».

В тот же день с авторами «меморандума» встретился опытный немецкий разведчик Густав Хильгер, до войны советник германского посольства в Москве. В своем отчете Хильгер, отметив, что считает их перспективными личностями, написал: «...По мнению обоих офицеров, чтобы добиться победы над Сталиным, нужно ввести в бой против Красной Армии русских военнопленных. Ничто не подействует на красноармейцев более сильно, чем выступление русских соединений на стороне немецких войск... На обломках Советского Союза возникнет новое русское государство, которое в тесном союзе с Германией будет работать над созданием нового порядка в Европе.

Я ясно сказал советским офицерам, что не разделяю их убеждений. Россия в течение ста лет являлась постоянной угрозой Германии, вне зависимости от того, было это при царизме или при большевистском режиме. Германия вовсе не заинтересована в возрождении русского государства на великорусской базе...».

Итак, «великорусскую идею» гитлеровцы сразу и безоговорочно отвергли. Как бы в таком случае поступил предатель и приспособленец? Правильно: нашел бы теплое и сытное место и отсиделся бы там до лучших времен.

Но Власов создал «Русский комитет», в который, кроме него, вошли генералы Малышкин, бывший начальник штаба 19-й армии, Жиленков, член Военного совета 32-й армии, Трухин, начальник оперативного отдела штаба северозападного фронта, Благовещенский, начальник Либавского военно-морского училища ПВО, Закутный, командир 21-го стрелкового корпуса, полковник Меандров, заместитель начальника штаба 6-й армии, дивизионный комиссар Зыков, заместитель редактора газеты «Известия»...

27 декабря 1942 года «комитет» выпустил «Обращение к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему русскому

народу и другим народам Советского Союза» — своеобразную программу «русского освободительного движения».

Тогда же было объявлено и о создании «Русской освободительной армии» — РОА. Власов получил солдатскую книжку РОА 7 февраля 1943 года — одним из первых. В ней зафиксирован должностной оклад — 70 марок в декаду, как у немецкого фельдфебеля.

Начала действовать в местечке Дабендорф школа пропагандистов РОА. Слушатели — пленные советские офицеры с высшим и средним образованием — после трехмесячного обучения направлялись пропагандистами в лагеря военнопленных (всего было подготовлено более 4000 «политруков»). При Дабендорфской школе находились редакции газет «Заря», «Доброволец», «Новый путь» и «Воля народа».

Власов написал открытое письмо «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом». Если отбросить патетику, останется суть власовской идеологии — «создание новой России». Без Сталина и большевиков, но и без царя. Идея российской государственности — козырная карта, но Сталин пошел с этих козырей еще в ноябре 1941 года, когда «забыл» о «социалистическом отечестве», а «вспомнил» Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина, Пожарского, Суворова и Кутузова.

Гитлеровцы до середины 1944 года не предпринимали никаких практических шагов к созданию армии под командованием Власова. Они не доверяли советским людям, полагая, и не без основания, что значительная часть из них, давшая по принуждению согласие служить в РОА, при первой же возможности нарушит свои обещания.

Только когда исход войны стал ясен, Гиммлер, Геринг, Риббентроп и Геббельс одобрили предложение Власова создать в качестве «политического центра» «Комитет освобождения народов России» (КОНР).

Организационное собрание КОНР было проведено в Праге 14 ноября 1944 года. Власов был избран его председателем.

Через несколько дней после принятия «Пражского манифеста» главное командование сухопутными силами Германии издало приказ о формировании трех «русских» пехотных дивизий (600-й, 650-й и 700-й по немецкой нумерации, или 1-й, 2-й и 3-й дивизий РОА). Но лишь в марте 1945 года Гитлер назначил Власова командовать этими соединениями (тот предлагал сформировать 10 дивизий, а в конечном счете создать трехмиллионную русскую армию).

Одну дивизию численностью 12 тысяч человек успели вооружить. Ее командир генерал-майор РОА Буняченко ко-

мандовал в Красной Армии 389-й стрелковой дивизией. В апреле была сформирована вторая дивизия, насчитывавшая также 12 тысяч человек. Возглавил ее бывший полковник Зверев. В немецкий плен он попадал дважды. Первый раз в августе 1941 года в районе Умани, когда командовал 190-й стрелковой дивизией. В лагере выдал себя за украинца, и немцы его освободили. Потом он перешел линию фронта в районе Орла. Второй раз — 23 марта 1943 года. Командиром 350-й стрелковой дивизии и военным комендантом Харькова. В июле того же года Зверев написал заявление с просьбой зачислить его в РОА.

700-я дивизия, командиром которой назначили бывшего генерал-майора Михаила Шаповалова, так и не была сформирована.

Кроме пехотных дивизий, в РОА имелись запасная бригада, рота личной охраны Власова, батальон охраны КОНРа и противотанковая бригада, которой командовал подполковник Мелешкевич, бывший начальник штаба 229-й стрелковой дивизии, сформированной зимой-весной 1942 года в Ишиме и разбитой в июле того же года на дальних подступах к Сталинграду.

В РОА имелась своя авиация: 37 самолетов и 24 летчика и штурмана (среди них три Героя Советского Союза — Мальцев, Бычков и Антилевский).

Общая численность РОА не превышала 50 тысяч человек (сюда не входили русские части и другие национальные легионы, влитые в немецкие войска).

13 апреля 1945 года два батальона, противотанковый дивизион и артиллерийский полк 1-й дивизии РОА участвовали на Одере в боях с Красной Армией. Тогда в крушении гитлеровского рейха уже мало кто сомневался, и Власов приказал своим частям отступить на юг, в Чехословакию, навстречу англо-американским войскам. На пути власовцев оказалась Прага. К тому времени Власов приказал снять с головных уборов и мундиров эмблему вермахта — орла, перешить эмблему РОА на традиционный манер русской армии с правого на левый рукав мундира и отменил фашистское приветствие с возгласом «хайль».

Восстание пражан началось 5 мая 1945 года. Берлин уже пал. Повстанцам удалось овладеть почтой, центральной телефонной станцией, вокзалами и важнейшими мостами через реку Влтаву. Немецко-фашистским войскам был предъявлен ультиматум о безоговорочной капитуляции. Чтобы выиграть время, немцы пошли на переговоры с Чешским национальным советом. Одновременно они начали стягивать к Праге

танковые дивизии и части СС. Немецкая авиация получила приказ бомбить город. Утром 6 мая немецкие войска начали наступление и прорвались к центру Праги. Для пражского восстания настал критический момент. Ночью 6 мая радиостанция «Прага» вышла в эфир: «Говорит Прага. Красная Армия! Нам нужна помощь самолетами и оружием. Немцы обстреливают из дальнобойных орудий. Танки в Праге. Приближаются к радиостанции.

6 часов 05 минут. Командование союзных армий, обращаясь к вам с призывом, зовем на помощь героических летчиков. Помогите нам, немцы обстреливают из орудий радиостанцию, и танки приближаются.

6 часов 30 минут. Говорит Прага! На Прагу наступают со всех сторон немецкие танки, артиллерия и пехота. Пришлите авиацию и танки. Праге нужна помощь, помогите! Помогите скорее!

6 часов 50 минут. Офицеры и солдаты армии Власова. Мы верим, что вы в последнем этапе борьбы как русские люди поддержите восставшую Прагу».

Эти данные радиоперехвата НКГБ, никогда ранее не публиковавшиеся, дают представление об отчаянии повстанцев.

А 1-я дивизия РОА уже удалилась от Праги на 50 километров. Но призыв о спасении принят. Ни войска маршала Конева, ни союзники не могли успеть спасти население Праги от массовых расстрелов. Могли только власовцы. И они вернулись.

Тогда в районе Праги действовало семь оперативно-чехистских и диверсионно-разведывательных групп, которые сообщили 6 мая в НКГБ: «Власовская дивизия, дислоцированная в г. Глазно, развернулась в корпус и движется на Прагу. По проверенным агентурным данным, власовцы разоружают немцев, атакуют аэродром в Рузыне и входят в город...».

Бывший командир полка в РОА Артемьев позднее вспоминал: «...Советские танки лишь на следующие сутки вошли в уже очищенную 1-й дивизией РОА от немцев Прагу».

В советской исторической науке этот факт тщательно скрывался. И сейчас помощь РОА восставшей Праге оценивают по-разному. В «Открытом письме правительствам США и Великобритании» солдаты и офицеры РОА так объяснили свои действия: «...Мы пытались свергнуть власть московских захватчиков, и, идя на борьбу совместно с Германией, мы нисколько не боялись порабощения нашей Родины национал-социалистической Германией, ибо последняя своей звериной политикой восстановила против себя весь русский

народ, и мы прекрасно понимали, что при ненависти к немцам они, как внешняя сила, не удержатся в случае победы на наших необъятных просторах. Ненависть к национал-социалистической Германии появилась не только у находящихся в рядах РККА и гражданского населения, но в еще большей степени была у тех, кто непосредственно побывал под их пятой в Германии. Эта ненависть, как нельзя лучше, была продемонстрирована в боях под Прагой и в Праге 6 и 7 мая сего года...».

Служивший в «Смерше» 2-го Украинского фронта и живущий сейчас в Тюмени полковник Кошелев рассказал, что для поимки Власова в мае 1945 года создали специальные опергруппы. Всем розыскникам раздали фотографии командующего РОА и объявили приказ: «Срочно примите все меры к установке точного местопребывания Власова (повторяю — Власова), Малышкина (повторяю — Малышкина) и Жиленкова (повторяю — Жиленкова). Как только их установите, особенно Власова, примите все меры к захвату их живьем. Если это будет почему-либо невозможно, ликвидируйте (повторяю — ликвидируйте)».

«Как только заняли Прагу, — вспоминал ветеран, — сразу окружили дом, в котором жил Власов. Но там его уже не застали — бежал на юго-запад. Мы кинулись вослед...».

Характерная внешность Власова облегчила розыск. Его обнаружили в колонне отступающих солдат и офицеров РОА. А потом — недолгое следствие, внесудебный приговор и виселица...

Тоска по «герою»

Обожавший всевозможные судилища, Сталин не решился на открытый судебный процесс над Власовым и его сподвижниками, выданными союзниками. Казалось бы, впервые представилась возможность показать всему миру реальное, а не вымышленное, вымученное в застенках НКВД антисталинское движение. Но «вождь всех времен и народов» вновь предпочел пропагандистской кампании против власовцев серию послевоенных «разоблачений» новых «врагов народа» — от членов ЦК ВКП(б) Вознесенского и Кузнецова, генералов Гордова и Кулика, адмиралов Кузнецова, Алафузо, Геллера до министра МГБ Абакумова и кремлевских «врачей-отравителей»: Сталин, а за ним и его преемники сделали вид — «власовщины», как массового социального явления, не существовало. А сколько же их было, граждан СССР, по разным причинам выступивших с оружием против Красной Ар-

мии, партизан и мирного населения оккупированных территорий? РОА — 50 тысяч, «казачьи» формирования — 45 тысяч, 599-я «русская» бригада — 6 тысяч, различные разведывательно-диверсионные школы — 20 тысяч. Прибавим сюда прибалтийские формирования СС — латышские, литовские, эстонские — еще 48 тысяч. Да 14-я дивизия СС «Галичина» — 12 тысяч. И дивизия «Дирлавангер» (охрана концлагерей) — 10 тысяч. Не забудем потери тех частей и соединений, которые воевали против Красной Армии на передовой, — 25 тысяч. Всего более 250 тысяч человек.

Из 15 миллионов оказавшихся в фашистском плену и оккупации мужчин — немного. Но все равно страшно. Такого в нашей истории еще не было.

В 1945—1947 годах на шестилетнее спецпоселение отправили 148079 «власовцев» — так стали именовать всех, кто служил в немецких формированиях (на учете в УНККБ-УМГБ по Тюменской области — 450).

О власовцах вновь заговорили после 1987 года. Вокруг Власова стал создаваться ореол трагической личности. Мученика, погибшего за высокие идеалы. Это делалось для окончательного сокрушения сталинизма под флагом критики КПСС за сокрытие исторической правды. В этой ситуации официальная пропаганда, располагавшая огромной документальной базой о «власовщине», не нашла ничего лучшего, кроме повторения сообщения ГлавПУ РККА от 4 июля 1943 года о том, что «Власов еще до плена был немецким шпионом». Партийные идеологи не смогли (или не захотели) отказаться от прежних стереотипных представлений о причинах возникновения РОА и поэтому проиграли в полемике с «детьми Арбата». Но и для них генерал Власов с его «великорусской идеей» не годился в герои. В этом качестве командующий РОА вполне устраивал новых национал-патриотов, которые даже провозгласили его «великим русским полководцем». Так продолжалось до августа 1991 года, когда после ГКЧП коммунисты пополнили ряды «русских патриотов». Выждав некоторое время, они стали называть президента Ельцина и его окружение «предателями национальных интересов народа» и отождествлять его с власовцами лишь на том основании, что у них... одинаковое трехцветное знамя России.

Не смущало то обстоятельство, что символикой Российской империи пользовались после 1917 года многие политические лидеры (в том числе и Сталин). Если уж быть точным, то знамя РОА — синий Андреевский крест на белом фоне, обрамленный красной полоской. Но дело даже не столько в истори-

ческих совпадениях, сколько в удивительной предрасположенности образа Власова для политической конъюнктуры.

Вот малоизвестный факт: при задержании командующего РОА у него нашли... партийный билет ВКП(б), удостоверение личности и расчетную книжку генерал-лейтенанта Красной Армии. При желании Власова можно было представить борцом за «восстановление ленинских норм в партии» или за «социализм с человеческим лицом».

Так кто же такой Андрей Андреевич Власов? Для меня он — политический игрок. Один из многих — вчерашних и сегодняшних... А «власовщина» — своеобразное продолжение гражданской войны. Власовское движение сродни «колчаковщине» и «деникинщине». Поэтому и относиться к власовцам надо, на мой взгляд, по-разному. Фронтовики называют их предателями. Вполне оправданно — это поколение видело друг друга через прорези прицелов. Кто-то считает власовцев патриотами. Что ж, в РОА было немало русских, по-своему мечтавших о новой великой России. Но только не надо делать из этих людей героев и поднимать их на освободившиеся пьедесталы. Потому что в гражданских войнах нет героев.

«Там все болота завалены трупами»

(Из воспоминаний Ивана Дмитриевича Никонова)

...382-я стрелковая дивизия формировалась в Красноярском крае. Меня после окончания радиокурсов командного состава в Новосибирске назначили командиром взвода роты связи 1267-го полка этой дивизии.

...Сначала нас направили на Карельский фронт, но в пути маршрут изменили. Так в составе 2-й ударной армии наша дивизия приняла участие в наступлении на Спасскую Полисть — станцию на железной дороге Новгород—Волхов—Тихвин—Ленинград. Немцы создали там сильные укрепления. Мы, связисты, шли вместе с пехотой. Противник открыл шквальный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь. Его авиация засыпала нас бомбами. Все кругом заволкло снежной пылью и землей. Падали убитые и раненые.

...По ночам командирам приходилось ползать по равнине, проверять бойцов — кто жив. Которого пошевелишь — не убит, а замерз: морозы стояли страшные. В наступлении мы никакой пищи не получали. Немцы не подпускали полевые кухни к переднему краю: только заметят — сразу накроют артогнем. После четырех дней неудачного штурма остатки нашего полка отвели на исходные позиции.

...Пополнение маршевыми ротами и батальонами поступало в дивизию непрерывно и так же быстро перемалывалось в наступательных боях. Люди приходили разные, в основном из Сибири и Татарии, но были и казахи, и узбеки, и таджики... К холодам не приспособленные, пожилые и, видно, верующие люди. Убьют одного, другие тут же соберутся кружком, молятся, причитают по-своему, а следующая мина в них летит. Воевали и молодые бойцы. Помню, пришли на передовую три лыжных батальона — двадцатилетние рослые крепкие парни в белых маскхалатах. Сразу рванули в атаку, а через полтора часа из них почти никого в живых не осталось — противник косил, как траву. Перед вражескими позициями — горы трупов. Наконец, ценой огромных потерь полк занял водокачку и отбил крайний дом. На этом наступление выдохлось.

В окружении

...Противник стал нас преследовать, а мы из-за отсутствия боеприпасов не могли оказать сопротивления и отходили, бродили по лесам и болотам. Впереди — разведка, за ней — командир полка, следом — все остальные. Многие спали на ходу. Продуктов не было. Силы иссякли. Когда появлялась возможность, разводили костер, но бойцы настолько перемерзли, что, греясь, не ощущали огня — загоралась одежда, тлели валенки.

...Подшли к железной дороге правее станции Глубочка. Ели все, что попадет. Лошадей перевели на мясо, потом принялись за кожаную утварь. В моей группе осталось десять бойцов, а тут дали пополнение — семерых и патронов по пять штук на каждого. После этого приказ — наступать! Зачем? Может, хотелось показать, что мы еще живы.

Утром двинулись вперед, но немцы ответили таким огнем, что сразу нас к земле прижали. Убили Крупского, пожилого опытного солдата. Недалеко от меня залег молодой парень из пополнения Александр Сергеевич Пушкин (внешне тоже на поэта походил). Говорит: «Поползу, нет ли чего в мешке у Крупского проглотить...». Сказал ему: «Лежать!». Не послушал. Только приподнял голову, как разрывная пуля бац — наповал!

Так и держали оборону...

Потом весна началась: дружная, теплая. Все кругом зазеленело. Жить хочется — мочи нет! Слух прошел: самолет У-2 сбросил окруженцам немного муки, из которой сделали болтушку по несколько граммов на человека. Многие опухали от голода. А немцы вывешивали на видных местах буханки хлеба

и плакаты: «Рус, переходи, хлеб есть». Но никто из нас не сдался в плен.

В конце марта появился какой-то порученец от Ставки Верховного Главнокомандования, собрал оставшихся в живых командиров. «Немец, — сказал, — закрыл наш прорыв глубоко и обратного хода нет. На других фронтах тоже тяжелая обстановка, поэтому подкреплений не ждите, а стойте здесь насмерть». Вот мы и стояли. Политработники объявили: «Кто хочет умереть коммунистом?». У меня отец за войну с немцами получил четыре Георгиевских креста. Не хотелось его честь позорить, поэтому я подал заявление в партию, и меня приняли.

...Комполка удивился: «Как ты жив остался?». А я и сам через левое плечо сплевывал: почти все, кто рядом со мной находились, погибли. Правда, у меня одно перед ними преимущество — работал на Севере, в Березово, ездил там в командировки на оленях в 50-градусные морозы, ночевал в тундре на снегу. Поэтому я легче, чем мои товарищи, переносил холодную зиму 42-го года.

...Но вот совсем тепло стало, а на нас одежда зимняя. Да еще голодуха. Не мылись полгода. Вшей расплодилось столько, что белая шерсть полушубков сплошь посерела. Потом комары появились — болота же кругом. Окоп не выроешь — небольшая ямка сразу водой заливается. И мухи от тысяч разлагающихся на солнце трупов. Там все болота ими завалены.

Помню, как в начале апреля к нам на командный пункт полка пришел Муса Залилов (только после войны я узнал, что он Джалиль). В это время снаряд неподалеку разорвался, и политрук юркнул в землянку, но стукнулся головой о верхнее бревно входа. Я сразу догадался — новичок. Потом он еще несколько раз в наш полк приходил: и под Глубочкой, и при прорыве из Мясного Бора.

...Людей на позициях оставалось все меньше, а пополнение не поступало. Приходилось рассредоточивать бойцов, создавать видимость крепкой обороны. Но противник разгадал нашу хитрость, и его подвижные группы перемещались с нашими постами. Участились мелкие стычки. Раз идем по лежням через трясины, а навстречу боец Петряков. Кричит: «Товарищ командир! Не ходите туда, там немцев много и вооружены они сильно. Я чудом спасся, а напарников схватили». Что делать? Включился в линию связи, доложил в штаб полка обстановку. Только залегли за поваленной елью, как немцы показались. Несут на себе миномет, пулемет, коробки с боеприпасами. Я из автомата слева направо по колонне выпустил весь диск. Патроны кончились, другие бойцы тоже безоружные. Командую: «Падай

за большие кочки!». Немцы дали залп — осинки и березки как бритвой срезало. Но добивать нас не стали, видно, другое задание у них имелось. Так и кружили по болотам.

...На месте, где фашисты наш караул захватили, мы нашли убитого Гончарука, железнодорожника из Канска, и Самарина, золотоискателя с Ангары. Он еще дышал. Немцы его пытали: раскаленный шомпол втыкали в лицо и тело, а потом выстрелили в спину, пуля вышла через живот. Боец, как и все мы, был сильно истощен, поэтому из раны вытекло немного крови и зеленой жидкости (питались ведь травой). Самарин пришел в сознание, но фельдшер считал его безнадежным. Тем не менее я спросил у бойцов: «Как, ребята, понесем Самарина?». Не колебались: бросить товарища — хуже предательства. Несли его через топи километров пятнадцать, пока не умер.

...Надо было прорываться из окружения, да как: патронов мало, из оружия — ручной пулемет да винтовки без штыков. В полку ни орудий, ни минометов. И гранат с самого начала боев не было. А как бы онигодились, особенно в наступлении на Спасскую Полисть.

Прорыв

...Все-таки двинулись перебежками: три шага вперед — и за кочку. Ранило Трофима Шишкина, земляка из Тобольска. Пуля пробила грудь навывлет, крови почти нет. Спрашиваю: «Как себя чувствуешь?». «Ничего, — отвечает, — не бросайте, пойду вместе со всеми». А тут бомбежка началась — самолеты волна за волной. Бомбы рвутся глубоко в трясине, будто леший ухаёт. Мы прячемся в воронках. Некоторые бойцы, обесилев, умирают. Вижу: зрачки закатились — конец! Подполз Зайганов, адъютант комполка, сунул мне кусок подсушенной конской шкуры и кость. Я все съел с такой жадностью, казалось, ничего вкуснее в жизни не пробовал. Кость на огне обжог и угли все сжевал — у голодного человека зубы, как у волка. После этого встал, осмотрелся. Кругом трупы, кучи брошенных винтовок. У ручного пулемета двое шевелятся: один длинный, рыжий, в веснушках, такой запоминается; другой неприметный. Я им: «Забирайте пулемет и вперед!». Пулеметчики отказываются: сил, мол, нет, не можем. Взвожу затвор автомата: «Можете!». Пошли. Кое-как догнали своих.

...Слышим стрельбу за немецкими позициями, там наш внешний фронт. Последний рывок! Сплошная стена огня, грохот взрывов. Такого ужаса я потом за всю войну не видел. Под ногами трупы. Старые, с зимы еще. Наступишь — пузырятся. Я до наших метров пять не дошел, упал, дышать не

могу. Бойцы стащили меня в окоп, дали маленький сухарик. Кое-как оклемался. Из котла 25 июня вырвалось больше полутора тысяч человек, а из нашего полка — около двадцати. Потом немцы окончательно закрыли брешь.

...Повезли нас, едва живых, на машинах в тыл. В кузове напротив меня тот рыжий пулеметчик, на которого я автомат взводил. Поговорить с ним — нет сил слова выдавить. Попробовали нас помыть в палатках под теплым душем. От одного прикосновения воды — страшная боль в мышцах. Тогда без помывки переодели в чистое белье и стали кормить. Сварили жирный суп, а мы глотать не можем, трясемся. Опухли так, что глаз не видно. Меня решили отправить в медсанбат, но я отказался — не хотел со своими товарищами расставаться. Потом дистрофия сказалась на здоровье. (Иван Дмитриевич почти не видит — А.П.). Сколько мужества, отваги и терпения проявили мои бойцы, но никого из них за это не наградили.

Тюменский мавзолей

Бело-голубое здание сельскохозяйственного института расположено на берегу Туры, в самом начале улицы Республики — главной улицы Тюмени. Фигурная кирпичная кладка по фасаду, густо заросший сквер, обнесенный металлической оградой. Здесь когда-то учились писатель М.М. Пришвин, дипломат Л.Б. Красин, разведчик Н.И. Кузнецов.

С 10 июля 1941 по 25 марта 1945 года в нем хранился саркофаг с телом В.И. Ленина.

С тех пор четыре с лишним десятилетия этот факт по непонятным причинам не подлежал оглашению.

Тюменские чекисты решили сообщить общественности о знаменательном, поистине историческом периоде жизни города. Сделать это было совсем не просто: в местных архивах на сей счет не сохранилось ни единого документа, не помог и Центральный архив КГБ СССР.

Оставалось одно: разыскать ныне здравствующих бойцов из почетного караула временного мавзолея. Было известно, что пятеро из них после войны возвратились в Тюмень и продолжили службу в местных органах госбезопасности. Поиски увенчались успехом: ветераны-чекисты Г.И. Игнатъев, В.В. Сюткин, Г.П. Пчелинцев, Н.М. Корнуков поделились воспоминаниями об эвакуации саркофага с телом В.И. Ленина в Тюмень, об организации его охраны в тыловом городе, назвали имена сотрудников Тюменского отдела НКГБ, участвовавших в этом.

Зимой 1944 года в Тюмень приехала ответственная правительственная комиссия, в которую входили нарком здравоохранения СССР Г.А. Митерев, академики А.И. Абрикосов, Н.Н. Бурденко и Л.А. Орбели. Она должна была дать заключение о состоянии тела В.И. Ленина и возможности его дальнейшего сохранения.

Вот ее выводы: «Достижения нашей медицинской науки позволяют с уверенностью говорить: тело Владимира Ильича Ленина, каким мы видим его сейчас, увидят наши самые отдаленные потомки...».

В те же дни газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами научных работни-

ков лаборатории Мавзолея В.И. Ленина «за выдающиеся заслуги в проведении работ по сохранению тела В.И. Ленина в неизменном виде и большие научные достижения в этом деле...».

Январем 1944 года датирован документ, обнаруженный нами в архивном личном деле одного из чекистов: «За успешную работу по выполнению заданий НКГБ СССР в условиях военного времени наградить боевым оружием... Джуру Павла Федоровича...». Он сменил на посту начальника горотдела С.П. Козлова и до конца пребывания «спецобъекта» в Тюмени нес персональную ответственность за его охрану. Сохранять тайну старинного особняка в условиях маленького провинциального городка было трудно. В Тюмени разместились свыше двадцати эвакуированных предприятий, двадцать два госпиталя. Население увеличилось с 75 до 150 тысяч, среди них было немало таких, кто обоснованно подлежал оперативной проверке.

Бывший первый секретарь Тюменского горкома ВКП(б) Д.С. Купцов в своем письме, адресованном в Управление КГБ, написал: «...вроде бы никакой заслуги Тюмени в этом нет. Вроде бы город для этого ничего не делал. А я считаю, не так. Место было выбрано действительно хорошее. И условия мы сумели создать, несмотря на очень тяжелое положение... Я 1908 года рождения, был в комсомоле, организовывал колхозы, потом — партийная работа. И слово «Ленин» у меня не сходило с уст. Если б меня спросили, что самое значительное я сделал во время войны, я бы ответил: «Участвовал в сохранении тела Ленина». Хотелось бы, чтобы тюменцы знали и гордились тем, что в тяжелых военных условиях в их городе, а значит, и их усилиями, сохранялось тело вождя. Мы нередко мобилизовывали людей на работы, которые были связаны с нуждами «спецобъекта». Тогда мы об этом не говорили, а теперь они имеют право знать... Глубоко символично, что этот факт сделают достоянием гласности тюменские чекисты, которые по необходимости принимали меры по его строгой секретности...».

В апреле 1988 года материалы и документы, собранные сотрудниками УКГБ, были опубликованы в центральной и местной печати. Тюменцы знают, что в лихую военную годину их город сберегал тело В.И. Ленина.

1988 г.

Где находилось тело Ленина во время второй мировой войны?

1. Даже хорошо осведомленные люди обычно на него отвечают: «Не знаю. Ну а вы знаете?». Пока я не побывал в Тюмени, я тоже не знал ответа на этот вопрос. Там я встретился с Алек-

сандром Петрушиным, местным журналистом, которого мне представили как «кэзэбэшника». Он рассказал об обстоятельствах пребывания тела Ленина во время войны в Тюмени. Он также передал вырезки статей из «Тюменской правды» и несколько фотографий. Кроме того, он показал нам место временного пребывания тела Ленина — в Тюменском сельскохозяйственном институте. Там был временный мавзолей.

2. До недавнего времени обстоятельства пребывания временного мавзолея Ленина в Тюмени не были широко известны ни в самой Тюмени, ни в Советском Союзе. Официальные документы по этому поводу не печатались и были строго засекречены. Но недавние публикации мемуаров некоторых бывших советских государственных деятелей приподняли завесу тайны и позволили общественности узнать имена людей, причастных к этому эпизоду из советской жизни.

За последние два года «Тюменская правда» напечатала несколько пространных обзоров на основе частично местных партийных архивов, а частично используя воспоминания участников этого события, а также писем, присылаемых в редакцию. Статьи напечатаны под редакцией Р. Гольдберга. Далее здесь я привожу краткий обзор этих статей.

3. Среди многочисленных забот, обрушившихся на руководство Советского государства в мрачные дни конца января 1941 года, после того, как Германия напала на Советский Союз, была забота о сохранении тела Ленина и его мавзолея.

На совещании в Политбюро Центрального Комитета партии, когда стали обсуждать вопрос о временной эвакуации Мавзолея Ленина, комендант Кремля Спиридонов предложил в качестве временного пристанища город Тюмень в Западной Сибири. На вопрос Сталина, почему он предлагает именно Тюмень, а не Свердловск, Спиридонов, очевидно, ответил, что Тюмень — провинциальный город и в отличие от Свердловска в ней нет промышленных объектов, которые могли бы стать целью для атак германской Люфтваффе.

4. Соратники Спиридонова поддержали его мнение о Тюмени. В 1941 году Тюмень была провинциальным заштатным городком с населением приблизительно 75000 человек. Она затерялась в огромных просторах Омской области. Тюмень была основана в 1586 году на судоходной реке Туре, которая несет свои воды в Тобол, затем Иртыш и в конце концов в Обь. После второй мировой войны население Тюмени удвоилось до 150000 в 1959 году, а после обнаружения газа и нефти возросло до 279000 в 1971 и сейчас перевалило за 600000. В настоящее время это столица огромной Тюменской области, ее культурный и административный центр региональной газовой и нефтяной промыш-

ленности. Кроме того, Тюмень — промежуточный порт и стоянка для нескольких судоверфей, здесь расположились несколько мясо- и деревообрабатывающих комбинатов.

5. Политбюро решило вопрос об эвакуации тела Ленина в Тюмень после того, как Молотов подписал соответствующие приказы. По воспоминаниям бывшего первого секретаря Тюменского обкома партии Д.С. Купцова, ему 26 или 27 июня поступил звонок от секретаря Сталина Поскребышева, который проинформировал Купцова о том, что на пути в Тюмень находится очень важный «объект». Этому объекту необходимо уделить особое внимание, а также соблюдать строжайшую секретность. Ни единому лицу, ни составу обкома, ни комитету не разглашать содержание этого «объекта».

Другой очевидец события А. Сметанин, ветеран труда и заслуженный железнодорожник (почетный), работал в 1941 году на Свердловском отделении железной дороги. Он также подтверждает, что 28 июня 1941 года был эвакуирован Мавзолей Ленина. Но другие участники, например д-р И.Б. Збарский, коллега и сын д-ра Бориса Збарского, начальника специальной научной лаборатории при Мавзолее Ленина, который также являлся главным ответственным лицом за бальзамирование тела Ленина, вспоминает, что сотрудникам лаборатории было сказано об эвакуации в Тюмень после 3 июля. Он прекрасно помнит, что еще оставались в Москве в то время, когда Сталин обратился с заявлением к советским людям.

6. Специальный поезд, на котором доставили тело Ленина в Тюмень, состоял из трех пассажирских вагонов: первый вез саркофаг, второй — научных медицинских работников, третий — охрану. Москва была покинута от неизвестной стоянки, без платформы, а в Тюмень прибыли утром 10 июля, когда первому секретарю обкома сообщили, что «объект» прибыл. Специальный состав остановился далеко от вокзала, в стороне. По телефонному звонку к составу прибыли Д.С. Купцов, С.П. Козлов, начальник местного отдела государственной безопасности, и председатель исполкома С.Н. Загриняева, где они встретились с руководителем московской делегации. Как вспоминает Купцов, когда он увидел Збарского, то его имя заставило сразу вспомнить XVIII съезд партии в Москве, когда он посетил лекцию, где рассказывалось, как Збарский бальзамировал тело Ленина. Тут его осенило, что за состав прибыл к ним в Тюмень, все эти атрибуты: «специальный объект», секретность происходящего, специальные приготовления — все это относилось к саркофагу Ленина, находящемуся здесь, в соседнем вагоне.

7. В это время у Тюменского горкома и Совета было много тревог и забот. Партийно-государственный аппарат был пере-

гружен работой по мобилизации населения на войну. Среди этих тревог немалое место занимали хлопоты по освобождению таких больших зданий, как школа № 1, здание педагогического института, гостиница «Заря», несколько других школ. Эти здания предназначались для приема раненых и беженцев. Поэтому прибытие такого объекта только добавило напряженности.

8. Первостепенной задачей стал поиск соответствующего здания с подходящими условиями для размещения саркофага Ленина и научных сотрудников. Инспекционная поездка по городу и округе привела их к зданию за пределами города, которое подходило по всем параметрам, но было значительно удалено и не имело надежных коммуникаций и электроснабжения. В городе подходящих зданий не обнаружилось. Московские представители были очень удручены сложившейся ситуацией и уже были готовы, чтобы сообщить Политбюро о своей неудачной миссии. Но вмешался Купцов, заявив, что он никогда не подпишет подобную телеграмму, а вместо этого берется освободить любое крупное здание Тюмени за 4 часа. После дальнейших раздумий вспомнил, что совершенно не обратили внимание на здание сельскохозяйственного техникума, которое только недавно отремонтировали. Беглый осмотр здания позволил как московской делегации, так и тюменским руководителям прийти к выводу о соответствии этого здания поставленной задаче. После совещания Политбюро утвердило это решение. Следующей ночью саркофаг Ленина был перевезен в здание — в свое временное пристанище.

9. Находка подходящего здания для Мавзолея Ленина решила только одну из множества проблем прибывшего «объекта». Московское отделение охраны, состоявшее из нескольких десятков офицеров и рядовых, также требовало размещения и снабжения питанием. Как вспоминает один офицер, они несли охрану объекта во время поездки, испытывая лишения при обеспечении горячим питанием, — им был выдан лишь сухой паек. Первый горячий обед они получили вечером дня прибытия. Охране было предложено одно из крыльев сельскохозяйственного техникума. Сразу же после прибытия московская охрана возобновила несение постов возле тела Ленина. Была выставлена охрана (посты) на втором этаже перед комнатой, где находился саркофаг, а также через равные интервалы в коридоре до лестницы. При входе в здание на первом этаже пост московской охраны выполнял строгий приказ никого не пропускать в здание. Снаружи охрану здания несли местные представители государственной безопасности.

10. Очень важной задачей для тюменского руководства было подведение и обеспечение надежного электроснабжения здания. Очевидно, научная лаборатория требовала постоянной и на-

дежной подачи электричества. Сначала в этом гарантии не было. Был проложен специальный кабель, соединявший лабораторию с электростанцией.

11. Несомненно, самой трудной задачей было поддержание строжайшей секретности об «объекте». Даже супруга первого секретаря Купцова ничего не должна была знать о существовании этого «объекта» в Тюмени. Она и не знала. Тем не менее, когда она и некоторые другие случайно узнали правду о нем, им пришлось хранить молчание ввиду трудной военной обстановки. Конечно, с момента перевоза тела Ленина в институт и установления там временного мавзолея по Тюмени поползли слухи. В обычном обращении «объект Збарского». По преданию, передающемуся с того времени, были взяты такие меры предосторожности в момент перевозки саркофага Ленина в здание института: булыжная мостовая была устлана специальными деревянными плахами, чтобы не причинить ни малейшего ущерба саркофагу. Другие вопросы задавались в отношении появления новых членов в тюменском руководстве и администрации, огней, горящих поздно ночью в здании техникума, да и просто: что же все-таки происходит. Ответы давались самые разные. Кто говорил, что это закрытый военный госпиталь для генералитета. Один из высокопоставленных чиновников, так и не разобравшись в ситуации, написал в Омск в областной комитет ВКП(б), где также ничего не знали.

12. Характер секретности информации можно проиллюстрировать следующим примером. Во время своего пребывания в Тюмени медицинские сотрудники лаборатории и члены их семей так же, как и московской охраны, вызвались оказывать помощь местным товарищам. Некоторые преподавали в Кубанском медицинском институте, который был эвакуирован из-за военных действий в Тюмень. Другие преподаватели — в других высших учебных заведениях. Что касается доктора Бориса Збарского, то он преподавал математику в школе № 25. Ученики всех классов очень его полюбили. Ученики-энтузиасты взяли энциклопедию, где и прочитали, что Збарский был главным бальзаматором тела Ленина. Это навело их на мысль, кто есть их любимый учитель на самом деле, чем является «объект Збарского». С этим открытием они пришли к своему классному руководителю, которым была жена Купцова.

13. Так школьный учитель Нина Купцова поняла, что за «объектом Збарского» кроется пребывание в Тюмени саркофага Ленина. Однажды под вечер она посетила здание техникума и, как она рассказывает, профессор Збарский пригласил ее в свою лабораторию, которая фактически была комнатой, где хранилось тело Ленина. Она вспоминает, что работал в комнате

кондиционер и что тело Ленина было укрыто простынями по грудь. Оно лежало на столе. Она была под сильным впечатлением. Особенно ее впечатлила «блестящая, как живая, пластичная кожа». Доктор Збарский, так она говорит, просил ее держать увиденное в секрете.

14. Кроме этих огласок и того факта, что все-таки некоторые жители города понимали, что кроется за «объектом Збарского», эта история, относительно простая и относительно не имеющая важной военной тайны, так долго держалась в Советском Союзе в секрете.

15. Тело Ленина было увезено из Тюмени 25 марта 1945 года, а 16 сентября мавзолей был открыт в Москве для доступа общественности. Тем не менее до этих событий в 1944 году правительство создало комиссию по проверке условий сохранности тела Ленина. В комиссию вошли академик А.И. Абрикосов, участвовавший в бальзамировании тела Ленина, Н.Н. Бурденко, академик Л.А. Орбели и Митерев в качестве председателя. Их отчет подтвердил, что тело находится в прекрасном состоянии, и это можно считать выдающейся заслугой советской медицины.

16. В связи с недавним опубликованием этих сведений в местной печати местные историки установили на здании памятную табличку с упоминанием об этом событии во время войны.

Профессор истории
М. Циммерман
(Канада).

Главная тайна Николая Кузнецова

2 марта 1999 года исполнилось 55 лет со дня гибели Николая Ивановича Кузнецова. Героя Советского Союза. Лучшего, по оценкам отечественных и зарубежных экспертов, разведчика столетия. О нем написаны десятки книг, сняты фильмы, поставлены театральные спектакли. Но он — все еще загадка. Легендарный разведчик или террорист-фанатик? Скрываемые ранее от общественности по идеологическим соображениям документы позволяют по-новому оценить жизнь и смерть нашего земляка.

Николай Кузнецов:

«За правду буду стоять насмерть»

Тюменские чекисты свято чтут память легендарного разведчика, Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова.

С 1926 года Николай учился в Тюменском сельскохозяйственном техникуме. Здесь началась его комсомольская юность. В ноябре того же года он был принят на общем собрании ячейки ВЛКСМ техникумов Тюмени кандидатом в члены ВЛКСМ. 11 декабря решение утвердили на заседании бюро Тюменского горкома комсомола.

Недавно в партийном архиве* найдены новые документы о Николае Ивановиче: его заявления и письма в Тюменский окружной и Центральный Комитет ВЛКСМ, комсомольские характеристики и другие. Содержание каждого из них — исповедь юноши, уверенного в своей правоте. В 1927 году в связи со смертью отца Николай вынужден был уехать из Тюмени в город Талицу, чтобы быть ближе к семье.

1929 год. Н. Кузнецов — учащийся третьего курса Талицкого лесотехникума. Подтянутый, аккуратный в исполнении поручений, активный комсомолец, чуткий и отзывчивый товарищ, он всегда в гуще текущих событий. Справки, выданные Николаю райкомом ВЛКСМ и профкомом техникума в сентябре

* Сейчас Тюменский областной центр документации новейшей истории.

1929 года, красноречиво свидетельствуют об этом. Кузнецов был членом бюро комсомольской ячейки техникума. «Товарищ Кузнецов, — писали о нем райкомовцы, — находясь в техникуме с 1927 года, вел общественную работу, а именно: был ответственным секретарем ячейки Осоавиахима с 1927 по 1928 годы. Член профкома в должности предкульткомиссии. В настоящее время является председателем профкома Талицкого лесного техникума. Кроме того, тов. Кузнецов во время учебы в техникуме участвовал в повседневной низовой работе в техникуме и вне его по кампаниям, как то: хлебозаготовки, посевная кампания и другая работа».

В декабре 1929 года комсомольца Н. Кузнецова оклеветали те, кому не нравились его прямота, честность и беззаветная преданность Родине. Николая обвиняли в том, что он при поступлении в техникум скрыл свое социальное происхождение (якобы являлся сыном кулака и бандита, убивавшего коммунистов). Ни секретарь комсомольской ячейки техникума, ни Талицкий райком ВЛКСМ не увидели в том подлого оговора, подтасовки фактов под лозунгом борьбы с кулачеством, и 18 декабря 1929 года Николая исключили из комсомола и отчислили с последнего курса техникума.

Документы, хранящиеся в партийном архиве Тюменского обкома КПСС, подтверждают, что крестьянская семья Кузнецовых была середняцкой и жила исключительно своим трудом. Отец Николая, Иван Павлович, в период гражданской войны вступил добровольцем в 5-ю армию, которой командовал М.Н. Тухачевский, участвовал в освобождении Сибири от колчаковцев, дошел до Красноярска. В марте 1920 года красноармеец И.П. Кузнецов действительно достиг 45-летнего возраста, вследствие чего во исполнение приказа войскам 5-й армии от 2 марта с.г. за № 33 уволен в первобытное состояние, то есть демобилизован. Вернувшись домой, он занялся крестьянским трудом.

Брат и сестра Николая вспоминают, что он был потрясен случившимся, страшно переживал этот неожиданно нанесенный ему удар. Дома, когда мать уговаривала сына бросить свои хлопоты, не мучить себя переживаниями, Ника с суровой решимостью ответил: «За правду я буду стоять насмерть!..».

Николай не теряет присутствия духа. И в такой обстановке он всецело отдается работе в коммуне «Красный пахарь» Балаирского сельского Совета, в которую вступил вместе с родными 13 мая 1929 года.

Уверенный в своей правоте, Кузнецов пишет заявление в конфликтную комиссию Тюменского окружкома ВЛКСМ и в ЦК ВЛКСМ с просьбой восстановить его в рядах Коммунистического Союза Молодежи.

Жизнь комсомольца-общественника проходит перед нами как на экране. Вот выдержка из его заявления от 31 марта 1930 года в Тюменский окружной ВЛКСМ: «...С 1920 года я пошел учиться в школу и учился до 1927 года в семилетке и техникуме сельскохозяйственном. В 1925 году вступил в пионеры при организации отряда П. Южаковым и с этого времени работал на общественной работе. Был пред. Форпоста при Зое Салагиной — вожатой отряда. В 1926 г. вступил я в кандидаты ВЛКСМ как середняк, а до революции — из зажиточных. В 1927 г. поступил в Талицкий лесной техникум и зимой был переведен в члены ВЛКСМ. В техникуме со дня поступления и до настоящего времени работал на общественной работе... Весной, в мае, вступил в коммуну «Красный пахарь», где работал рядовым коммунаром, и сейчас также все силы отдаю общественной работе. Марка «негодного», как кол в горле... Итак, прошу восстановить... С товарищеским приветом Н. Кузнецов».

Но ответа не было. Обеспокоенный этим, он 20 марта снова пишет в окружной комитет комсомола. «Тов. пред. КК. Прошу сообщить результат моего дела о восстановлении в ряды ВЛКСМ. Запросите характеристику в РК Талицы и в партячейке нашей коммуны. Пожалуйста, поторопитесь с решением, а то трудно жить».

Позднее на имя секретаря ЦК ВЛКСМ Николай Кузнецов писал: «Меня считают социально чуждым за то, что отец был зажиточный... Головоотяпство и больше ничего. Я с 13 мая 1929 года, когда у нас о коллективизации еще не говорили, вступил в коммуну в соседнем сельском Совете, за две версты от нашей деревни. А сейчас район сплошной коллективизации. Работаю и сейчас в коммуне... руковожу комсомольской политшколой (!!!) и беспартийный, обидно. В окр. КК дело обо мне не разрешено, не знаю, долго ли еще так будут тянуть. У нас сейчас жарко, работы хватит, кулака ликвидировали, коллективизация на 88 процентов всего населения. Посевкампания в разгаре, ремонтируем, сортируем... Знай, что я КСМ в душе, не сдам позиции...».

19 ноября 1931 года президиум Уральской областной конфликтной комиссии ВЛКСМ рассмотрел заявление Н.И. Кузнецова. Из протокола № 35: «...Год рождения 1912, в комсомоле с 1926 г., сын зажиточного крестьянина, сам служащий. Работает в Коми-Пермяцком округе лесоустроителем. Исключен Талицким райкомом за скрытие социального происхождения, как сын кулака — участника белой банды. И.Н. Кузнецовым представлены документы, опровергающие дан-

ное обвинение. Учитывая, что предъявленное Н.И. Кузнецову обвинение не доказано — отец был в Красной Армии, — решение об исключении отменено».

3 декабря 1931 года правда восторжествовала — Николай Иванович был восстановлен в рядах ВЛКСМ.

Верность идеалам Николай Иванович пронес через всю жизнь.

Как это все начиналось

Первые публикации о противоречиях в официальной биографии Кузнецова появились в украинской печати накануне 80-летия юбилея героя-разведчика (27 июля 1991 года). Тогда авторы статей еще предлагали КГБ СССР опровергнуть (или подтвердить) их версии и предположения о судьбе уральца архивными документальными материалами. С такой же просьбой обращались в солидные ведомства музеи из Ровно, Луцка и Львова. Никакой реакции.

Многих историков молчание КГБ удивляло и настораживало. Ведь догадаться о существовании в спецхранах документов о деятельности оперативной группы НКБ СССР «Победители» под командованием Д.Н. Медведева и самого Н.И. Кузнецова для специалиста несложно.

Эту догадку тогда мне подтвердили сотрудники Центра общественных связей КГБ СССР. Они сами направляли руководству Комитета специальную записку с предложением рассекретить хотя бы часть этих архивных фондов. Так можно было бы опровергнуть домыслы и слухи вокруг Кузнецова, дать новую историческую трактовку его жизни и смерти, не принижая высокого значения самопожертвования этого человека. Человека, а не символа.

Однако председатель КГБ СССР В.А. Крючков дал указание придерживаться образа героя, «укоренившегося в художественной литературе и массовом общественном сознании». Символа, а не человека. На робкие возражения о том, что «разговоры» о Кузнецове будут продолжаться, член Политбюро ЦК КПСС генерал армии Крючков будто бы сказал: «Поговорят и перестанут!». Шел июль 1991 года. До августовского ГКЧП, в котором Крючков играл не последнюю роль, оставалось меньше месяца. Сейчас понятно, как предполагалось восстановить утраченные идеологические позиции. Но танки оказались плохими аргументами в исторических спорах, а «разговоры» о Кузнецове окончились сносом его памятников в городах Западной Украины и переименованием улиц, носящих его имя.

Крючкова отправили в Лефортовскую тюрьму, возглавляемое им ведомство подвергли многочисленным реорганизациям. В такой обстановке было не до Кузнецова.

Его памятник, демонтированный во Львове, благодаря хлопотам администрации Талицкого района, привезли на родину и установили в центре Талицы. Но осталась обида на тех, кто опорочил память героя. И вопросы, на которые до сих пор нет ответов.

Можно, конечно, не замечать противоречий и неясностей в биографии нашего земляка. Можно по-прежнему придерживаться и официально утвержденного в 40—50-е годы образа-символа. Но тогда не надо удивляться и негодовать на то, что молодежь мало посещает его музеи на уральской земле (по сравнению с прошлыми годами). А не лучше ли ответить хотя бы на некоторые вопросы о Кузнецове и на основе, пусть пока немногочисленных, документов по-новому рассказать о героической и трагической судьбе этого действительно незаурядного человека.

Героями не рождаются

Вопрос первый. За что Кузнецов удостоен звания Героя Советского Союза? Простой вопрос? Тогда почему ни в одной из книг не публиковался наградной лист? Хотя такой документ был. Вот его текст.

Наградной лист

на разведчика опергруппы 4-го управления НКГБ СССР «Победители» Н.И. Кузнецова. 16 октября 1944 г.

1. *Фамилия, имя, отчество* — Кузнецов Николай Иванович.
2. *Звание* — не имеет.
3. *Должность* — разведчик-боевик опергруппы 4-го управления НКГБ СССР «Победители» в тылу немцев.
4. *Год рождения* — 1911.
5. *Национальность* — русский.
6. *Партийность* — б/п.
7. *Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда)* — в опергруппе НКГБ СССР в тылу противника.
8. *Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне* — героически погиб в борьбе с немецкими захватчиками.
9. *С какого времени в Красной Армии* — (прочерк в тексте документа).
10. *С какого времени в партизанском отряде* — с августа 1942 г.
11. *Чем ранее награжден (за какие отличия и когда)* — орденом Ленина (Указ Президиума Верховного Совета СССР

от 26.12.43 г.; медалью «Партизану Отечественной войны» I степени (приказ Украинского штаба партизанского движения от 29.06.44 г.).

12. *Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи — Москва, НКГБ СССР.*

1. Краткое конкретное изложение личного военного подвига или заслуг

Николай Иванович за время пребывания в тылу противника с августа 1942 года в составе оперативной группы 4-го управления НКГБ СССР проявил себя беззаветно преданным патриотом Советской Родины. Принял участие в ряде операций против немецкой администрации в оккупированных районах Украины.

1. 20 сентября 1943 г. в г. Ровно Н.И. Кузнецов выстрелом из пистолета убил руководителя главного отдела финансов рейхскомиссариата Украины министерского советника доктора Ганса Геля и старшего инспектора Ровенского гебитс-комиссариата Адольфа Винтера.

2. 15 ноября 1943 г. в г. Ровно под руководством Н.И. Кузнецова и при его личном участии был похищен из своей квартиры, а затем убит командующий особыми войсками на Украине генерал фон Ильген.

3. 16 ноября 1943 г. Н.И. Кузнецов выстрелами из пистолета убил бывшего чрезвычайного комиссара по Мемельской области помощника рейхскомиссара Украины по судебным делам сенатспрезидента Альфреда Функа.

4. 10 февраля 1944 г. в г. Львове выстрелами из пистолета Н.И. Кузнецов убил заместителя губернатора Галиции доктора Бауэра и его секретаря доктора Шнейдера.

5. При контроле автомашины, на которой Н.И. Кузнецов и сопровождавшие его лица выехали из Львова, Н.И. Кузнецов убил немецкого офицера майора Кантера.

6. Находясь в Галиции, Н.И. Кузнецов расстрелял подполковника авиации Петерса.

Пробиваясь в расположение частей Красной Армии, Н.И. Кузнецов со своей группой из трех человек погиб в бою с бандой националистов (бандеровцев).

Кузнецов Николай Иванович за образцовое выполнение задания в борьбе с немецкими захватчиками в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм достоин представления к званию Героя Советского Союза.

*Зам. начальника 4-го отдела
4-го управления НКГБ СССР*

II. Заключение вышестоящих начальников ходатайству о представлении т. Кузнецова Н.И. к званию Героя Советского Союза

Начальник 4-го управления НКГБ СССР

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года Н.И. Кузнецову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Почему этот документ скрывался от историков и общественности? Думаю, по нескольким причинам. Во-первых, по идеологическим: Кузнецов был беспартийным, а в литературе его представляли коммунистом. Во-вторых, в наградном листе совершенно не отражено получение Кузнецовым сведений о предстоящем летом 1943 года наступлении немецких войск в районе Курской дуги.

Если верить книгам, Николай Кузнецов сыграл важную роль в Курской битве. Он сумел раздобыть сведения о предстоящем летом 1943 года наступлении немецких войск. Эту ценную информацию он получил 31 мая 1943 года на приеме у имперского комиссара территории Украины Эриха Коха, который «посоветовал» обер-лейтенанту Паулю Зиберту быстрее заканчивать дела в Ровно и отправляться в свою часть под Курском. «Как раз на вашем участке фронта, — сказал Кох, — назревают такие события, которые поставят Россию на колени... Фюрер готовит такой сюрприз большевикам, после которого они уже не опомнятся». Именно из-за этих сведений Кузнецов, утверждали авторы книг, и не стал стрелять в гауляйтера Украины.

Однако в наградном листе Николая Кузнецова этого эпизода нет. Да и той фразы Коха, если он ее действительно произнес, явно недостаточно для принятия советским командованием стратегического решения.

Значит, сообщения в Ставку об операции «Цитадель» (таково кодовое название наступления немцев летом 1943 года) от опергруппы «Победители» не поступало? Ответ на этот вопрос в спецсообщении 4-го управления НКГБ СССР в разведывательное управление Генштаба Красной Армии «О предполагаемом наступлении противника на участке Орел—Белгород—Харьков».

Вот полный текст этого документа, датированного 23 июня 1943 года.

«По поступившим данным от 7 мая сего года (выделено мною — А.П.) немцы якобы предполагают начать наступление на Восточном фронте с г. Орла в направлении на г. Елец и в дальнейшем на г. Пензу. С городов Курска и Харькова

наступление якобы должно развиваться в направлении на г. Воронеж, с г. Белгорода — на г. Малоархангельск с задачей окружить и уничтожить группировку войск Красной Армии, находящихся на этом участке фронта.

В район г. Орла противником якобы стянуто девять армий, из которых половина танковых. В составе танковых армий в основном находятся танки типа «Тигр».

На участке фронта от г. Великие Луки до г. Дорогобужа немцы якобы решили перейти в оборону до конца войны, там находятся всего две армии, одна из них танковая, со штабом в г. Витебске, якобы небоеспособная.

Военная база Восточного фронта, по тем же данным, находится в г. Конотопе.

Сведения источником почерпнуты из разговоров офицеров германской фронтовой разведки».

Согласимся, несмотря на пять раз повторенное «якобы», ничего похожего на «откровения» Эриха Коха. Кроме того, разведывательная информация о строго засекреченном плане немецкого наступления была получена в начале мая, а не в конце. Эта информация сыграла исключительно важную роль в подготовке и осуществлении Курской битвы (5 июля—23 августа 1943 г.). Дело в том, что до «спецсообщения» от 23 июня 1943 года Ставка и Генштаб из-за широко проводимой противником дезинформации (в том числе в других странах) считали наиболее вероятным местом летнего немецкого наступления г. Великие Луки в направлении на Москву.

Но если не Кузнецов, то кто же тогда добыл эти сведения? Думаю, что в глубоком немецком тылу, там, где работала опергруппа «Победители», был еще один советский разведчик или ценный агент.

Так что предположения современной украинской прессы о двойнике Кузнецова не случайны.

Какова же в таком случае роль Кузнецова? Весьма важная: он прикрывал источник информации от провала, отвлекая на себя гитлеровскую полицию безопасности и СД. Поэтому Пауль Зиберт-Кузнецов и проводил шумные террористические операции. Да и вся опергруппа «Победители» предназначалась, видимо, для сопровождения этого, пока еще неизвестного нам агента.

Прежде чем обосновать эту версию, необходимо хотя бы в общих чертах дать представление о структуре управления оккупированной немцами территории СССР и о дислокации разведывательных и контрразведывательных органов противника.

Обер-лейтенант Зиберт против оберштурмфюрера Пютца

Итак, захваченная гитлеровцами советская земля была разделена на три территории: Прибалтика, Белоруссия и Украина.

Имперским комиссарам этих территорий подчинялись генеральные комиссары, руководимые гражданской властью в так называемых генеральных округах.

На территории «Украина», где имперским комиссаром был, как уже отмечалось, Эрих Кох, существовало 9 генеральных округов (их границы не совпадали с советским административным делением). Нас больше интересует «генеральный округ Волынь и Подолье» с центром в Ровно.

Каждый генеральный округ имел несколько областей, во главе которых стояли областные комиссары (гебитскомиссары). Области делились на районы, а районы — на волости.

Соответственно этому были построены территориальные органы полиции безопасности и СД и полиции охраны порядка.

Начальником гитлеровских спецслужб в «генеральном округе Волынь и Подолье» являлся оберштурмфюрер СС (соответствовало немецкому армейскому званию обер-лейтенанта) Пютц. Их штаб находился в Ровно по улице Сталина, 25.

Все территориальные органы полиции безопасности и СД во всех генеральных округах подчинялись высшему руководителю СС и полиции Юга обергруппенфюреру СС (полный генерал) Прютцманну. Его штаб тоже размещался в Ровно.

Там же действовали несколько подразделений Абвера — немецкой военной разведки и контрразведки.

Небольшой город Ровно (около 50 тысяч жителей) был буквально нашпигован гитлеровскими чиновниками (246 оккупационных учреждений), гестаповцами, карателями и военными.

Стрелять в таких условиях в оккупантов — верная смерть для боевика.

Однако Кузнецов осуществил в Ровно, судя по наградному листу, три террористические операции.

Если советский агент, которого наш земляк «опекал», действительно существовал, то он, скорее всего, служил в разведке «Абверштелле Украина».

Что известно об этом «осином гнезде» из иностранной литературы?

Такое подразделение Абвера было сформировано в августе 1941 года и до ноября 1942 года дислоцировалось в Ровно.

но, затем переведено в Полтаву, а в феврале 1943 года «АСТ Украина» прибыл в г. Здолбунов близ Ровно. Там немцы готовили агентуру для заброски в советский тыл на всех участках южного крыла Восточного фронта.

Располагая в «АСТ Украина» агентурными позициями, вполне можно было добыть информацию даже о таком сверхсекретном плане, как «Цитадель».

В таком случае понятно и то, почему медведевцы не «тревожили» Здолбунов, а Кузнецов держал там конспиративную квартиру. Этим же объясняется место и время «акций возмездия», а также боевая активность опергруппы «Победители».

В сообщении о деятельности этой группы за время пребывания в тылу врага с 19 июня 1942 по 19 июня 1943 гг. отмечалось: «В боях и столкновениях с противником, а также в операциях по отвлечению внимания врага от главной задачи группы (выделено мною — А.П.) убито до 550 и ранено до 150 немецких солдат и офицеров, убито и расстреляно до 600 и ранено до 180 полицейских, жандармов и немецких агентов.

Взорвано и повреждено на железных дорогах 26 воинских эшелонов с живой силой и техникой, 76 паровозов, два железнодорожных депо, семь мостов, три железнодорожные мастерские, две электростанции, три дизеля, один склад горючего и 44 километра полотна железной дороги.

Кроме того, сбит один двухмоторный бомбардировщик противника, уничтожено 15 автомашин и автобусов, 4 завода-лесопилки, сожжено 25 немецких имений.

В результате боевых операций захвачено: до 40 винтовок, 8 автоматов, 31 пистолет, 2 станковых и 8 ручных пулеметов, до ста гранат, 2 миномета, до 20 тысяч патронов, свыше 2 тонн взрывчатых веществ, 15 велосипедов и другого имущества. *Документы доставлены в Москву* (выделено мною — А.П.).

В августе 1942 года группой был совершен налет на штаб организации Тодта, ведающей строительством укреплений в районе железнодорожного узла Сарны.

При налете уничтожено отделение гестапо, взорван и сожжен эшелон в составе 19 вагонов, авторезина, убито до 60 немцев, захвачено оружие и боеприпасы.

В июне 1942 года на лагерь группы напал карательный отряд численностью до 160 человек. В результате двухчасового боя каратели бежали, оставив на поле боя 40 трупов, в том числе 7 офицеров.

Группа «Победители», имевшая в своем составе 95 человек, выросла в тылу противника за счет местного населения, военнопленных, бежавших из немецкого плена, и насчитывает в настоящее время 503 человека.

Потери группы: убито 37 человек, пропало без вести пятеро, ранено 46 человек».

После разгрома в Курской битве тридцати отборных дивизий гитлеровцы стали искать источники информации о плане «Цитадель». И тогда, спасая от провала своего товарища по борьбе, Кузнецов сознательно и обдуманно принял на себя удар многочисленных органов полиции безопасности и СД «генерального округа Волынь и Подолье».

Поэтому первые выстрелы в Ровно и прогремели через месяц после победы советских войск на Курской дуге. Следующие террористические акты также удивительно совпали с завершением крупных наступательных операций Красной Армии на Украине. Так что не надо считать Кузнецова фанатиком-террористом. Он был универсальным (и уникальным) профессионалом в такой весьма специфической сфере, как стратегическая разведка.

В январе 1944 года «Абверштелле Украина» был расформирован. Сотрудников этого органа перевели в другие подразделения Абвера, которые находились в местечке Слаубь, в Луцке и во Львове. Тогда же по этому маршруту отправились Кузнецов, Каминский и Белов. Что это? Случайное совпадение?

«Последняя встреча с Николаем Ивановичем Кузнецовым, — вспоминал начальник разведки опергруппы «Победители» А.А. Лукин, — проходила в старом заброшенном сарае на краю села Германувка... Уточнили задание, обсудили некоторые детали...». Подробности Лукин не назвал. Но не исключено, что речь шла о восстановлении связи с источником важной информации. В таком случае становится понятно, почему Пауль Зиберт на несколько суток задержался в Луцке, а потом прорвался во Львов и убийством заместителя губернатора Галиции Бауэра и его секретаря Шнейдера переполошил местную полицию безопасности и СД («Генеральный округ Львов» входил в состав польского генерал-губернаторства). Так Кузнецов как бы подал сигнал своему товарищу: «Я здесь, ищу связь». Остаться долго во Львове, где не было базы (явок, конспиративных квартир, документов и пр.), он не мог. Поэтому и пришлось скрываться в лесу, враждебном как к немецким офицерам, так и советским разведчикам.

Погиб в бою

Наградной лист на Кузнецова был подписан руководителями 4-го управления НКГБ СССР 16 октября 1944 года. Значит, уже тогда они знали (причем достоверно) о времени, месте и обстоятельствах гибели разведчика-боевика. Да и как им было этого не знать, если при освобождении Львова 27 июля 1944 года были захвачены сейфы с документами штаба и боевой группы Прютцманна. Среди этих бумаг — переписка с Берлином. Приведем из нее некоторые отрывки, которые говорят сами за себя: «...украинский делегат сообщил, что одним подразделением украинских националистов 2 марта 1944 года задержаны в лесу недалеко от Белогородки в районе Вербы (Волынь) три советских агента (ныне это Дубнивский район Ровенской области — А.П.). У них изъяты фальшивые немецкие документы, карты немецкие, украинские и польские газеты, среди них «Газета Львовска» с некрологом о докторе Бауэре и докторе Шнейдере, а также отчет одного из задержанных о проделанной работе. Этого агента (по немецким документам его имя Пауль Зиберт) опознал представитель УПА («Украинская повстанческая армия» — А.П.). Речь идет о советском партизане-разведчике и диверсанте, который долгое время безнаказанно совершал свои акции в Ровно, убив, в частности, доктора Функа и похитив, в частности, генерала Ильгена... Имеющиеся в отчете подробности о местах и времени совершенных актов, о ранениях жертв, об истраченных боеприпасах и т.д. кажутся точными. От боевой группы Прютцманна поступило сообщение о том, что «Пауль Зиберт» и оба его сообщника расстреляны на Волыни националистами-бандеровцами. Представитель ОУН подтвердил этот факт и обещал, что полиции безопасности будут сданы все материалы».

Кстати, на этот же документ ссылался в своих книгах «Это было под Ровно» и «Сильные духом» командир опергруппы «Победители» полковник госбезопасности Медведев. Значит, оснований не верить трофейным документальным материалам у руководителей 4-го управления НКГБ не было. За исключением одной детали. Очень важной. В немецкой переписке указано, что Пауль Зиберт и его сообщники «задержаны», а затем «расстреляны». В наградном листе Кузнецова отмечено «погиб в бою с бандой националистов (бандеровцев)». Кому же верить?

Вывод НКГБ об обстоятельствах гибели своих сотрудников основан на документах, которые так же, как и архив Прютцманна, скрыты в спецхранах.

Дело в том, что в марте 1944 года на участке 13-й армии 1-го Украинского фронта отдел «Смерш» (советская военная контрразведка — А.П.) обнаружил секретное распоряжение бригаденфюрера СС (генерал-майора) Бреннера от 12 февраля 1944 г. «Об отношении к членам национальной «Украинской повстанческой армии».

В этом, ранее также не публиковавшемся документе, в частности, отмечалось: «Начавшиеся в настоящее время в районе Деражно переговоры с руководителями украинской повстанческой армии успешно продолжают теперь в районе Верба. Достигнуто следующее соглашение: члены УПА не будут совершать нападения на немецкие воинские части. Кроме того, УПА систематически засылают в районы, занятые противником, своих разведчиков, преимущественно девушек, и сообщают результаты в 1-Ц боевой группы (отдел в штабе Прютцманна по разведке и контрразведке — А.П.). Захваченные УПА пленные Красной Армии, а также члены советских банд передаются в 1-Ц на допрос...».

Почему же в таком случае Пауля Зиберта и его спутников не передали в боевую группу Прютцманна, а лишь все обнаруженные у них материалы и сообщили, что «три советских агента расстреляны»?

Очевидно, что этому предшествовал бой, в котором Кузнецов и его товарищи погибли. Потом бандеровцы нашли у них документальные материалы, свидетельствовавшие о принадлежности неизвестных к советской разведке (до исхода неравного боя они вообще не знали, что за люди появились в белгородском лесу, тем более что один из них был в форме немецкого офицера).

Чтобы скрыть от немцев нарушение достигнутого в тех же местах секретного соглашения с гитлеровской полицией безопасности, делегат ОУН и сообщил на переговорах ложные сведения «о расстреле советских агентов», но передал позднее «все обнаруженные у них материалы».

Правда, на эти документы историографы Кузнецова почему-то перестали ссылаться после 1960 года, когда местом его гибели официально было названо село Боратин в Львовской области. Тогда же копии документов из переписки Прютцманна с Берлином исчезли из музеев. Такое вольное (и непонятное) обращение с историческими фактами привело к рождению слухов о том, что Кузнецов жив, но выполняет на Западе специальное задание КГБ, а все материалы о его гибели в Боратине — всего лишь легенда.

Разрешить эти и другие противоречия и разночтения в биографии нашего земляка можно только на основании ма-

териалов из архивов бывшего КГБ. Повторюсь: их существование сейчас ни у кого не вызывает сомнений.

Значит, нужна и новая документальная книга о Кузнецове и его времени. Убежден, что эта книга будет не менее захватывающей, чем вся предыдущая литература об этом разведчике-боевике. Потому что Кузнецов-человек выше, значимее Кузнецова-символа.

Жестокое время

Беседа с участником ликвидации националистических банд в Эстонии В.К. Орлянским 22 сентября 1989 года.

— *Василий Кузьмич, вспомните свою молодость.*

— Она совпала с войной. После окончания девятого класса я занимался в Новосибирском аэроклубе, но военкомат направил меня в московское пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР. В июле 1942 года получил лейтенантские «кубари» и направление на Волховский фронт, участвовал в прорыве блокады Ленинграда, освобождении Прибалтики. Войну закончил в Берлине.

«Капитан В.К. Орлянский на фронтах Отечественной войны с 25 июля 1942 года. За этот период принимал активное участие в многократных наступательных боях, командуя стрелковой, учебной и штрафной ротами. С октября 1942 года противник, предприняв контратаку, потеснил подразделения 1254-го стрелкового полка. Тогда для восстановления прежнего положения со своей ротой был послан капитан Орлянский. Благодаря умелому управлению боем рота выбила немцев из занятых траншей. 30 сентября 1943 года перед наступлением в районе с. Спасская Полисть лично организовал захват контрольного пленного, обеспечив выполнение поставленной командованием боевой задачи. В июле—августе 1944 года во время наступательных боев по освобождению Прибалтики умело организовал преследование отступающего противника, не давал ему закрепиться на промежуточных рубежах. В боях Орлянский получил 4 ранения, из них 2 — тяжелых» (Из наградного листа).

— *Слышал, что в 1945 году вы расписались на стене рейхстага и в книге регистрации браков?*

— В нашей дивизии служила санинструктором Маша Мандрова. Мы полюбили друг друга. «Венчались не в церкви» — это про нас. Брак «благословил» политотдел дивизии, и вот в любви и согласии живем с Марией Никитичной сорок четыре года. Воспитали трех дочерей, двое из которых родились в Эстонии.

— *Как вы там оказались?*

— В конце 1946 года меня демобилизовали. Вернулся с женой в г. Славгород Алтайского края, где жила мать. Работал в тамошнем горисполкоме, а один из фронтовых друзей предложил переехать в Эстонию. Я решился. Устроился на работу в Валгамаский лесхоз, был избран секретарем парторганизации. В ноябре сорок девятого меня вызвали в уездный комитет компартии Эстонии и назначили начальником штаба «батальона истребителей бандитов». Вскоре стал его командиром.

— *Что собой представляло это подразделение?*

— Борьбу с националистическими бандами в республике вели органы госбезопасности, войска МВД и добровольные формирования, состоящие из местных коммунистов и комсомольцев. В батальоне, которым я командовал, было около 200 человек. Штаб находился в уездном городке Валга, а в волостных селах имелись взводы. Бойцы были вооружены винтовками, автоматами и пулеметами. В оперативном отношении батальон подчинялся уездному отделу МГБ, а его название весьма точно отражало назначение. Время было жестокое...

— *Сегодня некоторые лидеры национального движения в Эстонской ССР пытаются представить «лесных братьев» борцами за освобождение Эстонии от сталинизма. По инициативе эстонского общества охраны памятников старины в Каутла открыт памятник членам шпионско-диверсионной группы Абвер-2—«Эрна», «павшим — как было объявлено — от истребительного батальона». Так кем же были «лесные братья»: бандитами или национальными героями?*

— «Лесные братья» появились еще до войны. В леса подались те, для кого Советская власть была бельмом на глазу: недавние кулаки и их приспешники, реакционная часть офицерства буржуазной армии, деятели «Омакайтсе» — эстонской фашистской организации. С приходом гитлеровцев они пошли к ним в услужение, творили кровавые злодеяния над коммунистами и им сочувствовавшими, участвовали в массовых расстрелах узников Тартусского лагеря смерти. На Рижском процессе военных преступников в 1946 году обергруппенфюрер Еккельн «усердие» буржуазных националистов из Эстонии, Латвии и Литвы оценил так: «Они даже больше, чем немцы, стремились к уничтожению коммунистов. Если даже Германия проиграет войну, это очень хорошо — уничтожат просоветски настроенных, особенно коммунистов, без которых будет легче...» (книга «Компромиссы исключаются». Таллинн. Издательство «Ээсти раамат», 1982. С. 262). После 1944

года «лесные братья» вновь укрылись в лесах. Свои изуверские дела они творили почти во всех уездах республики, как бандиты-уголовники, но преследовали четкие политические цели — свержение Советской власти в республике и восстановление капиталистической Эстонии.

— *На что же они рассчитывали: силы были слишком неравными?*

— На помощь извне. Сначала надеялись на гитлеровскую Германию, потом — на Англию и США. В начале 1944 года в оккупированной Эстонии был создан «национальный комитет», который рекламировался перед Западом как будущее правительство буржуазного государства. Стремительное наступление наших войск спутало все карты националистов и их покровителей. По замыслу лидеров националистического подполья террористические акции «лесных братьев» должны были создать у Запада представление массового повстанческого движения в Эстонии. На первых порах так и получилось: иностранные разведки и зарубежные эмигрантские организации, обосновавшиеся в Швеции, явно преувеличивая значение и возможности «лесных братьев», пытались регулярно снабжать их оружием, перебрасывали через государственную границу своих эмиссаров. Чтобы придать весомость разрозненным бандитским группам, главари создали «труд», громко озаглавленный «Идеологические основы лесного братства». Я его читал, но никаких основ, тем более идеологических, в нем не нашел. Это — наставление о формах и методах борьбы с Советской властью: бандитизм, террор и шпионаж. В обстановке сегодняшних преступлений сталинщины нетрудно представить руководителей движения «лесных братьев» национальными героями. Их лозунги внешне благозвучны, символика притягательна, особенно для молодежи, которая, к сожалению, верит тем, кто пытается доказать, будто стоит «отделиться от СССР», как жизнь эстонцев сразу станет зажиточной...

— *Но вы не будете отрицать факты насильственного выселения эстонцев из родных мест в послевоенные годы?*

— Не буду. В республике, по существу, шла гражданская война со всей присущей ей жестокостью. Обе стороны не отличались милосердием. Тысячи хуторян с их семьями были высланы из республики как пособники «лесных братьев». Представьте себе отдаленный хутор... Страх перед любыми «гостями», неважно, что у них на шапках: эмблемы «Омакайтсе» или красные звезды. Бандиты требовали еду, самогон, убежище, сведения о расположении подразделений войск МВД и истребительных батальонов. В случае отказа — убьют

семью, сожгут хутор. Такое случалось, и не единожды. Отоспятся на хуторе, разгромят ближайший волостной пункт, убьют коммунистов, сельских активистов — и в лес. А на хутор тем временем нагрянет маневренная группа войск МВД. Бандитам было безразлично, что хуторян, как формальных пособников, привлекут к ответственности по всей строгости тогдашних законов.

— *Расскажите о действиях вашего батальона.*

— Как я уже говорил, мы подчинялись местным органам госбезопасности. Те от своих сотрудников, внедренных в банды, или от верных людей на хуторах получали сведения о местонахождении «лесных братьев», после чего планировали операцию по их ликвидации.

Помню, однажды окружили избушку под разлапистой елью. Знали, что в ней находятся ближайшие сподвижники «черного капитана» — был такой головорез в уезде, который в местах своих злодеяний всякий раз записку оставлял: «Здесь был черный капитан». Кричим: «Выходите! Сдавайтесь, вы окружены! Стрелять будем!». Молчание. Избушка кажется необитаемой. Но кое-какой опыт у нас был: сунешься в закрытые двери — и тут же получишь автоматную очередь. Ну уж нет; дал команду пулеметчику «прошить» избушку на уровне человеческого роста. Очередь стихла, слышим крик. Ворвались, захватили живой связную банды, а другой бандит как прижался к стене около двери (готовился прыгнуть на входящего и использовать его как заложника), так и был убит наповал. Пленница назвала нам адрес одного из руководителей националистического подполья, связанного с «черным капитаном». Не теряя времени, вернулись в город, там обошлось без стрельбы.

«Тов. Орлянский работает в должности командира батальона истребителей бандитов с 12.11.49 г. Показал себя только с положительной стороны, дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным. Принимал личное участие во всех проводимых силами батальона операциях, показывал смелость и настойчивость в выполнении поставленных задач. В феврале 1950 г. под руководством т. Орлянского проводилась чекистско-войсковая операция, в результате которой был убит один вооруженный бандит и задержаны участники бандгруппы «черного капитана» и нацподполья. За эту операцию министром госбезопасности ЭССР т. Орлянскому объявлена благодарность». (Из служебной характеристики).

— *Василий Кузьмич, вы, конечно, прочитали Заявление ЦК КПСС о положении в республиках советской Прибалтики?*

— Да, и как участник освобождения Прибалтики от немецко-фашистских захватчиков, драматических послевоенных событий в Эстонии возмущен фактами вандализма, глумления над символами государства, над памятниками павшим в Великой Отечественной войне и жертвам бандитизма. Я знал эстонцев как честных, рассудительных, уважительных к другим народам людей.

«Лучшая награда — жизнь»

Так считает участник партизанского движения Никита Власович Смехович. Накануне праздника Победы в 1993 году его наградили медалью «За отвагу». После войны Смехович служил в органах госбезопасности и в милиции. Появилась возможность заглянуть в личное дело майора в отставке и использовать другие, ранее не доступные документы.

Под псевдонимом «Никита»

Когда началась война, Смехович работал в Кемерово и Ленинск-Кузнецке спасателем-водолазом ОСВОДа. Через год 18-летнего белорусского комсомольца-добровольца зачислили с учетом его редкой специальности в Московскую высшую оперативную школу особого назначения и стали готовить к выполнению специального задания в глубоком тылу противника.

3 мая 1943 года группу диверсантов-подводников под руководством инструктора «Никиты» (настоящих фамилий знать не полагалось) забросили на парашютах на территорию Пинской области в распоряжение партизанского соединения «Комарова».

Под этим псевдонимом выступал Василий Захарович Корж, один из настоящих вожаков партизанского движения в Белоруссии. Он родился в 1899 году в семье крестьянина. В 20 лет стал партизаном отряда К.П. Орловского, действовавшего в Западной Белоруссии. В 1925 году Корж приехал в СССР и до 1931 года возглавлял колхоз. С 1931 по 1936 годы служил в органах НКВД БССР, а затем воевал в Испании. В 1939—1940 годах — директор совхоза и начальник отдела Пинского обкома КПБ. В начале Великой Отечественной войны он сформировал истребительный отряд, из которого позже было создано крупное партизанское соединение. В августе 1944 года генерал-майор Корж получил Золотую Звезду Героя Советского Союза. Кроме того, он награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны и медалями. В 1946 году за свою «независимость» отправлен в отставку, был замом министра лесного хозяйства БССР, а потом больше

десяти лет, до самой смерти, — председателем колхоза «Партизанский край» в Брестской области.

Под командованием Коржа партизаны разгромили 60 немецких гарнизонов, пустили под откос 478 вражеских эшелонов, взорвали 62 железнодорожных моста, уничтожили 86 танков и бронемашин. Наиболее крупной, но особенно не афишируемой операцией явилось разрушение гидротехнических сооружений Днепровско-Бугского канала, связавшего с середины XIX века Днепр и Вислу. Немцы активно использовали этот водный путь (особенно при подготовке наступления на Курской дуге) для переброски войск и техники.

Приказ Ставки вывести из строя Днепровско-Бугский канал Корж получил зимой 1943 года. Тогда партизаны с боем прорвались к шлюзам и повредили их надводную часть. Однако гитлеровцы отбросили смельчаков и устранили до открытия навигации незначительные разрушения — движение вражеских судов возобновилось. «Комаров» — Корж понял: нужен подводный взрыв. Во-первых, взрывчатка требуется в несколько раз меньше, а, во-вторых, сила взрыва из-за плотности воды намного возрастет. Но такую акцию могли провести только «узкие» специалисты — боевые пловцы спецназа. И они спустились с небес — молодые неразговорчивые парни без знаков различия и без документов.

Операция по разрушению канала готовилась тщательно — две бригады Герасимова и Шубитидзе (почти 500 партизан) прикрывали подводных диверсантов. И все-таки риск был велик: не успеешь до взрыва выбраться из воды — всплывешь оглушенный, как рыба, вверх брюхом; вынырнешь раньше, чем сработают взрыватели, — подставишься под прицельный огонь охраны. Но не зря изнурялись на тренировках боевые пловцы — ни единого не потеряли. А ударили точно «в десятку» — два шлюза (из десяти) разнесло в клочья, уровень воды снизился до 30—60 сантиметров, и в Пинском порту сели на мель около 130 речных пароходов и барж. Потом партизаны захватили эти трофеи.

Так полвека назад накануне больших летних сражений 1943 года была парализована важная транспортная коммуникация, которую противник уже не смог восстановить. Для закрепления успеха планировались подобные акции на Висле в Польше. Однако в связи с удачным наступлением советских войск от этой диверсии отказались. Между тем специалисты-подрывники, в том числе и «Никита» — Смехович, и на суше не сидели без дела: участвовали вместе с партизанами в «концерте» — заключительной части знаменитой «рельсовой войны».

В это время начальник отдела «Иностранные армии Востока» Рейнгард Гелен (в 50—60-е годы — руководитель разведывательной службы ФРГ) отмечал: «...Сейчас для партизан на первом месте стоят диверсионные акции по выводу из строя железнодорожных сооружений и гидроузлов, шоссейных дорог и мостов, технического оборудования и средств связи. С возросшей боевой мощью партизан их нападения на большие опорные пункты и маленькие города перестали быть редкостью». И дальше: «...Остается еще упомянуть о «группах диверсантов». Под ними следует понимать группы парашютистов, преимущественно военнотружущих Красной Армии, которые в составе 4—8 человек сбрасываются в тыловые районы с диверсионными заданиями. Часто эти диверсанты имеют приказ после исполнения своего задания присоединиться к какому-нибудь партизанскому формированию, которое получит, таким образом, подкрепление в лице квалифицированных специалистов в подрывном деле...».

26 апреля 1944 года пинские партизанские бригады встретились с регулярными частями Красной Армии, и начальник белорусского штаба партизанского движения направил Смеховича... к месту довоенного жительства — в Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. Но война продолжалась, и появление в городе вполне годного к службе парня вызвало подозрение у местных чекистов. Начали было проверять «Никиту», но выяснилось, что такие, как он, получали после выполнения спецзаданий отсрочку от призыва в армию сроком на один год. Понятно, что при такой характеристике заместителя начальника шахты «Журилка» призвали не в войска, а в органы госбезопасности.

По следам «Абвера»

Когда закончилась война, оперуполномоченный Ленинск-Кузнецкого горотдела МГБ младший лейтенант Смехович занимался розыском сотрудников и агентов диверсионно-разведывательных команд «Абвер-2». На советско-германском фронте действовало 6 абверкоманд, в подчинении у которых находилось от двух до шести абвергрупп. В последний период войны абверкоманды забрасывали диверсионно-террористические группы на оседание в промышленные районы Урала и Кузбасса, где существовал упрощенный порядок прописки и приема на работу. Выявить скрывавшихся под чужими документами предателей, заслуживавших законного наказания, было непросто. В этих целях тогда широко использовались так называемые «агенты-опознаватели», как правило,

бывшие преподаватели и инструкторы диверсионно-разведывательных школ «Абвера», по-разному привлеченные к сотрудничеству с органами госбезопасности. Эта методика розыска государственных преступников ничего общего с «доносительством» не имела, так как без доверительных отношений между оперработником и «агентом-опознавателем» рассчитывать на конкретные результаты в розыске не приходилось. Угрозы здесь не помогали.

Смехович сумел «подобрать ключик» к бывшему инструктору Минской разведывательно-диверсионной школы «Павлову». Эта школа была организована в сентябре 1943 года «абверкомандой-203». Ее курсанты изучали взрывчатые вещества и методы диверсионных актов, топографию и радиодело, а затем группами от 4 до 20 человек забрасывались в глубокий тыл советских войск. После эвакуации из Минска школа действовала на территории Польши, Германии, Чехословакии до середины апреля 1945 года и успела выпустить сотни агентов, которые после крушения гитлеровского рейха разбрелись по СССР.

С помощью «Павлова», уроженца Тобольска, служившего до немецкого плена военинженером 3-го ранга, контрразведчики установили и арестовали несколько выпускников Минской школы «Абвера». Через сорок с лишним лет эти следственные дела пересмотрены, но осужденным по ним за предательство военнослужащим Красной Армии в реабилитации отказано. Значит, лейтенант Смехович действовал по закону.

В октябре 1950 года Никиту Власовича перевели в Тувинскую автономную область. И хотя он характеризовался, как отмечено в аттестации, «с положительной стороны», его «не баловали» наградами. Участник дерзкой диверсионной операции в тылу врага не получил даже обязательной для каждого чекиста (независимо от его местонахождения во время войны) медали «За победу над Германией». Как будто и не было его вклада в эту победу. Зато у начальника Тувинского управления МГБ полковника Н.Н. Петрова, возглавлявшего с 1936 по 1938 годы Тюменский горотдел НКВД и ни единого дня не находившегося ни на фронте, ни за его линией, вся грудь в орденах. Не меньше, чем у партизанского генерала Коржа. Так в условиях сталинского режима оценивалась борьба с собственным народом. Петров без угрызения совести фабриковал дела, а в 1937 году расстреливал невинных тюменцев в подвале дома на углу улиц Республики и Семанова (только в 1959 году его исключили из КПСС «за нарушения соцзаконности»). А Смехович тяготился выполнением

таких заданий, как «выявление политических настроений населения» (в феврале 1957 года его перевели в Тюмень, а через два года он перешел на службу в милицию). Время одно, а люди — разные.

Почему же о водолазе-спасателе, диверсанте-подводнике, шахтере, контрразведчике, заместителе начальника Ялutorовского РОВД и начальнике Ямальского РОВД, а с 1968 года пенсионере Смеховиче вспомнили через полвека и наградили медалью «За отвагу»?

Могу предположить, что при подготовке Указа Президента Российской Федерации о награждении участников партизанского движения, подписанного 6 мая 1993 года, рассматривались представления и ходатайства полувековой давности о вручении правительственных наград (включая присвоение звания Героя Советского Союза) участникам разведывательно-диверсионных групп за выполнение специальных заданий в тылу врага.

Известно, что орденами и медалями были награждены 12 тысяч белорусских партизан, 8 стали Героями Советского Союза, среди них 14 командиров чекистских оперативных отрядов: Н.А. Прокопюк, П.Г. Лопатин, Е.И. Мирковский, В.А. Карасев, В.Л. Неклюдов, Б.Л. Галушкин, С.А. Ваушпасов и другие.

Но в вооруженной борьбе с оккупантами в Белоруссии участвовало свыше 450 тысяч партизан, а специальные задания на территории «воюющей республики» выполняли сотни бойцов под оперативными псевдонимами. Для «расшифровки» некоторых наградных документов потребовались десятилетия. А государство Советский Союз, за которое сражались и умирали безымянными эти люди, распалось, упразднены прежние почетные звания и почти все боевые ордена и медали. Но отменить отвагу и мужество никому из политиков не по силам.

Расстроился ли Никита Власович от того, что вместо Золотой Звезды получил «солдатскую» медаль «За отвагу»? Надеюсь, не очень. Потому как на вопрос о том, как он воспринял известие о награждении, председатель городского и районного совета ветеранов Смехович ответил: «Так как... Знаете, моя самая лучшая награда — это то, что я остался тогда живым». Достойный ответ спецназовца, знающего цену жизни и смерти.

Свет и тени послужного списка

Что скрывается за обыденностью казенных формулировок «присвоить», «назначить», «наградить».

Для 83-летнего ветерана двух войн, гвардии подполковника в отставке Михаила Ивановича Карташова это — трудное детство без мамы, которая умерла от тифа, работа с 14 лет арматурщиком на строительстве доменных печей в Сталинске (сейчас Новокузнецк), школа ФЗО и Омское пехотное училище. В выпускном 1937 году курсанты-омичи вышли на первое место по боевой и политической подготовке среди пехотных и на пятое среди всех училищ Красной Армии.

Потом был Халхин-Гол и Баин-Цаганское побоище. Воевал в знаменитом полку майора Ремизова. Заменял погибшего командира роты.

Японские части дрались жестоко. Борьба осложнялась из-за сыпучих песков, глубоких котлованов и барханов.

Вспоминаются встречи с комкором Жуковым. Он не терпел недисциплинированности и расхлябанности даже в мелочах. Однажды появился на занятиях по тактике. Увидел, что у одного командира волосы торчат в разные стороны. Говорит: «Проверим, каков порядок в голове». И — задание ему по карте.

К 30 августа 1939 года вторгшиеся в Монголию японцы были окружены и уничтожены. Их потери — около 61 тысячи человек. Советско-монгольские войска потеряли 18 тысяч бойцов и командиров. А лейтенант Карташов получил там тяжелое пулевое ранение в живот.

«Назначить начальником штаба 464-го стрелкового полка 78-й стрелковой дивизии...»

Эта запись внесена в его послужной список в апреле 1942 года. Вовсю шла война. Кадровые войска уже перемолоты противником в приграничных сражениях, в боях за Киев, Ленинград, Москву. В глубоком тылу по мобилизационным сусекам мели остатки годных к строевой. В Самар-

канде набрали лишь половину штатной численности новой дивизии. Недостающую часть получили в Костроме. В июне соединение — 12645 бойцов и командиров, не имевших в большинстве своем военной подготовки, — было направлено на фронт.

В Вышнем Волочке, где получали оружие, дивизию проверил сам маршал Ворошилов. Поминая через каждое слово бога, он не решился сразу бросить в бой дивизию, в которой насчитывалось более двух тысяч узбеков, едва владевших русским языком. «Я хоть и старый дурак, — сказал довоенный нарком обороны, — но из ума, ей-богу, еще не выжил!».

Но уже через месяц дивизия, возглавляемая служившим до того в войсках НКВД полковником Михайловым, оказалась под Ржевом. Единственный успех — взятие деревни Ханино. Эту победную атаку разработал старший лейтенант Карташов, раненный в этом бою осколком в плечо. Других командиров, не знавших боевой теории и рассчитывавших лишь на матерок и наган, немцы перебили.

В марте 1943 года уже на Юго-Западном фронте под Харьковом уставная вьедливость начальника штаба, так раздражавшая вышестоящих командиров, комиссаров и особистов НКВД, спасла дивизию от полного уничтожения. А один из ее полков, отказавшийся от боевого охранения и разведки, втянулся в широкую балку с прозаическим названием «Мирная долина». И не вышел. Всего три «Тигра» с десантом автоматчиков на броне решили трагический исход этого неуставного марша.

За вывод частей дивизии из окружения капитана Карташова наградили орденом Отечественной войны I-й степени. Первым за войну орденом. И последним. Остальные награды у него за выслугу лет.

После форсирования Днепра и освобождения Киева многим казалось: противник деморализован. Надо гнать его с родной земли. Не останавливаясь. Не считаясь с потерями.

В советской военной доктрине количество убитых, раненых, пленных и пропавших без вести не являлось, как в других армиях, оценочным фактором обороны и наступления. Другие были ориентиры — рубежи-символы и красные дни календаря. За это осыпали наградами и возводили на пьедесталы. За то же самое, но в случае неудачи судили и срывали погony.

Если даже через 50 лет после победы на фашистской Германии целью военной кампании в Чечне остался президен-

тский дворец Дудаева, а побудительным мотивом к наступлению день рождения тогдашнего министра обороны Грачева, то можно представить, как воспринимались попытки начштаба полка Карташова упорядочить окопный бой и сберечь подчиненных.

После взятия Запорожья и Умани дивизию гнал на запад приказ — быстрее других частей выйти на Государственную границу СССР.

Пехота брела по непролазной грязи. Техника в условиях невиданного бездорожья бездействовала. Тылы отстали. Голод. Вши. Усталость.

Полк Назаренко первым ворвался в Запорожье и обеспечил успех операции для всей дивизии, получившей наименование «Запорожской». В том бою бесстрашного командира полка сразил наповал шальной осколок мины. Но после войны одну из улиц в этом городе назвали почему-то в честь начдива Михайлова и памятник поставили тоже ему. На встречах с ветеранами дивизии генерал-майор в отставке Михайлов рассказывал с пафосом, как скончался на его руках подполковник Назаренко. А тогда, в 1944 году, под обстрелом, выбираясь на карачках из кукурузных зарослей и заикаясь от страха, он приказал майору Карташову возглавить оставшийся без командира полк.

Днями позже «вилисс» с заместителем командующего армией и командиром дивизии обогнал растянувшиеся пешие колонны. В селе, где рукой было подать до реки Прут — желанной госграницы, 28-летнего комполка встретили неласково. Особенно неистовствовал генерал-лейтенант. А у майора в глазах темно от недосыпания, тело от вшей чешется, погоны гнидами осыпаны. Грязный, страшный, злой. Сказал все, что думал о тогдашнем наступлении. Генерал в крик: «Снять с полка!». А в ответ: «Не имеете права. Это решение только за командующим армией. А вы по уставу должны выполнять лишь отдельные его поручения».

Помолчать бы о правах. И свое знание должностных полномочий не показывать. Ел бы начальство глазами да бубнил: «Есть! Так точно! Слушаюсь!». Ведь знал: не простят ему своеволия.

И верно, получил скоро от Михайлова приказ: «Продвинуться к городу Яссы и войти в него». Только выразил сомнение в реальности выполнения задачи, посильной, как минимум, целой армии, как тут же последовало обвинение в нерешительности и... военный трибунал.

Приговор: «...десять лет лагерей». Последнее слово не за подсудимым, а за командующим фронтом. Маршал Конев

окончательно решил: «...разжаловать в рядовые и направить в штрафной батальон сроком на два месяца».

Маршал, конечно, понял надуманность обвинения в отношении боевого офицера, но против военного трибунала не выступил. Как монетку, судьбу подбросил: орел или решка! Может, повезет.

Но везло немногим: штрафные части использовались на самых опасных участках фронта. Их бросали на прорыв обороны противника часто без артиллерийской поддержки, танкового сопровождения и авиационного прикрытия. Выход — только вперед. Позади — пулеметы заградительных отрядов.

Осужденного и разжалованного майора даже из партии не исключили. 20 августа 1944 года он пошел в атаку с винтовкой наперевес и с партийным билетом в кармане гимнастерки. Штрафник-коммунист. Зачем политотделу портить статистику. Лучше провести его по графе погибших. Все равно из штрафников не возвращаются живыми.

Но Карташов уцелел. И в его послужной список внесли запись: «...При прорыве сильно укрепленной «линии Трояна» действовал смело и решительно. Огнем из винтовки и штыком уничтожил до 10 солдат и офицеров противника. В соответствии с приказом НКО № 298 от 28.09.42 г. срок наказания в штрафбате отбыл. Достоин восстановления в прежнем звании майор и снятия судимости».

А вот полку, которым до штрафбата командовал Карташов, не повезло. Противник отсек его на правом берегу Прута и почти полностью уничтожил. Не зря бывший командир сомневался в успехе такого безумного наступления. Но с Михайлова как с гуся вода: как ни в чем не бывало предложил восстановленному во всех правах майору занять прежнюю должность. Тот едва сдержался — обратно в штрафбат не хотелось.

Войну Карташов закончил в Румынии начальником штаба 9-го Фокшанского полка 4-й гвардейской Овручской Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого воздушно-десантной дивизии.

Потом отвечал за демобилизацию 46-й армии: формировал команды, отправлял эшелоны... Не разгибая спины, скрипели перьями одиннадцать писарей. Численность запасного полка достигала 40 тысяч человек. Среди них около 5 тысяч женщин. С ними хлопот больше. Многие из них тяжело переживали крушение фронтовых романов. Оттого дерзость, неподчинение, истерики, попытки самоубийства...

Прошла демобилизация, началась репатриация советских граждан, по разным причинам оказавшихся за грани-

цей. Работал в контакте с контрразведчиками «Смерш»: те искали среди репатриантов агентов вражеских разведок, предателей, пособников оккупантов. Приходилось встречаться с представителями румынского правительства. Участвовал в церемонии награждения короля Михая орденом Победы.

В 1946 году стал просить о переводе в Сибирь. В глухом таежном городке Топки ждала его жена Фаина Николаевна. С дочерью и сыном. Когда их отец ушел на войну, одной исполнилось три года, а другому десять месяцев.

В Новосибирске в штабе округа предложили: место службы — Тюмень, должность — начальник штаба батальона 6-й отдельной гвардейской Бериславско-Хинганской дважды Краснознаменной ордена Суворова стрелковой бригады. Командир бригады полковник Павловский — Герой Советского Союза. В Сталинграде командовал танковым полком прорыва, потом гвардейской танковой бригадой. Толковый и выдержанный офицер. Ни одного грубого слова, а прикажет — у подчиненного ноги впереди него бегут.

Штаб бригады размещался в двухэтажном каменном здании в начале улицы Республики (сейчас здесь кожно-венерологическая больница), а подразделения — в казармах 6-го военного городка (территория нынешнего военно-инженерного училища). Название «6-й военный городок» — от шестой бригады, хотя мало кто из тюменцев знал действительное и гордое наименование соединения (памятной доски и сейчас нет в Тюмени).

А тогда бригада, стоящая отдельным гарнизоном, напоминала крошечное государство. Штаб — нечто вроде правительства, идеология — за политотделом. Свои учреждения культуры: библиотека, клуб, «ленинские комнаты». Военторг и подсобное хозяйство. Тайная полиция — особый отдел КГБ, и даже собственная тюрьма — гауптвахта.

В таких гарнизонах-государствах царил особый образ жизни, или, как сейчас принято выражаться, менталитет.

При массовом сокращении 14-миллионной армии для того, чтобы сохранить свои офицерские погоны, использовалось все: родственные связи, протекция, подсиживание, интриги и прочие пакостные приемы.

В 1953 году на базе бригады развернули 109-ю стрелковую дивизию с сохранением гвардейских боевых заслуг. Принципиального и интеллигентного Павловского сменил полковник Афонин. Недостаток специальных знаний он компенсировал высокой моторностью, за что и получил от подчиненных прозвище «реактивный». Уверенность в своих, не всегда

компетентных действиях, ему придавало наличие родственников-генералов в 18-м корпусе и ЗапСибВО. Через год «реактивного» Афонина назначили военкомом Тюменской области и дали генеральские лампасы.

А на дивизию «сел» генерал-майор Шмуйло. Фигура весьма колоритная. Последний из могикан-кавалеристов. В конце войны он командовал 10-й гвардейской Кубанско-Слущкой казачьей кавалерийской дивизией. После упразднения кавалерии Сталин оставил эту дивизию специально для маршала Буденного, который считался инспектором этого рода войск. Со смертью Сталина единственную конную дивизию расформировали. Синие околыши с фуражек кавалеристов отдали чекистам. А Шмуйло сделали пешим генералом. В Тюмень он приехал с группой офицеров-казаков. Их надо было трудоустроить, а вакантных должностей нет. Поэтому Карташова представили к увольнению, и его послужной список оказался на столе начальника штаба округа генерал-майора Штеменко. Того самого безвестного направленца Генштаба, которого в суматошном июле 1941 года подставили для доклада обстановки на фронтах самому Сталину. Уехав в Кремль майором, он вернулся полковником и начальником Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии. После войны он сменил Жукова на посту главнокомандующего группой советских оккупационных войск в Германии. За отказ применить танки против мирной демонстрации в Берлине его разжаловали до генерал-майора и отправили в Новосибирск. Уже при Брежневе в августе 1968 года за разработку операции по вводу советских войск в Чехословакию Штеменко стал генералом армии и Героем Советского Союза.

Этих сведений нет в военной литературе. Энциклопедии и мемуары, в отличие от послужных списков, написаны преимущественно в светлых тонах без темных оттенков в биографиях военачальников.

Вместо приказа об увольнении из армии Штеменко вызвал Карташова в штаб округа и предложил ему службу в военкомате. Что мог. Так в селе Сорокино появился новый райвоенком.

А Шмуйло «мобилизовал» подчиненных на заготовку тюменской древесины для своих земляков на Кубани. Разразился скандал. Увлечение коммерцией грозило по тем временам для генерала партийным позором и судом. Но заступился Буденный, и Шмуйло отправили на пенсию. Его приближенных выгнали из армии. Дивизию расформировали.

Карташов застал первое «хрущевское» сокращение армии. В декабре 1959 года срок его военной службы составил 30 лет

6 месяцев 11 дней, но и потом он еще долго работал в Тюмени в органах ДОСААФ.

Михаил Иванович и Фаина Николаевна Карташовы уже отметили «бриллиантовую свадьбу». Собрались дети, внуки, правнуки, друзья и знакомые. Они не знали о некоторых эпизодах боевой биографии ветерана. Поэтому он просил не разглашать его послужной список — неудобно, мол. Но из личного дела офицера сведений не выбросить. Как слов из песни.

«В соответствии с Указом
Президента Российской Федера-
ции от 21 декабря 1993 г.

ПРИКАЗЫВАЮ:

организовать региональное
управление ФСК Российской
Федерации по Тюменской
области в составе оперативных
подразделений и отделов в
Ханты-Мансийском и Ямало-
Ненецком автономных округах».

*Из приказа директора Феде-
ральной службы контрразведки
Российской Федерации от 26
февраля 1994 г.*

IV.

Об открытии тюменской нефти в документах КГБ

Председателю Комитета
государственной безопасности
при Совете Министров СССР
товарищу А.Н. Шелепину
«Об изыскательских работах
по выявлению нефтеносных
и газоносных месторождений
на территории Тюменской области»

Докладываем, что до 1948 года планомерные геологоразведочные работы в Тюменской области не проводились. Лишь в 1948 году Главгеологией СССР было принято решение о развороте поисково-разведочных работ на нефть и газ в Тюменской области. Работы были начаты с бурения опорной скважины в г. Тюмени.

В 1949—1950 годах были образованы нефтеразведки в селах Заводоуковское и Покровское для проведения глубокого разведочного бурения. На базе этих нефтеразведок в 1950 году была создана Тюменская геологоразведочная экспедиция. С выявлением больших перспектив для поисков нефти и газа Тюменская экспедиция в 1952 году была преобразована в нефтеразведочный трест «Тюменьнефтегеология» Министерства нефтяной промышленности.

В 1953 году после открытия Березовского месторождения резко возросли объемы геологоразведочных работ на нефть и газ.

В 1954 году на базе существовавшей Тюменской геофизической экспедиции был создан трест «Запсибнефтегеофизика».

После принятия сессией Верховного Совета СССР решения о перестройке управления промышленностью в июле 1957 года на базе трестов «Тюменьнефтегеология» и «Запсибнефтегеофизика» был организован Тюменский геологоразведочный трест, в задачу которого входили поиски не только нефти и газа, а всех полезных ископаемых. С 1 января 1958 года приказом Главгеологии при Совете Министров СССР

было организовано Тюменское территориальное геологическое управление.

В задачи работы геологического управления входит:

1. Изучение геологического строения территории Тюменской области, поиски и разведка месторождений полезных ископаемых, обеспечивающих развитие минерально-сырьевой базы области.

2. Контроль за качеством геологоразведочных работ всех организаций, производящих геологоразведочные работы в Тюменской области.

3. Контроль за правильным размещением и планированием геологоразведочных работ в области различными организациями.

Геологическое управление состоит из следующих крупных геологоразведочных экспедиций:

Ямало-Ненецкой (г. Салехард),

Березовской (пос. Березово),

Ханты-Мансийской (с. Самарово),

Приуральской (г. Тавда Свердловской области),

Тюменской (г. Тюмень).

Основной задачей экспедиции является проведение геофизических буровых геосъемных и разведочных работ с целью поисков месторождений полезных ископаемых. Основными полезными ископаемыми, на которые расходуются до 98% ассигнований, является нефть и газ. Остальные виды полезных ископаемых имеют подчиненное значение. Лишь в Ямало-Ненецкой экспедиции рудные и нерудные полезные ископаемые занимают значительный объем работ.

С 1953 по 1959 годы геологоразведочными работами открыто 5 месторождений газа промышленного значения, несколько месторождений железных руд, ряд месторождений различных стройматериалов, красок и редких элементов.

В 1959 году в Ямало-Ненецкой экспедиции будет работать 9 поисковых партий на нефть и газ, в том числе 4 геофизические, 10 партий по поискам рудного и нерудного сырья.

В Березовской экспедиции будет работать 48 партий и 6 нефтеразведок глубокого бурения, в том числе 34 геофизические партии и 9 партий по поискам рудных и нерудных полезных ископаемых. Поисковые и разведочные работы на нефть и газ будут проводиться на 20 площадях.

В Ханты-Мансийской экспедиции будет работать 6 геофизических партий, три нефтеразведочные и одна по поискам нерудного сырья.

В Приуральской экспедиции запланирована в 1959 году работа трех сейсморазведочных партий и трех буровых партий.

В Тюменской экспедиции будут проводиться лабораторные анализы рудного и нерудного сырья. На поисковых работах на рудные и нерудные полезные ископаемые будет занято 6 партий. Кроме того, запланирована организация партии для бурения глубокой скважины вблизи г. Кургана.

Имеется отряд по бурению скважины на воду для колхозов РТС и других организаций области. Будут продолжать работы также Тобольская и Уватская буровые партии. Ишимская партия в 1959 году ликвидируется.

Работа всех экспедиций и партий в 1959—1965 годах будет сосредоточена на выполнении государственных заданий по поискам новых месторождений полезных ископаемых и создания в Тюменской области местной минерально-сырьевой базы.

Начальник УКГБ по Тюменской области
полковник Северухин

25 мая 1959 года.

Секретный аэродром в тайге севернее Когалыма

Мы добрались до аэродрома на «уазике» когалымской группы КГБ, слушали рассказ нашего проводника М. Вопсева.

— Как-то охотился в этих местах и заплутал малость. В октябре темнеет рано. Хотел уж на ночевку устраиваться, но вдруг деревья расступились, и я оказался на освещенной лунной равнине. А утром понял — это старый-престарый аэродром. Остались вешки вдоль взлетно-посадочной полосы. Бараки, землянки, погреба. Скоро сами все увидите.

И мы увидели: расчищенную от леса площадку размером три на полтора километра, оборванные провода, свисаемые со столбов, уходящих куда-то в болото, брошенный снегоочиститель...

С какой же целью здесь могли приземляться и взлетать большие самолеты? На этот счет есть несколько версий.

Версия первая. Во время войны из США перегоняли в нашу страну самолеты по ленд-лизу. Путь неблизкий, поэтому существовало несколько промежуточных пунктов посадки. Одним из них вполне мог быть когалымский.

Версия вторая. Аэродром предназначался для доставки и последующего испытания в этих местах ядерного взрывного устройства. В защиту этой версии авторы ее ссылаются на старых охотников ханты, которые говорили, что «там» — взмах руки на север, — «солнце три раза загоралось». Местные жители действительно не устраивают здесь своих стойбищ, а «когалым» с языка ханты переводится как «нежилая (неживая) земля».

Версия третья. Открытию в Среднем Приобье «большой нефти» предшествовали геофизические изыскания. Их следы — ржавое оборудование — мы обнаружили рядом с аэродромом. Возможно, его завозили сюда по воздуху, но не исключено, что геофизики лишь занимали пустующее строение, сооруженное кем-то до их прихода...

...Все три версии имеют право на существование.

Тайна сургутского узника

Почему был сослан на Север, бежал и был пойман, голодал и покончил с собой Генеральный секретарь компартии Греции?

Сургутяне помнят о таинственном узнике. 15 сентября 1990 года в городской газете был опубликован очерк В. Кузнецовой «Из греков в варяги». Основываясь на своих детских впечатлениях и на воспоминаниях ныне покойного журналиста Н. Ездакова, автор попыталась рассказать о судьбе Николаева и... допустила много неточностей. Главная ошибка: она посчитала, что Николаев — это Манолис Глезос, национальный герой Греции.

Настоящее имя этого человека — Никос Захардиадис.

Он часто пользовался чужими документами — такой была участь коммуниста-подпольщика. В Сургуте его знали как Николая Николаевича Николаева.

Во главе партии

Он родился 27 апреля 1903 года в г. Бурсе (Турция) в бедной семье грека-табачника. С ранних лет работал в порту, потом стал моряком. В 1923 году вступил в коммунистическую партию Греции, руководил партийными организациями в крупных городах: Пирее, Волосе, Салониках... За революционную деятельность подвергался преследованиям. В 1935 году был избран Генеральным секретарем КПГ.

Чтобы понять его жизнь, нужно знать некоторые события новейшей истории Греции. В ноябре 1935 года в стране была реставрирована монархия. В ответ компартия призвала трудящихся к всеобщей забастовке протеста, которую власти подавили с помощью войск и танков. Несмотря на террор, народный фронт Греции получил на выборах 15 мест в парламенте. Захардиадис стал депутатом. Революционное движение ширилось. Казалось, достаточно еще одного натиска...

Но за день до намеченного выступления генерал Метаксас установил фашистскую диктатуру. Получив от короля

Георга II неограниченные полномочия, он ввел осадное положение, распустил парламент и начал массовые аресты коммунистов. Суд приговорил Захардиадиса к четырем годам тюрьмы. Выйти на свободу в 1940 году ему не удалось: в Грецию вторглись войска Муссолини и Гитлера. 27 апреля 1941 года они заняли Афины. Греческая полиция выдала Захардиадиса гестапо. Так он попал в концлагерь Дахау.

В борьбе с фашизмом греки в кустах не отсиживались: создали национально-освободительный фронт (ЭАМ), а затем объединились в 120-тысячную народно-освободительную армию (ЭЛАС). К лету 1943 года она освободила от фашистов треть материковой части Греции. В это время на полуостров высадились английские войска. При их поддержке правительство «национального единства» пыталось разоружить ЭЛАС. Началась гражданская война. Огонь удалось прекратить только в феврале 1945 года. ЭЛАС была распущена. Однако после реставрации монархии братоубийственная война вспыхнула с новой силой.

Возвратившись на родину, Захардиадис возглавил борьбу против англичан и монархистов. Организованная при его активном участии Демократическая армия Греции (ДАГ) освободила северные районы страны, где создано Временное правительство.

Казалось, достаточно еще одного удара, и в Греции будет установлен новый строй. Такой, как в соседних странах: Албании, Болгарии, Югославии. Но в это время И. Сталин поссорился с И. Броз Тито. По воспоминаниям Н. Хрущева, «вождь народов» не скрывал своих намерений военного вторжения в Югославию. В такой обстановке Тито мог вполне обоснованно опасаться за свой тыл: Захардиадис находился под сильным влиянием Сталина. Генсек КПГ заявлял, что «...предательство Тито создает для народно-демократического движения в Греции серьезные затруднения».

В октябре 1949 года ДАГ вынуждена была прекратить военные действия. Коммунистический режим в Греции не состоялся. Греческий народ устал от длительных и кровавых междоусобиц. Сражения на земле древней Эллады были не шуточные. В них участвовали танки, боевые самолеты, тяжелая артиллерия: стороны несли большие потери. Расстрелы заложников не могли остановить разложение армии по методике «красного террора». Остатки деморализованной ДАГ были выведены в Албанию и Болгарию, а Захардиадис вылетел в Москву.

В октябре 1952 года он с трибуны XIX съезда ВКП(б) заклеил позором «предательскую клику Тито». Досталось и «внутренним врагам в партии: дезертирам, соглашателям и оппортунистам».

Как известно, Сталин не выступал на этом съезде, но после его окончания «выразил благодарность всем братским партиям и группам, представители которых почтили съезд своим присутствием».

Сталин вскоре умер. В тот год генсеку КПГ исполнилось пятьдесят лет.

Лицо без гражданства, или Ловушка

После смерти Сталина руководство КПСС стало искать пути примирения с Тито. В 1955 году Хрущев, Булганин и Микоян посетили Югославию и приняли так называемую Белградскую декларацию, которая положила начало сближению двух стран. В приветственном письме XX съезду КПСС Тито подчеркнул необходимость «...устранять в ежедневной практике все те элементы, которые могли бы воспрепятствовать укреплению нашего взаимного доверия». Захардиадиса он не назвал, но намек, похожий на ультиматум, был понят.

В апреле 1956 года Генеральный секретарь компартии Греции Никос Захардиадис прибыл в Москву и исчез... Появился Николай Николаевич Николаев... Лицо без гражданства. Директор лесхоза в небольшом городке Боровичи, что в Новгородской области. Кто и как убедил его сменить имя и скрыться в глухих новгородских лесах? Думаю, был использован безотказный, проверенный временем довод: «Это нужно партии». На деле все оказалось ловушкой. Сменив свои документы на советский «вид на жительство», он до конца дней утратит настоящее имя.

В Боровичах Захардиадис-«Николаев» прожил шесть лет. Вел себя тихо, незаметно. Воспитывал маленького сына Алексея, мать которого осталась в Греции. Сын от первого брака Павел заканчивал Московский университет, собирался стать журналистом. Как лицо без гражданства «Николаев» находился под административным надзором местной милиции. Ждал, когда изменится обстановка, и его вновь призовут возглавить партию. А время шло, и нетерпение нарастало.

В мае 1962 года он заявил о своем намерении выехать за границу. В органах возник переполох. Было решено поменять ему место жительства на более отдаленное. Реакцию «Николаева» на это решение отразил в своем рапорте начальник паспортного отделения Боровичского отдела милиции Копылов:

«Николаеву было разъяснено, что его выезд за границу возможен по предоставлению им национального паспорта или другого заменяющего его документа. На это Николаев ответил, что он уже знает об этом, так как якобы с аналогичной

просьбой обращался в ЦК КПСС, и ему ответили, что его выезд нецелесообразен. На вопрос, как у него дела, Николаев ответил, что он уволен, находится без работы, что ему по приказу директора леспромхоза предлагают выехать в Тюменскую область. Но это идет вразрез с его желаниями, так как ему скоро исполнится 60 лет, он нездоров, имеет право на пенсию, климат Тюменской области ему не подходит. Николаеву было заявлено, что поскольку его должность сократилась и он с работы уволен, имеется распоряжение о переводе его на работу в Тюменскую область... Николаев заявил... что с сегодняшнего дня он ежедневно с сыном будет ходить на вокзал и ожидать, когда работник милиции купит ему билет и посадит в вагон, что ключи от квартиры он вручит работнику милиции, который к нему будет прислан, или выбросит их в реку Мсту. Такие высказывания Николаева прерывались, ему разъяснялось, что он должен сам назвать дату, когда он собирается выехать с учетом времени на сборы, а также окончания учебы сына в школе (сын заканчивал учебу в школе 30 мая), что работники милиции покупать ему билет и сажать его в вагон полномочий не имеют, и он должен делать это сам. Николаев вновь заявил: «Назовите мне дату выезда, я запишу ее в дневник и выполню ваши указания, но билет покупать не стану, так как у меня нет денег. Пусть меня милиция высаживает в пути, пусть мой сын, который со мной поедет, понервничает. Я понимаю, что все это исходит из ЦК КПСС, я не глупый человек и понимаю, почему не разрешают приезд ко мне моим друзьям из Ташкента (там проживали бывшие бойцы ЭЛАС — А.П.), как и мне не разрешили бы поездку туда». Николаеву на это было сделано разъяснение, что все это является его домыслами, так как лично ему по просьбе дважды разрешались поездки в Москву. На это Николаев заявил вновь, что он все понимает, что его «считают политическим преступником, что если к нему до настоящего времени приезжали только три человека, то, несмотря на запрет, куда бы его ни выслали, хоть к Ледовитому океану, друзья приезжали и будут приезжать десятками...».

Побеги и голодовки

Как бы то ни было «Николаеву», как лицу без гражданства, пришлось подчиниться давлению и отправиться к новому далекому и последнему месту жительства — в Сургут. Там его приняли на работу, выделили жилье по улице Ленина, 29. В Сургуте он прожил больше десяти лет. В августе 1962 года сын Алексей поступил в суворовское училище в г. Дзауджикау

(ныне Владикавказ — А. П.). Павел работал в АПН. Через год «Николаев» вышел на пенсию и поселился в домике по улице Кедровой, который сохранился до настоящего времени. Хозяин дома — Иван Михайлович Велижанин вспоминает.

— Хороший человек был. Умный, грамотный... своего хозяйства у него никакого не было. Только книги да радиоприемник, забыл его название...

— «ВЭФ»?.. «Спидола»?

— Во, точно, она самая... Он все время радио слушал. Умный, все на свете знал. Сам Василь Васильевич (первый секретарь горкома Бахиллов — А.П.) приходил к нему советоваться. Алешка-сын на каникулы приезжал. Он тогда в суворовском учился. И другой — старший, который в Москве в газете работал, тоже бывал, правда, реже. И дочь один раз навещала...

— Разве у него была дочь?

— Она с матерью в Чехословакии жила. Трое детей у Николая Николаевича было, и все от разных жен. Детей к нему пускали. А вот друзей его по прежней жизни не жаловали. Он от этого тосковал... Я тогда у геологов работал шофером. По зимнику в Тобольск гонял. Как-то раз просит Николай Николаевич: «Можно я с тобой поеду?». Я как бы в сомнениях: «Так нельзя тебе выезжать из Сургута». А он: «Только зимник посмотрю». Ну и поехали. Приехали в Тобольск, он говорит: «Купи мне билет на самолет до Тюмени, я туда слетаю и вернусь». Я сделал все, как он просил, а позже узнал, что его поймали в Свердловске. И после того случая переселили в другое место, подальше от таких, как я.

Итак, зимний побег «Николаеву» не удался. Верных ему бойцов ДАГ, добравшихся из Ташкента до Сургута, к нему не допускали. И опальный генсек решился на новый побег — по Оби. Снова добрался только до Тобольска и понял, что границы надзора ему не преодолеть.

Оставалось одно — вернуть себе настоящее имя. Обратился он в паспортный отдел УВД: «Возвращаю вам «вид на жительство» и прошу заменить его на «вид на жительство — политэмигрант», как мне по закону положено. По этому поводу я обращался к вам несколько месяцев тому назад, но ответа не получил».

Непосвященный в тонкости административного плана читатель пожмет плечами: «Какая разница?». Большая.

Вид на жительство — безымянный документ. В него можно вписать любую фамилию, какая на ум придет. Захардиандис в 1956 году согласился на производные от своего имени — Никос — Николай — установочные данные. Думал, чужие

документы ему потребуются ненадолго. Оказалось — почти на 20 лет. За видом на жительство политэмигранта стоит конкретное лицо, вынужденное по каким-то обстоятельствам временно скрывать свое настоящее имя. На запрос тюменской милиции исполком Союза общества Красного Креста и Красного Полумесяца в Москве, где должны хранить сведения о политэмигрантах, не давал ответа. Тогда «Николаев» объявил голодовку и продолжал ее не день, не два, а шесть месяцев. Полгода.

Старушка, проживавшая с ним по соседству, рассказывала:

— Долго голодал. Я его часто навещала, беспокоилась, не помер ли Николай Николаевич. Он только воду пил: минеральную и кипяченую. Иной раз дольку апельсина — их ему друзья из Ташкента посылали — в рот положит. Лежал прямо в одежде, в шапке и рукавицах. Топить квартиру не мог, сил не было. Алешка на каникулах был, а кушать при голодном отце стеснялся. А тот ему: «Не обращай внимания, сынок, я на еду не реагирую». Он такой спокойный был, Николай Николаевич, никогда слова резкого от него не слышала. Сына младшего сильно любил. Тот с сургутской девчонкой дружил. Отец хотел, чтобы они поженились. И мать ее часто к нему приходила. Он потом недоволен был, что Алешка другую жену себе выбрал. В Воронеже. Там учился в университете после суворовского училища. Почему голодал Николай Николаевич? Да я не знаю. Он о себе ничего не рассказывал. Будто бы какой-то документ ему власти не давали.

16 июля 1970 года «Николаева» признали политэмигрантом. Он одержал важную победу за обретение своего имени. О его судьбе знали соратники по ДАГ и ЭЛАС. Иногда им удавалось прорваться к нему через плотную систему надзора. Полученная ими информация об участии Генсека лихорадила греческую компартию.

Зачем прилетал в Сургут к «Николаеву» Б.Н. Пономарев, бывший в то время секретарем ЦК КПСС? Можно предположить: для того, чтобы убедить политэмигранта добровольно отказаться от должности Генерального секретаря КПГ. Наверное, был назван и преемник. Почему в это время «Николаев» начал вторую голодовку? Тоже шестимесячную. (Он тогда занимал половину дома № 31 по улице Нагорной. Рядом — круглосуточный открытый милицейский пост). Голодовка отнимала последние силы, но он не сдавался и добился своего: в Сургут прилетел Флоракис.

Они были знакомы еще с 30-х годов. В 1941 году Флоракис стал коммунистом, участвовал в партизанском движе-

нии, в ДАГ командовал дивизией, с 1950 года — член ЦК КПГ. С «Николаевым» в Сургуте он встретился, уже будучи в ранге члена политбюро и претендента на пост лидера в партии.

— Как тот, что в Сургуте жил, кричал на приезжего! — вспоминает бывшая официантка в гостинице «Северная», единственная свидетельница их встречи. Содержания она не знает, говорили не по-русски.

Вскоре «Николаев» узнал, что Флоракис стал первым секретарем компартии Греции. Это при живом-то Генеральном секретаре! Его протест выразился в форме ультиматума. «Николаев» предупредил: если не получит от него ответа — покончит жизнь самоубийством.

...1 августа 1973 года срок ультиматума истек. Сплетенная им самим удавка — такой во время гражданской войны в Греции приводили в исполнение приговоры — мгновенно перехватила горло.

Смерть зарегистрировали в Тюменском городском загсе: «от сердечной недостаточности». Сердце, мол, не выдержало — человеку семьдесят лет. Как мне рассказывали, Никос лежал в гробу, похожий на Зевса — мифического хозяина Олимпа. Густая борода, медальный греческий профиль. Его похоронили в Тюмени на Червишевском кладбище под чужим именем. На похороны приезжали его сыновья и кто-то из посольства Греции. По словам одного участника скорбной церемонии, «Николаев» оставил предсмертное письмо, в котором завещал свое единственное богатство — библиотеку — городу Сургуту. Но и завещание, и книги пропали. Мистика, но многие из тех людей, кто их присвоил, плохо кончили. Может быть, оставшимся в живых еще не поздно вернуть городу завещанные книги?

Недремлющая сила...

Информация к размышлению — 1

Виктор Валентинович Иваненко родился 19 сентября 1947 года в деревне Кольцовка Ишимского района Тюменской области. После окончания средней школы № 1 ж.д. станции Ишим поступил в Тюменский индустриальный институт на электротехнический факультет. Окончил вуз в 1970 году и тогда же был призван на службу в Управление КГБ СССР по Тюменской области.

Прошел все ступени служебной карьеры от оперативно-уполномоченного до заместителя начальника Тюменского областного управления госбезопасности. В 1986 году переведен в Москву в КГБ СССР, где инспектировал российские территориальные органы КГБ СССР.

С этой должности в мае 1991 года назначен первым заместителем председателя, и.о. председателя, а с 5 августа — председателем КГБ РСФСР — через месяц оно было переименовано в Агентство федеральной безопасности (АФБ) России.

Главной заслугой генерал-майора Иваненко в августовских событиях 1991 года многие их участники считают то, что тогда удалось избежать серьезных столкновений противоборствующих политических сторон и гражданской войны.

Беседа политического обозревателя Леонида Радзиховского в Виктором Иваненко (января 1992 года).

Назначение

— *Вы больше всего известны как председатель КГБ России. Но в связи с вашим назначением ходили разные слухи...*

— Знаю. Сергей Белозерцев говорил, что я — «троянский конь» Крючкова.

— *По сути, не один Белозерцев так высказывался.*

— Понятно... Это, кстати, можно проверить — пусть следствие спросит Крючкова. Я был утвержден первым зампредом КГБ России (которое тогда, как известно, впервые создали) в мае 1991 года и исполняющим обязанности предсе-

дателя. Председателя, как вы помните, тогда не было. Ельцин хотел назначить на этот пост генерал-майора Николая Алексеевича Шама, но категорически возражали Крючков и его первый зам генерал-полковник Агеев. Они испугались, что тут инициатива в назначении идет не от них, что Шам имеет какие-то свои контакты с российским руководством.

Крючков искал человека на место председателя. Он предлагал, в частности, Лукина — бывшего начальника Управления по борьбе с организованной преступностью КГБ, Воротникова — начальника Управления «З» КГБ. Воротников раньше работал в Свердловске, с Ельциным. В первой обойме претендентов меня не было.

Ясно, что такое назначение имело ключевое значение и для Ельцина, и для Крюčkова. И человек, который должен был стать во главе российского ГКБ, должен быть таким, чтобы они оба согласились. Тут шли непростые переговоры, искали компромисс. Ну, как при любом ответственном назначении...

У меня с Крючковым были нормальные, корректные отношения. Я никогда не принадлежал к числу близких ему людей, но он, конечно, возлагал на меня определенные надежды — думал сделать послушной, декоративной, «карманной» фигурой. Ну а формальное основание назначения хотя бы такое: я еще в инспекторском управлении курировал территориальные органы в РСФСР. И такие надежды в отношении меня Крючков, видимо, имел до июля 91-го года. До совещания руководителей органов КГБ России.

— *Это показывали по телевизору...*

— Да, в фильме «Вторая русская революция». До этого я не афишировал свои взгляды о необходимости реформирования органов КГБ, а на совещании пришлось высказаться открытым текстом. Сказал и о том, что стоит вопрос о смене самого строя, который мы защищали, и о другом... Ну, надо было видеть, как Крючков, его ближайшее окружение это восприняли... А 5 августа я был назначен председателем КГБ России.

— *У вас было двойное подчинение: Ельцину и Крючкову?*

— Нет, только Ельцину. Но у нас не было ничего своего, «жили» мы в нескольких комнатах в центральном здании КГБ на Лубянке. Было у нас в августе 23 человека, включая машинисток. Мы пользовались информационными системами, банками данных ГКБ СССР — по технологическим вопросам мы вынуждены были подчиняться решениям коллегии КГБ СССР.

— *Вы, конечно, были членом коллегии?*

— Нет, я не входил в нее.

Путч

— Виктор Валентинович, о том, что немцы нападут на СССР, НКВД знал за несколько месяцев до 22 июня. А когда вы узнали, что готовится путч?

— Интересная формулировка вопроса... Видите ли, у нас была такая информация, что осенью 1991 года, когда планировалось повышение цен, готовится наступление с целью сбросить российское руководство. Эти темы обсуждались в окружении Крючкова, хотя методы назывались разные. Но вот о заговоре, о 19 августа я не знал. Это явилось для нас, к сожалению, полной неожиданностью.

— А говорят, что ЦРУ об этом знало, что Буш предупредил Горбачева...

— Думаю, что конкретной информации и Буш не сообщал. Общие прогнозы — да, точная дата и обстоятельства — нет. Это и понятно: по самому характеру этого путча видно, что решение Крючковым было принято достаточно внезапно. Он о нем не сказал даже многим своим близким сотрудникам, многим членам своей коллегии.

— А вы считаете Крючкова мотором путча?

— Он был организатором. А «заказчики», скорее всего, ВПК (Бакланов), ЦК (Шенин). Что касается Крючкова, то, видимо, сыграло свою роль его опасение, что Горбачев и Ельцин договорятся снять его после подписания нового Союзного договора. Как сейчас выясняется, кандидатура Крючкова стояла на снятие первой.

— Ну и что? Крючкову было тогда 67 лет. Такая уж жажда власти? Господи, что ему светило? Не суд же? Роскошная дача, пенсия, мемуары, доллары за эти мемуары... Зачем головой-то рисковать?

— Нет, дело, конечно, не в узколичных мотивах. Вот Ахромеев — что он лично терял? А ведь покончил с собой... Тут идея, идейные мотивы (что не исключает в некоторых случаях и личных расчетов). Новый Союзный договор означал демонтаж всей системы (хотя и не такой, конечно, резкий, как получилось после августа). Такой демонтаж был для них нетерпим. «Не могу поступаться принципами».

Понимаете, Крючков еще жил как бы в другом мире. Он не мог понять, что строй, который он защищает, не приемлет народ. Он этого не понимал. Так было устроено его сознание. Биография, да и окружение...

— Теоретики вроде Кургиняна?

— Ну, я бы так не сказал. У Крючкова на столе нашли зачитанную книжку Кургиняна «Постперестройка», но я не

думаю, что было какое-то воздействие. На «картину мира» Крючкова влияло аналитическое управление КГБ. Там начальником был очень интересный человек — генерал-лейтенант Леонов, доктор исторических наук. Где-то публиковался его доклад на собрании группы «Союз». Любопытный доклад.

— *А ближайшим человеком был Грушко?*

— Да, пожалуй, в КГБ особо приближенным к Крючкову человеком был его первый зам (раньше они вместе работали в Первом главном управлении) Виктор Федорович Грушко. Он, кстати, незадолго до путча получил генерал-полковника. Другой первый зам — Агеев — тот был подальше от Крючкова... Я даже, честно говоря, удивился, что он ввязался в это дело.

— *А когда вы узнали о путче?*

— 19 августа, в 7 утра. Мне позвонил один из работников инспекторского управления и спросил: «Ты смотришь телевизор?». Я включаю — Вера Шебеко зачитывает известные документы ГКЧП. Ну что Янаев подставной персонаж — это было ясно сразу. Крючков, Бакланов — вот они... Я вызвал машину, решил ехать на работу.

— *На Лубянку?*

— Да, на Лубянку. Решение было такое: собрать более полную информацию. Ну, по дороге я... Что-то меня кольнуло. Подумал: на Лубянку попаду, а оттуда не выйду. И приказал водителю ехать в «Белый дом».

— *О тех днях мы уже знаем. Но вот потом... Ведь вы лично арестовывали Пуго?*

— Да.

— *Тут тоже много неясного. Почему вы позвонили ему перед арестом?*

— Чтобы узнать, где он, поскольку точной информации не было.

— *Но звонок же мог его спровоцировать как раз на самоубийство или, наоборот, спровоцировать его убийство! Можно же было, наверное, выяснить, где он, иначе, оперативным путем?*

— Какой оперативный путь в те минуты, когда все структуры парализованы!

Это было 22 августа. Ночью мы поехали во Внуково, чтобы задержать тех, кто прилетел из Фороса. Бакланова, кстати, отпустили, как народного депутата с его неприкосновенностью. Доставили их на 70-й километр Ленинградского шоссе, и я должен был ехать задерживать Янаева...

— *А как же можно задержать вице-президента?*

— А он не депутат. Через коменданта Кремля установили, где он. Он спал в своем кабинете. Тут возникла неболь-

шая пауза. Я побрился. Эта пауза внесла свои коррективы. Позвонил Баранников и говорит: «Слушай, неудобно мне арестовывать своего бывшего министра, то есть Пуго. Давай поменяемся. Я поеду с прокурором к Янаеву, а ты — к Пуго». Вот и пришлось в этой горячке срочно менять планы. Надо было найти Пуго.

Была информация, что он заказал машину, должен ехать на работу. Ждали его там. Нету. Была другая информация (от Виктора Федоровича Ерина), что он на даче. Послали мы туда бригаду милицейской «наружки», чтобы она проверила. Не успели еще получить данные, как пришла в голову простая мысль. Телефон ни один не отвечал. Телефоны-то Кремлевки. Кремлевка могла быть отключена. Я узнал городской телефон его квартиры и позвонил.

Конечно, сейчас, сидя в этой комнате, рассуждая в спокойной обстановке, можно найти изъяны в этом замысле... В то же время... Чего темнить — лучше было бы, если бы он встретил нас с пистолетом? Сперва в нас, потом — в себя...

В общем, когда мы приехали к нему (он на улице Рылеева живет... жил), то и застали картину, которая всем известна.

— *Так это самоубийство или убийство?*

— Самоубийство. Следствие подтвердило.

— *А жена?*

— Жену сам Пуго убил.

— *Ужас какой! Зачем?*

— Соседка, которая с ними дружила, нам еще тогда сказала, что они с вечера приняли такое решение — уйти вместе.

— *Удивительный поступок... Тем более, что ничего особенного ему (как и всем) не угрожает... Вы его лично знали?*

— Нет. А насчет поступка... Что ж, это крах идеалов. Это опять вариант Ахромеева.

Отставка

— *А дальше произошел странный поворот в вашей судьбе. Ваше положение после разгрома путча, после ваших действий в те дни должно было бы укрепиться, а вы вот уходите в отставку.*

— Ну, это давняя история. Ведь мое назначение председателем КГБ России с самого начала проходило очень трудно. Было сопротивление.

— *С чьей стороны?*

— Со стороны некоторых лиц из окружения Президента России...

— *Баранников?*

— Нет. Скорее Руцкой... еще кое-кто...

— *Руцкой видел на этом месте своего человека? Столярова?*

— Не знаю... С Руцким у нас как-то сразу «заискрило». Я не умею соглашаться, когда внутренне против. У нас состоялся в присутствии Сергея Степашина довольно крутой разговор о реформе органов КГБ России. Руцкой предложил все территориальные органы КГБ в России объединить в 8—9 округов (типа военных округов). Я сказал, что не вижу смысла в таких изменениях, что я такую реформу проводить не буду. Он ответил: «Тогда мы найдем другого человека». На том разговор и кончился. Вот с той поры у нас с ним...

— *Как же вы прошли на должность председателя?*

— Очевидно, на тот момент не было иных кандидатур. Сработала та самая «струя», о которой мы с вами говорили вначале. Меня изучила и рекомендовала группа депутатов: Степашин, Волкогонов, Большаков... Это тогда сыграло роль. Один из российских лидеров мне сказал: «Нам понравилось, что вы не хотели нам понравиться».

До путча я вполне подходил российским руководителям. На самостоятельный, сильный КГБ России они не надеялись, но им нужна была «пятая колонна» в стане Крючкова, тем более что Крючков тоже со мной мирился до поры до времени. Но после победы в августе все изменилось. Никаких компромиссов, никакого учета интересов разных сторон — все это стало ненужным. Требовалась иная фигура, никак не связанная с прежним КГБ и лично близкая к Президенту России.

Ставка была сделана на Бакатина.

— *Ельцин сделал ставку на него?*

— Да-да. Они... Ну, они люди одного круга. А я... не тот «масштаб фигуры».

— *Но почему же в таком случае Бакатина... Между прочим, вы не знаете, где он? Городской телефон молчит.*

— Он сейчас, видимо, на даче. А почему он ушел — это сложный вопрос. И не ко мне. Могу лишь сказать, что назначение Бакатина главой КГБ СССР было согласовано с Ельциным. Бакатин пришел в КГБ с четкой установкой — на разрушение. Он этого и не скрывал. Я же с такой установкой согласиться не мог.

— *Кстати, как вы относитесь к знаменитому делу с передачей информации о прослушивании американского посольства?*

— Я считаю, что это не очень удачный экспромт Бакатина, в который он вовлек двух президентов. Бакатин, конечно, человек нового мышления, но зашоренный. Это так. Но он популист и зачастую игнорирует профессиональные ас-

пекты работы. Вот он передал схемы прослушивания американской стороне, а они не рады — скорее растеряны. Они все равно не верят, поскольку это беспрецедентно. Кроме того, он же скорее всего подвел и тех людей за рубежом, которые поставляли строительные конструкции для американского посольства... с соответствующими модификациями. В общем, я не думаю, что эта акция в итоге послужит нам на пользу.

— *Но как же складывалась ваша ситуация дальше?*

— После путча я опять оказался полководцем без армии. В сущности, продолжалась борьба за возможность создания полновесного российского КГБ — АФБ. Надо сказать, что Бакатин, в отличие от Крючкова, в этом деле не мешал. Но мешала сама система КГБ. С большим трудом вырвали в свое подчинение территориальные органы, но без «жемчужины короны» — без Московского управления. Пошла борьба за Москву. Тут уже сменился начальник управления. С новым начальником Севастьяновым мы нашли в этом деле полный контакт. Подготовили протокол за тремя подписями — Бакатина, моей, Попова — о переходе Московского управления в подчинение России. Потом пошла изнурительная, по кусочку, борьба за другие структуры. И вот только после распада СССР основные структуры контрразведки перешли в подчинение российского Министерства безопасности.

— *Полная ваша победа!*

— Настолько полная, что я, как видите, ухожу в отставку... Думаю, тут сказалось известное недоверие российского руководства, желание иметь на этом посту человека своего, которому бы Президент больше доверял. Может быть, главная моя ошибка в том, что я не сумел завоевать личного доверия Президента России.

— *Но чем вы это объясняете? Ведь во время августовских событий, решающего экзамена на прочность, на верность, никто не предъявлял вам никаких претензий?*

— Но тем не менее вы же задали вопрос: как я мог проморгать подготовку путча? Вот вам и причина для подспудного недоверия. А если так, то руководить секретной службой... не стоит. Были и другие моменты — чеченский кризис. Я был противником чрезвычайных мер. Руцкой был однозначно «за». На каком-то этапе и Ельцин был «за». И мое «диссидентство» раздражало. Я был категорическим противником создания МБВД не потому, что это «возврат в 1937» (это глупости), а потому, что два ведомства с разной спецификой нельзя сливать. Я считал, что это означает растворение госбезопасности, ее фактическое уничтожение. Я был против этого. Вот так все накапливалось — и накопилось.

Кстати, после известного заседания Конституционного суда почти весь костяк первого набора АФБ, те, кто выступал против образования МБВД, оказались «за бортом» — не получили назначения в новой структуре. И ни ВС, ни правительство этого как бы и не заметили, хотя эти сотрудники встали на сторону российского руководства именно тогда, когда это было опасно.

— *Что же вы собираетесь делать сейчас? Займетесь коммерческой деятельностью, может быть?*

— Я пока еще не решил.

— *Может быть, вы что-то еще хотите добавить?*

— Лет через 20...

Мы беседовали дома у Иваненко — в скромной, совершенно средней квартире, где я не увидел ни единого предмета роскоши, вообще ни единого нестандартного предмета. Очень много книг (что из них читают?..). Это квартира научного сотрудника, не выезжавшего за рубеж, или журналиста (не международного), или... ну, в общем, ряд понятен. Дом, как хозяин, — без особых примет.

Иваненко не уходит ни от одного вопроса, но за его ответы не зацепишься. Нет, не общие слова, нет, не обтекаемые ответы — ясные, конкретные... Но не уцепишь. Это — я, конечно, сужу как непрофессионал — работа профессионала. Он привычно собран, но не напряжен, и собеседника не напрягает. Он человек не болтливый, не начальственный, не самовлюбленный, не давящий, не декларирующий, не рисующийся, не навязчивый... А что же «да»?

Да — он неуловим. Одно могу сказать уверенно: там, внутри, не пустота. Сдержанная, внимательная, не ищущая внешних проявлений, но отнюдь не сонная, не дремлющая сила. Может эта сила быть беспощадной, если понадобится?..

Информация к размышлению — 2

Итак, генерал Иваненко оказался неудобен и не нужен российскому руководству. Используя несогласие с Указом Президента России о слиянии АФБ и МВД, нашего земляка отстранили от должности Генерального директора АФБ и уволили с военной службы «по сокращению штатов».

А внутри российского руководства возник конфликт, закончившийся октябрём 1993 года — расстрелом Белого дома в Москве, заключением в Лефортово «изменников» Хасбу-

латова, Руцкого и Баранникова — преемника Иваненко в органах безопасности России. Потом была война в Чечне и смена четырех руководителей российских органов безопасности — Глушко, Степашина, Барсукова, Ковалева...

А Иваненко, оказавшись «на гражданке», не потерялся: консультировал ряд крупных производственных структур, участвовал как кандидат на выборах в Государственную Думу по федеральному списку блока «Будущее России — Новые имена», был вице-президентом нефтяной компании «ЮКОС», советником в Федеральной службе налоговой полиции России. Его имя продолжает звучать в прессе. Силы у Иваненко есть...

Последний чекист империи

3 января 1995 года на набережной Москвы-реки было найдено тело Станислава Цаплина, который в 1991 году исполнял обязанности председателя КГБ Литвы, а до этого был первым зампредом Литовской ССР. Известно, что он был в «черных списках» литовских спецслужб как человек, причастный к событиям 1991 года. Цаплина угрожали расправой. 2 января он вышел из дома на какую-то встречу, родным сказал, что задержится, но позвонит. А на следующий день его тело с сильной ссадиной на голове оказалось в морге 67-й больницы. По мнению судмедэксперта, Цаплина, по-видимому, пытались сбросить в реку. Однако милиция отказывается возбуждать уголовное дело «за отсутствием оснований». Контрразведчики не верят в естественную смерть 58-летнего генерала.

«Комсомольская правда», 6 января 1995 года.

...Когда ведущие российские газеты сообщили, что убийство бывшего зампреда КГБ Литовской ССР Цаплина совершили литовские спецслужбы, то у россиян сомнений не возникает — так и есть, мол, на самом деле. Цаплин занимал особое место в КГБ Литовской ССР, и его смерть — не рядовое событие. Но попытки, которые предпринимаются некоторыми российскими политическими силами с целью обвинить Литву в убийстве генерала, полностью беспочвенны. Да, заведено уголовное дело по участию Цаплина в вильнюсских январских событиях, но нам свидетели нужны живые, не мертвые. Он нам был необходим не как обвиняемый, а как свидетель. Цаплин мог многое сказать, обладал большой информацией. Так что литовские правоохранительные органы были заинтересованы в его показаниях. А кто совершил убийство — не наше дело, но, как гражданин, могу предположить, что эти силы находятся в самой России.

Из интервью директора Департамента национальной безопасности Литовской республики Юргиса Юргялиса газете «Эхо Литвы» 31 января 1995 года.

Спецслужбы Литвы официально опровергли появившиеся в печати слухи об их причастности к смерти бывшего генерала КГБ Станислава Цаплина.

...Цаплин возглавлял КГБ в Литве до последнего момента его существования. После августовского путча была попытка арестовать генерала, но ему удалось скрыться. Тогда же в ЦК КПЛ было обнаружено личное дело С.А. Цаплина под номером 002424.

Цаплин родился в 1936 году в Карелии. В 18 лет в Петрозаводске начал изучать физику и математику, но вскоре был направлен в Могилев, в школу КГБ. Позднее он окончил академию КГБ имени Ф.Э. Дзержинского в Москве. Судьба бросала его по всей стране — от Волги до Тюмени. За безупречную службу награжден двумя орденами Красной Звезды, многими медалями и высшим ведомственным знаком «Почетного сотрудника госбезопасности».

В Вильнюсе он с 1987 года. Был избран депутатом Верховного Совета Литовской ССР. Цаплин никогда не стучал кулаком по столу, как его предшественник генерал Валентин Звезденков, в работе был исключительно кропотливым и дотошным, однако легко поддавался влиянию со стороны и прислушивался к чужому мнению.

До августовского путча 1991 года Цаплин проживал в престижном доме на улице Чюрлениса. Впоследствии туда переселился министр охраны края Аудрюс Буткявичус.

Газета «Летувос Ритас», 11 января 1995 года.

Судя по сообщениям литовских источников, одно из основных действующих лиц переворота, совершенного в Вильнюсе 13 января 1991 года, — Станислав Цаплин. «Известиям» удалось встретиться с генералом. Разговор проходил с глаз на глаз в одном из кабинетов на Лубянке...

— Станислав Александрович, «Известия» проводят свое расследование о январских событиях в Вильнюсе. Как вы оцениваете степень своего участия в них?

— Я, разумеется, знаю, что обо мне говорят. Меня называют чуть ли не литовским Пиночетом. Я одно время даже читал газеты, где все это писалось, но потом перестал — не до того было.

Что я думаю по этому поводу? Я не был литовским Пиночетом хотя бы потому, что происходившим руководили люди такого уровня, что мне, скажем, они и руки б не подали. Если в этой истории кому-то и отводились особые роли, то на Литовский КГБ, где я был, кстати, не первым человеком, были возложены второстепенные функции. До событий

и после них мы занимались только тем, что собирали информацию и докладывали ее начальству.

— *Какого рода информацию вы собирали?*

— Обычную оперативную информацию, какую всю жизнь собирает КГБ. Настроения, движения, лидеры, возможность провокаций, терактов, кто и что сказал, где, при каких обстоятельствах. У нас были в республике своя агентура, передвижные посты, ну машины, проще сказать, которые ездили по всему Вильнюсу и следили за обстановкой.

— *Вы все это докладывали в Москву?*

— Да, в Москву. Но Москва стала с конца декабря проявлять к информации повышенное внимание. Тридцатого, по-моему, декабря к Ландсбергису пришла делегация литовской интеллигенции. Человек 10—12. Они ему сказали, что он перегибает палку в отношениях с центром, что сейчас пока нельзя выходить из Союза, что колхозы недовольны тем, что их хотят закрывать, что народ возмущен решением вернуть здания, принадлежащие частным лицам до установления в Литве Советской власти, их прежним владельцам и так далее. Эти интеллигенты так и ушли ни с чем. А обстановка продолжала нагнетаться, росла напряженность.

Потом, 7 января, повысили цены, и рабочие, в основном с крупных предприятий, пошли к Верховному Совету требовать отставки Ландсбергиса и введения президентского правления. Ландсбергис стал призывать на улицы другую часть населения, своих сторонников. Ну вы, наверное, все это помните, я не буду повторяться. В общем, с этого момента мы Москве докладывали ситуацию по несколько раз в день.

— *Кому персонально вы докладывали? Крючкову?*

— Я по субординации не имел права выходить на Крюкова, когда председатель нашего комитета был на месте. Я Бобкову докладывал, а председатель звонил Крючкову. Бывало так, что они нам звонили. Еще мы передавали информацию шифровкой.

— *Что, только звонками и шифровкой дело ограничивалось? Москва как-то реагировала?*

— Числа, по-моему, седьмого... нет, восьмого... Или девятого? Не помню числа. Ну, в общем, приехали генерал-майор Федосеев, зам. начальника управления «З» — защиты конституционного строя, и генерал-майор Калганов, зам. начальника военной контрразведки, со своими группами. Ну там помощники, порученцы... Я так понял, что их прислали, чтобы на месте следили за ситуацией. 11 ян-

варя прибыла часть группы «Альфа» — человек 50 или 70. С ними приехал их зам. командира Головатов. Нам сказали, что «Альфа» нужна для усиления охраны объектов КГБ в Вильнюсе.

Вот Федосеев большей частью сидел у нас, а Калганов там — в Северном военном городке, он же — военная контрразведка...

— *Там, в городе, говорят, был штаб руководства всем переворотом. Якобы он начал работать еще до захвата телебашни, появления того таинственного комитета национального спасения?*

— Это разговоры. Просто там сидел заместитель Язова по экстремальным ситуациям генерал-полковник Ачалов. Он действительно приехал, как сказать... Заранее, что ли... Занял кабинет командира дивизии и вызывал к себе подчиненных, ставил задачи, узнавал обстановку. Поэтому, наверное, подумали, что штаб. Меня туда тоже посылали к Ачалову на доклад.

— *Что его интересовало?*

— Он меня спрашивал: «Что за обстановка там, что там?». Тогда ведь военные начали брать под охрану объекты, Дом печати, говорили про ДОСААФ... Спрашивал он меня и про телебашню. Я докладывал, что обстановка напряженная, везде люди.

— *Простите, я забыл спросить: а где в это время был Варенников?*

— Варенников? Я его видел один раз — мимо проходил. Но он, по-моему, уже после 13-го приехал. Так мне кажется...

— *Понятно. А Ачалов вашему КГБ какие-то конкретные задачи ставил? Помогать, скажем, при занятии объектов?*

— Нет. Да мы же решили не вмешиваться до тех пор, пока не будет указа. Председатель наш Марцинкус всех собрал и сказал, что пока указа не будет, мы не должны никуда лезть.

— *Какого указа?*

— Указа Горбачева о введении президентского правления. Его все время ждали. Говорили: вот-вот. Была информация, что якобы он уже согласие дал и указ готов, надо только подписать. Но указ так и не появился. Я не знаю почему. Я тогда утром, ну после той ночи, когда узнал, что произошло у телебашни, еще удивился: как же так? Указа нет, а они — военные — танки эти ввели, телебашню заняли...

— *Так вы что, не знали о том, что будет штурм? О том, что планируются такие вот вещи?*

— Нет, не знал. У нас вообще люди только утром все узнали. Наверное, если это планировалось заранее, то нам просто ничего не говорили. Я думаю, это из-за того, что в Литовском ЦК нам не очень доверяли. Но это такие конфиденциальные данные. У нас просто были сведения, что ЦК недоволен КГБ, у нас люди уходили в альтернативные структуры, была якобы утечка информации. В общем, нас не посвящали в эти планы, если, конечно, они существовали.

— *А как же «Альфа»? Она участвовала в операции? Значит, знали день, час, место... И вы должны были знать...*

— «Альфа» участвовала вместе с военными. Они одеты были в военную форму. Но это же не значит, что мы должны были обо всем знать. «Альфа» подчинялась только высшему руководству КГБ — это очень серьезное подразделение. Им команду должны были дать из Москвы, и довольно с высокого уровня. Мы ими не командовали.

— *Как, по-вашему, каково участие Горбачева во всей этой истории? Знал он что-нибудь, давал какие-либо команды, поручения?*

— Не знаю. Это надо у тех спрашивать, кто всей этой глупостью командовал...

— *Вы считаете произошедшее глупостью?*

— Ну а как же? Танки эти... Здесь, в Москве, в августе тоже. Зачем это надо было делать-то? У нас люди возмущались. Человек семьдесят заявления об уходе сразу на стол положили. Председатель КГБ Марцинкус тоже уехал, говорят, в знак протеста. У него был разговор с Крючковым уже после событий. Он собрался и уехал из Литвы. Я потом Крючкову звонил, спрашивал, что случилось? Он сказал: «Марцинкус заболел, поехал лечиться». Но он так и не вернулся. Я бы тоже уехал, но это было бы похоже на дезертирство. И я остался исполнять обязанности председателя комитета.

— *Вы хотя бы приблизительно представляете себе состав комитета национального спасения?*

— Да я вообще сомневаюсь, существовал ли этот комитет на самом деле. Я сам пытался узнать, кто хоть туда входит. Бесполезно. Я думаю, что невозможно такую конспирацию сохранить. Абсолютно никаких фамилий, места, где они, скажем, заседали. Может быть, конечно, решено было нам и не говорить ничего, но все равно прошла бы какая-то информация. Я поэтому думаю, что комитета этого не было на самом деле.

— *А вы не пытались узнать, кто стрелял там, у телебашни, почему были жертвы?*

— Но в республике запрещено было предпринимать какие-либо следственные действия: вести допросы и так далее. Только сбор оперативных данных. Мы помогали союзной прокуратуре, когда они приехали в Литву; им же пуль не показали, не дали осмотреть трупы, а это — главное. Но мы подобрали свидетельскую базу, нашли записи переговоров экипажей боевой техники, кое-какие видеоматериалы. Все отдали. Окончательные выводы — уже дело следствия.

— *Литовское следствие тоже, видимо, делает свои выводы. Вас будут допрашивать, насколько я знаю. О чем, как вы думаете, будут спрашивать?*

— Я думаю, спрашивать будут о том же, о чем и вы. Плюс, конечно, об агентуре в Литве. Ландсбергис же требует раскрыть имена людей, работавших на КГБ...

«Известия». 18 октября 1991 года.

В госбезопасность он попал случайно. В 1955 году восемнадцатилетний парнишка из затерянного в карельской глуши леспромхоза поступил в Могилевскую военную школу — привлекло, если честно, бесплатное питание и обмундирование. А школа та оказалась кэжэбэшной, и через два года присвоили Цаплину звание младшего лейтенанта и назначили помощником оперуполномоченного в контрразведывательный отдел КГБ Карельской автономной республики. Так с самой низшей должности он начал службу, а через двадцать лет, уже в Астрахани, получил боевой орден Красной Звезды за разоблачение «шпиона-инициативника» из старших офицеров милиции, связанного с окружением тогдашнего министра внутренних дел Щелокова.

Но Андропов еще не вошел в силу, и, чтобы не обострять отношения с брежневским фаворитом, дотошного контрразведчика отправили с повышением в Тюмень заместителем начальника УКГБ.

До него руководителями этого управления становились, как правило, выходцы из партийно-советской номенклатуры. Контрразведчиками они были слабыми, и Цаплин заметно отличался от них своим профессионализмом. И еще в одном он не походил на начальников местных правоохранительных органов и их покровителей: не стремился обзавестись обязательными «застойными» атрибутами власти — шикарной квартирой, машиной, дачей... Не увлекался ни охотой, ни рыбалкой... Всего себя отдавал далеко не простому контрразведывательному ремеслу. Часто в ущерб здоровью и семье (у него две дочери).

...В Сургуте пропали без вести семь молодых женщин, и хотя эти происшествия не имели прямого отношения к задачам, решаемым КГБ, Цаплин возглавил по указанию Андропова оперативное расследование загадочных преступлений. За короткий срок совместно с прокуратурой и милицией здесь было выявлено 23 преступные группы, а на скамье подсудимых оказалось 145 преступников, после этого город несколько лет жил спокойно.

Когда в стране заговорили об организованной преступности, в Москве вспомнили о Цаплине и отозвали и Инспекторское управление КГБ СССР — передать другим офицерам опыт организатора-контрразведчика. Вскоре он стал руководителем подразделения, курирующего органы госбезопасности в РСФСР. До обретения ими своего республиканского статуса оставалось восемь лет, а будущий председатель Российского КГБ Виктор Иваненко еще только занял освободившуюся должность зам. начальника Тюменского УКГБ.

На новом месте Цаплин также не вписывался в круг бывших партийных функционеров, и когда ему предложили поработать в Литве, согласился. Начало перестройки не предвещало серьезных изменений политической обстановки в Прибалтике.

Расклад руководящих кадров в республиканских комитетах госбезопасности делался по образцу и подобию партийных. Председателями назначались представители национальной партократии. А практическое управление оперативным процессом осуществляли их заместители, присылаемые из России.

Цаплин не стал в этом отношении исключением, и после того, как председатели Литовского КГБ Эйсмундас и Марцинкус под различными предлогами вышли из «игры» и уехали в Москву, первый зам принял на себя огромный груз ответственности за судьбы сотрудников госбезопасности и их негласных помощников.

Почему 55-летний генерал после перенесенной тяжелой операции, имея почти полуторную выслугу и зная, что ему «не светит» место шефа Литовского КГБ, решил на такой шаг? Этот вопрос интересовал и журналистов.

— Я бы тоже уехал, — ответил он, — но это было бы похоже на дезертирство. И я остался выполнять обязанности председателя комитета.

В этих словах весь Цаплин — человек долга, контрразведчик, а не политик.

В июне я случайно встретил его в одном южном городе, где он лечился в санатории. И на отдыхе его беспокоило противостояние националистических и прокоммунистических сил в Литве. Одни обвиняли комитет в тайном подрыве демократии, другие упрекали в нерешительности и требовали «принять меры». А Цаплин и его подчиненные хотели заниматься своим делом, определенным законом, в интересах всего народа, а не отдельных партий, движений и их лидеров. КГБ провел несколько успешных разработок кадровых сотрудников западных спецслужб и их агентов, находившихся в республике под различными прикрытиями, главарей местной мафии, занимавшихся ввозом оружия и наркотиков...

На этой основе мало-помалу налаживались деловые контакты с правительством Литвы и альтернативными правоохранительными структурами. Бывало, что туда на службу переходили офицеры госбезопасности, вызывая тем самым недовольство ЦК Компартии, который по-прежнему считал КГБ своим «вооруженным отрядом». Цаплин не препятствовал бывшим работникам открыто выбирать свой путь, но к тайному предательству был непримирим. Захваченных при передаче служебных документов в департамент охраны края начальника секретариата КГБ и некоторых других ответственных сотрудников с позором изгнали из органов госбезопасности. Оставшиеся в комитете офицеры знали: их генерал не примет незаконных решений. Так они пережили тревожный январь, но Москва все настойчивее заставляла их собирать информацию о настроениях в различных социальных группах, общественных организациях и движениях... Республиканский КГБ превращался, по существу, в резидентуру иностранного государства, и Цаплин, как опытный контрразведчик, не мог не видеть этого.

Тогда, в июне, он надеялся обсудить эти проблемы с Крючковым. Я не знаю, состоялась ли их встреча. До августовского путча оставалось всего два месяца.

После сообщения по радио о том, что новый председатель КГБ Бакатин дал разрешение следователям литовской прокуратуры на допросы Цаплина, мне позвонил один из ветеранов нашего управления.

— Как же так, — сказал он, — Станислав Александрович служил государству, отдал ему все свои силы и здоровье, ничего не получив взамен (у Цаплин нет сейчас ни пенсии, ни жилья, ни прописки), а оно оказалось не способно его защитить. Уважаемо ли такое государство?

Та же горечь и в беседе самого генерала Цаплина с корреспондентом «Известий»:

— ...Здесь, значит, в Москве, ГКЧП посадили, а в Вильнюсе, выходит, за январь никого. Надо, видимо, хоть кого-нибудь... Я не был литовским Пиночетом хотя бы потому, что происходившим руководили люди такого уровня, что мне, скажем, они и руки бы не подали... До основных виновников добраться непросто. Проще искать стрелочников...

«Тюменский комсомолец», 29 октября 1991 года.

На старте президентских выборов в Литве один из основных претендентов на пост главы государства, лидер консерваторов Витаутас Ландсбергис был обвинен в сотрудничестве с КГБ СССР. На постсоциалистическом пространстве «кэзгбэшная карта» уже не раз разыгрывалась в ходе предвыборной борьбы против левых кандидатов. Теперь бумеранг, запущенный правыми, возвращается.

...Впрочем, факт сотрудничества Ландсбергиса с КГБ пока не доказан. Наверняка он не будет доказан и в ближайшем будущем, так что компромат, «запущенный» за 2 дня до начала регистрации претендентов на пост главы государства, вряд ли помешает Ландсбергису участвовать в выборах, но в то же время отберет у него немало голосов.

...Каковы бы ни были итоги выборов в Литве, случай с Ландсбергисом показывает, что «фактор КГБ» будет еще долго влиять на политическую жизнь бывшего социалистического лагеря. В Литве и соседней Польше это оружие используется весьма активно. Обвинение в сотрудничестве с КГБ, подтвержденное Верховным судом республики, поставило крест на карьере первого премьера независимой Литвы Казимиры Прунскене. По иронии судьбы «охоту на ведьм» начали литовские правые во главе с Ландсбергисом, которому компромат на Прунскене помог прийти к власти.

На прошлой неделе в двух крупнейших литовских газетах «Республика» и «Летувос Ритас» были опубликованы протоколы допросов четырех бывших сотрудников КГБ СССР. Они утверждают: нынешний спикер литовского парламента Витаутас Ландсбергис в советские времена был агентом Лубянки.

Наибольший интерес представляют показания офицера КГБ (назовем его Данасом), «разрабатывавшего» с 1959 по 1961 годы «агента Витаутаса», который, по другим сведениям, имел и вторую кличку — «Дедуля». Вот выдержка из них.

— Как началось сотрудничество Ландсбергиса с КГБ? Каковы были его побудительные мотивы?

— Не знаю, что его на это подвигло. Он был тогда преподавателем. Возможно, хотел продвинуться по службе.

— Кто его завербовал?

— Не помню. В его личном деле не было указано, что он завербован на основании компромата или путем давления. Мне кажется, что он работал осознанно и по своему желанию.

— Какие материалы он представлял в КГБ?

— Помню некоторые из них. Он передал написанное его собственной рукой агентурное сообщение о Томасе Венцлова (знаменитый литовский поэт, сын известного писателя; эмигрировал из СССР, ныне профессор одного из американских университетов). Он писал, что Томас Венцлова распространяет среди студентов идеологически вредную литературу, которую берет в отцовской библиотеке. Отец после этого был вызван на беседу в ЦК. Ландсбергис написал также сообщение об известной поэтессе Рамуте Скучайте. По мнению агента, она распространяла среди своих знакомых идеологически вредные стихи. По-моему, он не был честен — постоянно вертелся за столом, заикался, часто звучало его «хи-хи». Таким он остался и теперь.

По словам «Данаса», он «передал» агента своему коллеге, которого уже нет в живых, и не располагает информацией о дальнейшем сотрудничестве Витаутаса Ландсбергиса с КГБ. Однако вот что рассказал другой офицер КГБ. Назовем его Александром.

— История эта относится к концу 1990 года, когда я разбирал вспомогательную картотеку контрразведки. В картотеке лиц, выезжавших в капиталистические страны, я наткнулся на карточку профессора госконсерватории Витаутаса Ландсбергиса. На оборотной стороне этой карточки было написано: «Известен первому отделу». Я понял, что он является «нашим» человеком, то есть агентом. Именно в отношении этой категории лиц делались такие отметки. Об этой карточке я доложил зам. председателя комитета генералу Цаплину (несколько лет тому назад он при таинственных обстоятельствах умер в Москве). Генерал сделал следующее распоряжение: немедленно своими руками уничтожить эту карточку и никогда, ни при каких обстоятельствах о ней никому не говорить. На мой вопрос, почему мы не пользуемся этой информацией, а уничтожаем ее, генерал ответил, что Ландсбергис был агентом КГБ. В соответствии со специальной шифрограммой его личное дело выслано в Москву, поэтому в инте-

ресах центрального аппарата данную информацию не разглашать. Я вернулся в свой кабинет и сжег эту карточку.

Почему бывший офицер КГБ дал такие показания? Вот его ответ: «Я присягал государству, которое на сегодняшний день уже не существует. Я давал слово генералу Цаплину не разглашать эту информацию, а его нет в живых. Думаю, ни мои бывшие коллеги, ни литовская общественность не осудят меня за то, что я рассказал парламентской комиссии».

«Коммерсантъ», 8 октября 1997 года.

В Литве арестован депутат Сейма, бывший министр охраны края Аудрюс Буткявичус. Он обвиняется в получении взятки в 15 тысяч долларов от руководителя одной из коммерческих структур за помощь в прекращении уголовного дела, возбужденного против этого бизнесмена. Буткявичус довольно известный в Литве человек. В 1991—1993 годах он занимал пост министра охраны края (соответствует должности министра обороны).

...Недавно Буткявичус обвинил председателя Сейма Литвы Витаутаса Ландсбергиса в сотрудничестве с КГБ СССР. Он где-то разыскал четырех бывших сотрудников госбезопасности СССР, которые дали соответствующие показания. Они утверждают, что дело Ландсбергиса было уничтожено в 1991 году по указанию тогдашнего руководителя Комитета госбезопасности в Литве генерала Станислава Цаплина. Естественно, сам Ландсбергис назвал эти заявления «лживыми вымыслами» и предположил, что депутат просто сводит с ним счеты.

Но в Литве многие считают, что арест Буткявичуса носит политический характер. 21 декабря 1997 года в республике состоятся выборы президента. Витаутас Ландсбергис считается одним из основных претендентов на этот пост. В период предвыборной кампании муссирование слухов о связях Ландсбергиса с КГБ может ему слишком дорого обойтись. Поэтому высказываются предположения, что председатель Сейма решил с помощью спецслужб хотя бы на время изолировать неудобного для него депутата.

«Коммерсантъ», 31 октября 1997 года.

Все тайное все равно становится явным. Когда-нибудь мы узнаем действительные причины и обстоятельства гибели Станислава Александровича Цаплина. Генерал-майора КГБ СССР. Последнего чекиста советской империи. Сегодняшние сотрудники ФСБ России тоже называют себя чекистами. Но у них уже другая эпоха.

Оглавление

А.Д. Антипин. Знать и помнить. *Вместо предисловия* 5

I.

Губчека	10
Победители — побежденные	48
Особист 51-й	53
Три жизни генерала Пепеляева	59
Тайна атамана сибирских казаков	69
Призрак «золотого парохода»	85
Белый исход	93
«Главный идеолог мятежа»	107
По следам «северных купцов»	115

II.

В бессрочной ссылке	124
«Мои убеждения остались только при мне...»	149
Выбор	161
«Огненный тракторист»	168
Мальчиш остается мальчишем... ..	172
По доброй воле и согласию	180

III.

Спецдобровольцы	188
Болотные солдаты	196
Между Сталинградом и Курском	205
Штурмовики	209
«Власовщина»: патриотизм или предательство?	215
Тюменский мавзолей	233
Главная тайна Николая Кузнецова	240
Жестокое время	254
«Лучшая награда — жизнь»	259
Свет и тени послужного списка	264

IV.

Об открытии тюменской нефти в документах КГБ	272
Секретный аэродром в тайге севернее Когалыма	275
Тайна сургутского узника	276
Недремлющая сила... ..	283
Последний чекист империи	292

ПЕТРУШИН Александр Антонович

«МЫ НЕ ЗНАЕМ ПОЩАДЫ...»

**Известные, малоизвестные и неизвестные события
из истории тюменского края по материалам
ВЧК—ГПУ—НКВД—КГБ**

**На фотографии, помещенной на первой странице обложки —
памятник старшему оперуполномоченному
регионального управления ФСБ по Тюменской области
майору В. Б. Минееву,
награжденному посмертно орденом Мужества**

**Дизайн В.Дыбы-младшего
Корректор М. Кремлева**

**Сдано в набор 27.04.99 г.
Подписано в печать 10.06.99 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.-изд. 14,34. Усл.-печ. 15,96 + 0,84 илл.
Тираж 3000 экз. Заказ № 169.**

**Предприниматель Мандрика Ю.Л.
Лицензия ЛР № 065834 от 23.04.98 г.**

**Адрес для переписки: 625003, г.Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.**

**Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУИПП
«Уральский рабочий».
620219, г.Екатеринбург, ул.Тургенева, 13.**

НОВАЯ ЦЕНА

15 руб — коп

1950–1954

1954–1962

1962–1972

СОЛОВЬЁВ
Сергей Иванович

СЕВЕРУХИН
Александр Николаевич

ЛОБАНОВ
Иван Петрович

**Они возглавляли
органы государственной
безопасности
Тюменского края**

1972–1979

ТРЕТЬЯКОВ

Михаил Иванович

1979–1986

ПЧЕЛИНЦЕВ

Василий Алексеевич

1986–1991

ЕФРЕМОВ

Василий Александрович

**Генерал—майор
Анатолий АНТИПИН:
«Мы не знаем пощады...» —
эти слова создателя
ВЧК Дзержинского,
вынесенные в название книги,
отражали не только характер
Чрезвычайной комиссии,
но и всей эпохи вооруженного
противостояния и непримиримости
различных политических сил.
Но разве после августа 1991 года
и сноса памятника
«железному Феликсу»
на Лубянской площади в Москве
люди стали добрее
и терпимее друг к другу?
Значит, причины насилия,
жестокости и подозрительности
кроются не только в названиях
и символах.**